М. ДРАГОМИРОВЪ.

72

Одиннадцать лѣтъ

1895—1905 гг.

Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей *М. И. Драгомирова* за *1895—1905 гг.*

* * *Съ портретомъ и рисунками.* * *

Книга II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

СКЛАДЪ
у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. СПБ., КОЛОКОЛЬНАЯ, 14

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
521124

„Русская Скоропечатня“ Спб., Екатеринин. кан. 94.

1902 г.

Первая дюжина.

О формѣ одежды.—Объ отданіи чести.—Должны ли сопровождать унтеръ-офицеры увольняемыхъ въ запасъ.—О вооруженіи прислуги въ конной и пѣшей артиллеріи шашками или тесаками.—Ознамени артиллеріи.—Усовершенствованіе артиллеріи щитами.—Уставъ полевой службы.—Объ усовершенствованіяхъ.—Конные охотники въ пѣхотѣ.—Отвѣтъ Читателю и поклоннику.—Изъ дневника Берхгольца.—Можно-ли мѣнять редакцію текста военной присяги.

Замѣчательна особенность продолжительно-мирнаго времени: предложенія всяческихъ усовершенствованій и въ обмундированіи, и въ вооруженіи и въ обученіи, и даже во внутреннемъ воинскомъ порядкѣ, растутъ какъ грибы послѣ дождя; къ сожалѣнію не съѣдобные, а больше мухоморы.

Тутъ чего хочешь, того и просишь, начиная отъ выпушекъ и петличекъ, (которыми иные хотѣли-бы отличить не то что части, а даже мелкія подраздѣленія частей), и до надульниковъ, заглушающихъ звукъ выстрѣла. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ усовершенствованій.

1.

Такъ, одному изъ прожектеровъ хочется, чтобы форма главнаго управленія одного изъ родовъ оружія представляла отлички отъ формы строевыхъ

офицеровъ того же рода оружія; зачѣмъ это нужно для дѣла, кому отъ этого будетъ и въ какомъ смыслѣ польза—тайна, премудрость. Неужели, въ увлеченіи мундироманіей, симъ прожектеромъ не наблюдено то простое свойство человѣка, что, не смотря ни на какія формы, онъ узнаетъ и признаетъ другого человѣка прежде и главнѣе всего по портрету, т. е. по физіономіи, а вовсе не по тому, что на немъ надѣто или навѣшено?

Крупныя подраздѣленія войскъ имѣютъ форменныя отличія, и это необходимо какъ для контроля, такъ и для того, чтобы легче было разбираться въ массахъ. Но чтобы какое нибудь изъ управленій, все же, въ концѣ концовъ, крѣпкихъ строю и для него существующихъ, претендовало на какую-то особую форму!..

Невольно вспомнишь покойнаго Щедрина, предлагавшаго, разумѣется въ насмѣшку, дать мундиръ даже литераторамъ, на воротникѣ котораго было-бы вышито: отъ одного края до середины сова-лира, сова-лира, сова-лира, а отъ середины до другого края—лира-сова, лира-сова, лира-сова.

2.

Другой авторъ сѣтуетъ на то, что нѣкоторые отдаютъ честь не всегда правой, а иногда (страшно вымолвить!) и лѣвой рукой. Смѣемъ думать, что бѣды тутъ большой нѣтъ и что въ этомъ случаѣ уставъ зашелъ за предѣлы полезной точности: вѣдь дѣло въ томъ, чтобы отдать честь, а не въ томъ, какой рукой ее отдать. Стоитъ только вычеркнуть одно слово „правую“ и выйдетъ редакція, дающая

равное право отданія чести правой, какъ и лѣвой рукой. Вѣдь у меня правая рука можетъ быть занята, иногда ее и совсѣмъ нѣтъ, наконецъ, я лѣвша, а честь, и притомъ своевременно, отдать, или на таковую отвѣтить, нужно: какъ тутъ быть?

Правда, что при такой редакціи, т. е. „отдаютъ честь прикладывая руку къ головному убору“, непремѣнно найдутся ревнители однообразія, которые войдутъ съ запросами о томъ, какую руку прикладывать. На такіе запросы отвѣтъ — молчаніе; когда-нибудь догадаются. Позапросятъ да и отстанутъ.

Въ дѣлѣ отданія чести есть другая сторона, много серьезнѣе: именно сѣтованіе на то, что нижніе чины не всегда въ отданіи чести исполнительны. Открыть-ли секретъ, кто этому виноватъ? Такъ и быть открою: мы сами. По личному опыту знаю, что гдѣ офицеры отвѣчаютъ на отдаваемую имъ честь внимательно, тамъ солдаты невнимательны не бываютъ. А то солдатъ отдаетъ честь, а господинъ офицеръ мотнетъ рукою передъ носомъ, точно мухъ отмахиваетъ, а иногда и совсѣмъ не мотнетъ. Все-то намъ грезится крѣпостное положеніе: „Я, молъ, блаародный, а онъ хамъ“. Мужикъ, но не хамъ,— что разница; а хамъ тотъ, кто передъ высшимъ падамъ до ногъ, а передъ низшимъ кочевряжится. А у насъ по части воинскихъ приличій по закону сверху до низу одинаково: Царю также прикладываемся, какъ и солдату: на то мы принадлежимъ къ единому великому воинскому Товариществу. И дѣло не въ томъ, правой или лѣвой рукой приложиться, а въ томъ, какъ приложиться: разгильдяемъ-ли,

точно мерзя солдатомъ, или же истово, съ уваженіемъ. Тогда и войдетъ, наконецъ, въ жизнь великое слово Великаго Петра: „Солдатъ есть имя общее: знаменитое; солдатомъ называется первѣйшій генералъ и послѣдній рядовой“. Не правда-ли, большой вольнодумецъ былъ покойникъ? Вѣдь до сихъ поръ это слово мертвая буква... Послѣ двухсотъ-то лѣтъ. Поспѣшаемъ медленно...

Господину В. Ж. [1]) хочется, чтобы всѣ офицеры взаимно отдавали при встрѣчѣ честь другъ другу. И по дорогѣ, конечно, умиленіе передъ Пруссаками. Автору вѣроятно не извѣстно, что лѣтъ 40, 50 тому назадъ уже была у насъ попытка этого добиться, по тому же самому прусскому образцу, но она торжественно провалилась и провалилась правильно, ибо она не въ русскомъ духѣ. Нѣмецъ цехъ выдумалъ, онъ къ нему имѣетъ наклонность и всѣмъ требованіямъ цеха охотно подчиняется. Пруссакъ-сапожникъ, заѣхавъ въ Мюнхенъ, будетъ конечно, считать себя больше брудеромъ баварцу-сапожнику, чѣмъ, напримѣръ, пруссаку портному или столяру. То же и въ военной сферѣ. Цеховое устройство ведется въ ней еще съ ландскнехтовъ, бывшихъ ремесленниками своего рода и тоже составлявшими обособленную корпорацію.

Въ нашей военной сферѣ ничего подобнаго никогда не было; вербовка никогда не существовала. При помѣстной системѣ сегодня солдатъ, завтра мужикъ, и наоборотъ. Ничего цехового. Если не ошибаюсь, у насъ попробовали завести цехи еще

[1]) См. „Русскій Инвалидъ“ 1902 года, № 110.

при Екатеринѣ, и изъ этого ничего не вышло даже въ чисто ремесленной средѣ: все потому же, что они не въ русскомъ характерѣ.

Если въ прусскомъ уставѣ это принято, такъ потому, что оно тамъ и до устава существовало; и прекрасно оно не безусловно, какъ кажется г. В. Ж. а только тамъ, гдѣ характеръ и общій складъ жизни подходятъ къ прусскимъ. Да еще гдѣ есть предрасположеніе поставить между войскомъ и народомъ стѣну; мечта тоже едва ли осуществимая при общеобязательной повинности.

Кромѣ характера нужно еще помнить пространство и численность. При 40-тысячномъ приблизительно корпусѣ офицеровъ, разбросанномъ съ сѣвера на югъ на три, а съ запада на востокъ тысячъ на 15 верстъ, хитро завести общія дружескія проявленія. И если, чего Боже сохрани, попробовать ихъ узаконить, то исполненія все равно не добьемся, а журналы взысканій процвѣтутъ и пополнятся значительно.

И пастушеская идиллія воображать, будто внѣшняя мѣра во многихъ случаяхъ поведетъ къ „внутреннему сближенію“: какъ разъ наоборотъ; внутреннее расположеніе вызываетъ стремленіе его проявить во внѣшности; а изъ подъ палки никакихъ внутреннихъ расположеній, кромѣ ожесточенія и враждебности не вызовете. Есть довольно многочисленная и вліятельная даже группа, воображающая, будто, вгоняя силою въ единообразіе, можно получить единодушіе; эта группа не вѣдаетъ что творитъ, ибо не понимаетъ, что этимъ путемъ можно разрушить единодушіе, а никакъ не вызвать его

3

Нельзя сказать, чтобы у насъ о военно-бытовыхъ распорядкахъ писалось мало; нѣтъ, пишется много: и ладнаго и неладнаго. И потому великое утѣшеніе доставляетъ, когда встрѣтишь первое, и огорченіе, когда наступишь на послѣднее.

Невольно это пришло въ голову при прочтеніи чудесной замѣтки г. Пожилого въ № 211 „Русскаго Инвалида“. Все это „наши дѣлишки“, за которыми иногда прячутся большія, хотя сразу и незамѣтныя, дѣла.

Дѣло самое, повидимому, мелкое: ѣхать ли унтеръ-офицерамъ съ увольняемыми въ запасъ рядовыми вмѣстѣ, или въ отдѣльномъ вагонѣ? Но предоставимъ говорить г. Пожилому — лучше его не скажешь:

„Какъ! Неужели можно мириться съ тѣмъ, чтобы запасные до полнаго выхода изъ сферы войскового вліянія дерзили своему ближайшему начальству? Неужели можно рекомендовать, и именно во избѣжаніе остроты отношеній, отдѣльную перевозку унтеръ - офицеровъ? Держите меня, извините меня, но я буду кричать „караулъ!“.

Есть отъ чего закричать; и мириться съ этимъ, конечно, нельзя. Кто же не знаетъ, что всякая воинская масса (вооруженная или нѣтъ, все равно) должна быть содержима въ порядкѣ, а слѣдовательно организована, а слѣдовательно имѣть и начальственныя рамки? Если это такъ, то гдѣ же будетъ организація, когда унтеръ-офицеры поѣдутъ особо? Да и почему авторъ, предложившій это „усовершенствованіе“, полагаетъ, что всѣ рядовые бу-

дутъ поголовно вооружены противъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ? Да если бы это было даже и такъ, развѣ ему не извѣстно, что всякое нарушеніе дисциплины должно быть неминуемо караемо и что унтеръ-офицеры не смѣютъ бояться, а ихъ должны бояться? Вѣдь прятать унтеръ-офицера отъ рядового въ вагонъ, какъ совершенно вѣрно выразился г. С. Пос—ковъ [1]), не значитъ ли признавать за первымъ право на столь недостойную и презрительную боязнь? Признавать при томъ самымъ опаснымъ образомъ, т. е. подразумѣваемо, самимъ дѣломъ. И какъ это ихъ отдѣлить, когда и тѣ, и другіе считаются состоящими на дѣйствительной службѣ до явки въ управленіе соотвѣтствующаго воинскаго начальника подъ командою тѣхъ же унтеръ-офицеровъ?

Здравый смыслъ народа претитъ этому „усовершенствованію“ не менѣе, какъ и существующія законоположенія. Вѣдь общеобязательная повинность есть „казацкое положеніе“, а казаки, какъ извѣстно, до самой границы своей земли идутъ строевымъ порядкомъ и въ полномъ подчиненіи; и только вступивъ на свою землю, когда совершается роспускъ, начинаютъ сводить свои счеты, да и то не на почвѣ дурацкаго бахвальства или шпынянья, а на болѣе практической или, точнѣе, экономической.

И потому отпускные должны возвращаться на родину строевымъ обычаемъ, т. е. командами, при унтеръ-офицерахъ, и подчиняться дисциплинарнымъ

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ 1902 г. № 212.

нормамъ, со всѣми ихъ послѣдствіями, до роспуска по домамъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ.

Нельзя и того не замѣтить, что если по мнѣнію автора разбираемаго предложенія, нижніе чины будутъ дерзить унтеръ - офицерамъ во время пути, не взирая на дисциплинарныя сдержки, то вѣдь этого можно еще болѣе опасаться послѣ роспуска: и въ предупрежденіе этого, для охраны унтеръ-офицерскаго престижа, не завести ли колоніи, населяемыя исключительно унтеръ-офицерами?

Но, собственно говоря, интересно не столько само это предложеніе, сколько его родословная. Очевидно, оно не наше. Русскому не могло придти въ голову заворачивать въ такую вату неприкосновенность унтеръ-офицерскаго обаянія. Навѣяно это предложеніе заграничными порядками: во Франціи, да, если не ошибаюсь, и въ Германіи [1]), унтеръ-офицеры отдѣляются отъ нижнихъ чиновъ даже на дѣйствительной службѣ, въ казармахъ. Они имѣютъ отдѣльное помѣщеніе и отдѣльный столъ. Но вѣдь это, съ общей служебной точки, не хорошо, а дурно: оно разобщаетъ солдата и унтеръ-офицера; оно подрываетъ то естестественное, происходящее отъ сожительства сближеніе между ними, которое полезно и для узнанія людей, и для наблюденія за ними и, наконецъ, для добраго товарищества. Могутъ сказать, что оно ведетъ и къ панибратству; но если начальство выбираетъ въ унтеръ - офицеры людей, того достойныхъ по честности и характеру, если

[1]) Навѣрное не знаю.

оно слѣдитъ за тѣмъ, что̀ въ ротѣ дѣлается, то такому панибратству хода не будетъ.

Не все то хорошо, что установилось за границей; а бываетъ и такъ, что тамъ оно хорошо, а къ намъ совсѣмъ не подходитъ. Значитъ, отчего не равняться на западъ, но нужно это дѣлать съ разборомъ и съ разумѣніемъ. При характерѣ живомъ, впечатлительномъ, вспыльчивомъ, обусловленномъ и расовыми особенностями, и историческими вліяніями, личныя отношенія въ служебной сферѣ нужно строить на одинъ ладъ; при характерѣ спокойномъ, добродушномъ, покорномъ—совсѣмъ на другой. А въ концѣ концовъ нельзя не признать, что унтеръ-офицеръ, который, по заграничному обычаю, живетъ и ѣстъ отдѣльно отъ солдата, не можетъ такъ знать его, какъ тотъ, который живетъ, ѣстъ и спитъ съ нимъ бокъ-о-бокъ. Но думаю, что и у нихъ при роспускѣ отслужившихъ старшіе въ вагонахъ непремѣнно есть; нельзя имъ не быть.

4

Не мало и съ большимъ расходомъ пустопорожнихъ аргументовъ было тоже разсужденій о вооруженіи артиллерійской прислуги въ конной, какъ и въ пѣшей артиллеріи, не взирая на то, что вооруженіе этой прислуги у насъ установилось еще во времена Наполеоновскихъ войнъ, т. е. благодаря опыту, довольно основательному. Разъ отступили отъ него, замѣнивъ въ пѣшей артиллеріи тесаки шашками, и отступили неудачно: при посадкѣ на орудія, благодаря шашкамъ, люди иногда ломаютъ ноги. Ясно, слѣдовательно, что длинное холодное

оружіе въ пѣшей артиллеріи не годится — нужно возвратиться къ короткому. Примѣръ поучительный того, что́ получается, когда мѣняютъ вооруженіе по личнымъ фантазіямъ, безъ уваженія къ многолѣтнему опыту.

Нѣкоторые усовершенствователи въ конной артиллеріи пошли дальше—хотятъ вооруженія ружьями. Ермоловъ и вся славная плеяда конныхъ артиллеристовъ, работавшихъ у насъ надъ зарожденіемъ и впослѣдствіи надъ употребленіемъ ея, должно быть были дураки, что не додумались до этого усовершенствованія, коему г. Н. Орловскій [1]) даетъ должную и заслуженную оцѣнку. Вообще, прожектерамъ лучше было бы не трогать холоднаго оружія и не пытаться замѣнять его ни отчасти, ни вполнѣ, огнестрѣльнымъ. Они несоизмѣримы, и ни въ пространствѣ, ни во времени не совмѣстимы, т. е. одного другимъ замѣнить нельзя. Къ тому же холодное оружіе не совершенствуемо, а огнестрѣльное совершенствуемо чуть не до безконечности: т. е. противоположность между ними и несовмѣстимость полная. Споръ между ружьемъ, карабиномъ и револьверомъ мыслимъ, какъ мыслимъ онъ между саблей, шашкой, шпагой, кинжаломъ; но между ружьемъ и шашкой—нѣтъ.

5

Сожалѣютъ нѣкоторые, что у артиллеріи знамени теперь нѣтъ, а прежде было. Таковымъ не мѣшало бы помнить, что въ артиллеріи строя въ пѣхотномъ

[1]) „Русскій Инвалидъ“, 1902 года, № 221.

или кавалерійскомъ смыслѣ нѣтъ; что люди въ ней составляютъ не часть, а только прислугу при орудіяхъ [1]); знамя же есть представитель сомкнутой массы людей; что въ роковыя минуты показатель доблести артиллеріи — плѣнъ орудій, между тѣмъ какъ для пѣхоты и конницы плѣнъ—позоръ. Да и какимъ частямъ артиллеріи давать знамя? Если на всю артиллерію одно, какъ прежде было, то оно боевого значенія не имѣетъ и обращается въ парадную игрушку; если его давать частямъ болѣе мелкимъ (напр., бригадамъ), то гдѣ ему мѣсто? А въ случаѣ плѣна орудій сдаваться ли и знамени? Ибо, опять же, чѣмъ артиллерія доблестнѣе, тѣмъ она ближе къ плѣну въ тяжелыя минуты. Нѣтъ, эти „куски матеріи на палкахъ“, по залихватски - прогрессивному выраженію одного литератора, налагаютъ на части, служащія подъ ихъ сѣнію, такія обязательства, какія не совмѣстимы съ духомъ артиллерійской службы. И потому лучше артиллеріи знамени не имѣть, какъ то во всемъ свѣтѣ и теперь принято.

6

Усовершенствованіе артиллеріи щитами, утверждаемыми на боевой оси, тоже очень настойчиво у насъ проповѣдуется. Таковые якобы необходимы для успокоенія номеровъ прислуги, сидящихъ по сторонамъ орудія. Забываютъ щитопоклонники то простое обстоятельство, что большее или меньшее спокойствіе человѣка въ бою зависитъ отъ его природы, а

[1]) Часть составляетъ батарея, т. е., совокупность орудій, прислуги, лошадей.

вовсе не отъ того, насколько онъ укрытъ отъ выстрѣловъ; что слишкомъ животолюбиваго человѣка посадите хоть въ каменный мѣшокъ, онъ и тамъ будетъ ошалѣвать, когда по этому мѣшку начнутъ бить; что благодаря щитамъ, вѣсъ системы безплодно увеличивается и артиллерія на позиціи представляетъ болѣе видимую цѣль, особенно при освѣщеніи подъ извѣстнымъ угломъ; что щиты если и предохраняютъ до нѣкоторой степени отъ пуль, то вовсе не предохраняютъ отъ артиллерійскихъ снарядовъ, а во весь первый и самый продолжительный періодъ боя [1]), поражать будутъ именно эти снаряды, а не ружейныя пули.

Всѣ эти мирно-военныя потуги, подсказываемыя инстинктомъ самосохраненія, родятъ одну и ту же нелѣпость: нельзя ли намъ губить противника, не рискуя самимъ погибнуть? Нѣтъ, нельзя.

Сюда же относятся *поползновенія стрѣлять* [2]) изъ-за ската, т. е., не видя противника; завести надульники, поглощающіе звукъ и свѣтъ выстрѣла, и тому подобный вздоръ, всегда подсказываемый однимъ и тѣмъ же поползновеніемъ, насколько можно спрятаться отъ непріятеля. И эта потребность спрятаться такъ велика, что одержимые ею готовы жертвовать всѣмъ, лишь бы ей удовлетворить. Вѣдь всякому, напр., ясно, не исключая и самого изобрѣтателя, что надульникъ неминуемо отразится на стрѣльбѣ дурно, затрудняя прицѣливаніе и утяжеляя дульную часть ружья почти на

[1]) Артиллерійская дуэль.

[2]) Мы не противъ этой стрѣльбы вообще, но противъ заботы о возможно частомъ ея примѣненіи.

два фунта; но это не останавливаетъ. Не останавливаетъ и то, что при надульникѣ, какъ быть съ прицѣливаніемъ и какъ приспособить штыкъ?

По мнѣнію иныхъ, эти надульники произведутъ даже переворотъ (!) въ военномъ искусствѣ. Ужъ сколько предсказывали этихъ переворотовъ, а на дѣлѣ не совершилось пока ни одного. Главные военные факторы (войска, мѣстность, случайности) не измѣнились отъ болѣе серьезныхъ нововведеній, какъ, напр., распространеніе нарѣзного оружія: и, вдругъ, отъ надульниковъ—переворотъ!

Сочинили новый видъ практической стрльбы: стрѣляютъ двѣ батареи, и что одна выбиваетъ въ своихъ мишеняхъ, то въ другой осаживаютъ назадъ, яко бы выбывшее изъ строя.

Если бы цѣль мирнаго обученія заключалась въ томъ, чтобы учиться не бить, а быть битыми, то такая практика была бы весьма соотвѣтственна. Соотвѣтственна тѣмъ болѣе, что она даетъ преувеличенное понятіе о потеряхъ, такъ какъ всякому извѣстно, что боевая дѣйствительность и близко не подходитъ къ дѣйствительности мирныхъ практикъ.

7

Идетъ критика послѣдняго проекта Устава полевой службы; одни это дѣлаютъ подъ маскою серьезнаго отношенія къ дѣлу, больше поучая, чѣмъ разбирая; другіе какъ будто и спроста, но не безъ ехидства. Для образчика укажу на нѣкоторыя замѣчанія. Г. Х. пишетъ:

На основаніи §§ 218, 221, 225, 230 Устава полевой службы часовой въ сторожевой цѣпи — это глаза и уши

поста. Онъ обязанъ все видѣть, все слышать и сообщать черезъ подчаска старшему на посту.

Прошу не отказать отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Долженъ ли часовой въ сторожевой цѣпи все время стоять на поставленномъ мѣстѣ или можетъ ходить, чтобы размяться? Если можетъ ходить, то въ какомъ направленіи и на сколько шаговъ?

Отвѣтъ. Не можетъ, а долженъ; и не для того, чтобы размяться, а для того, чтобы исполнить свою прямую обязанность — наблюденія. А въ какомъ направленіи и на сколько шаговъ—вопросъ праздный: въ такомъ направленіи и на столько шаговъ, чтобы исполнить обязанность наблюденія. Что въ уставѣ не оговорено, то представлено личному соображенію и рѣшенію. За всякимъ кажущимся недоговоромъ въ уставѣ стоитъ подразумѣваемое и совершенно опредѣленное приказаніе: „дѣлай по совѣсти и по здравому смыслу“.

2) Можетъ ли часовой въ сторожевой цѣпи сѣсть или лечь, продолжая наблюденіе, если усталъ стоять?

Отвѣтъ. Никакому часовому это не разрѣшается, слѣдовательно и спрашивать нечего. Для крайнихъ случаевъ есть подчасокъ. А если для удобства наблюденія лучше сидѣть, то это должно оговорить при разстановкѣ постовъ.

3) Если часовой въ сторожевой цѣпи услышитъ въ 20—40 шагахъ отъ мѣста, на которомъ стоитъ, подозрительный шорохъ, то можетъ ли сойти съ мѣста узнать причину?

См. отвѣтъ на 1-й вопросъ.

4) Если часовой для удобства наблюденія поставленъ на стогъ, то долженъ ли онъ лежать на стогу или стоять?

Отвѣтъ. Лучше сидѣть закрывшись сѣномъ такъ, чтобы онъ видѣлъ, а его не видѣли. Лежать не совѣтую; можно заснуть.

Убѣдительно прошу отвѣтить на эти вопросы по слѣдующей причинѣ:

Мы малые начальники—должны считаться, кромѣ дѣйствующихъ уставовъ, еще со взглядами высшаго начальства, а такъ какъ высшіе начальники мѣняются довольно часто, то взгляды наши должны тоже мѣняться часто. Что сегодня считается хорошимъ, то завтра можетъ быть никуда негоднымъ. Уже послѣ 10 лѣтъ службы въ головѣ у каждаго изъ насъ какой-то сумбуръ, какая-то гаденькая боязнь проявить собственную иниціативу, когда сталкиваешься со случаемъ, не предусмотрѣннымъ уставомъ, и когда взгляды высшаго начальства еще не опредѣлились.

Вотъ почему я и называю Ваши вопросы ехидными: по Вашему всякій скажетъ, что Вы и сами могли ихъ разрѣшить безъ труда, а предпочли ихъ поставить, чтобы былъ предлогъ со смиреннымъ видомъ начальству слегка за шкуру сала залить, за разнообразіе требованій. Это бываетъ; бываютъ и капризы: но, говоря по совѣсти, Вы не дадите примѣровъ разнообразія требованій въ основныхъ устояхъ службы, а разница въ мелочахъ право не можетъ поселить въ головѣ такого сумбура, о какомъ печалуетесь Вы.

Кто знаетъ уставъ, инструкціи и положенія, того съ толку не собьешь; онъ можетъ временно подчиниться даже незаконному требованію, но никогда не забудетъ, что оно незаконное: снимется гнетъ и онъ выпрямится. Слѣдовательно, откуда же сумбуръ? Я зналъ одного господина, требовавшаго отъ ротныхъ командировъ, чтобы они мошенничали на стрѣльбѣ. А полкъ съ духомъ и себя уважаетъ;

требованіе и наука (была и наука) исполнялись такъ, что придраться было нельзя; а со смертью сего служиваго его науку вспоминали съ отвращеніемъ, а о немъ... Ну, однимъ словомъ, онъ въ головахъ этого полка сумбура не водворилъ, а память заслуженную себѣ стяжалъ.

А что до боязни проявить инціативу, каковую боязнь вы и сами называете гаденькою, то я ея не понимаю, ибо во всякомъ случаѣ рѣшаться на что-нибудь нужно; вѣчно вилять нельзя. Это уже не служебный вопросъ, а или шкурный, или личнаго самолюбія.

Одинъ изъ высшихъ начальниковъ имѣетъ привычку учить насъ передъ нашими подчиненными. Обученіе состоитъ въ томъ, что начальникъ предлагаетъ вопросъ нижнему чину. Если нижній чинъ отвѣтитъ не въ духѣ требованій начальника, то тотъ же вопросъ предлагается ближайшему начальнику, затѣмъ—слѣдующему и т. д. до баталіоннаго командира включительно. Принимая во вниманіе крайне своеобразное пониманіе устава высшимъ начальникомъ, всѣ отвѣты не одобряются и, такимъ образомъ, подчеркивается передъ нижними чинами несостоятельность ихъ начальниковъ.

Безспорно, педагогическій пріемъ странный, и при его помощи научить чему-нибудь трудно, особенно если въ заключеніе начальникъ не выдаетъ тайны своего рѣшенія. Подчиненнымъ остается приходить въ умиленіе передъ мудростью начальника и никогда не вспоминать, что спрашивать легче чѣмъ отвѣчать.

По мнѣнію начальника—часовой въ сторожевой цѣпи можетъ ходить, можетъ удостовѣриться въ причинѣ подозрительнаго шороха, который происходитъ въ 20—30 шагахъ отъ часового и т. д. Не знаю для чего нуженъ огда подчасокъ.

Мнѣніе начальника совершенно правильно; жаль одно: что удаленіе отъ точки стоянія ограничено 30-ю шагами; тутъ цѣль, мысль важна, а не цифирь. См. отвѣтъ на 1-й вопросъ. Потому подчасокъ и нуженъ, чтобы часовому свободнѣе было ходить, и было кого на постъ послать. Опять же часовой не безсмертенъ—могутъ убить. Можетъ и заболѣть. Вообще въ сторону близкаго непріятеля нарядъ долженъ быть не меньше двухъ.

„Варшавскій военный журналъ“ находитъ много недомолвокъ и даже пропусковъ въ проектѣ Устава полевой службы. Эти замѣчанія вѣроятно будутъ приняты въ соображеніе при окончательной редакціи Устава; если не всѣ, то тѣ по крайней мѣрѣ, которыя того будутъ заслуживать. Мы же въ настоящую минуту остановимся на важнѣйшемъ изъ нихъ и очевидно принадлежащемъ одному изъ ветерановъ штабной службы. Высказывая сомнѣніе въ возможности обставить функціонированіе верховъ арміи возможно болѣе твердыми основаніями, анонимный авторъ въ значительной мѣрѣ правъ, но онъ совершенно неправъ, когда ставитъ принципомъ, что отношенія начальника отряда и его начальника штаба должны быть пріязненныя. Мы полагаемъ, что довѣріе начальника отряда къ честности, характеру и способностямъ начальника штаба должно быть поставлено выше и прежде пріязни. Она вѣдь зачастую ослѣпляетъ и маскируетъ передъ начальникомъ такіе недостатки подчиненнаго, при которыхъ сего послѣдняго нельзя и близко подпускать ни къ себѣ ни къ дѣлу. Если на почвѣ довѣрія возникнетъ пріязнь, тѣмъ лучше

521124.

но, наоборотъ, сказать нельзя. Мы знаемъ случай, въ которомъ начальникъ штаба былъ настолько желченъ и раздражителенъ, что особенной пріязни не могъ внушить; но онъ былъ честенъ, душу клалъ въ дѣло, любилъ и зналъ его; а потому всегда пользовался довѣріемъ и сдѣлалъ въ служебномъ смыслѣ почтенныя дѣла.

Знаемъ и другой случай, когда подчиненный за пріязнь заплатилъ такою грязью, что начальникъ не отмылъ ея за всю послѣдующую службу. Знаемъ и третій случай, когда къ начальнику штаба относились вначалѣ съ недовѣріемъ и даже какъ бы съ опаской, а кончили полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, т. е. пріязнь и совсѣмъ не понадобилась, и дѣло шло хорошо.

8.

Дождитъ усовершенствованіями! Не успѣешь пересчитать сдѣланныя уже предложенія, какъ вырастаютъ новыя. Такъ, предложили недавно отказаться отъ приготовительныхъ упражненій въ гимнастикѣ. Ожидать можно на дняхъ предложенія учить грамотѣ, пропуская азбуку.

Какъ обойтись безъ приготовительной гимнастики, чтобы хоть сколько-нибудь размять новобранца, я не знаю; а прожектеры держатъ въ секретѣ, чѣмъ замѣнить ее. Ибо прямо переходить къ борьбѣ и къ упражненіямъ на машинахъ не значить приготовить къ этимъ упражненіямъ, особенно имѣя дѣло съ людьми изъ которыхъ многіе не знаютъ, гдѣ у нихъ правая, гдѣ лѣвая рука, и т. п.

Изъ доводовъ противъ гимнастики оказывается,

что виновата не она, а тѣ, которые ею занимаются. Развѣ въ гимнастическомъ уставѣ, напримѣръ, не сказано, что нужно сообразовать занятія со складомъ и состояніемъ здоровья человѣка? Развѣ въ переутомленіи виновата гимнастика, а не безсмысленное ея примѣненіе? Этотъ и другіе упреки, обращенные къ гимнастикѣ, напоминаютъ только одно: что при извѣстныхъ условіяхъ и на молитвѣ можно лобъ разбить, чему молитва, конечно, не будетъ виновата. Какъ, напримѣръ, безъ приготовительной гимнастики добиться того, чтобы, играя въ чехарду, прыгали на носки, а не на каблуки? Такъ и въ другихъ пріемахъ. А что на всякомъ занятіи, если не вести его съ умомъ и сердцемъ, можно закатать солдата, то кто же этого не знаетъ? Въ доброе старое время загоняли же людей въ гробъ за неумѣнье сдѣлать конно-артиллерійскую рыбку.

9.

Конные охотники въ пѣхотѣ. Нѣтъ худа безъ добра. Мы бѣдны, и хорошо, что бѣдны; будь мы богаты, сколько бы можно надѣлать пустопорожнихъ усовершенствованій въ родѣ постройки ненужныхъ крѣпостей, сформированія разныхъ ненужныхъ командъ, постройки весьма интересныхъ, но мало полезныхъ воздушныхъ шаровъ и проч., и проч.

Недавно я прочелъ [1]) чудную фантастическую сказку на оригинальную тему о томъ, чтобы каждый пѣхотный полкъ имѣлъ свою конницу, и не малень-

[1]) № 229 „Русскаго Инвалида“.

кую, а цѣлыхъ 32 ряда [1]). Посадить ее слѣдуетъ на рѣзвыхъ казачьихъ лошадей.

Ходъ мысли автора такой: „Разсказываютъ (?), что во время подавленія китайскихъ смутъ въ Манчжуріи охотничьи команды стрѣлковыхъ полковъ посаженныя на коней, принесли большую пользу".

Гм! „разсказываютъ"; пословица говоритъ—не всякому слуху вѣрь, но на этотъ разъ повѣримъ.

Далѣе авторъ, умиляясь передъ жизненностью этой идеи, объясняетъ ея удачу условіями, при которыхъ она возникла и была осуществлена. Онъ перечисляетъ ихъ пять; но для насъ и одного довольно—именно отсутствія конницы у противника, оговореннаго не первымъ, а такъ себѣ въ серединкѣ. Это немного напоминаетъ того прусскаго коменданта крѣпости, который въ 1806 году, на запросъ, почему онъ не стрѣлялъ, когда подступили французы, отвѣтилъ, что по 17-ти прчинамъ, въ числѣ коихъ указалъ, между прочимъ, и на ту, что пороху у него не было. Которою по номеру онъ поставилъ эту причину, не знаемъ.

„Какъ было бы хорошо осуществить эту же мысль на нашемъ Западѣ! Какая заманчивая идея", восклицаетъ авторъ, перелетѣвъ на коврѣ-самолетѣ съ Дальняго Востока на Западъ и не замѣчая той пустой между ними разницы, что вѣдь на Западѣ конница-то есть.

[1]) На войнѣ это иногда въ пору эскадрону. Изъ первой нашей джигитовки за Балканы въ 1877 году конница вернулась въ 20-ти рядномъ составѣ, т. е. по пяти рядовъ на взводъ. При 32-хъ-рядномъ составѣ авторъ полагаетъ нужнымъ имѣть сверхъ того: 4 унтеръ-офицеровъ, 1 фельдфебеля и двухъ офицеровъ. Итого 71 лошадь.

Итакъ въ сокращеніи, вотъ ходъ разсужденія автора: въ Манчжуріи пѣхота, посаженная на лошадей, помогла, потому что у непріятеля конницы не было; слѣдовательно сдѣлаемъ то же на Западѣ, потому что у пруссаковъ и австрійцевъ конница есть. Логика...

Автору кажется, будто эти команды будутъ стоить дешевле конницы. Посмотримъ, такъ ли это. На гвардейскій, гренадерскій и 21 армейскихъ корпусовъ, на 6 стрѣлковыхъ бригадъ (считая каждую за два 4-хъ баталіонныхъ полка) потребуется 14,484 лошади: итого 1,448,400 рублей. Ихъ прокормъ, считая по 100 рублей на лошадь, другіе 1,448,400 рублей уже постояннаго расхода. Выходитъ, что разница стоимости съ настоящей конницей будетъ въ одномъ—именно въ ремонтной, цѣнѣ, да еще въ полковыхъ штабахъ.

Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на предположеніяхъ автора относительно снаряженія, вооруженія и обученія предлагаемой имъ пѣхотной конницы; замѣтимъ только, что ему понадобятся для нея не только оберъ-офицеры, но еще и по штабъ-офицеру на дивизію, такъ какъ эти команды онъ сводитъ въ періодъ дивизіонныхъ сборовъ въ общую 4-хъ эскадронную команду.

Поговоривъ обо всемъ этомъ, авторъ предлагаетъ любому командиру пѣхотнаго полка вопросъ, что онъ предпочтетъ: имѣть-ли свою команду въ 64 всадника или получить въ распоряженіе 120 всадниковъ, приданныхъ ему временно, и разумѣется рѣшаетъ въ пользу первыхъ. Не знаемъ, въ пользу чего выскажется любой командирь пѣхотнаго полка,

особенно въ виду того, что вслѣдъ за этимъ самъ авторъ говоритъ: „Само собою разумѣется, что такая конная охотничья команда никогда и нигдѣ не возмѣститъ [1]) кавалерію, дѣйствующую въ тактической связи съ пѣхотой, но она всегда и съ успѣхомъ въ состояніи будетъ выполнить такъ называемую службу кавалеріи при пѣхотѣ“ [2]). Т. е. значитъ, авторъ желаетъ, чтобы было двѣ конницы: одна годная на все ей присущее по ея свойствамъ, а другая была бы только сторожевымъ фурштатомъ для пѣхоты? Не найдется, я думаю, такого организатора, который пошелъ бы на подобную спеціализацію конницы.

Дѣйствовать пѣхотѣ съ завязанными глазами, т. е. безъ конницы, конечно не хорошо; но это можетъ случиться только вслѣдствіе нелѣпыхъ распоряженій, которыхъ никакими прибавками къ организаціи не устраните. Мы знаемъ случаи, когда цѣлые корпуса шли походомъ до того лишенные конницы, что не съ кѣмъ было послать ни приказанія въ другой эшелонъ, ни даже донесенія въ штабъ; но такія положенія можно парализовать только организаціей штабовъ и выборомъ штабныхъ чиновъ, а не странными нововведеніями въ организаціи войскъ.

Авторъ, воображая, что онъ предлагаетъ что-то новое, самъ того не замѣчая, подтверждаетъ только одно: именно, что ни одинъ родъ оружія безъ другихъ обойтись не можетъ. Съ равнымъ основаніемъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) А эскадронъ или сотня ея не выполняетъ?

онъ могъ бы предложить и то, чтобы каждый пѣхотный полкъ имѣлъ не только свою конницу, но и артиллерію, какъ одно время и было; и благодаря чему полковая артиллерія обратилась чуть не въ обозъ.

Когда начало распространяться ручное нарѣзное оружіе, изъ артиллеріи раздались голоса въ пользу необходимости батареямъ имѣть своихъ стрѣлковъ; точно также онѣ не отказались бы, вѣроятно, и отъ своей конницы. И все это объясняется тѣмъ же, что уже сказано, т. е. что ни одинъ родъ оружія самъ себѣ не довлѣетъ, т. е. представляетъ такъ сказать дробь; и только всѣ три вмѣстѣ образуютъ органическое цѣлое.

Росказни о корпусной и дивизіонной конницѣ подаютъ автору поводъ еще разъ вернуться къ идеѣ облюбованной имъ пѣхотной конницы (коннаго фурштата тожъ). Пишетъ онъ красиво; одна бѣда: діалектики хоть отбавляй, но логики нѣтъ. Онъ пишетъ:

Изложенные взгляды о необходимости якобы раздвоенія кавалеріи по роду службы, однако не пошли — какъ и слѣдовало ожидать—далѣе академическихъ обсужденій. Организація нашей кавалеріи осталась въ цѣлости, и кавалерія осталась единой, однородной, какъ она и должна быть [1]). Но вопросъ тутъ не въ организаціонномъ раздвоеніи кавалеріи, а въ томъ, что въ этихъ взглядахъ и разсужденіяхъ обнаруживаются все тѣ же тщетныя попытки согласовать два взаимно-противодѣйствующихъ стремленія, попытки устранить колизію двухъ трудно совмѣстимыхъ задачъ, а именно: съ одной стороны сознается необходимость придать пѣхотѣ органъ зрѣнія, охраненія и связи, съ другой стороны—сознается необхо-

[1]) Курсивъ нашъ.

димость развязать руки кавалеріи, освободить ее насколько только возможно отъ путъ, привязывающихъ ее вплотную къ пѣхотѣ, и дать ей возможность въ полной силѣ преслѣдовать свои спеціальныя задачи. Какъ помирить эти два противудѣйствующія стремленія? Тутъ можетъ быть, какъ намъ кажется, два пути, къ разрѣшенію этой дилеммы: первый—увеличить численность кавалеріи въ такой мѣрѣ, чтобы за выдѣленіемъ части ея къ пѣхотѣ имѣть ее все таки достаточно для дѣйствій впереди фронта; второй путь—снабдить пѣхоту такимъ собственнымъ органомъ зрѣнія, охраненія и связи, который дѣлалъ бы излишнимъ отдѣленіе каваллеріи для „службы при пѣхотѣ“ [1]).

Первый путь — созиданіе новыхъ кавалерійскихъ частей—есть вопросъ весьма крупныхъ расходовъ. Второй путь наводитъ на идею организаціи конно-охотничьихъ командъ. Хотя этотъ путь вызываетъ также нѣкоторые новые расходы [2]), но, какъ то будетъ изложено ниже,сравнительно много меньшіе; но вмѣстѣ съ симъ, этотъ второй путь — и это самое главное — приводитъ самъ собою къ увеличенію кавалеріи, ибо та часть послѣдней, которая должна была бы быть придана къ пѣхотѣ, получаетъ, благодаря коннымъ охотникамъ, свободу дѣйствій впереди фронта.

Да, были росказни и о дивизіонной конницѣ, была и рейдоманія; жаль одно, что авторъ не задался вопросомъ, почему оно такъ было, и благодаря этому, отнесъ явленіе не къ тѣмъ причинамъ которыя его вызвали.

Взгляды о мнимой необходимости раздвоенія конницы не пошли далѣе академическихъ обсужденій потому, что нельзя поправлять штабныхъ ошибокъ нарушеніемъ принциповъ организаціи. Какіе это принципы? А) организація мирнаго времени имѣетъ

---

[1]) Т. е. выше „кавалерія должна быть однородной, а въ концѣ является разнородной.

[2]) Не „нѣкоторые“, а очень значительные, какъ выше показано.

цѣлью упорядоченіе, развитіе, накопленіе, сбереженіе силы; В) организація военнаго времени имѣетъ цѣлью употребленіе или, что то же, истребленіе силы. Нужды нѣтъ, что военная теорія пытается учить достигать цѣли съ возможно меньшими усиліями и потерями; военная практика ставитъ категорическій императивъ: достигай цѣли, не взирая на усилія и потери. Слѣдовательно, эти двѣ организаціи не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но прямо противоположны другъ другу.

Въ мирной организаціи слагаютъ части, соображаясь, во-первыхъ, со свойствами людей, лошадей и орудій; во-вторыхъ, держатъ ихъ отдѣльно другъ отъ друга при обученіи, по спеціальностямъ, ибо вмѣстѣ онѣ бы только мѣшали другъ другу; а при подчиненіи, напримѣръ, пѣхотному начальнику конницы или артиллеріи, у этихъ послѣднихъ дѣло навѣрное шло бы черезъ пень въ колоду, чему примѣромъ была полковая артиллерія.

И только въ лѣтнее время, т. е. когда каждый родъ оружія свое спеціальное дѣло закончитъ, они соединяются для маневровъ, какъ бы на войнѣ. Не то ли же въ хорѣ, котораго умный капельмейстеръ не соберетъ, пока каждый музыкантъ отдѣльно не разучитъ своей партіи?

Приходитъ война. Тутъ уже составленіе отрядовъ соображаютъ съ цѣлью, которую имѣютъ въ виду достигнуть, а весь составъ Арміи обращается въ резервуаръ, изъ котораго берутъ что нужно и сколько нужно, только отчасти соображаясь, а иногда и совсѣмъ не соображаясь съ мирной орга-

низаціей. Понадобится вамъ отдѣльный постъ, скажемъ, въ полъ-роты пѣхоты и шесть всадниковъ, вы ихъ отдѣляете, т. е. на извѣстное время разстроите и роту, и эскадронъ.

Эта особенность организаціи военнаго времени и ведетъ къ тому, что, при извѣстномъ умовомъ и волевомъ строѣ верховъ арміи, забывается прямое дѣло, а начинается подчиненіе или предвзятымъ идеямъ, какъ рейдоманія или разнымъ фокусникамъ, которые въ общемъ дѣлѣ видятъ только средство выдвинуться, выскочить. А такіе фокусники народъ бойкій: зубы ли заговорить, въ пріятныхъ ли мѣстахъ почесать—все они умѣютъ. Противиться этому можно только при очень твердомъ характерѣ и при знающемъ и насквозь честномъ штабѣ. Въ курсахъ говорится, что въ бою всякій проситъ подкрѣпленій, и при малѣйшей податливости начальника резервъ таетъ во мгновеніе ока; то же самое, только въ иномъ видѣ, имѣетъ мѣсто и внѣ боя, въ теченіе кампаніи.

Стоитъ только зазѣваться, ловкачи и маніаки заберутъ къ себѣ не только что имъ нужно, но и что не нужно. Тутъ-то и начинается то раздергиванье войскъ, при которомъ цѣлые корпуса остаются безъ конницы и т. п. Авторъ можетъ изъ этого убѣдиться, что этому никакая мирная организація не помѣшаетъ; ибо это вопросъ не технической или организаціонной, а духовной области.

Допуская осуществленіе его пѣхотной конницы, неужели онъ думаетъ, что не найдется артистъ, которому понадобится собрать, напримѣръ, охотниковъ вмѣстѣ, ну хоть отъ корпуса? И ничего вы

противъ этого не подѣлаете, ибо онъ будетъ или наверху или залѣзетъ въ душу верхамъ.

Слѣдовательно, даже и при однородной конницѣ въ мирное время ничто не помѣшаетъ разумному ея распредѣленію въ военное, если штабы знаютъ свое дѣло, а начальники характерны. Если же этого нѣтъ, никакія предварительныя ея распредѣленія и спеціализаціи не помогутъ.

Автора, главнѣйше, я думаю, сбила бурская война, хотя онъ этого нигдѣ не оговариваетъ. Люди первобытнаго строя, охотники и прирожденные ѣздоки, подходятъ подъ то, что уже сказано по поводу манчжурскихъ охотничьихъ командъ, только въ степени неизмѣримо высшей. У англичанъ конницы не было или почти не было; ясно, что конная пѣхота, да еще земледѣльческая, да еще защищавшая свою родину, да еще отлично стрѣляющая, могла сдѣлать большія дѣла; но такого рода оружія поддѣлать нельзя, а возникаетъ онъ только при благопріятныхъ условіяхъ естественно и исчезаетъ съ исчезновеніемъ этихъ условій такъ же естественно.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что едва ли своевременно думать о конныхъ охотникахъ въ пѣхотѣ, когда у насъ шесть корпусовъ вовсе не имѣютъ конницы, а два имѣютъ ее только по одной бригадѣ. Вѣдь 14,480 [1]) коней даютъ четыре кавалерійскія дивизіи. При такомъ положеніи, заводя

[1]) По расчету 71 коня на полкъ. А если взять цифру 96, то это составитъ болѣе 20,000 лошадей, такъ какъ авторъ забываетъ пять унтеръ офицеровъ и двухъ офицеровъ.

конный фурштатъ, не значило ли бы поступать по пословицѣ: хоть безъ портокъ, да въ шляпѣ?... Конные ординарцы есть; и дальше идти въ разводкѣ конной пѣхоты едва ли разумно.

10.

Пошла мода на странное пониманіе, а отъ него и на странное писаніе: самыхъ ясныхъ вещей не хотятъ взять въ толкъ просто, по прямому смыслу, а норовятъ растолковать распространительно, а еще чаще извратительно, съ подковыркою. Сказано, напримѣръ, что часовой ружья никому не отдаетъ; откуда ни возьмется вопрошатель: „а затворъ можно отдать?“ И еще, пожалуй, посѣтуетъ, что объ этомъ нѣтъ указанія въ уставѣ.

Особенно это замѣчается въ вольной литературѣ: недавно я получилъ въ этомъ родѣ анонимъ съ сладкимъ началомъ и съ кислымъ концомъ. Въ этомъ послѣднемъ и весь смакъ; прилагаю его на случай, если пришедшее въ голову г. анониму пришло и другимъ. Вотъ этотъ конецъ:

...„Чтобы сдѣлалось съ Вами, если бы Вамъ отдали честь „съ учтивостью“, но однимъ пальцемъ лѣвой руки! По статьѣ это допустимо. Или: „лучшее отличіе человѣку не канты, а его лицо“. Зачѣмъ же Вы носите иногда генералъ-адъютантскій мундиръ, вѣдь генералъ-адъютанта узнаютъ и по лицу. Грустныя времена! Декадансъ во всемъ“.

Читатель и поклонникъ.

Разъясненіе. Ничего бы со мною не сдѣлалось, а отвѣтилъ бы только на отданную честь, вѣроятно даже и не замѣтивъ одного пальца. Но вамъ долженъ сказать:

1) что если однимъ пальцемъ, то уже значитъ не съ учтивостью;

2) что въ моей статьѣ о пальцахъ ни слова не говорится, а только о рукахъ; слѣдовательно, вамъ невѣрно кажется, будто это по статьѣ допустимо;

3) что если уже пошло́ на пальцы, то примѣръ Вашъ неудаченъ. Вамъ вмѣсто пальца лучше было взять кукишъ и спросить: что со мной сдѣлалось бы при отданіи чести кукишемъ? Ничего бы не сдѣлалось. Точно также отвѣтилъ бы на отданную честь, а подумалъ бы только: Бѣдный! совсѣмъ молодой, а такое уродство; отъ какой бы это болѣзни могло съ нимъ случиться? Или можетъ такъ и родился?

Что касается второго вопроса, то и тутъ недомысліе: я говорю не противъ формы, а противъ поползновенія усложнять ее разными пустыми прибавками, вовсе для дѣла ненужными, а изъ суетныхъ побужденій. Г. анонимъ по этому поводу меня спрашиваетъ, что выше видно изъ его письма. Отвѣтъ простой: во-первыхъ это къ дѣлу не относится, ибо рѣчь не вообще о формѣ, а о неудачныхъ ея осложненіяхъ; во-вторыхъ, я ношу присвоенные мнѣ мундиры потому, что не имѣю права носить другой одежи; но ни о какихъ къ нимъ балаболкахъ не мечтаю и таковыхъ не предлагаю.

Положимъ, какой - нибудь франтъ предложилъ бы, для отличія какого-нибудь управленія, нашить кружева на кителя; а въ печати кто-нибудь сказалъ бы, что это во 1-хъ безполезно; во 2-хъ, пошло и могло бы быть предложено какимъ-нибудь хлыщемъ или курбетъ-кавалеромъ. А Вы ему на это возра-

зили бы: а вы сами развѣ не носите кителя? Согласитесь сами, что такое возраженіе было бы по меньшей мѣрѣ... не остроумно. Изъ сего г. „Читатель и поклонникъ“ можетъ убѣдиться, что его письмо хотя и вызвано моей статьею, но оно толкуетъ о томъ, чего въ ней нѣтъ.

11.

(Изъ дневника Берхгольца).

„Я засталъ тамъ (у барона Лёвольда) молодого Головина (сына бывшаго канцлера), который очень хорошо говоритъ по-французски, по-англійски и на другихъ языкахъ и вообще принадлежитъ къчислу воспитаннѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ. Мнѣ сказывали, что онъ много и съ пользою путешествовалъ и что, такъ какъ Императору угодно, чтобы всѣ знатные молодые люди, по возвращеніи въ отечество послѣ путешествій, вступали въ морскую или сухопутную службу, начиная притомъ съ самыхъ нижнихъ чиновъ, то и онъ долженъ былъ исполнить это, и поступилъ во флотъ. Можно себѣ представить, каково этимъ молодымъ господамъ, которые, во время своихъ путешествій, пользуются всѣми удобствами и предаются всякаго рода удовольствіямъ, когда по возвращеніи домой они должны бываютъ нести простую мушкетерскую и боцманскую службу! Императоръ знать ничего не хочетъ ни о кадетахъ, ни о волонтерахъ; молодые дворяне получаютъ у него то же, что и рядовые, и службу несутъ наравнѣ съ ними, я уже имѣлъ случай достаточно это замѣтить на гос-

подахъ, служащихъ въ гвардіи. Къ такимъ принадлежитъ и молодой баронъ Реенъ: отецъ его долгое время былъ генераломъ въ войскахъ Его Величества, а мать и теперь оберъ-гофмейстериной при племянницѣ Императора, герцогинѣ Курляндской. Самъ онъ уже давно былъ прапорщикомъ арміи и теперь два года служитъ въ гвардіи, при томъ человѣкъ очень образованный и прилежный, а все-таки до сихъ поръ имѣетъ только чинъ сержанта [1]).

12.

Можно ли мѣнять редакцію текста военной присяги [2]). Вы не довольны текстомъ военной присяги, находя его устарѣлымъ, расплывчатымъ, мало понятнымъ солдату, новобранцу въ особенности. По видимости, Вы человѣкъ молодой, рѣшительный и своихъ убѣжденій не прячущій, что почтенно. Подписываете Вы подъ замѣткой всю Вашу фамилію, что въ нашъ вѣкъ псевдо- и ано-нимовъ даже сугубо-почтенно.

Но въ вопросѣ присяги Вы видите только одну сторону и притомъ не важнѣйшую, именно умовую: волевой (эмоціональной, сердечной) Вы еще не видите; а послѣдняя въ жизни неизмѣримо важнѣе первой [3]), и упущеніе ея изъ виду приводитъ Васъ къ выводу одностороннему. Прежде всего нужно помнить, что текстъ присяги не есть статья какого-либо свѣтскаго устава, ни, тѣмъ болѣе, литератур-

[1]) Изъ дневника Берхгольца, стр. 29, 21. Рсск. Арх. ноябрь.

[2]) По поводу замѣтки Г. В. Станкевича въ № 629 „Развѣдчика“.

[3]) Собственно она жизнь творитъ и держитъ.

ная, а документъ религіозно - государственный; и приносящій ее исполняетъ не какую-либо заурядную служебную обязанность, а совершаетъ актъ тоже религіозно - государственный. Актъ, до такой степени важный и единственный въ жизни солдата, что, вѣроятно, и духовенство ничего не имѣло бы противъ, если бы присягѣ предшествовало говѣнье. Что же касается до объясненія значенія и содержанія присяги, то само собою разумѣется, это объясненіе должно быть сдѣлано ближайшими начальниками и ей предшествовать.

Все это, по моему мнѣнію по крайней мѣрѣ, заставляетъ отнести присягу къ категоріи молитвъ [1]); а придетъ ли кому въ голову мѣнять текстъ молитвы?

Собственно говоря, въ этомъ весь мой отвѣтъ на поставленный вопросъ: слѣдуетъ ли измѣнять устарѣвшій текстъ присяги? Но отвѣтъ былъ бы не полонъ безъ выясненія того, почему я считаю выводы Ваши односторонними. Обращали ль Вы вниманіе на то свойство человѣка, что уваженіе, а иногда и благоговѣніе, внушаютъ ему именно не новыя, а старыя учрежденія? Вѣдь съ точки зрѣнія ума, что старо, то годится только на сломъ; съ точки зрѣнія сердца—совсѣмъ наоборотъ; чѣмъ оно старѣе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ охраны, попеченія и почтенія. Что возбуждаетъ въ Васъ болѣе благочестивое настроеніе: древняя ли церковь, иногда невзрачная, съ потускнѣвшимъ, закопченнымъ, едва выказывающимъ лики иконостасомъ,

[1]) Да она и кончается молитвой: „Въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій“.

или же новый, великолѣпной архитектуры съ ослѣпительнымъ иконостасомъ соборъ? Спросите Ваше сердце—оно Вамъ отвѣтитъ; и въ этомъ отвѣтѣ, я не сомнѣваюсь, каковы бы ни были Ваши убѣжденія и исповѣданіе.

Вотъ разница между логикой сердца и логикой ума.

Это замѣчено давно и выражено въ двухъ глубочайшихъ формулахъ: „Вѣрую потому, что это нелѣпо“; „У сердца своя логика, которой разумъ вовсе не знаетъ“ [1]). Есть еще третья формула, Лютера, характеризующая умъ какъ die Hure des Teufels.

Но пойдемъ дальше. Какое чувство возбуждаетъ въ Васъ знамя съ исковерканнымъ и сломаннымъ древкомъ, съ истрепаннымъ, безформеннымъ отрепьемъ вмѣсто полотна и рядомъ со нимъ, новенькое, чистенькое, съ иголочки?... Что бы Вы сказали, если бы кому - нибудь пришло въ голову подмалевывать древніе чтимые образа; или, спускаясь ниже, окрашивать каменные замки, существующіе 500, 600 лѣтъ, казенной охрой? [2]).

Обратимся къ присягѣ. По умовой логикѣ — текстъ нашей присяги страшно отсталъ (а не самый актъ присяги, какъ Вы ошибочно начинаете Вашу замѣтку).

По волевой логикѣ, чѣмъ дольше и незыблемѣе

---

[1]) Credo quia absurdum est (т. е. съ точки зрѣнія ума нелѣпо,—афоризмъ Тертуліана). Le coeur a ses raisons que la raison ne connaît point—Паскаль.

[2]) О подмалевкѣ чтимыхъ образовъ не слышалъ; но съ замками такіе анекдоты бывали.

этотъ текстъ просуществуетъ, чѣмъ архаичнѣе будетъ, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ большее будетъ внушать къ себѣ уваженіе. По умовой логикѣ чѣмъ языкъ присяги яснѣе, тѣмъ лучше; по волевой— не подобаетъ молиться и присягать на томъ самомъ языкѣ, на коемъ говоримъ пошлости, а иногда и сквернословимъ. Да и то, что слишкомъ понятно, особеннаго вниманія къ себѣ не возбуждаетъ.

Стоитъ вспомнить, какое благоговѣніе внушаютъ народу заговоры, состоящіе изъ совершенно безсмысленныхъ иногда словъ...

По умовой логикѣ присяга должна быть „безусловно“ понятна лицу, ее принимающему; по волевой логикѣ сразу ничто серьезное понятно вполнѣ не бываетъ. Дѣтей начинаютъ учить молитвѣ Господней, когда они въ ней ничего или почти ничего не понимаютъ. Да и какая возможность дать новобранцу реальное представленіе хоть о баталіи или крѣпости, если онъ ихъ никогда не видѣлъ? А слово, обозначающее предметъ или явленіе, никогда не даетъ о нихъ понятія, пока ихъ не увидишь.

Пониманіе приходитъ потомъ, да и то не вполнѣ и не для всѣхъ. Акимъ изъ „Власти тьмы“, конечно, понимаетъ Молитву Господню лучше насъ съ Вами, хоть можетъ быть не въ состояніи былъ бы ее прочесть правильно и всю. Присягу нужно понимать сердцемъ, а не умомъ. „Коли ты присягу принялъ, тебѣ все равно, жить, либо помереть„ [1]). Вотъ солдатское ея пониманіе, и пониманіе вѣрное.

---

[1]) См. „Картинка съ натуры“, № 636 „Развѣдчика“.

А въ текстѣ присяги даже и словъ этихъ въ такомъ смыслѣ нѣтъ.

Осѣненные этой присягой десятки милліоновъ русскихъ людей въ теченіе двухсотъ лѣтъ несли военное бремя; изъ нихъ милліоны легли вдоль всей почти Европы и половины Азіи, и легли не безславно и не безъ пользы—значитъ она своей цѣли достигала и достигаетъ недурно.

Вѣдь такія сочиненія нужно разбирать не какъ литературное произведеніе, а по практическимъ результатамъ: „Отъ плодъ ихъ познаете ихъ“.

По умовой логикѣ, „въ сознаніи простолюдина, принимающаго присягу, отдѣльныя слова и фразы проносятся какими-то разрозненными клочками, а общей связи нѣтъ“.

По волевой—слова-то увѣсистыя, какія человѣку массы и нужны. Онъ относится къ такимъ вещамъ не аналитически, а синтетически, и по своему понимаетъ ихъ очень недурно; зачастую повѣрнѣе интеллигента.

Что касается до детальности нѣкоторыхъ выраженій, то она дѣлу не вредитъ; вѣдь если оговорено „тѣломъ и кровію“, „водою и сухимъ путемъ“, „и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ чинить сопротивленіе“, то чего же больше? Вѣдь въ послѣднее входятъ даже понравившіеся Вамъ воздушные шары, велосипеды, моторы и подводныя лодки... И опять же, Ваша критика чисто умовая, умѣстная въ примѣненіи къ литературному произведенію, а не къ документу, имѣющему въ виду такія цѣли.

Что касается до длины и велерѣчивости присяги, то ея избѣгнуть было трудно. Не нужно забывать,

что все это создавалось на развалинахъ стараго порядка, котораго приверженцы затихли, но не покорились. Имѣя дѣло съ такимъ народомъ, нельзя было не оговаривать съ возможной точностью обязанностей: 1) къ представителямъ верховной власти, въ области общегосударственной; 2) въ военной области собственно; 3) наконецъ, общихъ этическихъ.

Г. С. сѣтуетъ, что ее запоминать очень трудно; да ее и не нужно зацоминать умомъ, а нужно держать въ сердцѣ. И кто требуетъ знанія ея наизусть, дѣлаетъ положительную ошибку.

Умъ тянетъ въ „усовершенствованія“, не замѣчая того, отъ чего предостерегаетъ воля; именно отъ шатанія, которое неминуемо сопровождаетъ даже самыя необходимыя перемѣны. Послѣ Крымской войны, нарѣзного оружія, уничтоженія въ войскахъ тѣлеснаго наказанія, поневолѣ пришлось обновить уставы: что же? Съ 59 года идетъ это обновленіе, и до сихъ поръ успокоиться не можемъ.

Никонъ патріархъ хотѣлъ даже не текстъ перемѣнить, а исправить только неправильности, происшедшія отъ невѣжества переписчиковъ, а чѣмъ кончилось?

Нѣтъ; присяги Петровскаго сложенія подмалевывать нельзя, не только потому, что она Его, не только потому, что живетъ она и дѣйствуетъ уже двѣсти лѣтъ, но еще и потому, что годность свою за эти двѣсти лѣтъ доказала она преизрядно. Отъ худа добра можно искать, хотя и за это иногда дорого поплатиться приходится; но отъ добра добра не ищутъ.

Вторая дюжина.

О полевомъ уставѣ.—О полевыхъ мортирахъ, — О щитахъ.— Выѣздъ конной артиллеріи на позиціи.—О самосохраненіи.—Полевой уставъ и чертежъ щита.О формѣ врачамъ.—„Нужна ли солдату инициатива“.—О фехтованіи.—Значеніе коммиссіей?—Нѣсколько словъ о теоретической въ школѣ подготовкѣ капитановъ.

1.

Продолжается критика устава полевой службы 1901 года; и большинство критиковъ высказывается въ пользу его раздуванія: послушать нѣкоторыхъ, такъ въ него слѣдовало бы помѣстить, кромѣ иного прочаго, всю тактику и все положеніе объ управленіи арміями въ военное время. Преподносится мнимая польза такого раздуванія подъ тѣмъ соусомъ что у нашихъ офицеровъ якобы нѣтъ достаточной тактической подготовки, и что вслѣдствіе этого на войнѣ они страдаютъ „въ мучительномъ недоумѣніи, какъ сладить съ условіями обстановки“ [1]).

Разрѣшить вопросъ какъ сладить съ условіями обстановки дѣйствительно трудно; но на бѣду эта трудность происходитъ вовсе не отъ недостаточной тактической подготовки и не отъ недомолвокъ въ уставахъ, а совершенно отъ другихъ причинъ. Фуль по своему времени и по общему признанію тогдашнихъ мирно-военныхъ писателей, былъ настолько великій тактикъ, что даже сподобился вызова къ намъ, какъ нѣкій Вій,—но съ обстановкой въ 12

[1]) См. № 70 „Вѣстн. офиц. стрѣлк. школы“ и ссылку на статью г. Пузыревскаго.

году не справился. Уже изъ этого видно, что тутъ дѣло вовсе не въ теоретической подготовкѣ, а въ чемъ-то другомъ. Очевидно тѣ, которые неумѣніе справиться съ обстановкой приписываютъ недостаточной тактической подготовкѣ, совершаютъ отважный логическій скачекъ и пускаютъ между довѣрчивыми читателями въ оборотъ словеса или лукавствія, или недомыслія. Дѣло вѣдь въ томъ, что теоретическая подготовка не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ чисто практическимъ, т. е. съ умѣніемъ разбираться въ обстановкѣ. И ставить послѣднее въ зависимость отъ первой значитъ заниматься отводомъ глазъ, а не стремленіемъ по совѣсти уяснить дѣло.

Что сказали бы господину, который, замѣтивъ, что художникъ X пишетъ картины дурно, приписывалъ бы это не его неумѣнію или безталанности а тому, что X не имѣетъ достаточной подготовки въ теоріи живописи? Сказали бы, что господинъ или не понимаетъ дѣла, или, шутки ради, занимается втираніемъ очковъ. То же самое приходится сказать и здѣсь.

Переспросите всѣхъ офицеровъ нашихъ, какъ развѣдать о непріятелѣ, какъ атаковать конницу и встрѣчать ея атаку, какъ атаковать пѣхоту и какъ встрѣчать ея атаку; какъ стоять подъ выстрѣлами артиллеріи и какъ ее атаковать? Какъ расположиться на позиціи и какъ атаковать ее? Какъ учредить маршъ, какъ расположиться на отдыхъ, какъ охраняться отъ непріятеля въ различныхъ случаяхъ? Я вполнѣ увѣренъ, что не найдется самаго молодого подпоручика, который бы не отвѣтилъ на эти вопросы по меньшей мѣрѣ удовлетворительно, а зача-

стую и превосходно. А въ этомъ вѣдь по существу вся тактика. И потому розсказни о якобы недостаточной тактической подготовкѣ нашихъ офицеровъ совершенный вздоръ. Это одна изъ тѣхъ затычекъ, которыхъ теперь такъ много развелось, въ родѣ: „современнаго состоянія науки“, „переворота въ военномъ искусствѣ“, „децентрализаціи“, „личной иниціативы“, „недостаточной тактической подготовки“ и которыя извергаются и кстати, и не кстати. Словъ красивыхъ много, они сами подвертываются подъ перо и выбалтываются безъ заботы о томъ, отвѣчаютъ ли они или нѣтъ природѣ дѣла, о коемъ идетъ рѣчь, по пословицѣ: „за вкусъ не отвѣчаемъ, а горячо будетъ“.

Дѣло-то вовсе не въ недостаткѣ мирной подготовки, а въ томъ положеніи, въ которое попадаетъ, выходя на практику, человѣкъ, даже наилучше подготовленный теоретически. Знаетъ-то онъ все; но, съ первымъ шагомъ въ поле, многое изъ знаемаго упускаетъ изъ виду неизбѣжно, неодолимо и отнюдь не по своей винѣ, а просто потому, что духовная сторона его выводится изъ равновѣсія, благодаря выходу на новую почву, ничего общаго съ теоретической не имѣющую. Вѣдь проще теоретической подготовки къ ходьбѣ по канату трудно что придумать—а по пробуйте пройти.

Это можно наблюдать на уставѣ еще прежде, чѣмъ на тактикѣ. Офицеръ, отлично знающій уставъ, первое время въ строю неминуемо будетъ путать; онъ или опоздаетъ или поторопится съ командой, а иногда (если конфузливый) и совсѣмъ она выскочить у него изъ головы. Можно ли это объяснять

незнаніемъ устава, когда онъ превосходно его знаетъ? Конечно нѣтъ, а слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что онъ не приспособился къ новой сферѣ, неимѣющей, какъ уже сказано, ничего общаго съ теоретической. Знаніе теоріи весьма ему пригодится; но только тогда, когда строевая повадка войдетъ ему въ плоть и кровь, т. е. когда онъ въ ней поучится или иначе, къ ней приспособится.

Это дѣло не одного ума, достаточнаго для изученія уставовъ, а гораздо болѣе воли и даже всего организма: тутъ нужно и ухо, пріученное не зѣвать; и глазъ, чтобы во время выйти для команды, вовремя остановить свою часть; нужна наконецъ привычка слышать выкрикиванія даже собственнаго голоса, которыя на первыхъ порахъ производятъ дикое впечатлѣніе. И только тогда, когда все это начинаетъ дѣлаться не думая, рефлективно, только тогда ваша теорія становится вамъ пригодною, ибо все вы дѣлаете спокойно, не волнуясь.

Обращаясь къ тактикѣ, поясню дѣло примѣромъ. На сценѣ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба,—по первоначальной службѣ артиллеристъ. Очевидно и безспорно, что теоретически тактику онъ знаетъ, артиллерійскую въ особенности. Задача—штурмъ редута, да еще съ прибавкой другого, о которомъ мы, благодаря дурно сдѣланной рекогносцировкѣ, и не подозрѣвали, пока на него не наткнулись. Обстановка: у насъ громадное превосходство силъ; у противника—около четырехъ тысячъ пѣхоты и четыре орудія. Какой планъ атаки составилъ сей дѣйствительный знатокъ тактики, человѣкъ притомъ разумный, темперамента спо-

койнаго и самостоятельнаго? А вотъ какой: онъ направилъ на редутъ съ противоположныхъ сторонъ три колонны пѣхоты съ артиллеріей и повелъ штурмъ не давъ времени артиллеріи обстрѣлять редуты. Извѣстна ли ему была дальность и дѣйствительность нашихъ тогдашнихъ ружей и орудій? Конечно извѣстна. Могъ ли онъ предвидѣть, что при концентрическомъ сближеніи къ редутамъ нашихъ войскъ, придетъ минута, когда они начнутъ разстрѣливать уже не турокъ, а самихъ себя? Конечно могъ. Значитъ, предварительное и продолжительное обстрѣливаніе редутовъ и направленіе колоннъ не навстрѣчу другъ другу являлись обязательными, а вышло какъ разъ наоборотъ: не дали артиллеріи обстрѣлять редуты и къ концу дѣла получили взаимный разстрѣлъ.

Вѣдь если бы этого офицера въ спокойномъ состояніи духа спросить, что онъ думаетъ о подобномъ образѣ дѣйствій и о подобномъ распредѣленіи силъ? Въ отвѣтѣ сомнѣваться трудно: онъ нашелъ бы его нелѣпѣйшимъ изъ нелѣпѣйшихъ, особенно съ точки зрѣнія артиллериста, который проникнутъ убѣжденіемъ, что пускать пѣхоту на штурмъ укрѣпленія, которое передъ тѣмъ настоящимъ манеромъ не обработано артиллерію,— безумно и преступно.

Можно ли его въ этомъ винить? Ни въ какомъ случаѣ. Онъ очутился совершенно въ томъ же положеніи, какъ молодой офицеръ, отлично знающій уставъ теоретически и въ первый разъ попавшій въ строй, только разумѣется въ степени неизмѣримо сильнѣйшей: въ строю только конфузъ, а въ бою

страшно и за жизнь людей, посылаемыхъ на убой, и за собственную жизнь, и за репутацію, которая въ извѣстныхъ положеніяхъ дороже жизни. Въ такомъ угнетеномъ состояніи духовнаго равновѣсія нѣтъ; и все знается, да многое забывается, неодолимо выскакивая изъ головы. Война есть дѣло по преимуществу волевое, а не умовое; а теоретическая подготовка, которую многіе теперь столь усердно, но не по разуму, взвинчиваютъ на незаслуженную высоту, даетъ практику только уму и ни малѣйшей практики волѣ и чувствамъ.

„Разобраться въ обстановкѣ!“ Да вѣдь для этого нужно прежде всего глазъ, наметанный въ томъ, чтобы видѣть, что она представляетъ, эта обстановка, а не книжку, какъ бы она объ этомъ красно ни размазывала!

Все это для имѣющихъ уши слышать достаточно показываетъ, что дѣло вовсе не въ недостаткѣ тактической подготовки; и что даже если бы такой недостатокъ и существовалъ, раздуваніемъ уставовъ его не исправишь. Жаждущіе же этого раздуванія [1]) хлопочутъ вовсе не о поученіи войскъ, а о сладостной надеждѣ укрыться за параграфомъ и отъ необходимости подумать, и отъ необходимости брать рѣшенія на свою отвѣтственность. Мы недавно сказали и еще разъ повторимъ: случаямъ нѣтъ конца и когда они возникаютъ, нужно думать о томъ, чтобы ихъ одолѣть [2]), а не о томъ, по какому параграфу устава одолѣть.

Уставъ могъ бы помочь въ этомъ случаѣ только

[1]) Не въ одномъ уставѣ полевой службы, а и въ другихъ.

[2]) Т. е. распорядиться.

тогда, если бы можно переплести его такъ, чтобы при возникающемъ случаѣ соотвѣтствующій ему параграфъ выскакивалъ самъ собою, а дѣятелю (хорошъ дѣятель!) оставалось бы одно: его исполнить; на бѣду, такого переплета сочинить нельзя, а параграфовъ сколько бы ни плодили, человѣку самому придется сначала отдавать себѣ отчетъ въ возникающемъ случаѣ, а потомъ подыскивать рѣшеніе. Но вѣдь первое-то важнѣе: это то же, что діагнозъ въ медицинѣ. послѣ котораго подыскать лекарство уже не трудно.

Возвращаясь къ офицеру, приведенному въ примѣрѣ, могутъ сказать, что онъ былъ не главнымъ распорядителемъ въ томъ дѣлѣ.

Это вѣрно: но вѣрно и то, что изъ подчиненныхъ онъ былъ самымъ вліятельнымъ, что онъ, а не кто другой, составлялъ этотъ планъ, и что главный распорядитель, за день до боя, объяснялъ планъ старшимъ начальникамъ, при чемъ,говорятъ, въ особенности настаивалъ на томъ именно, чтобы они торопливой атакой не помѣшали обстрѣлу артиллеріи. А съ началомъ дѣла и это забылось и выскочило, какъ у него, такъ и у нихъ. Не мѣшаетъ и то припомнить: послѣ многихъ неудачныхъ штурмовъ рѣшено было, для единовременности новаго штурма, подать сигналъ залпами съ трехъ группъ батарей, начиная съ дальнѣйшей; а начали ихъ съ той, отъ которой приказаніе было послано, т. е. съ ближайшей. Тутъ все поучительно: и мирные сигналы залпами, которые въ шумѣ боя различить невозможно; и то, что не устояли на времени, которое сами же назначали. „Не умѣя дѣлать, что

нужно, дѣлали, что умѣли". А теоретической подготовки было кажется довольно—хоть бавляй.

Итакъ:

1) Теоретическая подготовка вовсе не помогаетъ разбираться въ обстановкѣ, какъ то нѣкоторымъ ошибочно кажется.

2) Добавки въ уставѣ, облегчающія возможность прятаться за его букву, уклоняться отъ разсужденій о своемъ дѣлѣ и отъ рѣшимости распоряжаться на свой страхъ и рискъ—не полезны, а вредны, и ни малѣйше разбираться въ обстановкѣ не помогутъ. Тюреннъ, всегда объяснявшій передъ дѣломъ, что предстоитъ дѣлать, постоянно заключалъ свои указанія такъ: „А сверхъ этого, господа, совѣтую здравый смыслъ" [1]). Т. е., несмотря на разъясненіе передъ самымъ случаемъ, онъ предостерегалъ отъ рабства даже передъ такимъ разъясненіемъ, какого уставъ никогда дать не можетъ, такъ какъ оно давалось на мѣстѣ и передъ самымъ боемъ.

3) За такъ называемыми неопредѣленностями и неясностями устава всегда подразумѣвается одинъ совершенно опредѣленный и категорическій законъ: дѣлай по совѣсти и поздравому смыслу, какъ находишь лучше, отбрасывая всякую мысль объ отвѣтственности. Въ случаѣ даже неудачи такое поведеніе будетъ всегда оцѣнено по достоинству. Если этотъ основной законъ забывается, то отъ недостатка волевой, а не умовой или теоретической подготовки, о которой и скажемъ теперь нѣсколько словъ.

---

[1]) Outre ca, messieurs, je vous recommande le bon sens.

Съ грустью должно сознаться, что много есть между начальниками такихъ, которые при мирной практикѣ признаютъ лучшими только свои рѣшенія, да вдобавокъ по части критики чужихъ рѣшеній мало воздержны, а иногда, пользуясь тѣмъ, что начальнику не возразишь, дѣлаютъ замѣчанія заносистыя. Этимъ разумѣется приводятъ въ конфузъ своихъ подчиненныхъ и подрываютъ въ нихъ не только увѣренность къ себѣ, но еще развиваютъ и страхъ отвѣтственности.

Такимъ господамъ не мѣшало бы помнить незабвеннаго Суворова съ его всегдашнимъ требованіемъ немедленнаго рѣшенія; съ его величайшимъ открытіемъ воспитанія Воли даже въ мирное время. Вѣдь вся его система на этомъ только и была основана. 1) требованіе отвѣтовъ на неожиданные вопросы и преслѣдованіе немогузнайства; 2) практика въ преодолѣніи чувства опасности даже въ мирное время. И всѣ начальники, задумывавшіеся надъ тѣмъ, что и какъ въ бою дѣлается, поступали точно такъ же, хотя и не такъ послѣдовательно, какъ онъ. Извѣстенъ анекдотъ о Бюжо, который однажды приказалъ баталіонному командиру занять для обороны рощу съ баталіономъ и двумя орудіями. Тотъ поставилъ баталіонъ передъ рощей въ развернутомъ строѣ, а передъ баталіономъ два орудія. Бюжо одобрилъ это расположеніе, а потомъ прибавилъ, что можно было также (?) разсыпать стрѣлковъ по опушкѣ, на дорогѣ поставить орудія, а баталіонъ расположить въ лѣсу. Такъ дѣлаютъ начальники, которые хотятъ выучить подчиненныхъ, а не щегольнуть передъ ними своимъ знаніемъ; и подчинен-

ные, выдержанные подобнымъ образомъ, никогда не посѣтуютъ на такъ называемыя неясности и не домолвки въ уставѣ, ибо знаютъ, что въ случаѣ недомолвки (мнимой или дѣйствительной—все равно, должны распорядиться сами [1]).

2.

Все бы хорошо, одна бѣда — память у насъ коротка. Еще до послѣдней Турецкой войны начали добиваться въ полевой артиллеріи дальнобойности и настильности, и достигли тогда уже хорошихъ результатовъ. Но началась война и вскорѣ въ торжествѣ дальнобойности послышалась печальная нотка — настильная, и дальняя, и мѣткая стрѣльба оказалась мало дѣйствительною противъ самыхъ скромныхъ траншей, а объ укрѣпленіяхъ сильной профили и говорить нечего.

Волею-неволею пришлось вспомнить о навѣсной стрѣльбѣ, которой спеціализировавшая дальнобойная артиллерія совершенно лишилась.

Это впечатлѣніе было настолько сильно, что тотчасъ по окончаніи войны поднятъ былъ вопросъ о необходимости введенія навѣснаго огня въ полевую артиллерію, т. е. о принятіи мортиръ. Тогдашній товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера, покойный генералъ-адъютантъ Софьяно, категорически

---

[1]) Говоря о волевомъ воспитаніи, нельзя не помянуть и Зейдлица. Всѣ его пріемы мнѣ къ сожалѣнію не извѣстны, но извѣстенъ его отвѣтъ Фридриху II на замѣчаніе, что у него въ войсккахъ много травматическихъ поврежденій: „Если изъ-за нѣсколькихъ свернутыхъ шей В.В—во будете дѣлать столько шуму, у васъ никогда не будетъ хорошей кавалеріи“.

рѣшилъ, что не пуститъ мортиру въ полевую артиллерію, пока она не будетъ маневрировать и дѣйствовать, какъ подобаетъ полевой пушкѣ.

Такъ могъ говорить не только человѣкъ разумнаго строевого и боевого опыта, но — что гораздо важнѣе — совершенно свободный отъ предвзятыхъ мыслей, какими бы онѣ, за давностью лѣтъ, ни казались истинными. Въ предлежащемъ случаѣ таковою quasi-истиною являлось общераспространенное убѣжденіе, что стрѣльба съ колесъ мортиры сколько-нибудь серьезнаго калибра немыслима. Откровенно сознаюсь, что и я всецѣло былъ подчиненъ этому убѣжденію, и ни малѣйше не сомнѣваюсь въ томъ, что оно угнетало и всѣхъ тѣхъ членовъ комитета, которые приняли заявленіе генералъ-адъютанта Софьано.

Въ подлежащихъ протоколахъ такое рѣшеніе конечно было записано съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что задача не разрѣшима, ибо кто же не знаетъ, что мортира существуетъ нѣсколько сотъ лѣтъ, и никому въ голову не приходило, чтобы иначе какъ со станка она могла дѣйствовать. Но нашелся чудакъ, который попытался разрѣшить эту повидимому неразрѣшимую задачу и разрѣшилъ ее блистательно. Этотъ чудакъ — генералъ А. П. Энгельгардтъ; онъ заставилъ мортиру стрѣлять съ колесъ, а уже послѣ этого заставить ее маневрировать, какъ всякая полевая пушка, было не трудно. Т. е., собственно говоря, онъ надулъ мортиру, такъ какъ ударъ при выстрѣлѣ передается не на колеса, а на тумбу, въ высшей степени остроумно прилаженную на резиновыхъ буферахъ и шарнирахъ къ боевой

оси. Тумба при стрѣльбѣ упирается въ землю, а при взятіи орудія на передки приподнимается къ лафету и удерживается у него при помощи особой защелки.

Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ и упираній, имѣвшихъ мѣсто, не взирая на блистательно выдержанные опыты, мортира наконецъ увидѣла свѣтъ Божій, но ее пустили въ семью артиллерійскихъ полевыхъ орудій, такъ сказать, для очистки совѣсти только: мало-по-малу организовано было 5 полковъ по 4 батареи шестимортирнаго состава каждый и 2 полка по 2 батареи того-же состава, да на этомъ и успокоились. Ибо нельзя же признать 144 навѣсныхъ орудій серьезнымъ полевымъ средствомъ пораженія въ артиллеріи, считающей около 3,000 прицѣльно стрѣляющихъ орудій.

Отнеслись однимъ словомъ по-осадному къ этой мортирѣ, какъ будто не пожелавъ замѣтить, что она стала полевымъ орудіемъ. Подобная ограниченность числа навѣсныхъ орудій конечно можетъ имѣть одно давно извѣстное послѣдствіе, что они въ бою будутъ именно не тамъ, гдѣ ихъ желательно было бы имѣть.

Возьмемъ, напримѣръ, армію изъ 5 корпусовъ, которая слѣдовательно по нашему счету будетъ имѣть 10 артиллерійскихъ бригадъ или 640 дальнобойныхъ пѣшихъ орудій, и при этой арміи всего одинъ мортирный полкъ — 24 мортиры. Даже считая, что эти пять корпусовъ пойдутъ только по тремъ дорогамъ, что между дорогами разстояніе будетъ не больше 10-ти верстъ, получимъ ширину походнаго раіона не меньше 20 верстъ, а глубину не меньше 30 — 40 верстъ.

Предположимъ теперь случай, сравнительно весьма благопріятный, что мортирный полкъ идетъ въ лѣвой колоннѣ за головной дивизіей. Подходимъ къ непріятелю. Ощупываніе, рекогносцировка, завязка боя. Оказалось, что лѣвый флангъ непріятеля сильно укрѣпленъ и что безъ навѣснаго огня его оттуда нельзя и думать выкурить. Требуютъ мортиры. Отъ головы дивизіи до нихъ 6 верстъ, ширина раіона 20 верстъ. Считая даже невозможный случай, что существуетъ прямая дорога по діагонали, итого 21 верста, т. е. дай Богъ, чтобы полкъ поспѣлъ къ мѣсту назначенія черезъ 5 часовъ. Не принято при этомъ въ расчетъ, сколько будетъ потеряно времени на передачу приказаній, что случай прямой дороги совершенно немыслимъ, дороги будутъ набиты войсками, какая будетъ погода... Понятно, что мортиры или не поспѣютъ, или поспѣютъ къ шапочному разбору, т. е. тоже не поспѣютъ.

Но можетъ быть полевая мортира настолько малодѣйствительное орудіе, что съ нимъ и возиться не стоитъ? Мало или много дѣйствительное, но это орудіе даетъ намъ въ полевой войнѣ такой родъ пораженія, къ которому прочая полевая артиллерія совершенно не способна и безъ котораго обойтись нельзя при нынѣшнемъ обычаѣ при малѣйшей возможности зарываться въ землю. Что же до его дѣйствительности, то вотъ нѣкоторыя данныя: сфера разлета осколковъ бомбы около 800 сж. [1]) т. е.

[1]) Считается 680 саж., но я слышалъ, что осколки летятъ и на 400 саж. въ каждую сторону, что неудивительно при разрывномъ зарядѣ въ $11^3/_4$ фунта.

приблизительно въ размѣръ боевого порядка дивизіи въ глубину и по фронту; сфера разлета шрапнельныхъ пуль при хорошемъ выстрѣлѣ на среднюю дистанцію до 100 саж. въ длину и до 20 саж. въ ширину [2]); число пуль шрапнели 600 и пуля пробиваетъ на 1000 саж. двѣ дюймовыхъ доски. Наконецъ и то нужно помнить, что навѣсный огонь удручаетъ человѣка неизмѣримо болѣе, чѣмъ прицѣльный, и потому полагаемъ, что пора отказаться отъ застарѣлаго безсознательно гнетущаго насъ предразсудка, будто мортира осадное орудіе. Она стала полевымъ орудіемъ и какъ къ таковому къ нему и слѣдуетъ относиться, замѣнивъ въ каждой пѣшей бригадѣ 9-ти фунтовыя батареи мортирными.

Въ Австро-Венгріи въ непродолжительномъ времени будетъ сформировано 42 гаубичныхъ батареи, по шести гаубицъ, въ каждой; итого 252 гаубицы.

Очевидно предполагается образовать при корпусныхъ артиллерійскихъ полкахъ по одному дивизіону гаубицъ 3-хъ батарейнаго состава.

Гаубицы калибромъ около $4^1/_4$ дюймовъ.

Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи австрійская артиллерія будетъ имѣть преимущество передъ нашей, вслѣдствіе того, что мы въ теченіи 14 лѣтъ не могли оцѣнить нашей мортиры и ввести ее въ полевую артиллерію: правда, прецедента на западѣ не было.

Въ теченіе тѣхъ же 14 лѣтъ мы усиленно повторяли фразу, что въ кампанію надлежитъ выходить

---

[1]) Площадь разлета осколковъ гранаты 4-хъ фунтовой прицѣльной пушки 30 саж. въ длину и 4 саж. въ ширину.

съ оружіемъ превосходящимъ оружіе противника, но по какому-то недомыслію понимали подъ этимъ только введеніе 3-хъ линейныхъ винтовки и револьвера и, пожалуй, нѣкоторыя усовершенствованія полевой пушки.

Теперь потребуется еще лѣтъ десять, чтобы замѣнить нынѣшнія пушки другими и дополнить артиллерію новыми мортирными батареями. Ничего: можетъ быть, жизнь народовъ и политика подождутъ, а нашему хроническому переходному состоянію еще дадутъ протянуться... [1]).

III.

Бываютъ вывихи рукъ, ногъ, бываютъ и мозговые. Если, напримѣръ, служащій по найму у сталелитейщика, хоша бы и генералъ, прославляетъ издѣлія своего патрона до того, что находитъ, будто пушка, не имѣющая щитовъ, не имѣетъ и будущности, то таковой служащій по найму, хоша бы и генералъ, человѣкъ не дуракъ, себѣ на умѣ, и даже въ логикѣ, правда своеобразной, ему отказать нельзя.

---

[1]) Нѣкоторые господа много разсказывали о прусскихъ бризантныхъ гранатахъ, яко бы разбрасывающихъ свои осколки не только впередъ и въ стороны, но даже и въ тылъ. Мы думаемъ, что это славны бубны за горами. Во-первыхъ, потому, что большую начальную скорость выстрѣла едва ли можетъ особенно побороть скорость, пріобрѣтаемая отъ слабаго разрывного заряда; во-вторыхъ, потому, что на произведенныхъ у насъ опытахъ бризантная граната своею тыловою дѣйствительностью Европы не удивила; въ третьихъ, наконецъ, потому, что въ Пруссіи, а за ней и въ Австріи въ послѣднее время очень занялись гаубицами, т. е., попросту говоря, тѣмъ же навѣснымъ огнемъ, что опять-таки указываетъ и разочарованіе въ хитроумной бризантѣ.

Тутъ все дѣло вовсе не въ какихъ-либо принципахъ, а въ смазкѣ елеемъ хозяйскаго кармана. „Ты — молъ публикѣ хорошо втеръ очки на счетъ важности и пользы моихъ произведеній; почти навѣрное заказы увеличатся, вотъ тебѣ, любезный, за это цѣлковый сверхъ уговора; усердствуй и напредки, а я тебя своими хозяйскими милостями не оставлю".

Но когда подобное сочетаніе орудія, назначеннаго для пораженія, съ приспособленіями для закрытія защищается, при томъ безкорыстно, хотя и нѣсколько съ чужого голоса, также подъ тѣмъ соусомъ, будто орудіе безъ щита будущности не имѣетъ, то это уже обличаетъ серьезный мозговой вывихъ: тутъ нужна не аргументація и возраженія, а леченіе. Прописать для этого можно: краткій курсъ элементарной логики, нѣсколько дозъ скромности для пониженія градусовъ самомнѣнія, столь же суетнаго, сколь и мало основательнаго, духовной мази для ослабленія неумѣреннаго зуда выдумать что-нибудь такое, чего до меня еще никто не выдумывалъ и т. п.

Курсъ логики помогъ бы въ выясненіи того, что всякій предметъ или вещь усиливаются или ослабляются свойствами однородными же, а никакъ не разнородными и тѣмъ болѣе не противоположными.

Если я говорю, что такая-то пушка будущности не имѣетъ, потому что она скверно стрѣляетъ, то никто мнѣ противъ этого и возражать не будетъ, такъ какъ подобная пушка прямо не удовлетворяетъ той цѣли, для которой она существуетъ. Если наоборотъ я говорю, что это орудіе, несмотря на нѣ-

которые недостатки конструкціи, имѣетъ будущность, потому что прекрасно стрѣляетъ, то противъ этого мнѣ опять никто ничего не возразитъ. Но если я говорю, что эта пушка отлично стрѣляетъ, но не имѣетъ будущности, потому что на ея боевой оси нѣтъ щитовъ для прикрытія двухъ номеровъ прислуги, то я, конечно, говорю вздоръ и при томъ обидный, горькій. Ибо, во-первыхъ, и эти-то два номера не будутъ прикрыты во время маневрированія, не будутъ прикрыты и отъ цѣльныхъ артиллерійскихъ снарядовъ во время стрѣльбы; во-вторыхъ, если эти два номера и уцѣлѣютъ, а остальные неприкрытые будутъ перебиты — орудіе все равно будетъ обречено на бездѣйствіе.

IV.

Да не посѣтуетъ читатемь, что насчетъ хронологическаго порядка „дѣлишекъ“ слабо. Набирается замѣчаній много, а времени класть ихъ на бумагу мало. Когда удосужишься, лѣзетъ подъ руку то, что задѣло послѣднимъ, а затѣмъ ужъ поворачиваешь назадъ, когда время остается. Такъ и теперь: начинаю съ замѣтки „Выѣздъ конной артиллеріи на позицію“ [1]). Авторъ ея находитъ, что при выѣздѣ конно-артиллерійскаго дивизіона на позицію приходится дѣлать на галопѣ облическое движеніе, очевидно для того, чтобы обойти конницу. По нашему, это совершенно лишнее, ибо тамъ, гдѣ люди и кони къ этому пріучены, орудія преспокойно и преудобно проскользаютъ себѣ насквозь сомкнутаго

[1]) Послѣдній № „Развѣдчика“, 672.

коннаго строя по простому, но разумѣется зычному предваренію: „мѣсто артиллеріи“.

Это разъ. Другое. Никакой уставъ не обязываетъ держать артиллерію непремѣнно за резервнымъ порядкомъ конницы, а можно ее держать и правѣе, и лѣвѣе, и впереди него. Пора отстать отъ деревянно-буквальнаго поклоненія уставнымъ чертежамъ и постоянно помнить, что уставы для насъ, а не мы для устава.

А вотъ и третье. Спору нѣтъ, болѣе дивно-поэтичнаго движенія, какъ вылетъ конной батареи въ карьеръ на позицію — я въ нашемъ дѣлѣ не знаю. Но, отдавая должное и его высокопедагогическому значенію и закупающей несравненной красотѣ — все же нужно признать, что подъ выстрѣлами оно едва ли примѣнимо.

Лиха бѣда скакать конницѣ — тамъ кого остановитъ шальная пуля или граната, тотъ одинъ и остается на мѣстѣ, а прочіе скачутъ; но въ артиллеріи совсѣмъ не то: одна подстрѣленная лошадь и все орудіе съ запряжкой обращается въ безформенный комокъ: когда-то его распутаешь подъ выстрѣлами, да и распутаешь ли? И потому совѣтъ стараго и опытнаго конно-артиллериста, покойнаго Вейсфлока [1]), что подъ выстрѣлами предѣльный аллюръ конной артиллеріи — быстрая, ходкая рысь, мнѣ кажется, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Тѣ условія, которыя предостерегаютъ прибѣгать къ карьеру на полѣ сраженія, вмѣстѣ съ тѣмъ прямо показываютъ, когда не только можно, но и

[1]) Командира батареи артиллерійскаго училища въ 60 годахъ.

должно это дѣлать. Напримѣръ, хотя бы при дѣйствіи противъ одной конницы съ конной артиллеріей. Тутъ разумѣется кто раньше выѣдетъ—тотъ и молодецъ. Значитъ если непріятель зазѣвался, и разговору нѣтъ, что

Впередъ, ребята, на картечь,
Поводья натяни,
Кому придется въ полѣ лечь,
Того Богъ помяни.

Даже и при наличности пѣхоты и артиллеріи, къ концу боя, когда на человѣка налегаетъ и физическая, и въ особенности моральная усталь, можно остаться безнаказаннымъ при самомъ нахальномъ и быстромъ движеніи. И все это конный артиллеристъ долженъ видѣть, оцѣнивать и по соотвѣтствію поступать.

V.

Недавно въ томъ же „Развѣдчикѣ“ вычиталъ, что какой то магъ и волшебникъ выдумалъ такое зеркальце, что въ него можно видѣть противника за 600 метровъ, а самому остаться невидимымъ и значитъ застрѣлить его, нисколько не рискуя собственной драгоцѣнной особой. Все это прекрасно, только какъ помѣшать противнику и самому завести такое же зеркальце? И выйдетъ на страусово — спрятавъ голову, будемъ думать, что сами спрятались. Конечно, можетъ быть это и утка, но она въ нѣкоторомъ родѣ есть знаменіе времени, какъ щиты, панцыри и т. п. Все-то мы наровимъ какъ бы его истребить, а своимъ собственнымъ шкурнымъ инстинктамъ удовольствіе безопасности доставить. Эти инстинкты говорятъ такъ сильно, что совершенно затемняютъ вѣковѣчную истину: губить можетъ только тотъ, кто самъ готовъ погибнуть.

VI.

Въ № 38 „Русскаго Инвалида“ *) помѣщены сѣтованія г. М. Э. на то, что въ проектѣ устава полевой службы находятся только чертежи нормальныхъ биваковъ и больше никакихъ, или почти никакихъ. Онъ говоритъ:

„Какъ будто во всей полевой службѣ войскъ нѣтъ ничего болѣе существеннаго, болѣе труднаго, отвѣтственнаго, требующаго болѣе внимательной уставной (?) регламентація, чѣмъ расположеніе бивакомъ! Какъ будто въ этихъ порядкахъ заключается суть полевого искусства“.

И Далѣе: „и вмѣстѣ съ тѣмъ почему отсутствуютъ въ полевомъ уставѣ и даже наставленіи порядки резервныхъ и боевыхъ строевъ“.

Далѣе: „у насъ существуетъ особый уставъ строевой службы для каждаго рода орудія. Если выдѣлить изъ него подготовку къ строю каждаго отдѣльнаго человѣка, то что же останется, какъ не отдѣлъ полевого устава, отдѣлъ резервныхъ, подходныхъ и боевыхъ строевъ?“

Ему кажется, что всѣ эти строи можно включить въ полевой уставъ и что если это не сдѣлано до сихъ поръ, то „не составляетъ ли все это отголоска прежнихъ эпохъ линейной тактики и разводовъ“.

Я люблю читать г. М. Э. Постройка у него въ большой части случаевъ сдѣлана красиво и на хорошемъ фундаментѣ, но въ этомъ случаѣ онъ зарвался и я думаю главнѣйше зарвался отъ того, что не испыталъ на своей спинѣ всей тлетворной и умо-и воле-разлагающей силы чертежей нормальныхъ боевыхъ порядковъ. Тѣ, которые ее испытали и начали перерабатывать уставы послѣ Крымской кампаніи сообразно современнымъ требованіямъ не нашли другого средства освободиться отъ этого

*) 1903 г.

тлетворнаго вліянія чертежей, кромѣ одного: за невозможностью привести ихъ безчисленное множество, совершенно отъ нихъ отказаться.

Это вліяніе вы отчасти можете провѣрить и на себѣ. Случалось ли вамъ хоть разъ въ теченіе вашей службы видѣть, чтобы артиллерія стояла не позади резервнаго порядка пѣхоты? Если бы вы увидѣли ее, напримѣръ, правѣе, лѣвѣе или впереди, то не покоробило ли бы это васъ и не показалось ли бы это вамъ отступленіемъ отъ правилъ? Я увѣренъ, что да, показалось бы; спросите ваше сознаніе, и вы навѣрное признаете, что я правъ. Вотъ что значитъ привычка глаза [1]). Въ человѣкѣ первыми побѣждаются глаза—это давно, еще Цезаремъ замѣчено.

Представьте себѣ теперь, что вы, обдумывая идею боевого порядка, пришли къ идеальной по вашему мнѣнію его формѣ, которую и выразили чертежомъ. Какъ только вы это сдѣлали, вы погубили все дѣло. Вашъ, яко бы идеальный боевой порядокъ, засѣвъ въ глазъ и окостенѣвъ въ сознаніи, уничтожитъ даже идею о томъ, что боевой порядокъ долженъ быть примѣняемъ къ мѣстности, случайностямъ, свойствамъ своихъ и непріятельскихъ войскъ, наконецъ къ характеру главнокомандующаго, т. е. по силѣ вещей долженъ быть

[1]) Нѣтъ выше и благодѣтельнѣе для человѣка органа, какъ глазъ. Все что только человѣкъ знаетъ мало-мальски основательно, знаетъ только благодаря глазу. Этимъ между прочимъ объясняются громадные успѣхи хирургіи по сравненію съ другими отдѣлами медицины. Но именно благодаря своей мощи глазъ въ то же время служитъ источникомъ самыхъ большихъ, иногда роковыхъ ошибокъ человѣка.

безконечно разнообразенъ. Однимъ словомъ, Идея боевого порядка одна, но форма, въ которой она осуществляется на практикѣ, безконечно разнообразна.

Это основное свойство формы [1]) не въ одномъ нашемъ дѣлѣ, но и вообще. Для примѣра возьмемъ живопись, въ которой это особенно видно. Идея Мадонны одна, а сколько геніальныхъ художниковъ посвятили свое вдохновеніе и талантъ ея осуществленію; и вѣдь ни одна не похожа на другую не только у разныхъ художниковъ, но даже у одного и того же художника. А между тѣмъ всякій мало-мальски понимающій въ живописи, взглянувъ, сразу скажетъ, что это Мадонна, а не просто какая-то женщина съ ребенкомъ. Что случается, если живописецъ, подчиняясь ли таланту или же не имѣя въ своей натурѣ задатковъ на самостоятельность, слишкомъ рабски слѣдуетъ облюбованному имъ оригиналу? — Да случается то, что изъ него выходитъ мазилка, въ лучшемъ случаѣ копіистъ, но никакъ не художникъ. Личность стирается, мысль засыпаетъ — и это при свободномъ отношеніи къ формѣ, такъ какъ художника никто не обрекаетъ на рабское подражаніе, а онъ это воленъ дѣлать или не дѣлать.

Безъ труда можно догадаться, во сколько разъ увеличивается разлагающее вліяніе формы на волю и умъ человѣка, когда ей силою закона придается обязательный характеръ. Тутъ вполнѣ извращается психическая дѣятельность человѣка. Въ дѣлѣ въ

[1]) Т. е. безконечное разнообразіе.

которомъ прежде всего требуется его личное творчество, вмѣсто того, чтобы принять въ расчетъ обстановку предостоящей дѣятельности, припоминаютъ нормальный чертежъ и стремятся его осуществить не только безо всякой мысли объ обстановкѣ, но даже наперекоръ ей.

Высоко поучительный примѣръ этому мы имѣли въ кампанію 1877 года.

Нужно сказать, что до Крымской кампаніи у насъ было четыре установленныхъ боевыхъ порядка [1]).

И тогда чувствовалось, что въ этомъ дѣлѣ однимъ какимъ-нибудь чертежемъ довольствоваться нельзя и потому сочинили, сколько помнится, подготовительный, обыкновенный, оборонительный или растянутый и усиленный боевой порядки, которые въ просторѣчіи, въ командѣ назывались 1-й, 2-й, 3-й, 4-й. Разумѣется дистанціи и интервалы были установлены точно, и боевые порядки, какъ и резервные, строились по жалонерамъ.

Въ 1877 году во главѣ арміи стояло еще много людей до-крымскаго обученія. Западный фронтъ блокады Плевны составлялъ одинъ изъ корпусовъ, позицію котораго прикрывала р. Видъ, въ бродъ непроходимая, и черезъ которую доступъ къ намъ Османа былъ возможенъ только по мосту. Обстановка слѣдовательно ясная и опредѣленная. Боевой порядокъ напрашивался самъ собою: сосредоточить артилерію противъ моста съ сильнымъ прикрытіемъ по бокамъ и съ резервами сзади; затѣмъ внизъ и вверхъ по Виду только наблюденіе. Не тутъ-то

[1]) Т. е. вмѣсто однихъ кандаловъ надѣли четверо.

было. Построили третій, или оборонительный боевой порядокъ, т. е. три полка въ боевыхъ линіяхъ, одинъ въ резервѣ съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ батарей по фронту. Не знаю приходилась ли хоть одна изъ батарей прямо противъ моста, но за это не ручаюсь. Вотъ къ чему ведутъ чертежи боевыхъ порядковъ, попадающіе въ уставъ.

Можете писать сколько угодно, что форму боевого порядка установить нельзя, что она безконечно разнообразна, ибо зависитъ отъ цѣли дѣйствія, отъ обстановки дѣйствія, отъ непріятеля, противъ котораго дѣйствуете, но приложите къ этимъ совершенно здравымъ разсужденіемъ хоть одинъ примѣрный чертежъ и ваши разсужденія обратятся въ мертвую букву, а чертежъ изъ примѣрнаго, преобразится въ единственный и не допускающій въ исполненіи никакихъ исключеній порядокъ. Вотъ почему въ „Проектѣ полевого устава“ нѣтъ тѣхъ чертежей, о недостаткѣ коихъ сѣтуетъ г. М. Э., и почему редакція „Русскаго Инвалида“ совершенно вѣрно, хотя можетъ быть неумѣренно мягко, замѣчаетъ, что „бивачные порядки болѣе поддаются нормѣ, чѣмъ боевые“: по вышеобъясненному, боевые порядки совершенно не поддаются нормѣ, ибо въ бивачныхъ порядкахъ самое большее, что можетъ случиться съ невоздержнымъ поклонникомъ чертежа—это что какая-нибудь часть угодитъ, напримѣръ, въ болото. Случай легко поправимый, ибо для самаго простодушнаго глаза видно, до какой степени это глупо. Но въ боевыхъ порядкахъ поправлять ошибку поздно, когда начинаютъ бить. Да сдѣлавшій ее даже и не замѣтитъ, а навѣрное въ

случаѣ неудачи будетъ оправдываться тѣмъ что построилъ установленный боевой порядокъ. Изъ сего не трудно видѣть также, что знаменитые чертежи нормальныхъ боевыхъ порядковъ именно и составляли прямое наслѣдіе линейной тактики, у которой дѣйствительно былъ и имѣлъ основаніе быть нормальный боевой порядокъ, ибо это всегда были двѣ развернутыя линіи. Только наши нормальные боевые порядки, несмотря на свою перерывчатую форму, въ сущности пошли не впередъ, а назадъ по сравненію съ Фридриховскими, ибо въ Фридриховскихъ порядкахъ все же соблюдались „поэнь де вю“ [1]) и „алиньеманъ“ [2]). Мы же въ 30-хъ годахъ доусовершенствовались до того, что ограничились однимъ алиньеманомъ, а поэнь де вю совсѣмъ забыли, т. е. главнѣйшему, что въ бою прежде всего нужно помнить, перестали придавать всякое значеніе.

Г-ну М. Э. кажется, что особый уставъ строевой службы у насъ существуетъ безполезно и что отдѣлъ резервныхъ, походныхъ и боевыхъ строевъ могъ бы безъ ущерба дѣлу быть перенесенъ въ полевой уставъ. Это не совсѣмъ такъ. Почтенный авторъ упускаетъ изъ виду, что прежде чѣмъ примѣнять какіе-либо строи въ полевой службѣ нужно же ихъ изучить, а слѣдовательно нужно установить и правила для изученія. Вѣдь тутъ и мѣста всѣхъ чиновъ, и порядки расположенія отдѣловъ строя однихъ рядомъ съ другими или однихъ за другими, наконецъ команды, по которымъ это все

---

[1]) Point de vue, т. е. направленіе.

[2]) Alignement, т. е. равненіе.

дѣлается. Въ уставѣ о полевой службѣ употребляются, такъ сказать, только общія формулы, а вовсе не изложеніе того, какъ и по какимъ командамъ строи строятся. Это расчлененіе уставовъ представляетъ необходимое условіе для возможности систематической подготовки войскъ, и если его отвергнуть, то выйдетъ такой сумбуръ, что не распутаете. Авторъ не замѣчаетъ того, что уставы представляютъ двѣ совершенно разнородныя по духу категоріи. Первую категорію можно назвать учебною. Они имѣютъ цѣлью приготовить всякаго чина знать и дѣлать свое дѣло. Таковы, напримѣръ, строевые уставы, разныя наставленія по всякимъ отдѣламъ одиночнаго образованія. Вторую категорію можно назвать прикладною или служебною. Таковы уставы внутренней службы, дисциплинарный, гарнизонный, полевой. Положимъ, въ этихъ уставахъ есть тоже учебные отдѣлы, и они выдѣляются при подготовкѣ новобранца, но такъ какъ отъ этого смѣшенія вреда никакого нѣтъ, то они и не выдѣлены изъ сказанныхъ уставовъ; но строевое и одиночное образованіе настолько сложно, что его по необходимости пришлось редакціонно выдѣлить. Вѣдь авторъ, признающій, что подготовку къ строю каждаго отдѣльнаго человѣка нужно выдѣлить, собственно говоря, непослѣдователенъ, ибо кто же мѣшаетъ включить ее хотя бы въ гарнизонную службу? Вѣдь тамъ приходится и ходить, и ружейные пріемы дѣлать, и стрѣлять, и колоть? Но попробуйте это сдѣлать, и вмѣсто упрощенія получите усложненіе и путаницу.

VII.

Прекрасно пишутъ противъ щита очень многіе—l'Artilleur, г. Дворжецкій, г. Злобинъ, г. Липранди и др. Но боюсь, что намъ съ ними щита не побороть, какъ бы доводы здраваго смысла ни были неотразимы. Дѣло въ томъ, что когда шкура заговоритъ, да когда въ добавокъ къ тому припутается нѣмецъ, который скажетъ, что пушка безъ сковородъ на боевой оси будущности не имѣетъ—пиши пропало: будь сковороды хоть глупѣе глупаго, а ихъ на боевую ось навинтятъ. Вѣдь всякому извѣстно, какъ съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія въ пѣхотѣ, носившей до того панцыри, сначала рѣшили ихъ утолстить, т. е. утяжелить, а потомъ уже взялись за умъ и совсѣмъ сняли. То же ожидаетъ и щиты. Это своего рода паника, только мирная. То же, что случается на бивакѣ, когда разбѣгаются отъ неожиданно выскочившаго зайца. А не попробовать ли завести сковороды для конницы? Вѣдь безъ нихъ, пожалуй, и она будущности не имѣетъ!

VIII.

Мнѣ всегда казались странными преобразованія, начинающіяся съ формы одежды, а въ послѣднее время сыръ-боръ загорѣлся въ вопросѣ о преобразованіи санитарной части прежде всего съ формы одежды. Захотѣлось нѣкоторымъ докторамъ военныхъ чиновъ и сравненія въ формѣ одежды съ офицерами, на томъ основаніи, что это будто бы подыметъ ихъ авторитетъ, а вслѣдствіе того и служба якобы выиграетъ.

Сколько я имѣлъ случаевъ наблюдать, авторитетъ доктора не только между офицерами, но даже и между нижними чинами, всегда прежде всего зависѣлъ отъ добраго къ нимъ отношенія и отъ знанія докторами своего дѣла. Сравненіе въ чинахъ, а слѣдовательно и въ положеніи докторовъ со строевыми офицерами было бы и потому нераціонально, что докторъ находится по духу совершенно въ иныхъ дисциплинарныхъ отношеніяхъ къ начальству, чѣмъ строевой офицеръ. Докторъ, даже совсѣмъ молодой, но крѣпкій въ наукѣ и твердый сознаніемъ своего долга, можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, что будетъ грызться зубъ за зубъ со строевымъ начальникомъ и хотя бы дѣло дошло до суда, судъ его оправдаетъ. Но между строевымъ офицеромъ и начальникомъ я такого положенія представить себѣ не могу. Докторъ естественный защитникъ и ходатай за солдата въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бываетъ недоѣданіе или переутомленіе на безтолковой работѣ, ибо онъ больше, чѣмъ кто-нибудь знаетъ, что въ массѣ, изъ какихъ бы слоевъ она ни набиралась, всегда найдутся люди, которыхъ недоѣданіе и переутомленія бьютъ вѣрнѣе пули. Трудно допустить, чтобы подобныхъ представленій доктора, если они мало-мальски сдѣланы въ приличной формѣ, не послушалъ самый взбалмошный начальникъ. И наоборотъ, нельзя допустить, чтобы позволилъ себѣ ихъ дѣлать строевой офицеръ. Большинству читателей вѣроятно извѣстенъ случай подъ Яффой въ 1799 году, гдѣ на предложеніе Неполеона доктору, не лучше ли „прекратить“ страданія зачумленныхъ, послѣдній отвѣчалъ: „мое дѣло лечить, а не уби-

вать“. И онъ, Главнокомандующій, и онъ, Наполеонъ, повернулся и тихонько и смирненько ушелъ.

Если бы подобную отповѣдь позволилъ себѣ строевой, вѣроятно, Наполеонъ обошелся бы съ нимъ иначе.

Есть доктора, воображающіе будто красный воротникъ, замѣнивъ ихъ скромный черный, будетъ на страхъ врагамъ, то бишь лодырямъ; лодыря, если онъ ловкій, воротникомъ не запугаешь, а развѣ знаніемъ, недостатокъ коего даже и при черномъ воротникѣ велъ иногда къ сожалѣнію къ тому, что честнаго человѣка доктора рядили въ лодыря.

Нѣкоторые горяченькіе доктора договорились до того, что по ихъ мнѣнію старшій врачъ долженъ быть вторымъ командиромъ полка. Они вѣроятно забыли ту поговорку, что слово не воробей—вылетитъ, не поймаешь; а изъ чьей клѣтки вылетѣло не спрячешь: ну, оно и стыдно. Для курьезу стоило бы такого второго командира назначить хоть на нѣсколько сутокъ, и посмотрѣть, какъ бы онъ размежевался со строевымъ командиромъ, чѣмъ бы командовалъ и какія ученія дѣлалъ.

IX.

Въ № 20 „Русскаго Инвалида“ г. М. Э., по всей вѣроятности, кому-либо отвѣчая, задается вопросомъ: „Нужна ли солдату иниціатива?“ и, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого знатока практики и теоріи строя, рѣшаетъ, что не только нужна, а необходима; что въ сомкнутомъ строю солдатъ конечно трупъ, который свое разсужденіе примѣняетъ только

къ сознанію того, что онъ разсуждать не долженъ, но въ разсыпномъ строю *), но при отдѣльныхъ назначеніяхъ, между коими на его долю выпадаютъ иногда и весьма нешуточныя, онъ не смѣетъ не разсуждать, а напротивъ долженъ направить все свое разсужденіе на то, чтобы возложенную на него задачу исполнить лучшимъ образомъ.

Напримѣръ, стоя на часахъ, вѣдь онъ бываетъ поставленъ въ необходимость рѣшить на свой страхъ и рискъ, безъ надежды на чье-либо руководство, вопросъ о томъ, стрѣлять или не стрѣлять, колоть или не колоть, т. е., какъ это инымъ ни можетъ показаться страннымъ и смѣшнымъ, точка въ точку рѣшаетъ вопросъ Главнокомандующаго—давать ли въ данномъ случаѣ сраженіе или не давать его. Какъ же тутъ обойтись безъ иниціативы? Сферы различны, но характеръ психической дѣятельности—оцѣнка обстоятельствъ, обсужденіе, соображаясь съ ними, вопроса о томъ, какое рѣшеніе принять, наконецъ волевой актъ, рѣшимость привести его въ исполненіе—все это на-лицо и у Главнокомандующаго, и у часового. Могутъ возразить—часовой дѣйствуетъ противъ безоружнаго; во-первыхъ, не всегда противъ безоружнаго, а, во-вторыхъ, есть судъ: не во-время выстрѣлишь—пойдешь подъ судъ, во-время не выстрѣлишь тоже пойдешь подъ судъ. Значитъ разсуждай и не горячись, а спокойно и толково взвѣшивай всѣ за и всѣ противъ.

Былъ такой случай. Студентъ, проходя мимо

*) И при иниціативѣ все же подчиняется начальнику отдѣленія.

часового, далъ ему пощечину. Въ этомъ случаѣ разговоры коротки—штыкъ въ бокъ и кончено. Но часовой этого не сдѣлалъ. Арестованный студентъ оказался помѣшаннымъ. Почему часовой объ этомъ догадался—по глазамъ ли, по безпорядочнымъ ли движеніямъ, по невѣрной ли походкѣ—Богъ его знаетъ, но въ этомъ случаѣ, прямо напрашивавшемся на сраженіе, часовой, расцѣнивъ обстоятельства, таковаго не далъ.

Къ сожалѣнію, невоздержные охотники до иниціативы, въ своемъ усердіи не по разуму, вздумали ее распространить и на сомкнутый строй, посягнувъ такимъ образомъ на самый духъ этого строя и обнаруживъ при томъ полное забвеніе положенія сомкнутаго строя на войнѣ и въ бою. Такъ, допущены перестроенія по одной командѣ ротнаго командира; взводные въ этомъ не участвуютъ, а люди исполняютъ перестроенія сами по себѣ. Объ отдѣленныхъ я уже и не говорю—въ этомъ сомкнутомъ строѣ они теряютъ всякое значеніе. Г. М. Э. вполнѣ справедливо возстаетъ противъ этого, видя причину столь странной постановки сомкнутаго строя въ стремленіи къ упрощенію. Сколько могу судить, дѣло тутъ не въ упрощеніи, а въ недомысліи, въ рѣшеніи вопроса по первому впечатлѣнію, даже безъ мысли о томъ, чтобы принять въ расчетъ всѣ прикосновенныя къ дѣлу данныя.

Какія это данныя?

Первое—безсознательное подчиненіе впечатлѣнію, производимому на человѣка слабыми составами частей мирнаго времени. Этому впечатлѣнію всемѣрно слѣдуетъ противодѣйствовать, постоянно помня

военные составы. Дѣйствительно, если въ ротѣ рядовъ 30, иногда меньше, да притомъ людей обученныхъ, какъ-то странно выходитъ, чтобы ею командовали цѣлыхъ 5 человѣкъ, одинъ ротный и четыре взводныхъ;

второе—взявъ роту человѣкъ въ 150—200, да еще не совсѣмъ обученныхъ (что въ военное время будетъ случаться и часто), то здѣсь сразу станетъ очевиднымъ, что взводные и отдѣленные не могутъ и не должны быть пѣшками въ строю, и обязаны быть настоящими руководителями, т. е. быть пріученными къ этому въ мирное время;

третье—хороши руководители, которые за все время мирной службы торчали только на флангахъ и пару изо-рта не выпустили, которымъ не только не дано навыка водить людей, но и командовать-то они не умѣютъ, своего голоса слышать не привыкли. Вѣдь воображать будто практика въ командѣ не нужна—значитъ не понимать азбуки сомкнутаго строя, не понимать того, что кто вяло командуетъ, получаетъ и вялое исполненіе; и наоборотъ, кто командуетъ энергично. А энергичная команда сама не приходитъ, ей нужно научиться.

Въ заключеніи г. М. Э. говоритъ, что такое отношеніе къ уставамъ не противорѣчитъ изреченію, что каждый воинъ долженъ знать свой маневръ. Конечно—не противорѣчитъ, тѣмъ болѣе, что и самое это изреченіе въ уставѣ примѣненія не имѣетъ. Вѣдь въ уставѣ все продѣлывается по командамъ, заранѣе условленнымъ, да вдобавокъ сотни разъ. Слѣдовательно, что же тутъ можетъ быть непонятнымъ? Суворовскій афоризмъ имѣетъ цѣлью ука-

заніе людямъ и начальникамъ тѣхъ задачъ, которыхъ имъ повелѣвается достигнуть и которыхъ командою не опредѣлишь.

Примѣръ. Одному начальнику приказано взять деревню А. Получивъ чисто строевое воспитаніе, сей начальникъ держитъ приказаніе про себя и, выведя часть по направленію къ деревнѣ, командуетъ ей равненіе туда-то, шагомъ маршъ. Затѣмъ въ свое время разсыпаетъ стрѣлковъ и продолжаетъ наступленіе, хоть и въ должномъ направленіи, но все сохраняя про себя секретъ, что онъ долженъ взять деревню. По дорогѣ его подстрѣлили. Часть, конечно, смѣшается, ибо ей не было сказано, какой маневръ ей предстоитъ.

Поручили другому начальнику атаковать деревню А. Выведя свою часть, онъ первымъ дѣломъ говоритъ ей: „намъ приказано взять эту деревню“, и когда поведетъ часть, хотя бы по дорогѣ и нѣсколькихъ командировъ подстрѣлили, она сдѣлаетъ свое дѣло, ибо всякій воинъ понимаетъ свой маневръ.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ ясно, что упоминаемый афоризмъ къ уставу никакого отношенія не имѣетъ, ибо тамъ все заранѣе выучено и заучено, а имѣетъ отношеніе къ той высшей области нашей работы, которой никакими уставами предрѣшить нельзя, ибо въ каждомъ данномъ случаѣ эта область требуетъ, чтобы каждый человѣкъ зналъ не только куда, но и зачѣмъ онъ долженъ идти.

X.

Совершенствованіе на парахъ идетъ.

Разсказываютъ, что холодное оружіе несовершен-

ствуемо, а вотъ рѣчь идетъ о проектѣ новой кавалерійской шашки и о превосходствѣ итальянскаго фехтованія, признанномъ чуть не всѣмъ міромъ. „Италія въ дѣлѣ фехтованія и владѣнія саблей занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ“. (Русск. Инвалидъ № 10). Что касается до усовершенствованія шашки, то уже давно признано, что дѣло тутъ вовсе не въ формѣ клинка и эфеса, о коей обыкновенно хлопочутъ, а въ превосходномъ качествѣ стали, тщательной отточкѣ или наклепкѣ и въ настойчивой практикѣ въ рубкѣ. Тамъ, напримѣръ, гдѣ люди дѣйствительно были спеціалистами по части рубки, какъ наши кавказскіе горцы, тяжелыхъ клинковъ никогда не было, форма рукояти и шашки не представляла ощутительнаго разнообразія, практика во владѣніи оружіемъ усиленная и рубка настоящая: отрубить руку, снести голову, разрубить торсъ отъ плеча чуть не до пояса...

Что касается до заявленія статьи о первомъ мѣстѣ Италіи въ мірѣ въ дѣлѣ фехтованія и владѣнія саблей, то мнѣ кажется тутъ есть смѣшеніе понятій. Фехтуютъ можетъ быть они и хорошо, но чтобы рубили или кололи хорошо—не думаю. Ни о какихъ ударахъ, вродѣ кавказскихъ горцевъ, драгунъ и казаковъ, что-то не было слышно ни въ одну изъ кампаній, которыя они выдержали начиная съ 1859 года. Вообще мы думаемъ, что фехтованіе не массовое дѣло, а массовое дѣло—рубка.

Впрочемъ высочайшій интересъ могло бы представить состязаніе чампіона фехтовальщика съ черкесомъ, искуснымъ въ рубкѣ. Почему-то мнѣ кажется, что послѣдній (конечно не по правиламъ—

гдѣ-жъ ему дикарю) скорѣе бы отъоперировалъ чампіона, нежели чампіонъ его. Фехтованіе противно массовому военному дѣлу въ своемъ основаніи, которое гласитъ: не наноси удара не отпарировавъ— принципъ чисто оборонительный.

Военная массовая работа основана на прямо противоположномъ: хлопочи прежде всего о нанесеніи удара, а не объ отраженіи.

XI.

Румынскій врачъ Кампеано выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько времени тому назадъ брошюру [1]) о коллегіяхъ разнаго рода. По поводу ея высказался С. А. Колбе и попытался до нѣкоторой степени выяснить, въ какихъ случаяхъ комиссіи желательны и въ какихъ случаяхъ нѣтъ. Самъ Кампеано не высокаго мнѣнія о комиссіяхъ. Съ нимъ соглашается и г. Колбе, признавая, что всякая комиссія имѣетъ склонность обратиться въ толпу, да вдобавокъ еще и неотвѣтственную, ибо отвѣтственность раздѣленная и отсутствіе таковой, собственно говоря, синонимы [2]).

По нашему всѣ подобныя разсужденія указываютъ на одно: на необходимость во всякой комиссіи назначеніе такого предсѣдателя, который: 1) отдавалъ бы себѣ совершенно ясный отчетъ въ томъ, что комиссія должна сдѣлать; 2) при богатствѣ и ясности мысли былъ бы свободенъ отъ

[1]) Приложенную къ Развѣдчику № 629.

[2]) Альфонсъ Карръ тоже далъ о коллегіяхъ недурную формулу: „Трудъ всякой комиссіи представляетъ собою всю сумму познаній и труда самаго талантливаго члена, дѣленную на всю сумму невѣжества и бездарности всѣхъ остальныхъ“.

предвзятыхъ мнѣній и уважалъ бы дѣльныя мнѣнія другихъ; 3) имѣлъ бы настолько авторитета, характера и такта, чтобы, не задѣвая безъ надобности ни чьего самолюбія, сдерживать неумѣренное и безплодное разсыпаніе цвѣтовъ краснорѣчія, а иному черезчуръ самомнящему, богато одаренному нахальствомъ и пустопорожнему разглагольнику и намордникъ надѣть. При такомъ условіи, такъ какъ предсѣдатель будетъ ясно сознавать свою цѣль, члены ему весьма помогутъ въ разработкѣ подробностей. Нельзя не замѣтить, что выборъ членовъ въ комиссію играетъ большую роль и если не всецѣло, то въ значительной степени долженъ быть предоставленъ предсѣдателю оной.

Не совсѣмъ я согласенъ съ С. А. Колбе будто польза коллегій подвержена большому сомнѣнію, когда онѣ созываются для выработки новыхъ или даже для пересмотра существующихъ законоположеній. Все тутъ дѣло опять же въ выборѣ членовъ и предсѣдателя.

Приведу два примѣра.

Первый примѣръ: въ 1859 году рѣшено было переработать первую часть пѣхотнаго устава строевой службы. Предсѣдателемъ былъ покойный фонъ-Нотбекъ (тогда полковникъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка), членами: капитаны: Поль, Михайловскій, Дуве и штабсъ-капитанъ Драгомировъ. Работа была окончена въ нѣсколько мѣсяцевъ. Насколько она радикально отступала отъ прежней рекрутской школы, можно судить по тому что: *а*) въ ней отмѣнены учебные шаги въ три, два и одинъ пріемъ, равно какъ и шагъ съ носка, *б*) вмѣсто поворота

на одномъ каблукѣ, введенъ поворотъ на каблукѣ одной и на носкѣ другой ноги, *в*) уничтожены примѣрныя заряжанія на 12, 8, 4 темпа и вовсе безъ темповъ и замѣнены не примѣрнымъ, а дѣйствительнымъ заряжаніемъ учебными патронами, *г*) сдѣлана та существенная перестановка въ программѣ занятій, что съ новобранцемъ начинали не со стойки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, а съ заряжанія, прицѣливалія, спуска курка, удара штыкомъ и приготовительной гимнастики. Работала комиссія не отрываясь отъ прямыхъ обязанностей службы и безъ какого-либо вознагражденія. Такимъ образомъ, какъ читатель видитъ, работа совершенно новая была исполнена пятиглавой комиссіей людей, воспитанныхъ при старыхъ порядкахъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ и просуществовала безъ всякихъ перемѣнъ до 1879 года. Значитъ вѣроятно ее признавали удовлетворительной.

Второй примѣръ: потребовалось исправленіе устава полевой службы, работа по коему двухъ многочисленныхъ и продолжительныхъ комиссій дала проекты, которые войскамъ не пришлись ко двору. Пришлось составить третій. Начатъ онъ былъ, если не ошибаюсь, въ февралѣ 1902 года, составленъ и напечатанъ къ такому сроку, что войска въ лагерѣ и на маневрахъ того года уже имъ пользовались и, судя по многочисленнымъ отзывамъ, ко двору имъ пришелся. Работали пять человѣкъ, не отрываясь отъ прямой службы, безо всякаго казеннаго вознагражденія.

Это наводитъ и еще на мысль, именно на ту, что чѣмъ комиссія многочисленнѣе, тѣмъ она без-

плоднѣе. По крайней мѣрѣ я за мою 44-лѣтнюю по этой части практику исключеній не помню.

Большія комиссіи при томъ и дороги. При нашихъ разстояніяхъ, какъ соберутъ въ Петербургъ человѣкъ 20, иногда больше; да какъ дадутъ прогоны и суточныя, да какъ продержатъ иногда чуть не годъ, такъ оно и выходитъ накладно не только для кармана, но и для службы частей. Начальники засѣдаютъ въ Петербургѣ, а частями командуютъ калифы на часъ.

Не могу не припомнить одной комиссіи объ улучшеніи быта и объ усовершенствованіи формы офицеровъ; сколько помнится, была она по соотвѣтствію многочисленна и прѣла, т. е., занималась преніями долго; результатъ—127 мнѣній, давшихъ два усовершенствованія: разрѣшеніе носить непромокайки въ городахъ и нашивку галуна на кожаную портупею.

Не дурна также французская комиссія о замѣнѣ красныхъ кепи синими, начавшая работать въ 1872 году. Рѣшеніе еще ожидается.

Но существуютъ не однѣ временныя, а что гораздо важнѣе и постоянныя комиссіи. Тутъ уже музыка совсѣмъ не та; партіи, клики, интриги, панибратство. Принимаются предметы, которые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приходится забраковать; замалчиваются, а въ лучшемъ случаѣ тормозятся вещи безспорно полезныя и даже необходимыя. И все это совершенно понятно, ибо въ первомъ случаѣ предложилъ пріятель, а во второмъ, человѣкъ, намъ неугодный; и отвѣтственности за это никто не несетъ, ибо, какъ уже выше сказано, раздѣленная

отвѣтственность или отсутствіе ея — синонимы. Въ обсужденіи вопроса, иногда государственнаго значенія, играютъ серьезную роль движенія самаго мелочнаго самолюбія.

Слышалъ я, какъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ одна часть коллегіи предложила 16-ти сантиметровое орудіе; тогда другая часть коллегіи нашла, что это совершенно нераціонально и что законы Божескіе и человѣческіе указываютъ на 15-ти сантиметровую пушку, какъ на единственную, которая можетъ спасти отечество. 16-ти сантиметровики возразили на это, что отъ 15-ти сантиметровъ отечество погибнетъ. А если принять 16 сантиметровъ, возразили 15-ти сантиметровики, то вся часть свѣта погибнетъ. Однимъ словомъ, вышелъ очень остроумный и интересный диспутъ: „15“ — „нѣтъ 16“. „Нѣтъ 15“ и т. д. Послѣдовалъ Соломоновскій судъ предсѣдателя: взяли среднее и рѣшили принять 15, 5 — сантиметровое орудіе.

Можетъ быть я и ошибаюсь, но полагаю, что дѣло пошло бы лучше, если бы и въ постоянныхъ комитетахъ члены не засиживались, а то иные изъ нихъ попадаютъ прямо со школьной скамьи въ комитетъ, дослуживаются тамъ до самыхъ высшихъ чиновъ, и пресерьезно занимаются рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, за какіе и браться-то стыдно бы человѣку, если онъ не имѣетъ понятія о строѣ и считаетъ себя хоть сколько-нибудь порядочнымъ.

XII.

Нѣсколько словъ о теоретической въ школѣ подготовкѣ капитановъ [1]).

„Въ послѣднее время, относительно теоретической и практической подготовки капитановъ въ офицерской стрѣлковой школѣ, въ войскахъ установилось, къ сожалѣнію, не вполнѣ выгодное для нея мнѣніе.

Не вдаваясь въ какія бы то ни было по этому поводу разсужденія, обратимся прямо къ фактической сторонѣ дѣла.

Преподаваемыя въ школѣ по программамъ изд. 1903 г. предметы расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, повидимому, по степени признаваемой за ними важности:

1) Курсъ теоріи тактики и практическія занятія въ аудиторіяхъ и въ полѣ;

2) Занятія по чтенію плановъ и картъ въ аудиторіяхъ и въ полѣ;

3) Изученіе курса ручного оружія.

Не касаясь здѣсь практическихъ занятій по тактикѣ въ аудиторіяхъ, какъ равно и всѣхъ занятій въ полѣ, нельзя однако не обратить вниманія на зимнія занятія, т. е. періода теоретическаго изученія предметовъ, которые, по количеству отведенныхъ для этого часовъ, занимаютъ въ общемъ распорядкѣ совсѣмъ иное положеніе:

---

[1]) Замѣтка эта не моя, но по содержанію ей принадлежитъ вполнѣ заслуженное мѣсто въ „Нашихъ Дѣлишкахъ“.

М. Д.

1) Изученіе курса ручного оружія.	1) Курсъ теоріи стрѣльбы	72 час.
	2) Разборка, сборка револьвера и взаимодѣйствіе частей его . . .	24 „
	3) Осмотръ, сбереженіе и исправленіе винтовки	24 „
	4) Разборка, сборка винт. и взаимод. частей ея	24 „
	Итого	144 час.

2) Занятія по чтенію плановъ и картъ . 48 ч.
3) Курсъ теоріи тактики . . . . . 24 „

Сопоставленіе этихъ данныхъ говоритъ само за себя.

Интересны случайно высказанныя по этому поводу мнѣнія встрѣчавшихся капитановъ.

Изученіе курса ручного оружія положительно дѣйствуетъ на насъ какъ-то угрожающе. Если въ „Наставленіи для стрѣльбы“ сказано вообще недостаточно—то пусть добавятъ или издадутъ какія-либо инструкціи, а вовсе незачѣмъ изъ этого дѣлать какой-то тайны, которую можно узнать только лишь въ школѣ, при томъ отъ четырехъ преподавателей!..

Лекторъ курса теоріи стрѣльбы употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы быть понятымъ; одно изъ двухъ: или теорія эта не по нашимъ мозгамъ, или она намъ совсѣмъ не нужна... А тутъ еще въ его учебникѣ выведены математическія съ sin'ами и tg'ами формулы. Ужъ мы и ариѳметикой, и алгеброй съ геометріей позапаслись, другъ дружкѣ потоварищески помогаемъ, сообща вспоминаемъ и...

снова забываемъ; — какъ-то не держится въ ослабѣвшей нашей памяти сложная теорія: задурила она насъ, говорятъ въ отчаяніи многіе...

Лекціи о разборкѣ и сборкѣ револьвера—даромъ потерянное время; лучше отпустили бы насъ прочитать дома: изъ пальца вѣдь все равно ничего не высосешь,—все вѣдь изъ наставленія...

Осмотръ, сбереженіе и исправленіе винтовки преподается не слишкомъ ли ужъ спеціально? Верхнему кольцу, напримѣръ, посвященъ былъ чуть ли не цѣлый часъ... Свѣдѣнія подобнаго рода—не для насъ; они, быть можетъ, пригодны для оружейныхъ мастеровъ и завѣдующихъ оружіемъ. Было бы лучше удѣлить часть времени для теоріи тактики.

При разборкѣ и сборкѣ ружья обучаютъ насъ—какъ снять штыкъ, вынуть шомполъ и т. п. Все это у насъ въ ротахъ достаточно налажено ефрейторами, нами же выученными. По крайней мѣрѣ половина времени пропала совершенно даромъ, а между тѣмъ на теорію тактики — этотъ въ высшей степени интересно читаемый предметъ, не хватаетъ у преподователя времени...

При занятіяхъ по чтенію плановъ и картъ пропадутъ видно послѣдніе глаза надъ 3-хъ-верстной, занимаясь по вечерамъ рѣшеніемъ задачъ на дому: въ одной рукѣ лупа, въ другой — карандашъ; изволь-ка прицѣлиться, поймать какую-нибудь запутанную горизонталь, когда руки дрожатъ при этомъ!.. Въ добавокъ еще задачи съ „лучами зрѣнія“, опредѣленіе пространствъ „видимыхъ и невидимыхъ“ и всякіе клафтеры, да рутены, — все это для насъ сущіе „шпицъ-рутены“...

Что же касается предмета теоріи тактики [1]), то общее всѣхъ капитановъ мнѣніе таково: „Мы готовы слушать лектора безъ конца; насъ совершенно удовлетворяетъ это въ высшей степени толковое изложеніе, эти образныя выраженія и рельефныя сопоставленія; мы здѣсь знакомимся съ массой подходящаго военно-историческаго матеріала, какъ нельзя болѣе способствующаго уясненію и закрѣпленію въ памяти излагаемыхъ теоретическихъ положеній; лекторъ положительно увлекаетъ насъ своимъ неподдѣльнымъ, заразительнымъ фанатизмомъ... Его теорія отдаетъ какою-то жизненной правдой“...

Но на ряду съ отраднымъ этимъ явленіемъ создалось для капитановъ какое-то болѣе чѣмъ безотрадное положеніе...

Какъ извѣстно, всѣ они въ возрастѣ отъ 40—45 лѣтъ; многіе изъ нихъ несомнѣнно имѣютъ взрослыхъ дѣтей, а нѣкоторые даже и внуковъ. Казалось бы, возрастъ довольно почтенный, да и положеніе внушаетъ нѣкоторое довѣріе, требуетъ нѣкотораго уваженія, и вотъ картинка!

Вызванъ капитанъ для отвѣта у доски (не для того ли, чтобы капитаны не подсказывали?); предложена задача: одна горка имѣетъ 10 саженъ, другая—9 саж.; какая выше?

Капитанъ краснѣетъ и удивленно смотритъ на вопрошающаго...

— Что вы смущаетесь: — это все равно, что въ одномъ карманѣ у васъ 25 руб., а въ другомъ — 10 р.; гдѣ больше?

[1]) По этому предмету гг. капитанамъ не предстоитъ давать отвѣтовъ ни на репетиціяхъ, ни на экзаменахъ.

Капитанъ побагровѣлъ, весь затрясся отъ возмущеннаго самолюбія...

— Ну, что же, говорите, отвѣчайте, пожалуйста, погромче,—нечего нервничать!—прикрикиваетъ молодой преподаватель.

Капитану, пожалуй, только и оставалось развѣ, что закричать благимъ матомъ: „караулъ!“

Преподаватель, конечно, и въ мысляхъ не имѣлъ обидѣть капитановъ, но, проводя программу и систему, быть можетъ, весьма усердно даже, онъ и не подозрѣвалъ, что дѣйствовалъ по отношенію капитановъ даже жестоко...

Въ наше время дѣло обстояло какъ-то благополучнѣе... Надо же, наконецъ, пощадить служебное самолюбіе капитановъ... Вотъ почему, оказывается, вернувшіеся изъ школы, на разспросы новыхъ кандидатовъ, обыкновенно неохотно и уклончиво отвѣчаютъ: „поѣдете — сами узнаете“; имъ видно и вспомнить-то стыдно!..

Не удовлетворяетъ капитановъ также и вопросъ объ орденахъ; „это брошенная кость“, говорятъ они. Слишкомъ мало времени для того, чтобы правильно оцѣнить насъ; такъ какъ извѣстно, что награды даются только за баллы, то мы заранѣе почти безошибочно могли по пальцамъ назвать тѣхъ, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствительно побили рекордъ на ордена... Лучше было бы ихъ никому не давать, тогда по крайней мѣрѣ сама собой пала бы система съ этой убійственной обстановкой...

— Разскажите-ка, подѣлитесь-ка съ нами тѣмъ, что вы вынесли изъ школы,—вотъ какіе насъ ожи-

дают въ полкахъ вопросы товарищей и начальства: а потому, повѣрьте, мы и безъ всякихъ поощреній должны были въ школѣ работать, хотя бы изъ одного желанія оправдать довѣріе своихъ командировъ полковъ.

Общее же впечатлѣніе капитановъ о школѣ таково: „читалось и сообщалось намъ въ теченіе всего курса много, такъ много, что не знали даже какъ справиться съ тѣмъ матеріаломъ; а все-таки надо сознаться, что намъ хотѣлось узнать и услышать не то...“ *Капитанъ Тимохинъ.*

Какъ не грѣхъ послужившихъ и достойныхъ [1]) капитановъ отдавать въ унизительное, неключимое рабство какому-нибтдь господину, который пресерьезно предлагаетъ вопросы, что больше: девять или десять и въ своей проницательности воображаетъ, что ему не отвѣчаютъ на подобный умный вопросъ не изъ нервности, а потому что самолюбіе оскорблено. Какъ не стыдно распускать пустопорожнихъ представителей науки до того, что они осмѣливаются стрѣлять вовсе не кстати синусами и тангенсами въ дѣлѣ совершенно практическомъ (т. е. въ стрѣльбѣ), въ которомъ сей платоническій любовникъ тригономотріи, если бы его заставить стрѣлять въ настоящую, оказался бы вѣроятно хуже самаго неискуснаго капитана. А разборка и сборка, извѣстная иному капитану чуть не 25 лѣтъ и на которую убивается 48 часовъ, съ позволенія сказать лекцій!..

---

[1]) Ибо ихъ командируютъ по выбору.

До безконечности грустно становится, когда подумаешь, насколько во всемъ этомъ мало вниманія къ человѣческому достоинству подчиненныхъ и мало уваженія къ человѣческому труду. Воображаю себѣ 40—45 лѣтняго капитана, вызываемаго къ доскѣ и начинающаго вѣщать: „вынимаю шомполъ, снимаю штыкъ, вынимаю затворъ“... Больно и стыдно. И отъ чего бы капитанамъ не отвѣчать на домашнихъ занятіяхъ, когда крупнаго начальства нѣтъ, сидя?

А ордена за школьныя заслуги!.. Гг. начальство школы, да защитите же капитановъ отъ такого униженія. Защитите сами себя: вѣдь будь вы лѣтъ на десять моложе, вы тоже могли бы попасть въ руки этимъ ученымъ... они бы и васъ начиняли безъ толку синусами и косинусами и докторально, развалясь на креслѣ, спрашивали бы: „что больше: 10 или 9“...

Третья дюжина.

Караульная служба.—Уравненіе людей между ротами.—Панцырная артиллерія.—Объ атестаціяхъ.—Теорія и практика въ службѣ генеральнаго штаба.—О нормѣ наградъ.—По поводу книги Г. Р. Изъединовой о „роли артиллеріи на войнѣ съ бурами".—Современная беллетристика.—Предложеніе завести понтоны въ конницѣ.—О деньщикахъ.—Вооруженіе винтовками телеграфистовъ.—По поводу анонимной просьбы о сочувствіи офицерской стрѣлковой школѣ.

I.

За послѣднее время „Уставъ о службѣ въ гарнизонѣ", въ его сущности, начинаетъ привлекать къ себѣ все больше и больше вниманія. Это въ высшей степени утѣшительно, ибо только караульная служба есть въ мирное время служба дѣйствительная. Ее нужно крѣпко передумать и перемять, чтобы въ затруднительныхъ случаяхъ не теряться. Но, какъ обыкновенно водится, между дѣльными предложеніями, вопросами и недоразумѣніями попадаются и поползновенія на мнимыя усовершенствованія, весьма странныя. Такъ въ № 648 „Развѣдчика" г. А. П. находитъ, что § 94 устава о службѣ въ гарнизонѣ устарѣлъ, ибо начальнику смѣнившагося караула, офицеру, рѣшительно нѣтъ никакой надобности сопровождать его до самыхъ казармъ и что онъ можетъ отлично и самъ дойти. Предложеніе г. А. П. на практикѣ предвосхищено давно лодырями и примѣняется обыкновенно такъ: по смѣнѣ, барабанщикъ отправляется окольными путями (подальше отъ глазъ начальства) въ ка-

зармы; г. караульный начальникъ, офицеръ (онъ же и лодырь), снявъ и припрятавъ внѣшніе признаки служебнаго наряда, отправляется на извозщикѣ куда ему нужно, а караулъ ведетъ унтеръ-офицеръ. Г-ну А. П. очевидно не въ домекъ то обстоятельство, что ему была ввѣрена не просто команда, [1]) а именно караулъ, что можетъ быть по смѣнѣ поинтересуются увидать его въ полку, дабы узнать, что было въ караулѣ и какъ; и не только въ караукѣ, а и по дорогѣ туда и обратно. Не въ домекъ и то, что который офицеръ желаетъ выработаться дѣйствительнымъ начальникомъ, долженъ изыскивать всевозможные служебные случаи, а не отлынивать отъ нихъ, командовать и руководить солдатами, ибо только такимъ путемъ можно самому научиться знать и понимать солдата, да и солдату— знать и понимать офицера. Должно памятовать и то, что если господину офицеру утомительно сдѣлать пѣшкомъ нѣсколько верстъ, то вѣдь это точно также можетъ показаться и унтеръ-офицеру, и даже рядовому. Вѣдь по смѣнѣ собственно всѣ они окончили свои обязанности по караульному наряду: почему же ихъ не пустить домой въ разбродъ? Рыба вѣдь съ головы начинаетъ вонять, а потомъ разумѣется вся гніетъ. По логикѣ г. А. П. выходитъ, что старый караулъ фактически перестаетъ быть карауломъ, такъ какъ ему нечего охранять. Мы бы посовѣтовали г. А. П. быть прогрессистомъ до конца и признать, что новый караулъ тоже не ка-

[1]) Да и всякую команду порядочный офицеръ не позволитъ себѣ бросить: мало ли что по пути можетъ случиться? Время-то вѣдь пошло теперь бойкое...

раулъ, пока не смѣнитъ стараго, ибо до этого момента онъ тоже ничего не охраняетъ: и что по этой логикѣ его изъ казармъ къ мѣсту назначенія можно тоже пустить въ разбродъ?

II.

Въ томъ же № „Развѣдчика“ находится прекрасная замѣтка о совершенной нераціональности уравненія людей между ротами даже не одинъ, а цѣлыхъ два раза въ годъ. Въ этомъ положеніи обнаруживается механическое отношеніе къ человѣку, пренебреженіе къ психикѣ его. Признакъ печальный потому въ особенности, что въ прежнемъ уставѣ на механическомъ отношеніи уже былъ поставленъ крестъ, а теперь оно опять воскресаетъ... Кто мало-мальски приглядывался къ психологіи массъ, тотъ не можетъ не признавать *срастаемости*, какъ одного изъ существенныхъ законовъ этой психологіи. Этотъ терминъ можетъ показаться слишкомъ матеріальнымъ въ примѣненіи къ человѣку, потому что какая же срастаемость, когда за каждымъ индивидуумомъ, принадлежащимъ къ извѣстной массѣ, сохраняется свобода движенія? Но вѣдь и въ каждомъ индивидуумѣ есть значительная часть атомовъ (а можетъ быть и всѣ), которые тоже обладаютъ этой воображаемой свободой; но они изъ организма не могутъ уйти, пока не умерли. Тутъ нужно подняться нѣсколько повыше и вспомнить то, что происходитъ съ человѣкомъ, иногда даже по собственной волѣ оставляющимъ старую привычную группу и переходящимъ въ другую. Ужъ на что дѣвица, — природой устано-

влено, что нужно ей выходить замужъ, и за рѣдкими исключеніями онѣ дѣлаютъ это по волѣ; — а сколько слезъ и нервничанья, благодаря необходимости оторваться отъ старой привычной группы и начать прирастать къ новой! Да и какъ это приростаніе происходитъ не сразу, болѣзненно, а иногда и совсѣмъ не происходитъ...

То же бываетъ, только еще съ болѣе скорбнымъ оттѣнкомъ, когда подобное отрываніе практикуется не по волѣ, а по неволѣ. И это чувствуется при такъ называемомъ уравниваніи не только людьми, но ротными командирами. Да и какая надобность въ подобномъ уравниваніи? Въ массѣ болѣе или менѣе значительной совершенно одинаковаго состава никогда не получите, а разница въ 2, въ 3, много въ 5 человѣкъ—въ сущности не разница. Мнѣ кажется, что того уравненія числа людей, которое получается при распредѣленіи новобранцевъ, за глаза достаточно на весь годовой срокъ. Замѣчательно то обстоятельство, что подобными переводами оба командира ротъ бываютъ недовольны — одинъ всегда воображаетъ, что теряетъ лучшихъ людей, а другой всегда претендуетъ, что ему спустили калѣчь; но дѣло вовсе не въ этомъ, а опять въ томъ же самомъ срастаніи и его насильственномъ разрывѣ.

Эти соображенія и имѣлись въ виду при составленіи прежняго устава. По какимъ причинамъ новый призналъ ихъ не заслуживающими вниманія и предпочелъ отношеніе къ людямъ, какъ къ дереву, которое можно склеивать и расклеивать, отпиливать и притесывать, не знаю.

III.

До чего можно доиграться. Въ № 214 „Русскаго Инвалида“, въ статьѣ „Панцырная артиллерія“ приводится мнѣніе генерала фонъ-Рейхенау, служащаго на заводѣ Эргарда въ Дюссельдорфѣ, что такъ какъ принятые теперь щиты недостаточно солидны, то ихъ нужно сдѣлать толще, т. е. утяжелить. Какъ бы вы думали, читатель, на счетъ чего?? На счетъ калибра орудія, который уменьшить съ 6 на 5 сантиметровъ! Но вотъ бѣда: вѣдь и при этомъ щиты не будутъ довольно солидны, чтобы обезпечивать отъ цѣльныхъ снарядовъ, а не лучше ли уже прямо перейти къ тому, чтобы возить на 6 лошадяхъ, вмѣсто пушки, одинъ ружейный стволъ,—тогда уже можно будетъ сдѣлать щиты совсѣмъ солидными. Вотъ такое, съ позволенія сказать, орудіе въ глазахъ щитопоклонниковъ будущность себѣ стяжаетъ — по всей вѣроятности кратковременную. А что у нихъ не орудіе живетъ на счетъ щита, а щитъ начинаетъ жить на счетъ орудія, то по ихнему это такъ и быть должно.

Достойно вниманія, что когда такимъ образомъ находятся и у насъ господа, съ чужого голоса готовые рекомендовать чуть не игрушечныя орудія вмѣсто настоящихъ лишь бы только утяжелить милый имъ щитъ, между моряками является человѣкъ, прямо и рѣшительно отвергающій броню во флотѣ. Это адмиралъ Макаровъ. И съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что не далеко то время, когда его мнѣніе, какъ здравое и въ основаніи отвѣчающее духу войны и боя, возьметъ верхъ. Ибо въ области войны имѣетъ будущность только то, что

отвѣчаетъ принципу движенія, дѣятельности, энергіи, самоотверженія. Человѣческая шкура заставляетъ отъ времени до времени забывать этотъ принципъ, но сила вещей не допускаетъ, чтобы это тянулось долго. За броней сейчасъ же явилась артиллерія, ее пробивающая. Утолстили броню — увеличили калибръ орудія, усовершенствовали снаряды, и броня опять пробивается. Вмѣстѣ съ этимъ страшная тяжесть брони мало-по-малу должна была уменьшить остойчивость судовъ, потому, что при большой нагрузкѣ верхней части судна, какъ ни стараются техники, центръ тяжести слишкомъ приближается къ центру фигуры. Доходило, говорятъ, хотя слава Богу еще и рѣдко, до остойчивости отрицательной, т. е. килемъ вверхъ. То-то будетъ потѣха, когда во флотѣ, которому сравнительно ничего не стоитъ носить броню громадной тяжести, отъ нея откажутся, а въ полевой артиллнріи, гдѣ каждый пудъ дорогъ, вдругъ ее примутъ!

IV.

Г-ну „Одному изъ моихъ учениковъ“. Вамъ желательно знать мое мнѣніе объ аттестаціяхъ полковыхъ командировъ, даваемыхъ ежегодно штабъ и оберъ-офицерамъ ихъ полка, „исходя изъ того, что іезуитскій, шпіонскій способъ тайнаго пачканья чести аттестуемыхъ давно отжилъ свой вѣкъ, также вашъ взглядъ на аттестаціи тѣхъ же офицеровъ, даваемыя женами командировъ и ихъ фаворитами, торгующими аттестаціями часто по низкой цѣнѣ (бутылка водки), какъ папы когда-то торговали индульгенціями“.

Мое мнѣніе таково, что безъ аттестацій обойтись нельзя и что дѣлать ихъ гласными тоже невозможно. Что чрезвычайно рѣдко встрѣчаются люди совершенно безпристрастные, то это также вѣрно и совершенно непоправимо, ибо ошибаться человѣку свойственно, какъ вы и сами знаете. Желательно одно, чтобы аттестаціи писались не по трафарету и не широковѣщательно. И что если офицеръ ничѣмъ особымъ не отличается, то просто и писать: „необозначился“, „не знаю“ и т. п., а не потѣть надъ сочиненіемъ фантастическихъ характеристикъ. Вѣрно также и то, что вы чѣмъ-то очень раздражены, и даже употребляете слова несоотвѣтственно ихъ смыслу, такъ какъ я въ дачѣ аттестацій не вижу ни іезуитства, ни шпіонства. А что жены и фавориты на людей довѣрчивыхъ и слабовольныхъ могутъ имѣть вліяніе, то это дѣло человѣческое и которое можно исправить только однимъ—устраненіемъ отъ должности того, кто слишкомъ подчиняется подобнымъ вліяніямъ. Что же до папъ, то я признаться не слышалъ, чтобы они продавали индульгенціи за бутылку водки. Буду очень обязанъ за указаніе источника, изъ коего вы почерпнули столь интересное свѣдѣніе.

Въ заключеніе, такъ какъ вы подписываетесь „Однимъ изъ моихъ учениковъ“ позвольте дать вамъ одинъ дружескій совѣтъ—добросовѣстно служить, меньше ершиться и помнить великій завѣтъ „не судите, да не судимы будете“. Судя по тону вашего письма, воображаю какихъ бы вы аттестацій сами надавали тѣмъ, къ кому относятся ваши сѣтованія.

Но ваше письмо наводитъ меня на мысль, на которую я давно мечталъ обратить вниманіе, да все не приходилось, и за поводъ вспомнить о ней приношу вамъ искреннюю благодарность. Великій грѣхъ берутъ на свою душу тѣ начальники, которые преслѣдуютъ подчиненныхъ самостоятельныхъ, упорныхъ, твердыхъ, съ сознаніемъ личнаго, хотя бы даже и щепетильнаго достоинства. Такіе подчиненные зачастую получаютъ неблагопріятныя аттестаціи, да нерѣдко и выкуриваются изъ части, не смотря даже на то, что по службѣ бываютъ безупречны. Начальники, поступающіе такимъ образомъ, подрываютъ силу своей части, ибо въ трудныя минуты опереться можно только на то, что сопротивляется. Это замѣтилъ уже давно одинъ великій психологъ. Вѣдь дѣйствительно: прибѣгая къ уподобленію, дубина въ рукѣ не такъ пріятна, какъ гибкая тросточка, но при паденіи на дубину обопретесь, тросточка также изящно изовьется, какъ и тогда, когда вы ею играли; и шлепнуться вамъ не помѣшаетъ. И когда подумаешь, что была цѣлая эпоха, въ которую самостоятельные характеры систематически вытравливались, начиная съ кадетской скамьи...

V.

Въ № 676 „Развѣдчика“ г. А. Зыковъ спрашиваетъ, что важнѣе для офицера генеральнаго штаба: теоретическія познанія въ области наукъ, или практическое знаніе боевой жизни.

Предупреждая возможность непріятнаго замѣчанія, онъ поспѣшаетъ оговориться, что это вопросъ

не праздный и не наивный, т. е. самъ чувствуетъ вѣроятность такого взгляда на оный вопросъ. Такъ оно или не такъ, но вопросъ даетъ поводъ къ нѣкоторымъ размышленіямъ, и потому на немъ остановиться стоитъ.

На него можно отвѣтить вопросомъ же. Въ винтовкѣ что важнѣе—стволъ ли, спускъ ли или боекъ ударника?

Вѣрно и самъ авторъ согласится, что тутъ все важнѣе, ибо безъ ствола также не выстрѣлить, какъ и безъ бойка. То же самое въ его вопросѣ: боевой опытъ конечно великое дѣло, но и безъ теоретическихъ познаній и безъ русскаго правописанія офицеру генеральнаго штаба обойтись тоже нельзя.

Ситуація конечно можетъ и не быть спеціальностью военачальниковъ, но, начавъ съ офицеровъ генеральнаго штаба, вдругъ добраться до военачальниковъ, значитъ сдѣлать довольно отважный логическій скачокъ.

Корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба есть прежде всего служебная сила, назначенная для военной корреспонденціи. Офицеръ этого корпуса конечно можетъ попасть въ военачальники, какъ и всякій строевой, но воображать, будто академическій цензъ даетъ какое-то преимущественное право военноначальства, конечно неосновательно. Пусть авторъ сосчитаетъ, сколько за предпослѣднее столѣтіе было военачальниковъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба: много не насчитаетъ. Собственно, въ старшіе строевые начальники офицеры генеральнаго штаба начали попадать только съ тѣхъ поръ, какъ ихъ стали командировать въ строй для коман-

дованія частями, начиная съ ротъ и эскадроновъ. Найдутся конечно между ними обидчивые офицеры, которые скажутъ: что-жъ, мы только военные писаря что ли? Если хотите, пожалуй и писаря, только особаго рода: именно такіе, которые пишутъ, а не переписываютъ, которые, по опредѣленію графа Толя, сдѣлавъ 70 верстъ верхомъ, сохраняютъ способность къ письменнымъ занятіямъ и, прибавимъ отъ себя, сохраняютъ ее даже подъ пулями и гранатами. Это писаря, твердые въ стратегіи и тактикѣ, изъ которыхъ выходятъ Бертье, Толи и имъ подобные. Это, если хотите, нули, но стоящіе правѣе единицы. И чѣмъ они себя скромнѣе носятъ, тѣмъ больше значатъ и больше уважаются. Правда, продолжительная служба начальникомъ штаба болѣе или менѣе обезличиваетъ; совѣтовать хорошо, даже мудро—не значитъ еще рѣшаться и исполнять рѣшенія, съ отвѣтственностью за послѣдствія исполненія. Понятно и безъ объясненія, что въ подобной роли, какъ она ни серьезна и ни важна, строй души, потребный для военачальника, конечно выработаться не можетъ. Это объясняетъ почему даже отличные начальники штаба рѣдко попадаютъ въ крупные командиры.

Что касается до боевого опыта, то кто же не признаетъ и не высоко ставитъ его значеніе? Но во-первыхъ, и опытъ бываетъ разный, а во-вторыхъ, не такъ онъ часто можетъ быть совмѣщенъ въ началѣ службы съ теоретическими познаніями, чтобъ приходилось разбирать на дѣлѣ, что изъ нихъ предпочтительнѣе. Посмотримъ же, какой бываетъ опытъ?

а) Считаютъ иногда опытными господъ, которые состоятъ только въ подозрѣніи опытности, т. е. которые по крыловскому выраженію „попадаютъ безъ драки въ большіе забіяки“. Въ родѣ, напримѣръ, господина Жеркова изъ „Войны и Мира“. Такихъ опытныхъ людей разумѣется и близко нельзя подпускать къ школѣ генеральнаго штаба, если есть хоть малѣйшія свѣдѣнія о ихъ подвигахъ.

б) Есть опытъ большой и почтенный — опытъ Тимохиныхъ и Тушиныхъ; такіе люди были бы въ высшей степени желательны въ генеральномъ штабѣ, да имъ навѣрное не меньше 40 лѣтъ, а можетъ быть и больше; ихъ нельзя взять въ школу, да они и сами не пойдутъ. А въ тѣхъ чинахъ и въ тѣ лѣта, когда человѣкъ еще способенъ учиться, едва ли можно имѣть военный опытъ, сколько-нибудь заслуживающій этого наименованія.

По заявленію напримѣръ одного изъ выдающихся современныхъ французскихъ генераловъ, Алжирскій опытъ въ 1870 г. особенной пользы не принесъ.

в) Наконецъ есть опытъ мула принца Евгенія, который (мулъ), сдѣлавъ десять кампаній, какъ иронизируетъ Фридрихъ Великій, не подвинулся отъ этого ни на шагъ въ военномъ дѣлѣ.

Почтенный авторъ изо всего этого вѣроятно увидитъ, до какой степени рѣдко можетъ возникнуть случай пріема въ школу генеральнаго штаба человѣка, обладающаго хотя бы маленькимъ, но сколько-нибудь цѣннымъ боевымъ опытомъ. И его конечно примутъ, не взирая даже на серьезные пробѣлы въ знаніяхъ, требуемыхъ пріемной программой.

Этому примѣры бывали, но къ сожалѣнію этой

категоріи мнѣ извѣстные офицеры до конца курса не дотягивали.

VI.

Г-ну Р—у. „Вопросъ о нормѣ наградъ мирнаго времени для оберъ-офицеровъ“, какъ вы говорите, „давно сидитъ у васъ гвоздемъ въ головѣ и въ настоящее время не выдерживаетъ никакой критики“. Вы вѣроятно помните, да и давно уже это сказано, что чины (награды) людьми даются, а люди могутъ обмануться. Ни одно человѣческое учрежденіе безъ ошибокъ и злоупотребленій немыслимо; и все дѣло тутъ въ томъ, каковы руки, въ которыя оно попадаетъ. Вы говорите, что изъ 10 наградъ только одна получается за дѣло, а 9 за доставку дикихъ козъ, меду, за танцы и за другія подобныя угодливости. Вѣроятно вы собирали статистическія данныи для вывода столь преувеличеннаго отношенія: я ихъ не собиралъ и потому не смѣю вамъ не вѣрить, но позвольте сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, заключеніе изъ этого факта для васъ можетъ быть двоякое. Первое. — „Онъ раздаетъ награды подхалюзникамъ, блюдо—и прочимъ лизамъ, а на войнѣ вѣшаетъ георгіевскіе кресты даже своимъ холуямъ. Все это несправедливо и даже грустно для обдѣляемыхъ, но пріятно для надѣляющаго; если судьба пошлетъ мнѣ власть и я буду доставлять себѣ это удовольствіе“. Второе. — „Онъ дѣлаетъ все то, что перечислено, и ему это пріятно; но это гнусно, но это подрываетъ въ корнѣ всякое понятіе о справедливости: если судьба пошлетъ мнѣ въ руки власть, самъ себя буду считать низкимъ человѣкомъ, поддавшись на подобный соблазнъ“. Выбирайте любое.

VII.

Опять приходится вернуться назадъ и при томъ на цѣлыхъ два года.

Еще въ 1901 году появились въ „Русскомъ Инвалидѣ“ чудныя корреспонденціи г-жи С. Изъединовой изъ Трансвааля. Пишетъ она о военныхъ предметахъ такъ, какъ дай Богъ писать и мужчинѣ военному; а вѣдь была только сестрой милосердія. Особенно поразило меня одно мѣсто, которымъ не могу не подѣлиться съ читателемъ. Вотъ оно: „Артиллеріи по моему мнѣнію не предстоитъ блестящей роли при защитѣ. Что же касается нападенія, то при немъ артиллерія имѣетъ значеніе преимущественно какъ устрашающее средство, подъ прикрытіемъ котораго атакующая часть можетъ двигаться безопаснѣе. Настоящее рѣшеніе зависитъ отъ рукопашной схватки [1]) Сраженія при Колензо и Магерсфонтенѣ рѣшились на 10 минутъ; въ 5 минутъ Буллеръ потерялъ 11 орудій. Побѣждаетъ менѣе нервный изъ противниковъ — вотъ мое твердое убѣжденіе“ [1]).

Какъ вамъ это нравится! Можно ли было ожидать, что такъ заговорятъ женщины—эти, по выраженію одного фельдфебеля, „беззаботнаго корабля матросы!“ „Настоящее рѣшеніе зависитъ отъ рукопашной схватки; бьютъ того, кто болѣе нервенъ“, т. е. другими словами больше боится за свою шкуру. Честь и слава г-жѣ С. Изъединовой, такъ ясно и прямо высказавшей эти вѣчныя, великія истины. И намъ, такъ называемой сильной половинѣ человѣческаго рода, остается только краснѣть за тѣхъ изъ насъ,

[1]) Курсивъ нашъ.

которые, потерявъ стыдъ и совѣсть, не обинуясь проповѣдуютъ, что „беззавѣтная храбрость и самоотверженіе въ бою синонимы глупости и донкихотства“ [1]). Такимъ господамъ, холопствующимъ передъ инстинктомъ самосохраненія, не мѣшало бы хоть то помнить, что не только человѣку, но даже и звѣрю свойственно самоотверженіе и что желающій достигнуть какой бы то ни было цѣли, не только военной, но даже и мирной, неминуемо долженъ пойти на рискъ — пожертвовать собою отчасти, а иногда и вполнѣ. Мы бы спросили господина, проповѣдующаго это презрительное мнѣніе, что такое этотъ человѣкъ, бросающійся въ огонь или въ воду, чтобы спасти другого человѣка, совершенно ему чуждаго,—дуракъ или донкихотъ? Если же онъ въ этихъ случаяхъ признаетъ величіе самоотверженія, то по какому праву можетъ называть его глупостью и донкихотствомъ, въ какомъ бы случаѣ оно ни проявлялось? Вотъ что говоритъ волеумовая логика, съ точки зрѣнія которой называется священнымъ безуміемъ, безъ коего великіе подвиги немыслимы, то, что для одного ума кажется глупостью и донкихотствомъ.

Въ мнѣніе г. С. Изъединовой объ артиллеріи мнѣ кажется, слѣдуетъ внести поправку. Думаю, что она слишкомъ въ этомъ вопросѣ подчинилась мнѣнію г. Альбрехта, подавленнаго впечатлѣніями англо-бурской войны. Эта война была слишкомъ своеобразна, какъ случай встрѣчи такихъ против-

[1]) Мы заимствуемъ эту милую мысль изъ прекрасной статьи г. Дворжицкаго (см. № 10 „Военнаго Сборника“ 1903 г.). Г. Дворжицкій конечно отнесся по достоинству къ этому перлу однобокоумовой логики; кому она принадлежитъ, не знаю

никовъ, что пройдутъ можетъ быть цѣлые вѣка и онъ не повторится. Дѣйствительно: у англичанъ артиллеріи было много, но она стрѣляла скверно. Артиллерія буровъ стрѣляла прекрасно, но ея было мало, да и снаряды они берегли. Все это явствуетъ изъ корреспонденціи г-жи С. Изъединовой. Если къ этому прибавить удивительную ружейную стрѣльбу буровъ, такую стрѣльбу, какую ни одна регулярная армія не даетъ, да и дать не можетъ, то станетъ понятно, почему Альбрехтъ могъ придти къ убѣжденію въ такомъ превосходствѣ ружейнаго огня передъ артиллерійскимъ. Буръ мало того, что охотится чуть ли не съ семилѣтняго возраста, но онъ имѣетъ еще одно громадное преимущество передъ регулярнымъ солдатомъ, на которое обыкновенно не обращается вниманіе—имено то, что онъ, т. е. буръ, стрѣляетъ своимъ патрономъ, а солдатъ казеннымъ.

Первый, безъ малѣйшихъ поученій и настояній съ чьей-либо стороны, пріучается беречь патронъ, т. е. на вѣтеръ никогда его не пуститъ, а второй, наоборотъ, расположенъ пускать ихъ на вѣтеръ безъ счету, несмотря на всевозможныя поученія, особенно когда ошалѣетъ. И такое положеніе непоправимо, что бы ни дѣлали. Какая возможность привить стрѣлковоохотничій строй души человѣку, который въ большинствѣ случаевъ до 21 года и ружья-то въ глаза не видѣлъ, а въ 25 [1]) разстается съ нимъ надолго, если не навсегда? Если все это принять въ разсчетъ, то и станетъ ясно, что отношеніе между артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ,

[1]) У другихъ раньше.

при борьбѣ современныхъ европейскихъ армій, будетъ совершенно иное, чѣмъ было въ англо-бурской войнѣ. Да кромѣ того, за артиллерійскимъ огнемъ всегда останется преимущество моральнаго впечатлѣнія, чего не отрицаетъ и г-жа С. Изъединова. Конечно, Альбрехтъ сдѣлалъ бы другой выводъ, если бы взялъ не бурскую, а англійскую ружейную стрѣльбу.

VIII.

Совсѣмъ о постороннемъ. Не одинъ разъ случалось нападать въ газетахъ на сѣтованія о томъ, что у насъ болѣе не появляется крупныхъ беллетристовъ. Подобное сѣтованіе производитъ на меня странное впечатлѣніе: всѣ мы говоримъ, что литература есть отраженіе жизни и не замѣчаемъ того, что если это вѣрно, такъ откуда же взяться крупнымъ талантамъ, когда жизнь не представляетъ выработанныхъ, опредѣленныхъ, сложившихся типовъ. Не нужно забывать того, что эпоха расцвѣта русской литературы, т. е. эпоха Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Толстого, Щедрина—совпадаетъ съ эпохой расцвѣта помѣщичьяго или, что то же, крѣпостного режима. Всѣ они суть дѣти этого режима, плоть отъ плоти и кость отъ костей его. А складывался этотъ режимъ съ конца XVI-го столѣтія (Юрьевъ день), т. е. 250 лѣтъ; значитъ было время выработаться опредѣленнымъ типамъ; и по такимъ оригиналамъ художественное творчество было возможно. Всякій знаетъ, что живописецъ пишетъ реальныя фигуры съ живыхъ моделей; то же и въ литературѣ. Всѣ

эти чиновники, начиная хоть съ Фамусова и кончая Сквозникомъ-Дмухановскимъ, всѣ помѣщики, начиная съ Лариной, продолжая Ноздревымъ, Кошкаревымъ, Тургеневскими барами и барынями и кончая хотя бы Левинымъ, всѣ эти крестьяне, хотя бы „Записокъ охотника“, не говоря о прочихъ — вѣдь это все дѣйствительно живые люди и потому именно, что и писались-то съ цѣльныхъ, опредѣленно-сложившихся живыхъ людей. Но расцвѣтъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предвѣстіе упадка. Вся эта чудная литература была какъ бы отходною помѣщичьему режиму, такъ сказать консервировавъ его въ назиданіе потомству. И замѣчательно, что большинство перечисленныхъ писателей были дворяне, нѣкоторые даже изъ родовитыхъ. Разночинецъ (преимущественно семинаристъ) примѣшался къ нимъ потомъ, когда пошла подготовительная работа къ новому режиму.

И вотъ грохнула реформа, т. е. освобожденіе крестьянъ. Началось переходное время, забродило зерно, по Великому Слову Спасителя [1]). Т. е. началась переходная эпоха, кто во что гораздъ. Одни мечтаютъ, нельзя ли какъ-нибудь повернуть на старое; другіе шипятъ и злобствуютъ и по мѣрѣ силъ и возможности тормозятъ то, что сдѣлано благого въ новомъ направленіи, третьи, не мудрствуя лукаво (эти не изъ „отцовъ“, конечно, а изъ „дѣтей“), перескочили въ золоторотцевъ, аферистовъ, растакуэровъ и иныхъ промышленниковъ. Все это наши доморощенные бурбоны, такъ какъ и

[1]) „Зерно пока не забродитъ не проростетъ, а не проростетъ, не принесетъ плода“.

объ нихъ можно сказать, что они ничему не научились и ничего не позабыли, какъ было сказано про тѣхъ въ эпоху реставраціи.

Купецъ сталъ не тотъ, не тотъ и крестьянинъ, а объ интеллигентѣ и говорить нечего. Но кого ни возьмите — опредѣленнаго типа не отыщете, — значитъ съ кого же писать? Вѣдь даже у старыхъ большихъ мастеровъ можно замѣтить, что когда они пытались изображать людей послѣ реформы — это имъ не удавалось: укажемъ хоть на „Бѣсовъ“ Достоевскаго, на героевъ „Нови“ Тургенева, на князя Нехлюдова въ „Воскресеньи“ Толстого. Конечно, это не живые люди, по крайней мѣрѣ таково мое можетъ быть ошибочное, но искреннее мнѣніе. И потому думаю, что когда у насъ новый типъ сложится, тогда появятся и большіе писатели. Но судя по времени, котораго потребовалъ ростъ и расцвѣтъ крѣпостного режима, нужно думать, что Россія этого дождется развѣ поколѣній черезъ 8—10. Бейль, если не ошибаюсь, еще въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія сказалъ, что ни одинъ органическій законъ ранѣе 150 лѣтъ въ нравы народа не врастаетъ. Судя по нашему примѣру, нужно думать, что это приходитъ не ранѣе 250 лѣтъ. Впрочемъ, это совсѣмъ, совсѣмъ не мое дѣло, разсуждаю какъ профанъ,—вѣдь и профану „можно смѣть свое сужденіе имѣть“.

IX.

— Чортъ возьми совсѣмъ не спится, „Отъ клоповъ покоя нѣтъ“... [1]), то бишь не отъ клоповъ, а отъ

[1]) Такъ начинается одно изъ юмористическихъ стихотвореній не помню чье, въ которомъ фигурируетъ помѣщикъ, сѣтующій по поводу эмансипаціи.

усовершенствованій. Нѣкто г. А. С. въ № 674 „Развѣдчика“ предлагаетъ облагодѣтельствовать нашу конницу, снабдивъ по прусскому образцу каждый кавалерійскій полкъ парусиннымъ игрушечнымъ мостикомъ. Говоримъ игрушечнымъ, потому что если его вытянуть на 9,3 сажени, то по немъ можно только провести людей и пронести снаряженіе, а лошадей нужно перегонять вплавь; если же требуется переправлять по мосту и лошадей, то его можно навести только на 3,7 сажени. Невольно вспомнишь одного изъ героевъ 12-го года, извѣстнаго лихого конно-артиллериста Никитина. Уже въ старости, попавши въ большія шашки, ему пришлось смотрѣть конно-піонерный дивизіонъ, назначенный тоже для устройства летучихъ переправъ [1]). Объѣхавъ строй, Никитинъ увидѣлъ за нимъ цѣлую вереницу повозокъ [2]).

— А это что за будары?—спросилъ онъ.

— Это понтонный обозъ ваше в—во.

— Зачѣмъ?

— Для наводки моста ваше в—во.

— Такъ вы бы съ собой и рѣку возили, шириной въ 28 саженъ.

Такъ и тутъ можно бы имъ посовѣтовать возить съ собой рѣчки ширины, соотвѣтствующей длинѣ ихъ мостовъ.

Этотъ мостъ настолько легокъ, что вмѣстѣ съ подрывнымъ имуществомъ перевозится на четверочной повозкѣ. Ужъ если хлопотать объ легкости

---

[1]) Расформированъ за ненадобностью.

[2]) Оригинальную особенность понтоннаго обоза этого дивизіона составляла трехколесная повозка.

конницы, то мнѣ кажется скорѣе слѣдовало бы стремиться къ уменьшенію, а никакъ не къ увеличенію обоза. Это зловреднѣйшая гиря, притягивающая конницу къ землѣ и парализующая ея подвижность. Безъ обоза какая же конница не уйдетъ въ сутки при продолжительныхъ движеніяхъ 50—60 верстъ, а на одинъ, на два перехода даже гораздо болѣе; а съ обозомъ, даже и при хорошей дорогѣ, дай Богъ уйти 25 — 30.

Было время, когда татары ходили многія тысячи верстъ безъ малѣйшаго намека на колесный обозъ, дѣлая большія дѣла и ихъ не останавливали не то что 4-хъ или 10-ти саженные протоки, а Уралъ, Волга, Днѣпръ. Помнится также, что и наши казаки сдѣлали 12, 13 и 14 гг. безъ колеснаго обоза.

Авторъ этого предложенія защищаетъ его довольно странно:

„Правда, наша конница обучена переправѣ вплавь, а также можетъ переправиться при помощи снарядовъ, приготовленныхъ изъ подручныхъ матеріаловъ. Однако во время глубокой осени или ранней весны, а равно и при ненахожденіи подручныхъ матеріаловъ на назначенномъ мѣстѣ переправы, она встрѣтитъ не малыя затрудненія въ переправѣ черезъ рѣки [1]). Чтобы облегчить ей трудъ въ этомъ дѣлѣ и сдѣлать ее независимою отъ мостовъ и тѣмъ способствовать быстрому производству развѣдки, желательно нашу конницу снабдить легкими мостами".

Нѣмцы умный народъ—это всему свѣту извѣстно, при томъ же они старшій классъ, издавна награждавшій насъ прелестями въ родѣ косъ, буколь,

---

[1]) Вотъ она живость-то воображенія: началось только съ рѣчекъ, а теперь уже собираемся переправляться черезъ *рѣки* со справой въ 3,7 сажени.

пудры и иными подобными; но смѣю думать, что, обременивъ свои конные полки игрушечными понтонами, они здоровую свѣчку ослу поставили. У нихъ тоже есть непочатый уголъ шарлатановъ изобрѣтателей, умѣющихъ заговаривать зубы вліятельнымъ лицамъ. У котораго изобрѣтателя языкъ хорошо повѣшенъ, тотъ всегда можетъ провести косы, букли, пудру и прочія воинскія усовершенствованія этого рода, доказавши, что они имѣютъ не только боевое, но даже и государственное значеніе. Какъ же не провести понтончиковъ? Вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ похоже на дѣло.

Посмотримъ же, сколько въ нихъ дѣла. Во-первыхъ, летучіе отряды только и успѣваютъ при внезапности появленія, и воображать, будто для нихъ будутъ портить постоянные мосты, значитъ не представлять себѣ обстановки положенія. Слѣдовательно, въ этотъ періодъ можно наводить мосты развѣ только для удовольствія ихъ наводить, а никакъ не потому, чтобы это вызывалось необходимостью. Во-вторыхъ, цѣлыхъ полковъ въ летучіе отряды не посылаютъ, вѣроятно таковые будутъ отъ полковъ отряжены. Предполагая, что отдѣлено только два отряда силою въ эскадронъ каждый, спрашивается, съ которымъ изъ нихъ послать четверочную повозку понтонной полковой справы для *облегченія* движенія и переправъ? Пошлете съ однимъ, другой будетъ въ горѣ, что ему этого сокровища не досталось; подѣлить пополамъ, давъ каждому $\frac{3,7}{2}$ сажени моста, нельзя — повозка одна.

Затѣмъ авторъ предложенія имѣетъ въ виду глу-

бокую осень и раннюю весну, когда эти мостки по его мнѣнію могутъ пригодиться; но забываетъ на бѣду то, что вѣдь въ эти времена года бываетъ обыкновенно распутица; такъ какъ движеніе очевидно предполагается цѣликомъ, то конечно четырехконная фура застрянетъ гдѣ-нибудь по пути и не достигнетъ рѣчки въ 3,7 саж. шириною. Но допустимъ, что она достигла по назначенію. Нужно ее распаковать, нужно навести мостъ; по миновании надобности, нужно его развести и уложить всю справу въ четырехконную фуру. На все это нужно время, т. е. потеря его для движенія—слѣдовательно не облегченіе, а затрудненіе въ достиженіи цѣли. А затѣмъ, какъ при наступленіи быть съ фурой?! Вѣдь она останется на одномъ берегу, а летучій разъѣздъ очутится на другомъ. Какъ тутъ быть? Можетъ быть еще по мосту въ 3,7 сажени она и переѣдетъ? (подъемной силы его я не знаю), но уже по мосту въ 9,3 едва ли, кажется мнѣ, она можетъ переѣхать. Или самимъ идти впередъ, а при фурѣ оставить прикрытіе? Какъ все это просто, практично и разумно!

И такимъ образомъ авторъ, желая сдѣлать конницу независимою отъ постоянныхъ и прочныхъ мостовъ, выдерживающихъ большія тяжести, ставить ее въ самую рабскую зависимость отъ ненадежнаго моста, съ которымъ возни много, а пользы отъ него мало. И это называется „способствовать быстрому производству развѣдки!“ Думаю, скорѣе препятствовать, чѣмъ способствовать; и не ускорять, а съ легкимъ сердцемъ замедлять и затруднять ее.

X.

Довольно часто за послѣднее время возставали противъ денщиковъ: что они умаляютъ боевую силу арміи на 30—40 т. человѣкъ, что денщичья служба почти всегда развращаетъ солдата, ибо знакомитъ съ такими подробностями офицерской жизни, которыя конечно не располагаютъ къ особому уваженію, что тутъ припутываются услуги не только законнымъ, а случается, и незаконнымъ женамъ, что не только офицеры, но и ихъ половины съ той или съ другой стороны, бываютъ иногда одержимы неодолимымъ стремленіемъ къ рукоприкладству. Все это конечно бываетъ. Самъ я знаю одну генеральшу, до страсти любящую самоуслаждаться энергической жестикуляціей въ предѣлахъ деньщичьей личности.

Знаю также и то, да и всѣ мы знаемъ, что нѣтъ фельдфебеля, у котораго не было бы денщика, и всѣ мы смотримъ на это сквозь пальцы, хотя оно и незаконно; ибо понимаемъ очень хорошо, что по характеру своихъ обязанностей фельдфебель не въ состояніи обойтись безъ постороннихъ послугъ. Не случится ли нѣчто подобное и съ офицерами и не будутъ ли они, вмѣсто того, чтобы пользоваться казенной прислугой законно, имѣть ее незаконно? И тогда можно поручиться, что дѣятельность судовъ процвѣтетъ, ибо столкновеній, въ корнѣ подрывающихъ дисциплину, не оберетесь.

Офицеръ служитъ государству въ мирное и главное въ военное время, и государство не можетъ не обезпечить его прислугой безъ ущерба службѣ. Изъ этого слѣдуетъ:

1) можетъ ли въ мирное время государство отпускать ежегодно не меньше 180 — 200 руб. кяждому офицеру на наемъ прислуги, т. е. прибавить къ ежегодному бюджету около 8 милліоновъ? Да и это неособенно офицера обезпечитъ, ибо не нужно забывать, что теперь совсѣмъ другой народъ пошелъ — чуть что, сейчасъ: пожалуйте разсчетъ. Удобно ли офицеру, а особенно женатому, быть въ такомъ положеніи, чтобы у него мысль, есси не постоянно, то часто двоилась: и о службѣ думай, и о наймѣ прислуги заботься?

2) Можетъ ли оно и какимъ образомъ обезпечить офицера прислугой въ военное время, когда большинство не найдетъ ея пожалуй ни за какія деньги?

XI.

Въ № 219 „Русскаго Инвалида“ г. Б. Р. признаетъ необходимымъ вооружить телеграфистовъ винтовками. Мнѣ кажется, онъ упускаетъ изъ виду то, что за винтовкой потянется не только курсъ стрѣльбы, но и ружейные пріемы, сборка и разборка, и цирмулярчикъ: разъ, другой, третій, а у иного и десятый; и все это конечно на счетъ занятій прямой спеціальностью, а слѣдовательно и въ рѣшительный ущербъ ей. Съ вола двухъ шкуръ не дерутъ и въ одномъ лицѣ цѣлаго войска не получишь. И шесты приготовь, и изоляторы укрѣпи, и проволоку натяни, да сдѣлай это съ толкомъ, внимательно; и объ электричествѣ не только понятіе имѣй, но и элементы приготовь и батарею собери и заряди, а потомъ по мановеніи надобности все

это разбери, да уложи, чтобы чего не перепортить; и стрѣляй, и коли, и ружейные пріемы дѣлай, и церемоніальнымъ маршемъ ходи такъ, чтобы было не хуже пѣхоты: всего этого для одного человѣка много, даже слишкомъ много. Говоря откровенно, я не только не подумалъ бы давать телеграфистамъ ружья, но и саперъ всѣхъ спеціальностей отъ нихъ бы освободилъ. Если артиллеристъ не долженъ думать о своей личной защитѣ, то тѣмъ паче это примѣнимо къ саперамъ всѣхъ спеціальностей, ибо артиллеристъ все же находитъ личное удовлетвореніе въ томъ, что если непріятель его бьетъ, то и онъ нпіріятеля также. У сапера даже и этого удовлетворенія нѣтъ: онъ работаетъ на міръ, совершенно беззащитный, ибо нельзя же въ одно время стрѣлять и копать—слѣдовательно міръ, т. е. армія, и обязанъ его прикрывать.

Воображать, будто саперы, избавившись отъ этой обузы, яко бы утратятъ воинское достоинство, совершенно нелѣпо, ибо видимымъ признакомъ воинскаго достоинства всегда было и всегда останется холодное оружіе и мундиръ, какъ невидимымъ или духовнымъ — присяга. Мы знаемъ случаи, что саперы были посылаемы въ атаку, какъ всякая пѣхота. Такое нелѣпое распоряженіе конечно въ голову бы не пришло не то что способному, а даже самому тупому начальнику, если бы они не были вооружены ружьями. И одного подобнаго случая, по моему мнѣнію, достаточно для того, чтобы саперъ освободить отъ винтовки. Пусть только подумаютъ, какой громадный выигрышъ во времени для занятій своей спеціальностью, если саперъ

освободить отъ винтовки. И замѣчательно то, что всѣ эти платоническіе любовники винтовки готовы вооружить ею кого угодно, но только не самихъ себя, т. е. не офицеровъ; не выходитъ ли тутъ по пословицѣ: по чужой спинѣ хоть сто палокъ?

Вѣдь если винтовка есть признакъ воинскаго достоинства для саперъ, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ ею слѣдуетъ вооружить офицеровъ, какъ представителей всяческаго воинскаго достоинства. Опять же и 40 т. лишнихъ винтовокъ кое-что значатъ!! Да и въ старшемъ классѣ офицеровъ иногда вооружаютъ винтовками: напримѣръ, Робертсъ въ Трансваалѣ!

XII.

По поводу анонимной просьбы о сочувствіи офицерской стрѣлковой школѣ.

Люди добрые, внемлите
Печали сердца моего [1]).

Въ этой просьбѣ, сѣтующей на несправедливость людскую, какъ будто имѣлось въ виду уязвить капитана Тимохина; такъ ему и надо: не суйся не въ свое дѣло. Все идетъ наилучшимъ манеромъ въ наилучшей изъ школъ, а онъ суется. Хоть бы то помнилъ, что это ему не Очаковъ, и не Шенграбенъ. Тоже лѣзетъ. Хорошо еще, что анонимъ обошелся съ нимъ долготерпѣливо и многомилостиво, такъ какъ ни одного изъ заявленій Тимохина онъ,

[1]) Это я прошу для себя, а не для анонима.

по добротѣ конечно, не опровергъ. Впрочемъ это ихъ взаимное, а не мое дѣло.

Что до меня касается, то я огорченъ и даже, можно сказать, уязвленъ несправедливостью ко мнѣ анонима: никакихъ порядковъ въ школѣ я не осуждалъ, какъ онъ утверждаетъ, а указаній въ какихъ-нибудь тридцати строкахъ послѣсловія сдѣлалъ не мало, и весьма цѣнныхъ, въ чемъ сошлюсь на безпристрастность читателя.

Такъ, молилъ я о пощадѣ капитановъ и о защитѣ ихъ отъ безплоднаго педантизма и издѣвательства непризванныхъ педагоговъ, въ виду и почтеннаго возвраста первыхъ, и того, что ихъ командируютъ *по выбору*. Развѣ это не заслуживаетъ вниманія со стороны начальства и школы и не полезное ли это указаніе? Молилъ объ избавленіи капитановъ отъ безцѣльной тангенсо—и синусоманіи, а равно и отъ развитія ихъ ума и сердца часовыми лекціями о верхнемъ кольцѣ винтовки: развѣ это имъ хоть для чего нибудь нужно? Находилъ и нахожу, что вызвать къ доскѣ человѣка прослужившаго иногда болѣе 25 лѣтъ для: „снимаю штыкъ, вынимаю шомполъ“ право не обнаруживаетъ къ нему той степени уваженія, какая ему принадлежитъ и по возрасту, и по лѣтамъ службы. Если начальство школы въ этомъ со мною согласно и приметъ это къ свѣдѣнію и исполненію, то я ему далъ полезное указаніе; если же не согласно, то пусть проститъ мою ошибку хотя за доброе намѣреніе. Затѣмъ далъ я совѣтъ весьма разумный—чтобы капитаны отвѣчали сидя.

Согласится всякій, что получить столько драгоцѣннѣйшихъ указаній на какихъ-нибудь 30-ти стро-

кахъ, и этого не только не оцѣнить, а даже и не замѣтить—неблагодарность черная.

Воля ваша, мои совѣты о томъ, что съ послужившими и дойстойными капитанами было бы соотвѣтственнѣе обращаться съ бо́льшимъ уваженіемъ, чтобы ихъ съ высоты кафедры не спрашивали о томъ, что больше 10 или 9; чтобы ихъ не угнетали синусами и тангенсами тамъ, гдѣ они совсѣмъ не нужны, то вѣдь согласитесь, эти совѣты право дорого стоятъ, какъ по великой ихъ пользѣ для дѣла, такъ и потому, что ихъ можно примѣнить безъ малѣйшихъ расходовъ для казны. Хотя г. анонимъ и упустилъ изъ виду важнѣйшую сторону режима, которую я назову *волевою*, такъ какъ, говоря о сорока — сорока-пятилѣтнихъ капитанахъ, назвать ее *воспитательной* совѣстно, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ вполнѣ понимаетъ ея значеніе. Ему конечно извѣстно, что и успѣхъ умовыхъ занятій зависитъ прежде всего отъ того, какъ обращаются съ обучаемыми, будутъ ли то школьники или взрослые люди. Онъ ожидалъ отъ меня указаній относительно желательныхъ измѣненій въ курсѣ шлолы, да вѣдь я же это и сдѣлалъ. Если я сказалъ, что странно преподавать капитанамъ сборку и разборку оружія, т. е. то, чѣмъ они въ полкахъ занимались не меньше 20 лѣтъ, и что достаточно было бы ихъ въ этомъ только провѣрить, — то по моему это весьма полезное указаніе относительно постановки курса. Таковое же указаніе я сдѣлалъ, сославшись на часовую лекцію о верхнемъ кольцѣ винтовки, таковое же о тангенсахъ и синусахъ. Кто умѣетъ разбирать по печатному, тотъ вѣроятно

согласится, что эти указанія прямо касаются постановки курсовъ, хотя они и сдѣланы въ отрицательной формѣ. Ибо, если я говорю, что это дурно, то этимъ самымъ утверждаю, что обратное хорошо: таково, по крайней мѣрѣ, мое скромное и ни для кого не обязательное мнѣніе.

Г. анонимъ ссылается на то, что тангенсы и синусы отнесены авторомъ учебника въ мелкій шрифтъ: грѣхъ ему язвить меня подобными аргументами. Развѣ онъ не знаетъ преподавательской психологіи? Стоило при отвѣтахъ хоть одному капитану щегольнуть знаніемъ мелкаго шрифта и получить за то одобреніе, чтобы и всѣ капитаны потянулись. А преподавателю это пріятно, да и усердіе показываетъ со стороны капитановъ. Самъ былъ преподавателемъ и помню, какъ таковое же угожденіе меня моими же словами было усладительно.

А все этотъ капитанъ Тимохинъ: онъ гусей раздразнилъ, а я отдувайся.

Четвертая дюжина.

Оскорбленіе офицера. — Эпидемія наскоковъ на представителей власти и на призванныхъ охранять ее и общественный порядокъ.— Отвѣтъ Г. Строевому, какъ поступать офицеру въ случаѣ нападенія.—Причины мирнаго настроенія и что слѣдуетъ предпринимать. — Отвѣтъ Г. А. Андреянову на нѣкоторые артиллерійскіе вопросы. — О современной эпидемической распущенности. — О смотрахъ.—Офицеръ въ печати.

I.

Настоящую бесѣду съ читателями „Развѣдчика“ начинаю скорбнымъ словомъ поминовенія по безвременно и безвинно погибшемъ молодомъ офицерѣ изъ-за преднамѣренной дерзости босяка, ничѣмъ не вызванной со стороны офицера. Не зная подробностей дѣла, заранѣе извиняюсь, если въ чемъ ошибусь и впередъ благодарю за поправки.

Случай совсѣмъ гнусный, но понятный: офицеръ сталъ у насъ слишкомъ ужъ мирнымъ, а босякъ развоевывается; получивъ ударъ неожиданно, какъ говорится ни зачто—ни прочто, офицеръ опѣшилъ, не нашелся: а потомъ самъ себя казнилъ за ненаходчивость. По нѣкоторымъ даннымъ можно догадываться, что онъ былъ меланхоликъ; но такъ или иначе, эта страшная роковая неожиданность послужила каплей, переполнившей чашу. И онъ погибъ; погибъ искупительной жертвой не за свою вину, а за чужую, за давнишнюю, которая продолжается и теперь... Миръ праху его, земля ему пухомъ...

Нѣсколько времени спустя, случай повторился

въ Радомѣ, но съ другимъ исходомъ: по счастью офицеръ не потерялся, — можетъ быть самъ, а можетъ и благодаря предваренію, данному предыдущей катастрофой.

Но это еще только цвѣточки; будутъ ли впереди ягодки, зависитъ отъ того, какъ поведетъ себя офицеръ и перемѣнятся ли нѣкоторые порядки, издавна установившіеся и теперь существующіе. Мысль будто можно обуздать негодяевъ военнымъ судомъ, конечно не состоятельна, о чемъ ниже. Упреждая разсужденіе объ этомъ, болѣе подробное, замѣчу, что нравственныя или духовныя эпидеміи мѣрами устрашенія не излечиваются. Если въ прежнее время не останавливали четвертованія и колесованія, то висѣлица и подавно не остановитъ; а дальше въ наше время куда же идти? Не говорю уже о томъ, что по всякому поводу ломать законъ не значитъ способствовать тому, чтобы укоренять къ нему уваженіе.

II.

Несомнѣнно, что назрѣла духовная эпидемія наскоковъ на представителей власти и на призванныхъ охранять ее и общественный порядокъ. Эти наскоки происходятъ не отъ безпутства, а отъ идейнаго распутства: дѣйствуетъ тутъ не простой забулдыга-босякъ, а босякъ—распропагандированный, который передъ своими учителями и товарищами величается своимъ мнимымъ подвигомъ. „Я-де не простой прохвостъ или арестантъ, а сицилистъ и политическій протестантъ: офицера ударилъ!“ Онъ загипнотизированъ чужимъ внушеніемъ и собственнымъ тще-

славіемъ, и подходитъ подъ категорію тѣхъ, о которыхъ Тэнъ сказалъ, что когда какая нибудь идея попадаетъ въ пустую голову, то она заполняетъ ее всю, не оставляя мѣста ничему другому [1]).

Онъ, наконецъ, невмѣняемъ, какъ и бѣшеная собака, которая бросается меня укусить и которую я имѣю право убить не только когда она меня укуситъ, но, если можно, прежде чѣмъ она меня укуситъ.

III.

Въ этомъ, сколько могу судить, заключается отвѣтъ на „больной вопросъ“ „Строевого“ [2]); что же касается до его желанія, чтобы „теперь же было высказано о немъ компетентное слово, которое разрѣшило бы тысячу сомнѣній и разногласій“, то это желаніе удовлетворяется его же статьей, если взять ея сущность и изложить безъ околичнословій, прямо, просто и безъ преклоненія передъ страхомъ отвѣтственности. И новаго типа преступленій я тутъ не вижу, такъ какъ въ законѣ давно опредѣлены кары за посягательство на личность служащаго какъ на службѣ, такъ и внѣ оной.

Если г. „Строевой“ говоритъ, что нѣкоторымъ офицерамъ удавалось избѣжать скандала лишь [3]) благодаря ихъ личной [4]) находчивости, а то и физической силѣ; если онъ сочувственно относится (и вполнѣ правильно) къ поведенію офицера въ Радомѣ,

---

[1]) Особенно это вѣрно въ примѣненіи къ идеямъ злобнымъ, враждебнымъ.

[2]) „Русскій Инвалидъ“ № 239.

[3]) [4]) Курсивъ мой.

то какого же еще рѣшенія „больного вопроса“ нужно? И зачѣмъ тутъ припуталось „лишь“? Вѣдь никакого иного противоядія, кромѣ личной находчивости и личнаго воздѣйствія противъ такихъ наскоковъ и придумать нельзя. Въ подобныхъ случаяхъ отъ кого же ждать защиты, какъ не отъ себя самого? Вѣдь въ случаѣ наскока нельзя же сначала сбѣгать по начальству за разрѣшеніемъ какъ поступать, а потомъ дѣйствовать; нельзя тоже водить за каждымъ офицеромъ конвой и судную комиссію для немедленной кары дерзкихъ босяковъ. „Самъ себѣ помогай и Небо тебѣ поможетъ“, говорятъ французы; да и мы говоримъ: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

„Конечно, офицеръ долженъ твердо знать, какъ поступать ему въ подобномъ случаѣ“, продолжаетъ г. Строевой, „онъ долженъ дѣйствовать навѣрняка, зная, что его поддержатъ и начальники и товарищи“.

Да это и знать не трудно, такъ какъ разнообразія рѣшеній тутъ быть не можетъ и не должно. Одно жаль, что авторъ хлопочетъ о гарантіи поддержки, не замѣчая того, что такая гарантія — дѣло второстепенное и забота о ней можетъ повести только къ колебаніямъ. Страхъ отвѣтственности въ подобныхъ случаяхъ и на умъ приходить не долженъ. Офицеръ въ Радомѣ, погнавшись за босякомъ и съѣздивъ его шашкой, конечно не думалъ о подобныхъ гарантіяхъ, и хорошо сдѣлалъ. Еслибъ онъ въ ту минуту попалъ на зубецъ: „а какъ начальство посмотритъ“, то можетъ быть и запнулся бы.

Нѣсколько словъ объ этомъ офицерѣ, а потомъ попробуемъ доискаться гдѣ причина того, что мы стали такими мирными и нельзя ли поправить дѣло.

Что офицеръ погнался за босякомъ и его огрѣлъ, это хорошо, что онъ оставилъ строй—жаль; но что же дѣлать, когда иначе было нельзя? По нуждѣ и закону перемѣна бываетъ; что онъ не рубитъ, а только царапаетъ—сугубо жаль: едва ли онъ умѣетъ рубить, да и была ли у него шашка отточена [1])? Что босякъ осмѣлился такъ близко подойти къ строю и его никто не подумалъ отогнать—это совсѣмъ не хорошо, ибо показываетъ утрату традиціи неприкосновенности строя — традиціи того, что къ нему посторонніе близко подходить не должны; и необходимы немедленныя мѣры къ тому, чтобы ее возстановить. Если это забыто или неисполнимо полиціей, то намъ самимъ необходимо подумать объ оцѣпленіи, за которое никто изъ вольныхъ проникать не смѣлъ бы.

IV.

Причины того, что мы стали такими мирными, лежатъ въ довольно отдаленномъ прошломъ—именно въ войнахъ первой четверти прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, продолжительныхъ и кровавыхъ.

Такія войны вызываютъ и укрѣпляютъ волчьи добродѣтели, которыя съ прекращеніемъ войны и съ возвращеніемъ арміи на родину даютъ себя знать и въ мирное время, когда случается, что отъ героевъ мирнымъ обывателямъ, уже у себя дома, житья нѣтъ. Возникаетъ необходимость ввести въ границы

---

[1]) Рубить сколько-нибудь сносно безъ настойчивой практики нельзя; а онъ вѣрно о такой практикѣ и совсѣмъ не думалъ, какъ впрочемъ и всѣ офицеры, кромѣ кавказскихъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кавалерійскихъ.

волчьи добродѣтели, замѣнивъ ихъ въ должной соразмѣрности добродѣтелями овечьими, мирному положенію болѣе соотвѣтственными.

Но ввести въ границы не значитъ истребить; къ несчастію одно было принято за другое и принялись за истребленіе „этого духа“, тѣмъ болѣе, что тутъ подошло еще роковое 14-е декабря 25 года, да и обще-европейская реакція на насъ тоже отразилась.

Стали преслѣдовать не только безсмысленное бреттерство [1]), не только насиліе и самоуправство, доходившія иногда до разбоевъ, но и проявленія самостоятельности и энергіи, совершенно законныя. Обнаженіе оружія въ самомъ правомъ дѣлѣ считалось преступленіемъ; за дуэли, чѣмъ бы онѣ ни были вызваны, разжаловали обыкновенно въ солдаты, не только дравшихся, но и секундантовъ. О томъ, чтобы учить употребленію оружія, и помину не было; да и зачѣмъ? Вѣдь все обученіе войскъ сосредоточилось на маршировкѣ и на ружейныхъ, а для офицера кавалериста и артиллериста на сабельныхъ пріемахъ: такъ какая же тутъ рубка, колотье или стрѣльба?

Но есть уставъ о службѣ въ гарнизонѣ, въ коемъ никакъ нельзя вычеркнуть употребленіе оружія; его и не вычеркнули, а отправили, такъ сказать, на задворки, прибѣгнувъ къ сантиментальности и заваливъ разными формальными мелочами,—сантиментальности, совсѣмъ умѣстной въ то время, когда говорили: „десять забей, одного выучи“, и когда засѣкали на смерть и въ лежку, и походя.

[1]) Бреттеръ—выискивающій самые пустые предлоги къ дуэлямъ и величающійся ими. Теперь этотъ типъ исчезъ.

Что за вздоръ? Сантиментальность въ уставѣ, возмутится вѣроятно читатель; да вотъ пусть судитъ самъ. Когда въ параграфѣ объ употребленіи оружія писали прежде всего, что оно употребляется только въ крайнихъ случаяхъ, а затѣмъ уже перечисляли эти случаи, то развѣ это не сантиментальность? А результатъ такой редакціи въ обученіи одинъ: крайніе случаи засѣдали въ мозгу у всѣхъ, а случаи употребленія остались для порядка и помнились весьма немногими [1]).

Когда вызывается караулъ въ ружье? Сначала перечислялись всѣ случаи вызова для отданія чести, вплоть до иностранныхъ пословъ, и только потомъ уже случаи, для которыхъ собственно и ставится караулъ. И такимъ образомъ самая сущность, заваленная массой мелочныхъ формальностей, отодвигалась совсѣмъ на задній планъ.

Какъ было написано, такъ и учили; и эта наука засѣла такъ прочно, что и до сихъ поръ процвѣтаютъ и крайніе случаи и иностранные послы, а самое дѣло если знаютъ черезъ пятое и десятое, и тѣмъ бываешь доволенъ.

И вотъ наконецъ цѣль достигнута, эволюція завершена, еще не исполнилась вторая четверть прошлаго столѣтія, а мы стали уже совсѣмъ мирными. Оружіе носилось какъ принадлежность формы одежды; но для чего оно носилось, совсѣмъ позабыли. На всю армію [2]) пожалуй не было ни одного клинка

---

[1]) Въ обязанностяхъ караула при пожарѣ было написано такъ: „Въ случаѣ пожара (чего, Боже сохрани!)...

[2]) Кромѣ кавказской.

отточеннаго, да и клинки были для строя желѣзные, а внѣ строя, у иныхъ даже деревянные; и оно логично: къ чему обременять себя безполезной тяжестью? Вѣдь форма соблюдена, а въ ножнахъ не видно, что вложено: клинокъ или деревяшка. А менѣе исправные офицеры и совсѣмъ себя облегчили, то-есть внѣ строя вовсе не носили оружія.

Логика вещей безпощадна, она всякую идею доводитъ до крайнихъ послѣдствій: въ уставѣ появились пріемы, при которыхъ надо было хвататься за лезвее, то-есть за ту часть клинка, которая должна быть отточена какъ бритва. При отточенномъ оружіи, такой нелѣпый пріемъ и въ голову бы не пришелъ, но при тупой полосѣ желѣза, онъ предписывается уставомъ и исполняется конечно на ученіи; офицерство расхлябалось до того, что внѣ строя нѣкоторые забывали одѣвать оружіе, даже отправляясь по начальству. Такъ одинъ мой пріятель [1]), въ началѣ 50-хъ годовъ, явился къ Я. И. Ростовцеву [2]) съ какой-то просьбой, въ полной парадной формѣ и... безъ оружія. Хорошо, что напалъ на человѣка умнаго и съ сердцемъ: благодаря этому, онъ отдѣлался только тѣмъ, что былъ спрошенъ: „что вы въ ббаню пришли или отсюда собираетесь“?

Много позже, въ вооруженіе офицеровъ ввели револьверы; большинство вмѣсто нихъ стало носить деревяшки: оно легче, да и дешевле, а о вѣроятности употребленія револьвера никто и не думалъ.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“...

---

[1]) Уже покойникъ.

[2]) Тогда начальникъ штаба В. У. З.

Съ такимъ мирнымъ настроеніемъ сходили въ походъ 49-го года, когда въ гвардіи объ отточкѣ оружія никто и не подумалъ; по возвращеніи съ похода, формально отбывали караульную службу, и все сходило съ рукъ, потому что все было мертвенно тихо и все „благополучно“.

Но теперь не тихо, а „благополучно“ ушло и врядъ ли скоро вернется. Это намъ нужно принимать въ расчетъ совсѣмъ серьезно, и по соотвѣтствію поступать; — а мы мирные, мы тихіе, когда кругомъ насъ охъ, какъ не тихо! А что случится, мы ноемъ и думаемъ, что не мы сами себя, а кто-то другой долженъ насъ защищать...

V.

Что было въ войскахъ, то разумѣется было и въ военныхъ школахъ. Къ подлинной службѣ онѣ вполнѣ не готовили, да и не удивительно, такъ какъ воспитатели брались изъ того же строя и являлись съ тѣми же требованіями внѣшней формалистики и плацъ—парада, а не сущности, которой они и сами не знали.

Конечно школа, даже и наилучше поставленная, жизни научить не можетъ, но она можетъ и должна поставить и укрѣпить въ сознаніи молодежи руководящія, направляющія вѣхи: въ этомъ собственно и заключается воспитаніе. Благодаря военной организаціи, школа попутно даетъ практику отношеній къ старшимъ, равнымъ и младшимъ въ военной сферѣ собственно. Это много, но далеко не все; это даже и не служба, а только обстановка, при коей служба отправляется. Указаній на то, какъ офицеръ

долженъ себя вести на службѣ внѣ военной сферы, не только при обычномъ теченіи общей жизни, но и тогда, когда она выходитъ изъ нормы, школа не даетъ. Въ подтвержденіе этого ссылаюсь на личный примѣръ: вышелъ я въ офицеры безъ малѣйшаго понятія о караульной службѣ, и самыя основныя обязанности и права караульнаго начальника были для меня областью, совершенно невѣдомой. Не зналъ я ни того, что вступивъ въ караулъ, я выхожу изъ подчиненія своему прямому начальству и подчиняюсь коменданту; не зналъ и того, что облекаюсь въ караулѣ страшнымъ правомъ употребленія оружія, ни того въ какихъ случаяхъ я долженъ примѣнять это право, ни какой отвѣтственности подвергаюсь, примѣнивъ его когда не нужно и не примѣнивъ когда нужно. Все это вычиталъ я самъ въ уставѣ уже когда началъ ходить въ караулъ и все это для меня было совершеннымъ открытіемъ. Ни въ школѣ, ни въ полку никто меня, какъ и другихъ, въ знаніи перечисленнаго не провѣрялъ и никто этого мнѣ и не подумалъ подчеркнуть. Единственное что провѣрили и заставили продѣлать, это церемонію смѣны и отданія чести. И это въ полку, пользующемся давнишней и заслуженной репутаціей строгаго отношенія къ службѣ.

Да не въ судъ или во осужденіе кому-либо примутъ сказанное, но въ поученіе. Тутъ никто не виноватъ и всѣ виноваты: всѣ и покаемся. Повѣрятъ ли тому, что изъ большого числа офицеровъ, выпущенныхъ за послѣднее время въ одинъ округъ, оказался самый незначительный процентъ твердо знающихъ законъ о подчиненіи карауловъ и объ

употребленіи оружія какъ караулами, такъ и командами, высылаемыми для подавленія уличныхъ безпорядковъ? Вѣрьте, не вѣрьте, но это фактъ.

Спрашивается: при такой подготовкѣ въ полкахъ и въ школѣ изо ста выпущенныхъ офицеровъ, не рискуетъ ли по крайней мѣрѣ девяносто очутиться въ положеніи, подобномъ тому, которое подало поводъ къ этой бесѣдѣ? Да и остальные десять, если не потеряются, то благодаря ли такой подготовкѣ, или не взирая на оную?

Могутъ возразить, что все это къ дѣлу не относится, такъ какъ рѣчь идетъ не о командахъ или караулахъ, а объ единичныхъ случаяхъ: во первыхъ, не объ единичныхъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ оскорбленіе было нанесено при командѣ; во вторыхъ, все дѣло тутъ въ томъ, какъ мысль офицера относится къ оружію. И безъ объясненія всякій пойметъ, что строй души человѣка, который умѣетъ рубить и знаетъ когда долженъ рубить, совершенно иной, чѣмъ у того, кто шашкой только махаетъ. Недавній случай на Кавказѣ служитъ этому наглядымъ поясненіемъ: нахалъ толкнулъ офицера, стоявшаго на тротуарѣ и на окликъ его: „чего толкаешь“?—повернулся къ офицеру и ударилъ такъ, что свалилъ его съ ногъ,—значитъ было отъ чего опѣшить; но офицеръ мгновенно вскочилъ, выхватилъ револьверъ и положилъ нахала на мѣстѣ.

Говорятъ, что о подобныхъ оскорбленіяхъ въ законѣ ничего нѣтъ: во первыхъ, какъ уже было сказано, есть; а во вторыхъ право самозащиты, право прирожденное, непререкаемое, никакимъ писаннымъ закономъ не упразднимое, всегда было,

есть и будетъ. Натуральное право, съ развитіемъ общежитія и государственности, не умираетъ, а только переходитъ въ скрытое состояніе; но при нравственныхъ эпидеміяхъ, отрицающихъ установившійся общественный и государственный строй, оно вступаетъ полностью въ свои права противъ отрицателей.

VI.

Относительно того, какъ исправить положеніе, появилось нѣсколько совѣтовъ, обнаруживающихъ тотъ же мирный складъ, правильнѣе разбродъ мысли, захваченной врасплохъ явленіями, непривычными для мирнаго военнаго человѣка.

Однимъ казалось, что самое лучшее пороть наскоковъ тутъ же, на мѣстѣ преступленія: не совсѣмъ это удобно дѣлать на улицѣ, да и розогъ не найдешь на мѣстѣ; а возить ихъ за каждой командой, тоже расходисто; да и къ чему? Вѣдь впередъ нельзя знать, гдѣ онѣ понадобятся.

Нѣкоторые предлагаютъ носить шашки поверхъ пальто; если оно надѣто въ рукава, то никто этому и теперь не мѣшаетъ. И тутъ опять проскальзываетъ мировщинка и забота о формѣ одежды! Вѣдь шашку прежде надо отточить и умѣть ею рубить, а уже потомъ думать, гдѣ и какъ ее носить. Прежде чѣмъ думать о порядкѣ въ формѣ одежды, не лучше ли подумать о порядкѣ въ сердцѣ и головѣ?

Наконецъ нѣкоторые высказываются за то, чтобы наскоковъ предавать военному суду.

Въ началѣ статьи уже было сказано, что это дѣлу не поможетъ и почему не поможетъ; а между

тѣмъ подобная мѣра есть ни болѣе, ни менѣе, какъ ломка существующаго закона, что вполнѣ убѣдительно выяснено послѣсловіемъ редакціи „Русскаго Инвалида“, сдѣланнымъ къ статьѣ „Строевого“ въ № 239.

Это одна изъ нашихъ болячекъ: чуть что, сейчасъ подавайте или новый законъ, или ограничивайте уже существующій. Если на всякій случай писать законъ, то выйдетъ не система законовъ, а узаконенное беззаконіе, ибо подобные законы, издаваемые подъ вліяніемъ непродуманныхъ первичныхъ впечатлѣній, представляютъ тотъ же произволъ, только положенный на бумагу.

Законы, обсуженные и редактированные въ спокойномъ состояніи духа, нельзя мѣнять подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ раздражителей, также точно, какъ по частному случаю нельзя дѣлать общихъ выводовъ. Вообще раздраженіе, плохой совѣтникъ; а въ дѣлѣ, къ коему, болѣе чѣмъ къ какому либо примѣнима поговорка: семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь, оно и совсѣмъ не у мѣста.

Пишите сколько угодно законовъ, но если они другъ другу противорѣчатъ, если другъ друга отмѣняютъ или хотя бы и временно, но часто другъ друга ограничиваютъ, на уваженіе къ нимъ разсчитывать нельзя. Язва же неуваженія къ закону настолько у насъ укоренилась, что можно и не способствовать дальнѣйшему ея развитію. Кто же не знаетъ, что у насъ не только сановника, но даже и чиновника ничѣмъ болѣе нельзя раздразнить, какъ ссылкой на законъ...

Человѣческій законъ по незыблемости и постоян-

ству хотя отдаленно долженъ приближаться къ законамъ природы: только тогда онъ и уважается; а если сегодня такъ, завтра иначе, послѣ завтра опять иначе, не знаешь, что и уважать.

Не мѣшаетъ при этомъ имѣть въ виду и слѣдующее соображеніе, не лишенное значенія: всякая кара по суду, усиливаемая противъ нормальнаго закона, хотя бы и по совершенно основательнымъ побужденіямъ, придаетъ въ глазахъ толпы видъ жертвы и мученика даже потрясающему злодѣю; не слишкомъ ли много чести придавать такой видъ заурядным прохвостамъ?

VII.

Изъ всего сказаннаго заключеніе понятно.

1) что офицеръ, оставаясь смирнымъ, безобиднымъ и не задирой, долженъ перестать быть мирнымъ, кажется неоспоримо;

2) что онъ долженъ предвидѣть случаи, когда некогда полагаться на начальство или на судъ, а нужно распорядиться на свой страхъ и рискъ, — это кажется тоже ясно;

3) что босякъ расхрабрился главнѣйше потому, что оружіе пускается военными рѣдко въ ходъ, то и это кажется ясно, равно какъ и то, что если всякій наскокъ будетъ вызывать немедленное воздѣйствіе, то и наскоки прекратятся.

4) Когда во второй четверти прошлаго столѣтія занялись обращеніемъ насъ въ мирныхъ, то не предвидѣли того, что кабацкихъ героевъ этимъ не уймутъ, а порядочнымъ людямъ руки свяжутъ. Теперь кажется дѣло выяснилось, и вопросъ по-

ставленъ прямо, т. е., что дѣло не въ томъ, чтобы отнюдь не употреблять оружія, а въ томъ, чтобы не злоупотреблять имъ.

Офицеръ, оскорбляющій другихъ безъ повода и вызывающій ихъ на отвѣтное оскорбленіе, конечно никакого снисхожденія не заслуживаетъ; но и офицеръ, допускающій оскорбить себя безнаказанно, не подавъ къ тому никакого повода, не заслуживаетъ, ни сочувствія, ни тѣмъ менѣе одобренія.

5) Офицеръ долженъ быть смиренъ и бозобиденъ какъ овечка, но малѣйшее посягательство на оскорбленіе его дѣйствіемъ должно вызвать съ его стороны возмездіе оружіемъ мгновенное, рефлекторное. Старый черный порохъ—лучшій для него примѣръ: въ сухомъ мѣстѣ онъ можетъ пролежать цѣлые вѣка безжизненно и безобидно; но искры онъ не забываетъ, и ея прикосновеніе къ нему безнаказанно не пройдетъ. Оскорбленіе для офицера то же, что искра для пороха.

„Апологія убійства! Самосудъ!“ взвоютъ вѣроятно прогрессисты извѣстнаго типа и запаха. Теперь этими жупелами никого не запугаешь. Пусть себѣ воютъ, если мы никого не трогаемъ, а претендуемъ и имѣемъ право претендовать только на то, чтобы и насъ не трогали, когда мы никого не трогаемъ. Это апологія не убійства и не самосуда, а право самозащиты, какъ уже сказано прирожденнаго, непререкаемаго, никакими писанными законами неупразднимаго.

Достойно замѣчанія, когда эти распре—красные господа усиливаются пугать подобными жупелами у себя дома, они нисколько не возмущаются, хотя

бы сѣверо-американскимъ закономъ „Линча“, который есть проявленіе самаго наглаго произвола толпы противъ единичныхъ людей, зачастую совершенно невинныхъ.

Хороши ли у васъ клинки, господа?—Заведите, это не роскошь, а необходимость.

Отточены ли у васъ шашки, господа?—Отточите.

Умѣете ли вы ими рубить, господа?—Практикуйтесь усиленно и непрерывно.—

Револьверы тоже въ порядкѣ держите. Встряхнитесь, время не ждетъ, инспекторскій смотръ идетъ.

VIII.

Время теперь бойкое, довольно схожее съ военнымъ, слѣдовательно примѣнять къ нему нужно и и совѣты военные. Наполеонъ совѣтуетъ при каждомъ положеніи рѣшать вопросъ, что я сдѣлаю, откуда бы непріятель ни появился. Маршалъ Бюжо имѣлъ привычку говорить, что солдатъ предваренный стоитъ двухъ [1]) и разумѣется примѣнялъ свой совѣтъ на практикѣ; предваряя солдатъ и офицеровъ, что имъ предстоитъ дѣлать и какія возможныя случайности принимать въ разсчетъ. То же самое говорилъ и Суворовъ, только по своему [2]). Эти совѣты должны перейти изъ тактики въ обыкновенный жизненный обиходъ воинскій, не только

[1]) Un soldat averti en vaut deux.

[2]) „Всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“; за ученаго двухъ неученыхъ даютъ и проч.

въ полкахъ, но и въ военныхъ школахъ. Нужно начать съ того, чтобы всякій офицеръ и нижній чинъ умѣли хорошо рубить, колоть и стрѣлять (смотря по вооруженію.

Затѣмъ обязательно провѣрять и въ полкахъ и въ школахъ знаніе случаевъ употребленія оружія.

Потомъ необходимо добиться, чтобы офицеры и солдаты, идущіе или стоящіе въ одной командѣ, никогда не считали себя за одиночекъ и на этомъ основаніи оскорбленіе кого-либо изъ чиновъ команды разумѣли бы оскорбленіемъ всей команды. Но по пустякамъ исторій не дѣлать и не затѣвать ихъ изъ-за ругани какой-нибудь шлюхи: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Такъ въ случаѣ, по поводу коего это написано, фельдфебель, по моему мнѣнію, долженъ былъ сейчасъ же арестовать босяка, когда тотъ къ нему присталъ, и передать полиціи.

При всякомъ удобномъ случаѣ, а передъ роспускомъ карауловъ и при отправленіи какихъ-либо командъ въ особенности, спрашивать хотя нѣкоторыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ примѣрно такъ: „что вы (ты) сдѣлаете, если вамъ (тебѣ) навстрѣчу попадется враждебная толпа? Если появится другая толпа съ тыла? Если проходящій мимо человѣкъ ударитъ кого нибудь изъ караула и тому подобное. Опросы нужно дѣлать такъ, чтобы ихъ по возможности слышали всѣ чины команды, тогда съ ними и не будетъ случаться неожиданностей.

„Un soldat averti en vaut deux“ [1]).

---

[1]) Солдатъ предваренный стоитъ двухъ.

IX.

Опять приходится повернуть назадъ. Г. В. Андреяновъ еще въ № 639 „Развѣдчика“ высказалъ замѣчанія и недоумѣнія по поводу статей „Дѣлишекъ“, касавшихся нѣкоторыхъ артиллерійскихъ вопросовъ, а я ему не отвѣтилъ. Произошло это не отъ уклончивости или нежеланія, а просто забылъ. Теперь, напавъ при разборѣ бумагъ на замѣтку г. В. А., отвѣчаю, и даже нѣсколько длинно, такъ какъ онъ нѣкоторыя краткія разсужденія въ прежнихъ моихъ писаніяхъ затруднился понять.

Прежде всего намъ съ нимъ необходимо условиться въ нѣкоторыхъ взглядахъ. Я и не думаю рѣшать какіе-либо вопросы; въ литературѣ ихъ не рѣшаютъ, а высказываютъ свое о нихъ мнѣніе, которое въ рѣшающихъ мѣрахъ можетъ послужить не какъ заключеніе, а только какъ одна изъ данныхъ для онаго.

Примѣръ: Вы убѣждены, что артиллерійскую прислугу нужно вооружить ружьемъ со штыкомъ и конечно считаете противоположное мнѣніе нелѣпымъ; я нахожу наоборотъ, что нелѣпо вооружать ее подобнымъ образомъ; очевидно, что ни Вы, ни я этого вопроса не рѣшаемъ, а только высказываемъ наши о немъ мнѣнія; и чье мнѣніе будетъ принято, это не наше дѣло, ибо рѣшать вопросъ будутъ другіе, а не мы съ Вами.

Кромѣ того, человѣкъ, знающій литературные обычаи и приличія, никогда не отнесетъ къ себѣ лично характеристику его мнѣнія, какъ бы она рѣзка ни была, т. е. никогда не позволитъ себѣ сдѣлать изъ нея личный вопросъ. Нѣкоторые этого

не понимаютъ и, забывая самое дѣло, затягиваются въ безплодныя пререканія, вродѣ напримѣръ такого:

„Милсти Сдарь! Такъ мое мнѣніе по вашему нелѣпо, такъ значитъ я по вашему дуракъ“. И такъ далѣе. Однимъ словомъ, какъ гоголевскій титулярный совѣтникъ, который сразу понялъ въ чемъ дѣло.

Такому Милостивому Государю отвѣтъ одинъ: „Милсти Сдарь, можно быть не только умнымъ, а даже геніальнымъ человѣкомъ и дѣлать глупости или говорить нелѣпости. Наполеонъ былъ не дуракъ, а сдѣлалъ роковую глупость, погнавшись за двумя зайцами, когда сунулся въ Россію, не покончивъ сначала съ Испаніей; а послѣ оправдывалъ свою глупость нелѣпостью, что „онъ не можетъ бороться противъ стихій“ [1]), намекая конечно на морозы; какъ будто раньше онъ не зналъ объ этихъ стихіяхъ!“

Все это пришлось разъяснить по необходимости, въ виду слѣдующаго размышленія г. В. А.:

„Вѣдь не допуститъ же глубокоуважаемый авторъ, что мы, артиллеристы мирнаго времени, думаемъ только объ одномъ—„нельзя ли намъ губить п отивника, не рискуя самимъ погибнуть“.

Тутъ г. В. А. обижается правда не за себя, а за цѣлую уже компанію мирныхъ артиллеристовъ: опека большая! Конечно я такого предположенія и въ мысли не имѣлъ допускать; удивляюсь, какъ его допустилъ въ свою статью г. В. А., хотя бы и въ лицемѣрно-смиренной формѣ. Уже по тому одному, какъ я часто прибѣгаю къ выраженію, подавшему

[1]) Je ne puis pas lutter contre les éléments.

поводъ къ его инсинуаціи, г. Андреяновъ могъ бы догадаться, что оно, относясь къ мнѣніямъ, порождаемымъ долгимъ миромъ, имѣетъ характеръ исключительно общій и ни къ кому въ частности относиться не можетъ. Могъ бы онъ объ этомъ догадаться еще и потому, что въ мирное время судить о чьей либо храбрости или трусости безсмысленно—на это данныхъ нѣтъ, ихъ даетъ только бой; во-вторыхъ, что можно быть храбрымъ по натурѣ, а умомъ попасть на тотъ, напримѣръ, зубецъ, что щиты необходимы: т. е. служить самосохраненію, и самому этого иногда не подозрѣвать.

И потому думаю, что предположеніе г. В. А., пущенное по моему адресу, и не логично, какъ выше объяснено, да и неприлично; такъ какъ въ литературѣ вообще не принято вмѣсто аргументаціи подставлять инсинуацію.

И къ чему тутъ „глубокоуважаемый“? Лучше бы обойтись безъ него и воздержаться отъ инсинуаціи.

А теперь къ дѣлу. Признавъ, что о щитахъ и о неумѣстности знамени въ артиллеріи я высказался ясно, г. В. А. находитъ, что „рѣшеніе“ двухъ другихъ вопросовъ (о стрѣльбѣ изъ за скатовъ и о вооруженіи артиллерійской прислуги) далеко не убѣдительно. Еще разъ: я не „рѣшаю“ никакихъ вопросовъ; не останавливался же на первомъ долго потому, что случай подобной стрѣльбы можетъ по моему мнѣнію возникнуть весьма рѣдко въ полевой войнѣ; а на второмъ потому, что о немъ перетолковано давно до пресыщенія, и усовершенствованіе ручного огнестрѣльнаго оружія не измѣнило его ни на іоту. Размазывать совершенно ясное и давно

извѣстное я вообще не люблю, да и передъ редакторомъ совѣстно. Но замѣчаніе г. В. А. побуждаетъ меня остановиться на этихъ вопросахъ нѣсколько подробнѣе.

Что я не безусловно противъ стрѣльбы изъ-за ската, видно изъ примѣчанія, на которое ссылается и г. В. А.. Я только нахожу, что мысль о ней не должна особенно озабачивать полевыхъ артиллеристовъ хотя бы потому, что мѣстность рѣдко представляетъ случаи скатовъ, для этого удобныхъ [1]). Я притомъ боюсь, чтобы изъ за заботы о пріисканіи ската не терялось иногда время на обстрѣливаніе въ открытую; нахожу также, что массированіе артиллеріи, теперь вездѣ принятое, полагаетъ стрѣльбѣ изъ-за скатовъ препятствіе, едва ли одолимое; признаю еще, что кто можетъ больше, можетъ и меньше, т. е. что пріученный къ стрѣльбѣ въ открытую не затруднится стрѣлять изъ-за ската;—пріученный же думать о скатѣ, пожалуй, безъ онаго и заскучаетъ. Думаю также, что стрѣльба по невидимымъ цѣлямъ невидимой батареи — дѣло весьма копотное и уже по этому одному въ полевомъ бою едва ли примѣнимое. Офицеру пріемы такой стрѣльбы конечно должны быть извѣстны; должна быть установлева и практика въ ней, тоже преимущественно для офицеровъ; но увлекаться ею, по моему мнѣнію, не годится, какъ вообще всякими исключительностями и раритетами, какими бы заманчивыми они ни казались. Во всемъ этомъ какъ,

[1]) Слишкомъ пологій заставитъ располагать орудія далеко отъ гребня; сколько нибудь крутой можетъ повести къ опрокидыванію орудій.

читатель видитъ, нѣтъ намека на чью-либо осторожность или нежеланіе жертвовать собою, а есть только указаніе на свойства стрѣльбы батареи, не видящей непріятеля и имъ не видимой. Обращаясь къ духовной подкладкѣ подобнаго расположенія, предлагаю г-ну В. Андреянову рнаазмышленіе вопросъ, чему оно отвѣчаетъ: самоотверженію или самосохраненію, хотя бы совершенно законному и не зазорному?

„Еще труднѣе понять, чѣмъ, по мнѣнію М. И. Д., должна быть вооружена артиллерійская прислуга“, говоритъ далѣе г. В. А.; но эту трудность онъ разрѣшаетъ благополучно въ концѣ статьи, гдѣ самъ же говоритъ, что я не признаю ружья въ артиллеріи; значитъ, понялъ. А не признаю потому, что кто долженъ до послѣдней минуты стрѣлять изъ орудія, тому некогда думать о личной защитѣ, и вооружать его ружьемъ, дальность котораго 700 саженъ, уже по этому самому нелѣпо; эта защита должна всецѣло лежать на прикрытіи; что мечтающіе о подобномъ вооруженіи для прислуги забываютъ прикрытіе, т. е., не знаютъ даже того, что артиллерія безъ прикрытія на войнѣ не только никогда не дѣйствуетъ, но и не ходитъ; что вооруженіе ружьемъ влечетъ за собою курсъ ружейной стрѣльбы, сборку, чистку и разборку ружья, а у охотниковъ до плацпарада повлечетъ пожалуй и къ церемоніальному маршу по пѣхотному. Гдѣ, спрашивается, артиллеристу взять на это время? Предоставляемъ подумать обо всемъ этомъ самому г-ну В. А.. А главное, еще разъ: зачѣмъ давать ружье, стрѣляющее на 2 т. шаговъ человѣку,

который можетъ стрѣлять изъ него только въ упоръ? Неужели на томъ оригинальномъ основаніи, которымъ г. В. А. заканчиваетъ свою замѣтку, будто артиллерія должна обладать винтовкою, да еще со штыкомъ, какъ родъ оружія, исключительно огнестрѣльный? Тогда, для послѣдовательности, не облагодѣтельствовать ли ее еще и картечницей, придавъ хоть по одной на батарею, дабы получить изъ батареи маленькій музей?

Да кромѣ того, если въ артиллеріи винтовка такъ нужна, что вопросъ о вооруженіи ею составляетъ для многихъ даже „больной вопросъ“, то отчего не вооружить ею г.г. офицеровъ? Вѣдь онъ „больной“ конечно для нихъ, а не для прислуги; да у нихъ кстати во время канонады и руки свободны. Можетъ быть скажутъ, что они работаютъ головой: а прислуга развѣ работаетъ только руками и ногами? Безъ участія головы никакая работа не мыслима; не подумавши и портянки обмотать толкомъ нельзя. Содержаніе работы можетъ быть разное, а напряженіе мозга одно.

Пусть г. А. укажетъ хоть на одинъ случай, въ которомъ артиллерійской прислугѣ можетъ понадобиться дальнобойная винтовка, и я соглашусь, что ее можно допустить въ артиллерію. Но такого случая онъ не найдетъ; а притянутому за волосы я не повѣрю.

Моя ссылка на Ермолова г-ну В. А. кажется несостоятельной; онъ не снисходитъ до опроверженія ея, а ограничивается только тѣмъ, что „вѣдь совершенно также можно сослаться и на Суворова, говорившаго что пуля дура“. Что тутъ общаго, не-

доумѣваю; и не для риторической фигуры, а совершенно искренно недоумѣваю. Третировать съ кондачка такихъ дѣятелей можетъ быть и прогрессивно, но не совсѣмъ осмотрительно.

Сначала два слова о Суворовѣ. Выраженіе о пулѣ, приведенное вѣроятно съ ироніей, какъ устарѣвшій предразсудокъ, на столько не устарѣло, что встань Суворовъ изъ гроба, онъ и теперь ничего иного бы не сказалъ. Если оно кажется г-ну В. А. такимъ устарѣлымъ на отечественномъ языкѣ. то можетъ быть оно легче найдетъ доступъ въ его сознаніе въ вяломъ переводѣ на нѣмецкій языкъ, сдѣланномъ для австрійцевъ: „Штыкомъ одинъ человѣкъ можетъ заколоть двухъ или трехъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ“. Такъ-ли это или нѣтъ? И можетъ ли быть когда-нибудь иначе?

Приглашаемъ г-на В. А. вспомнить англійскую стрѣльбу въ Трансваалѣ и безсмысленную возню въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ съ пятерными силами, приложить къ ней афоризмъ Суворова и рѣшить по совѣсти: подтверждается ли онъ этой войной? А въ случаѣ недоумѣнія онъ можетъ обратиться къ корреспонденціи г-жи Изъединовой въ „Русск. Инвалидѣ“ за 901 годъ. При гладкомъ оружіи говорилось, что на одного убитаго нужно было истратить столько свинца, сколько убитый вѣситъ; я полагаю, что англійская стрѣльба изъ усовершенствованныхъ ружей не отстала отъ этой оцѣнки, если не перещеголяла ее. Предвижу возраженіе: а Бурская стрѣльба?—Представьте и она не ослабляетъ, а еще усиливаетъ Суворовскую формулу, ибо Буры: 1) берегли пулю; 2) стрѣляли рѣдко, да мѣтко; 3) цѣли

не достигли, ибо не кончали холоднымъ оружіемъ. О старикахъ сбрызгу судить нельзя; объ нихъ можно говорить, хотя немного ихъ изучивши и продумавши, а не схвативъ на лету какую-нибудь одну формулу.

То же, что сказано о Суворовѣ, относится и къ Ермолову. Г-ну В. А. нужно бы припомнить, что это былъ не просто конно-артиллеристъ и даже не генералъ-отъ-артиллеріи, кавалеріи или инфантеріи, а генералъ вполнѣ отвѣчавшій прямому смыслу этого слова, т. е., „общій“, т. е., способный управлять и командовать всѣми родами оружія [1]), понимающій какъ матеріальныя, такъ и духовныя ихъ свойства. Человѣкъ высокоталантливый, обаятельно дѣйствовавшій на войска, т. е., крупный практическій психологъ, понимавшій духовную подкладку и человѣка, и оружія. Какъ таковой, онъ понималъ и то, чего теперь многіе никакъ понять не могутъ: именно, что вооруженіе воина опредѣляется его свойствами духовными и физическими, его назначеніемъ или спеціальностью, а вовсе не прогрессомъ въ усовершенствованіи того или другого оружія; и что давать человѣку оружіе, прямо противоположное его спеціальности, значитъ не совершенствовать, а ухудшать дѣло, т. е.,

---

[1]) По привычкѣ, мы не замѣчаемъ несообразности этихъ прибавокъ, но она неоспорима, ибо, въ сущности, что же это за генералъ, если онъ только инфантеристъ, или кавалеристъ, или артиллеристъ? Все это нѣмецкіе намъ подарки преобразовательно-подражательной эпохи, вмѣстѣ со многими другими, до шпицрутенцовъ включительно.

болѣе или менѣе посягать на спеціальность. Это въ равной мѣрѣ относится не къ одной конной или пѣшей артиллеріи, а ко всякому роду оружія.

Послѣдствія этого положенія весьма важны: а) поелику человѣкъ такъ устроенъ, что его мысль не способна двоиться, т. е. думать за разъ о двухъ предметахъ или цѣляхъ, то нужно и дѣятельность его направлять такъ, чтобы этой двойственности въ ней не было; б) если бы у человѣка мысль могла двоиться и было бы четыре руки, то онъ могъ бы одной парой рукъ работать у орудія, а другой парой стрѣлять изъ ружья, да еще при условіи прибавки и извѣстнаго расположенія глазъ; но такъ какъ у него только двѣ, да притомъ нужно ими работать у орудія вплоть до появленія непріятеля на самой батареѣ, то ружье ему не только не помощь, а безполезная обуза. А въ войскѣ, что безполезно, то по этому самому и вредно. Г. В. А. говоритъ, что „артиллеристы не выработали еще, можно ли имъ отразить атаку холоднымъ оружіемъ“: а пробовали-ль они учиться дѣйствовать этимъ оружіемъ? А отточены ли у нихъ шашки? У Васъ у самихъ, г. В. А., есть ли порядочный клинокъ? И отточенъ ли онъ? И умѣете ли Вы рубить имъ мѣтко и сильно? Зачѣмъ же и говорить о невыработкѣ того, чего и не пробовали вырабатывать?

Изъ сего г. В. А. усмотрѣть можетъ, что „больной вопросъ“, по его мнѣнію, не только не больной, но даже и не вопросъ; и что артиллеристъ долженъ быть вооруженъ только тѣмъ оружіемъ, которое во всемъ мірѣ признается какъ основной признакъ воинскаго сословія, т. е., холоднымъ. А затѣмъ

какого типа оно должно быть — вопросъ не литературы, а комитетовъ: лишь бы при посадкѣ на орудія ногъ не помогало ломать.

X *).

Весьма заманчивую, но и щекотливую тему затронулъ въ № 685 „Развѣдчика“ г. Н. Бутовскій, о современной „эпидемической распущенности“. Конечно въ военной сферѣ таковая въ настоящее время, слава Богу, не мыслима; но вѣдь нельзя сказать, чтобы и въ гражданской она такъ ужъ была распространена, хотя ей тамъ и больше поводовъ. Но, констатируя фактъ, г. Н. Бутовскій не указываетъ основной причины этой разницы. Слова нѣтъ, извѣстная замкнутость военной сферы, непрерывная, и при томъ довольно утомительная работа разумѣется способствуютъ тому, чтобы разлагающія идеи не находили себѣ между военными особеннаго отклика; но г. Б. и самъ признаетъ, что „сирены“ вторгаются иногда и къ намъ: отчего же имъ ходу нѣтъ? Я думаю оттого, что у насъ за душой кое-что осталось, не взирая на переходное положеніе; а осталось потому, что основныя военныя положенія не подвергались, по счастію, поверхностному реформаторству, — ни злобному, ни необузданному.

Начиная съ крымской кампаніи, мы отъ худа добра часто искали; но отъ добра добра не искали, а тѣмъ паче отъ добра къ худу не поворачивали. Послѣ крымской кампаніи мы поставили сначала

---

*) Статьи X, XI и XII-я написаны въ 1904 г.

крестъ на палочно-костоправной системѣ фридриховской муштры; мы понемногу сократили срокъ службы; мы послѣ 1866 года перешли съ рекрутской не только на всенародную, но при томъ на всесословную воинскую повинность, допустивъ льготы въ оной исключительно по образованію; мы признали, что только честный человѣкъ достоинъ быть солдатомъ, и торжественно покончили со шпицрутенами, съ розгой, съ палкой, съ мордобойствомъ. Конечно покончили пока принципіально: вѣковыя привычки сразу не умираютъ, и господа, считающіе мордобойство своимъ прирожденнымъ правомъ, еще процвѣтаютъ; но этому законъ не виноватъ, а виновато начальство, не способное или не желающее блюсти за его исполненіемъ. Вотъ сколько новшествъ внесли въ армію какія-нибудь четыре десятилѣтія, и это ее нисколько не разшатало. Потому она и осталась прочною и сплоченною, что новшества были разумны и необходимы; и разъ, рѣшившись принять эти новшества, ихъ уже не трогали, т. е. существенно не мѣняли. Но попробуйте сегодня отмѣнить тѣлесное наказаніе, а завтра его возстановить; сегодня объявить льготы по образовательному цензу, а завтра ихъ отмѣнить, — и вы увидите, надолго ли хватитъ этой сплоченности и прочности... Не даромъ дѣдушка Крыловъ свою басню „Огородникъ и Философъ“ закончилъ геніальнымъ нравоученіемъ: „А Филозовъ безъ огурцовъ“. Правда, есть признаки, что зудъ законодательнаго творчества и у насъ начинаетъ обуревать нѣкоторыхъ лицъ и даже корпораціи; но авось дѣло обойдется, если на верхахъ на сей зудъ не обратятъ вниманія.

Въ гражданской жизни дѣло пошло иначе, по многимъ причинамъ, а между прочимъ и оттого, что она разностороннѣе и по складу, и по сложности столкнувшихся интересовъ. Но и въ ней симптомы эпидемической распущенности представляютъ не Гегидзе и ему подобные писатели, а тѣ „ханжи, лицемѣры, сладострастники, воинствующіе недоучки, не пойманные судомъ мошенники", которые не будутъ геройствовать съ нарожденіемъ здороваго общественнаго мнѣнія, какъ о томъ мечтаетъ г. Н. Бутовскій. Дай-то Господи...

Господинъ Гегидзе тутъ ни при чемъ: онъ взялъ героемъ своей книжки человѣка больного и притомъ исключительно въ студенческой средѣ: этотъ герой одержимъ маніей величія и пріапизмомъ; онъ очевидно обладаетъ средствами (ибо вино и „бедра" нужно оплачивать не дешево, если они сколько нибудь сносной марки), своей судьбой не озабоченъ, ибо къ университету относится совершенно съ кондачка; онъ очевидно восточнаго происхожденія, такъ какъ извѣстная сторона жизни, составляющая предметъ помысловъ и страстныхъ стремленій молодежи всѣхъ широтъ и всѣхъ поколѣній, для этого двуногаго таракана наполняетъ, такъ сказать, всю жизнь. Всякому извѣстно, съ какимъ рвеніемъ и утонченнымъ разнообразіемъ восточные человѣки разрабатываютъ, и всегда разрабатывали, эту сторону жизни. По всему этому нахожу, что книжка г. Г. вовсе не есть показатель эпидемической распущенности. Новаго тутъ только одно: то, о чемъ предшествующія поколѣнія любили только думать и между собою говорить, представители нынѣшняго

начали печатать. Хорошо это или дурно, право не берусь судить; по нашему, по старому, фиговый листъ считался нелишнимъ не только въ скульптурѣ, но и въ жизни; — по ихнему, въ жизни какъ будто можно обходиться и безъ него: дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ. Фактъ извѣстный, что старое поколѣніе на новомъ всегда собакъ вѣшаетъ. Правда, что и новое въ долгу передъ старымъ за это не остается. Мы не все то печатали что дѣлали, а они не все то дѣлаютъ, что печатаютъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о „наукѣ Драгомирова“, какъ ее называетъ г. Н. Бутовскій. Неужели еще не настало время считать ее наукой всякаго здравомыслящаго военнаго человѣка, которому дороги интересы родной арміи, если онъ не погрязъ въ рутинѣ или не отупѣлъ до того, что мечтаетъ о возвратѣ къ учебнымъ шагамъ, къ костоправству и неразлучнымъ съ ними палкамъ? Вѣдь, ей Богу, она не моя, а Суворова, Маршала Саксонскаго, Юлія Цезаря, Наполеона, Тюренна, Бюжо. Вѣдь не я выдумалъ, что, желая спеціализировать человѣка въ солдата, нужно сообразоваться съ его физическими и духовными свойствами; и, развертывая скобки этой формулы, не я сказалъ, что въ человѣкѣ первыми побѣждаются глаза[1]): откуда „учи показомъ“; не я сказалъ, что на войнѣ человѣкъ дѣлаетъ не то, что нужно, а что привыкъ дѣлать[2]): откуда „безполезное на войнѣ вредно вводить въ мирное обученіе“. Не я сказалъ: „Outre

[1]) Цезарь.

[2]) Маршалъ Саксонскій.

ça, messieurs, je vous recommande le bon sens“ [1]); „Un soldat averti en vaut deux“ и проч., и проч., и проч. Я очень благодаренъ г. Б. за лестное обо мнѣ мнѣніе, но, право же, все это давно пора перестать называть моимъ, тѣмъ болѣе, что я никогда не скрывалъ, откуда что взялъ.

XI.

Удивительное дѣло, до какой степени одинакія причины даютъ одинакія послѣдствія, не взирая на разницу государственнаго строя, историческихъ судебъ, расовыхъ особенностей?! Эта наивность невольно пришла мнѣ въ голову по поводу высокопоучительной замѣтки въ № 270 „Русскаго Инвалида“ о германской арміи. Кажется, что общаго между нѣмцомъ и славяниномъ; между типомъ сложившимся, опредѣленнымъ, самостоятельнымъ, — и мягкимъ, расплывчатымъ, податливымъ? А между тѣмъ и у нихъ эта податливость обнаруживается и приноситъ, какъ и у насъ, столь же нежелательные плоды. Отставной капитанъ германской арміи, Клаузенъ, нѣкоторыми своими указаніями просто меня изумилъ и навелъ на подозрѣніе, не объ насъ ли онъ это пишетъ? Пропуская его сѣтованія о демократизаціи корпуса офицеровъ, неизбѣжной при безобразномъ раздуваніи численности арміи, перей-

[1]) „А кромѣ того, господа, совѣтую вамъ здравый смыслъ“. Этимъ Тюреннъ всегда заканчивалъ свои инструкціи и приказанія передъ боемъ.

демъ прямо къ тому, что онъ говоритъ по поводу установившагося порядка занятій въ частяхъ.

„Что всего хуже, такъ это то, что войска не выходятъ изъ атмосферы смотровъ и цѣликомъ поглощены соревнованіемъ".

Ну, это, слава Богу еще не совсѣмъ про насъ; если это у насъ и есть, то не вездѣ и не всегда. Кромѣ стрѣлковыхъ смотровъ, заблаговременно назначаемые почти вывелись; да за рѣдкими мѣстными исключеніями, и бѣшенства конкуренціи, т. е. подрыва товарищества, тоже нѣтъ.

„Особенно развиты различные состязательные смотры стрѣльбы, которые обратились въ борьбу за существованіе. Теперь лучшіе по срѣльбѣ роты получаютъ наружныя отличія, командиръ роты награждается орденомъ, а всѣмъ оставшимся позади, это ставится на видъ и даже грозитъ увольненіемъ отъ службы. Подобныя состязанія приводятъ къ нежелательной конкуренціи и вредно отражаются на дисциплинѣ части.

„Многихъ офицеровъ это привело къ употребленію незаконныхъ способовъ повышенія результатовъ стрѣльбы [1]); негодяй, но одаренный способностью къ стрѣльбѣ, пользуется въ ротѣ почетомъ, какъ отличный стрѣлокъ, и связанными съ этимъ положеніемъ льготами, тогда какъ хорошій солдатъ, необладающій этими способностями, числится на дурномъ счету".

Вотъ вамъ и конкуренція, вотъ вамъ и высокіе проценты! Думали развить усовершенствованную игру въ бабки [2]), а развили мошенничество!

---

[1]) Замѣтьте „многихъ": т. е. обманъ и подлогъ грозятъ обратиться въ явленіе общее и знаменитое.

[2]) Ибо стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній есть та же игра въ бабки, только усовершенствованная. Стрѣльба же съ разстояній, опредѣляемыхъ каждымъ стрѣлкомъ, или хоть его начальникомъ, какъ извѣстно, у мирныхъ маніаковъ стрѣльбы считается профанаціей искусства, такъ какъ не поддается пустопорожнему самоуслажденію вывода процентовъ до сотыхъ долей.

Но тамъ за это иногда предаютъ и суду; напрасно: когда человѣку не везетъ, а выиграть нужно, поневолѣ пойдешь на исправленіе фортуны, т. е. на шулерство.

Въ 80-хъ годахъ былъ у насъ такой начальникъ дивизіи, что лучше какъ въ его дивизіи и стрѣльбы не было. Стрѣльба у него была священнодѣйствіемъ: во время ея производства даже говорить громко не смѣли, а только шопотомъ. Но все же, знаете, стрѣльба—дѣло капризное, иногда и не удастся; на такіе случаи у того начальника дивизіи были заведены штыри, которыми дѣлались пробои въ мишеняхъ, великолѣпно производившіе пульные пробои: благодаря имъ, при надобности, фортуна и исправлялась. Считался онъ всегда въ первыхъ номерахъ: по стрѣльбѣ конечно, а не по искусству плутовать.

И тому начальнику дивизіи была всегда радость: конкурентамъ же его — зависть и огорченіе. Жаль, что ему Богъ вѣку не далъ; а то весьма процвѣлъ бы.

Спрашивается, что лучше: отказаться ли отъ конкуренціи, для боя ничего не дающей, во имя товарищества, или же для мирнаго втиранія очковъ ни къ чему годными для боя процентами нахлестывать конкуренцію до истребленія товарищества, которое въ бою болѣе всего необходимо, какъ основаніе выручки?

Въ началѣ прошлаго вѣка былъ въ Пруссіи большой человѣкъ, у насъ мало извѣстный—Шарнгорстъ. Онъ создалъ прусскую военную систему

послѣ погрома 1806 года, существующую и до сихъ поръ.

Клаузевицъ, у насъ болѣе извѣстный, называлъ его своимъ „духовнымъ отцомъ“. Для характеристики Шарнгорста этого довольно.

Такъ этотъ большой человѣкъ сказалъ: „Во всѣ времена разрушеніе націй причинялось тѣмъ, что онѣ ставили военное искусство выше, нежели военныя добродѣтели“ [1]).

Эти великія слова слѣдуетъ помнить всякому военному; но въ особенности нахлестывателямъ большихъ процентовъ, шагистики, фехтованія, жокейства, лакейства и прочаго фокусничества.

И потому усердствуйте, совершенствуйте предметы вашихъ маній, но не забывайте черточки, за которую манія ведетъ къ забвенію военной добродѣтели.

Да и начальнику нужно присматриваться, какъ отражаются на духовной сторонѣ подчиненныхъ его мѣры поощренія: какъ только обнаруживается, что фокусникъ береть верхъ надъ честнымъ человѣкомъ, значитъ тѣ мѣры гнилы и отъ нихъ нужно отказываться тотчасъ же.

Нужно при томъ сказать, что Шарнгорстъ какъ разъ былъ свидѣтелемъ разрушенія Пруссіи; слѣдовательно зналъ что говорилъ. И эти слова забыты даже въ мѣстѣ родины. „Къ чему намъ служитъ опытъ, если изъ него не дѣлать выводовъ? Муллъ принца Евгенія, сдѣлавъ десять кампаній, не по-

[1]) Ce qui de tout temps a causé la ruine des nations, c'est qu'elles en sont venues à aprécier l'art de la guerre plus que les vertus militaires.

двинулся отъ этого ни на шагъ въ военномъ дѣлѣ". А тутъ забыли и опытъ, и выводъ, изъ него уже сдѣланный...

XII.

Офицеръ въ печати. Прочитавъ этотъ заголовокъ, я думалъ, что рѣчь будетъ о томъ, какъ и что пишутъ объ офицерѣ въ печати, и ошибся, ибо совсѣмъ не то: рѣчь идетъ въ этой статьѣ объ офицерѣ, который самъ пишетъ для печати.

Авторъ ея, г. Ш—й проводитъ неподобающе высокое мнѣніе о военной литературѣ: онъ полагаетъ, что родная армія можетъ гордиться военными писателями не меньше, чѣмъ своими знаменитыми полководцами. Въ области военной собственно это совершенно невѣрно; въ этомъ г. Ш—й могъ бы убѣдиться хотя изъ того, что имена Радецкаго, Гурко, Скобелева извѣстны и въ простомъ народѣ, а имена военныхъ писателей ему совершенно неизвѣстны. Слово (идея тожъ) предшествуетъ дѣлу и даже составляетъ его душу; но пока оно не воплотилось въ дѣло, оно пустой звукъ — ничто. И потому въ нашей сферѣ работники дѣла, отъ полководца и до солдата, всегда стояли и всегда будутъ стоять выше работниковъ слова.

Литературный трудъ въ военной средѣ право гражданства давно уже получилъ; но мечтать о какомъ-то его офиціальномъ поощреніи съ чьей бы то ни было стороны, значитъ не совсѣмъ вникать въ духъ литературы, который есть—независимость, самобытность. Цѣль литературы есть передача въ общую извѣстность того, что писатель считаетъ за

истину; истина же возглашаемая по наряду, или чего Боже сохрани за плату, не дорого стоитъ и довѣріе къ себѣ едва ли заслужитъ. „Невѣдомо́, откуда Духъ приходитъ и куда уходитъ“; это глубокое слово долженъ помнить всякій писатель,—и если онъ порядочный, то вѣроятно согласится, что искреннимъ писаніемъ на всѣхъ никогда не угодишь. А изъ этого возникаетъ такое положеніе: кому угодишь, тотъ прочтетъ, одобритъ, да и забудетъ; а на кого не угодишь, да еще чего добраго за шкуру его сала зальешь, тотъ не забудетъ, а будетъ шипѣть, злобствовать и въ свою очередь норовить за шкуру сала тебѣ тоже залить. Вы изъ этого можете сами убѣдиться, что путь не одного военнаго, а всякаго писателя нерѣдко бываетъ усыпанъ терніями и что по логикѣ вещей это такъ и быть должно Вы на своемъ вѣку конечно баловали чтеніемъ и должны знать, что между большими писателями весьма мало насчитаете такихъ, путь коихъ не былъ бы усѣянъ таковыми же терніями [1]); такъ что же сѣтовать на это намъ, маленькимъ людямъ?

Поощреніе! да развѣ мы съ вами писали по чьему заказу? Развѣ пишущіе искренно могутъ не писать того, что они пишутъ, т. е. повинуются той невѣдомой силѣ, которая ихъ толкаетъ на писаніе? Такъ какое же поощреніе и отъ кого ожидать за то, что я удовлетворяю свою потребность, т. е. доставляю себѣ удовольствіе? Съ равнымъ основаніемъ можно претендовать на поощреніе за то, что у меня

[1]) Вспомните Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго.

есть аппетитъ, что мой желудокъ хорошо варитъ и т. п.

„Г. М. Драгомирову хорошо проповѣдывать, не испытавъ на своей шкурѣ терніевъ литературы. Проповѣдь мыши, спасавшейся въ голландскомъ сырѣ, намъ тоже извѣстна“ [1]), вѣроятно подумаетъ г. Ш—й.

Въ настоящее время вы отчасти пожалуй правы, такъ какъ борьба затихла, и самъ я на излетѣ. Но, во-первыхъ, никто не ручается за возможность возобновленія борьбы: есть, напримѣръ, признаки воскрешенія даже такихъ мертвецовъ, какъ учебные шаги съ присущимъ имъ костоправствомъ; а во-вторыхъ, въ прошломъ даже и совсѣмъ неправы. Не знаю извѣстенъ ли вамъ тотъ фактъ, что въ 1868 г. шла довольно серьезная рѣчь о томъ, не слѣдуетъ ли М. Драгомирова изъять изъ службы, такъ какъ онъ своими писаніями подрываетъ дисциплину и развращаетъ молодыхъ офицеровъ. И рѣчь о таковомъ изъятіи доходила до весьма верхнихъ этажей. По поводу этого анекдота припоминаю даже дружескій совѣтъ одного изъ благожелательныхъ мнѣ начальниковъ: „Бросили бы вы писать эти статейки“. Слѣды всего этого эпизода, если бы онъ васъ заинтересовалъ, можете найти въ одной изъ статей „Военнаго Сборника“ за 1868 г. или за конецъ 1867 г.

Поощреніе для насъ, пернатыхъ [2]), существуетъ,

---

[1]) Намекъ на извѣстную басню Лафонтена.

[2]) Теперь мы давно уже пишемъ не перьями, а металлическими заостренными пластинками, но прозвище пернатыхъ (Plumitifs) за нами осталось.

но только не тамъ, гдѣ вы его желали бы: оно въ томъ, что, если пишете дѣльно и складно, васъ начинаютъ больше читать, а редакторы, соображаясь съ этимъ, повышаютъ гонораръ. Все это, какъ вы видите, дѣло вольное и съ вольной руки; ни читателя силкомъ вы не заманите, ни тѣмъ болѣе редактора (его-то въ особенности?) не заставите раскошелиться даже на лишнюю копейку; да и они васъ не заставятъ писать то, что имъ, а не вамъ хочется.

То же поощреніе, о коемъ мечтаете вы, приводитъ меня, извините великодушно, къ слѣдующему діалогу:

Офицеръ, написавшій хорошую статью. Вашество, изволили читать мою статью?

Начальникъ офицера. Какъ же, читалъ.

О. Какъ вы изволили ее найти, Вашество?

Н. Э—э, ничего, недурно, очень недурно.

О. Смѣю ли спросить, Вашество, что вамъ въ ней особенно понравилось.

Н. Э—э, вообще... Э—э. Хорошо, очень хорошо.

О. Я былъ бы счастливъ, Вашество, если бы Вамъ благоугодно было осчастливить меня осязательнымъ знакомъ милостиваго Вашего вниманія.

Н. Э—э, т. е. это какъ же? Вы желаете за вашу статью награды, что ли? — Я, сколько помню, не поручалъ вамъ ее писать. Имѣю честь кланяться, молодой чеаэкъ... Еще разъ блаадарю. Оччень, оччень доволенъ (благосклонно подаетъ указательный палецъ лѣвой руки).

Не знаю, почему Вы находите положеніе пишущаго чиновника куда лучше, чѣмъ пишущаго офи-

цера, если сами же говорите, что онъ рано или поздно бываетъ принужденъ уйти со службы. У насъ за это чаще переводятъ въ другую часть. Знаю одинъ случай оскорбленія въ печати цѣлой части— и этотъ, съ позволенія сказать, литераторъ былъ переведенъ въ другое мѣсто. Только этимъ и кончилось, а ужъ чего кажется лучше.

Изъ сказаннаго г. Ш—й усмотрѣть можетъ, что никакой пересмотръ законовъ, касающихся участія военныхъ людей въ печати, терніевъ не устранитъ, ибо, еще разъ, они присущи натурѣ предмета. Самъ онъ говоритъ, что участіе въ полуофиціальныхъ военныхъ изданіяхъ не такъ порицается, какъ попытки вывести военныя картинки нравовъ и быта и военные вопросы на страницы частныхъ военныхъ журналовъ; я думаю, что и тутъ чаще порицается не разсужденіе о военныхъ вопросахъ, а именно военныя картинки,—вѣдь между ними бываютъ разныя: и объективныя, и памфлетныя, а наконецъ и пасквильныя. По разнымъ картинкамъ и отношенія къ ихъ рисовальщикамъ бываютъ разныя. Правда и то, что, наскочивъ на какого-нибудь бурбона, можно пострадать и за совершенно правое и объективно представленное дѣло. Подлая интрига, неуловимая ни для какихъ законовъ, какъ ядовитая змѣя проползаетъ въ самыя, повидимому, узкія щели и жалитъ изъ-за спины власть имущихъ, но не всегда отличающихъ, гдѣ правда и гдѣ ложь.

И это еще разъ показываетъ ту же самую истину, что терніи въ природѣ литературы, и что литератору, больше чѣмъ кому либо, всегда нужно помнить восьмую и девятую Заповѣди Блаженства...

Вообще нужно сказать, что буквѣ закона принято придавать больше значенія нежели ей принадлежитъ въ дѣйствительности. Дѣло вовсе не въ редакціи закона, а въ томъ, какъ онъ примѣняется къ дѣлу. Что касается до нашихъ законоположеній о печати, то благодаря отношенію къ нимъ и къ военнымъ писателямъ графа Милютина и его преемниковъ, военная пресса нигдѣ не пользуется большей свободой, чѣмъ у насъ; такъ, не одинъ изъ офицеровъ [1]), принадлежащихъ къ разнымъ иностраннымъ арміямъ, не разъ говорилъ, что у нихъ многаго не удалось бы провести изъ того, что легко прошло у насъ.

Будемъ же работать пока есть силы и пока намъ не мѣшаютъ работать. А мелкія пакости возможны вездѣ, въ литературѣ особенно. Доброе дѣло трудно сдѣлать, а подстроить пакость — да сколько угодно!

Въ заключеніе долженъ сказать нѣсколько словъ по поводу генерала М. И. Драгомирова. Въ литературѣ онъ никогда не появлялся; въ литературѣ существуетъ съ 1858 г. М. Драгомировъ и ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до приказовъ генерала Драгомирова, какъ генералу Драгомирову до статей М. Драгомирова. Другъ за друга они не отвѣчаютъ, и это должны помнить всѣ, понимающіе сколько-нибудь литературныя приличія. Это, такъ сказать, раздвоеніе личности, замѣчаемое и въ жизни, въ литературѣ создало неприкосновенность псевдонима. Нужды нѣтъ, что насъ обзываютъ разными непріятными именами: и пернатые-то мы, и борзописцы, и бумагомарателі, и щелкоперы, и — перлъ изъ пер-

[1]) Французы, италіанцы, шведы, нѣмцы, испанцы.

ловъ, — разбойники пера и мошенники печати [1]), но все это не мѣшаетъ намъ имѣть свои обычаи, отступленія отъ коихъ литературная этика не допускаетъ. Оказывается, что въ Юго-Западномъ краѣ Драгомировыхъ много, слѣдовательно эти два господина могли быть просто однофамильцы и въ литературѣ это такъ и понимать должно и не приписывать одному того, что сказалъ другой, ни въ похвалу, ни въ хулу. Въ особенности слѣдовало бы это соблюдать тогда, когда цитируется даже не вся фраза, а только ея обрывокъ. Сколько помнится, въ приказѣ генерала Драгомирова было сказано, что для людей, балующихъ перомъ, ихъ слово есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло, т. е. указывалось на высокое значеніе литератора, — на то, что со словомъ нужно обращаться честно, а распутствовать имъ не подобаетъ. Если зубоскалы уцѣпились за первыя два слова, то вѣдь имъ законъ не писанъ; да и слова-то эти вовсе не обидныя: про живописца можно казать, что онъ балуетъ кистью, про скрипача, что онъ балуетъ смычкомъ, про Васъ я сказалъ выше, что Вы балуете чтеніемъ—чтожъ тутъ обиднаго?

На прощаніе съ г. Ш—мъ не могу не отмѣтить того, что въ печати есть только писатель, литераторъ (понятіе родовое), философъ, беллетристъ, публицистъ, памфлетистъ, репортеръ, пасквилянтъ, порнографъ (понятія видовыя), но ни офицера, ни каменщика, ни слесаря и никакого другого спеціалиста или ремесленника нѣтъ. Шиллеръ, напр., былъ

---

[1]) Какой глубокій и продолжительный искусъ нужно было пройти въ этихъ искусствахъ, чтобы охарактеризовать ихъ въ столь изящной, яркой и лаконической формулѣ!

штабъ-лекарь; было бы немножко смѣшно, если бы онъ написалъ что-нибудь подъ заглавіемъ: „штабъ-лекарь въ печати“. Опять, то же раздвоеніе личности. Вы пишете не потому, что вы офицеръ, а не взирая на то, что вы офицеръ и слѣдовательно изображаете своей особой существо, по меньшей мѣрѣ двуипостасное, если не больше. И ваша пишущая ипостась должна быть глубоко возмущена заключительной фразой вашей статьи, въ коей вы мечтаете дожить до того времени, когда „право работать перомъ будетъ включено въ число обязанностей тѣхъ, кто можетъ вмѣстить сіе изъ военныхъ“. Хорошо будетъ время! Вѣдь Васъ тогда будутъ обязывать писать не то, что Вы хотите, а что Вамъ прикажутъ...

Счастливымъ себя считаю, что до такого времени конечно не доживу.

„Невѣдомо откуда Духъ приходитъ и куда уходитъ“...

1904 г.

Пятая дюжина.

Военные врачи.—Продолженіе.—Записка поданная Шарнгорстомъ герцогу Брауншвейгскому и генералъ-адъютанту прусскаго короля Клейсту въ 1806 году.—Продолженіе.—По поводу Русско-Японской войны.—Ложность слуховъ.—Санитарная замѣтка. — Какъ понимать суть вещей. — О нарушеніи закона. — Юридическая казуистика.—Военные врачи.—Тоже.

Господинъ Medicus недоволенъ тѣмъ, что „въ мирное время русскіе военные врачи всюду поставлены подъ опеку офицера, чѣмъ объясняется то неестественное (?) явленіе, что въ ихъ сферѣ — въ больницѣ и въ санитарной сферѣ вообще—властно хозяйничаетъ рука военнаго“.

Какъ полагаетъ г. Medicus, кто для кого существуетъ: воинская ли часть для Medicus'а или же Medicus для воинской части? Я думаю, что послѣднее вѣрнѣе и что явленіе, по его мнѣнію, неестественное, оказывается совершенно естественнымъ и неустранимымъ. Кто хозяинъ, тотъ и распоряжается, разумѣется не въ спеціальной области и разумѣется принимая въ соображеніе основательныя заявленія прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и въ мѣрѣ возможности имъ удовлетворяя. Это порядокъ общій и существуетъ не у однихъ насъ, а во всѣхъ регулярныхъ арміяхъ. Вѣдь не можетъ же г. Medicus пожаловаться на то, чтобы офицеры мѣшались въ леченіе: слѣдовательно рука военнаго не властно хозяйничаетъ тамъ, гдѣ это было бы неумѣстно.

Врачъ можетъ и долженъ заявлять свои представленія по начальству настойчиво и твердо: у него есть своя линія спеціальнаго начальства, которое

всегда его поддержитъ, если онъ правъ: надъ полковымъ стоитъ дивизіонный врачъ, надъ дивизіоннымъ корпусный, наконецъ есть и окружной. Нужно предположить большое несчастіе, чтобы въ числѣ трехъ строевыхъ начальниковъ, при коихъ помянутые врачи состоятъ, не нашлось бы ни одного, который обратилъ бы вниманіе на законное представленіе. Можетъ быть г. Medicus'у не слѣдовало бы этого забывать, распространяясь о мнимой опекѣ офицера надъ врачемъ. А что „между врачами были и есть послушныя овцы передъ начальниками", то вѣдь характера не дашь тому, кто отъ природы безхарактеренъ; въ такой бѣдѣ писанныя положенія не помогутъ, сколько бы ихъ ни сочиняли и ни мѣняли. Въ противоположность этому могу указать и на то, что попадались и начальники, слишкомъ подпадавшіе подъ вліяніе медикусовъ, и особеннаго добра отъ этого не выходило.

Весьма жаль, что г. Medicus, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на мою замѣтку по существу, больше ноетъ и обижается, нежели говоритъ о дѣлѣ; вѣдь въ этой замѣткѣ есть всего только одна мысль: по роду своей спеціальности медикъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ въ тѣ дисциплинарныя и субординаціонныя отношенія къ начальству, въ какихъ къ оному находится строевой офицеръ; слѣдовательно, претендуя на сравненіе съ послѣднимъ въ сказанныхъ отношеніяхъ, онъ самъ не знаетъ чего хочетъ. Если Medicus находитъ этотъ взглядъ ошибочнымъ, то ему бы это доказать и дѣлу конецъ; а вмѣсто этого онъ распространяется и о горемычномъ житіи вра-

чей, и о томъ, будто бы законъ не обезпечиваетъ имъ большей свободы въ примѣненіи ихъ гуманной науки и о томъ, наконецъ, что исходное положеніе моей замѣтки заключается въ томъ, будто военнымъ врачамъ захотѣлось офицерскаго мундира. Это вѣрно не логически, а только хронологически, такъ какъ замѣтку нужно же было съ чего-нибудь начать; а все дѣло заключалось, какъ уже сказано въ томъ, что подчинять медика въ отношеніи дисциплины и субординаціи одинакимъ нормамъ со строевымъ офицеромъ ни съ чѣмъ не сообразно; а зависимость отъ офицера всегда была и будетъ, такъ какъ онъ является въ этомъ случаѣ охранителемъ матеріальныхъ интересовъ полка отъ требованій врача, которыя бываютъ не всегда умѣстны. Это не болѣе какъ зависимость отъ человѣка, который держитъ шнурки кошелька и которая, безъ ущерба дѣлу, не можетъ быть устранена никакими положеніями.

II.

Корректура замѣтки на статью г. Medicus'a пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ № 4 „Русскаго Инвалида“ (1904 г.), въ немъ помѣщенъ отвѣтъ г-ну Войде старшаго врача А. Мировича.

Повидимому г. Мировичъ любитъ поговорки, но къ сожалѣнію, не кстати ихъ примѣняетъ. Онъ находитъ, что одного авторитета, даваемаго доктору знаніемъ, недостаточно, на томъ основаніи, что „по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ“; это ошибочно: доктора и встрѣчаютъ, и провожаютъ именно по уму, и тутъ поговорка „видна птица по полету“ примѣнимѣе.

По свидѣтельству С. В. Изъединовой наши доктора въ Трансваалѣ, Веберъ и Рененкампфъ, съ первыхъ шаговъ практики заработали себѣ довѣріе и авторитетъ; а ужъ тамъ совершенно не отъ кого было раздобыть ни павлиньихъ перьевъ, ни той матеріи, изъ коей шьется платье служебнаго авторитета, якобы необходимаго военному врачу для первой встрѣчи его въ воинской части.

Помню и другой примѣръ, изъ первыхъ лѣтъ службы: назначили къ намъ въ полкъ доктора прямо изъ академіи, совсѣмъ юношу. Не прошло двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ офицерство повалило къ нему, помимо другихъ: „Видна птица по полету“.

Не могу воздержаться и отъ третьяго примѣра, ибо слишкомъ ужъ поучителенъ. Судьба закинула доктора голландца, взятаго въ плѣнъ въ 1812 году, въ Опочецкій уѣздъ Псковской губерніи. Безъ языка безъ средствъ, въ приниженномъ положеніи, этотъ дѣйствительный благодѣтель человѣчества отучилъ деревенскихъ бабъ отъ нелѣпаго обычая правки череповъ новорожденнымъ.

Чѣмъ онъ взялъ, какимъ авторитетомъ, поборолъ не простой, а укоренившійся вѣками предразсудокъ и при томъ въ совершенно не дисциплинированной бабьей массѣ [1]).

Г-нъ А. М. едва ли правъ, утверждая, будто врачъ въ войскахъ не имѣетъ никакого служебнаго авторитета: если онъ имѣетъ право обходить казармы, если имѣетъ право (разумѣется въ приличч-

[1]) Слышалъ въ 1851 году отъ матушки покойнаго П. А. Пленъ, товарища по полку.

ной формѣ) указывать на санитарные пробѣлы, а объ опущеніяхъ болѣе серьезныхъ докладываетъ командиру части, то какого же ему еще авторитета нужно? Мнѣ кажется, что при такомъ положеніи „культурно-нравственнымъ идеаламъ въ различныхъ сферахъ ихъ примѣненія", служить можно. Можно конечно мечтать и о новыхъ военно-санитарныхъ положеніяхъ; но не лучше ли прежде подумать о томъ, чтобы хоть существующія-то исполнять добросовѣстно. Вѣдь до сихъ поръ всѣ ноющіе эскулапы отдѣлываются общими мѣстами: нельзя ли имъ формулировать поточнѣе чего они собственно хотятъ? Можетъ быть они и сами тогда убѣдились бы, что ихъ хотѣнья недопустимы въ воинской части.

Это и видно изъ благочестивыхъ пожеланій г. А. Мировича, какъ только онъ отъ общихъ сѣтованій перешелъ на практическую почву.

„Старшій врачъ—говоритъ онъ—честно относящійся къ своимъ обязанностямъ, ежедневно обходитъ казармы и всѣ хозяйственныя учрежденія полка [1]). Старшій врачъ замѣчаетъ при этомъ, что въ одной ротѣ освобожденнаго имъ отъ занятій слабосильнаго поставили въ строй, въ другой—такого же слабосильнаго нарядили дневальнымъ къ наружнымъ дверямъ, при вѣтрѣ и дождѣ; въ третьей—грязное бѣлье, въ хлѣбопекарнѣ—грязныя руки и т. д.".

Г-нъ А. М. спрашиваетъ, что дѣлать старшему врачу?—Уставъ кажется ясенъ: доложить командиру полка. Но г-ну штабъ-лекарю это не нравится; онъ

[1]) Курсивъ мой.

находитъ, что не онъ къ уставу, а уставъ долженъ къ нему примѣняться: онъ, изволите видѣть, не желаетъ надоѣдать командиру полка, не желаетъ и между офицерами прослыть кляузникомъ. Что его докладъ не жалоба, не кляуза, а исполненіе служебнаго долга, до этого г. штабъ-лекарю дѣла нѣтъ: онъ находитъ положеніе ненормальнымъ, слѣдовательно нужно его исправить, т. е. написать новый законъ. Ахъ, этотъ зудъ законодательнаго творчества...

Какой же новый законъ предлагаетъ г. А. М.? Да такой, что лекарство оказывается хуже болѣзни. Слышу не хохотъ, а гоготанье строевого люда по всему лицу земли русской: нужно предоставить старшему врачу надъ строевыми чинами дисциплинарную власть баталіоннаго командира!!! Вотъ такъ фунтъ. Справлялся ли г. А. М. о предѣлахъ этой власти? Вѣдь баталіонный командиръ имѣетъ право посадить подъ арестъ на трое сутокъ, даже ротнаго командира!

Ахъ, sapientissime, sapientissime, не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать.

Вотъ ужъ когда съ полнымъ правомъ можно сказать: medice, curate ipsum [1]). Понимаете какія тутъ пойдутъ „мечты изъ жизни“!

Командиръ полка: „потребовать командира такой-то роты“. Адъютантъ: „онъ не можетъ явиться; арестованъ штабъ-лекаремъ за грязныя портянки у нижнихъ чиновъ“.

Другая картинка: Штабъ-лекарь: „господинъ

---

[1]) Врачу исцѣлися самъ.

капитанъ, вы поставили въ строй Петрова, котораго я освободилъ отъ занятій на пять дней. Извольте отправиться на трое сутокъ подъ арестъ". Капитанъ: „Г. штабъ-лекарь, убирайтесъ вы куда знаете. Можете доложить командиру полка, а я съ вами разговаривать не желаю". И вотъ дисциплинарный инцидентъ. И такимъ инцидентамъ конца не было бы, если бы предложеніе г. А. М. прошло. Нѣтъ; отъ такого исправленія мнимо ненормальнаго положенія врачей въ войскахъ да спасутъ насъ силы небесныя и земныя. Г-нъ А. М. упрекаетъ уставъ о службѣ внутренней за допущенное двоевластіе въ томъ, гдѣ его избѣжать нельзя, и желаетъ установить самое нелѣпое изъ двоевластій...

Но это не все; въ увлеченіи аргументаціей, г. А. М. допустилъ, выражаясь мягко, нѣкоторую гиперболу; въ противность его мнѣнію, старшій врачъ, какъ бы онъ ни относился честно къ своимъ обязанностямъ, не можетъ ежедневно обходить весь полкъ.

Это видно изъ самаго простого подсчета. Чтобы обойти шестнадцать ротъ, семнадцатую нестроевую, восемнадцатую учебную команду, полагая хоть четверть часа на каждую, потребуется $4^1/_2$ часа. Да на мастерскія, кухни, пекарни положить хоть полчаса, что собственно мало. Итого пять часовъ! Если это дѣлать каждый день, что выйдетъ г. А. М.? И будетъ ли старшій врачъ способенъ на что-либо еще? Вѣдь въ пять часовъ солдатъ походомъ дѣлаетъ 20 верстъ.

А старшему врачу нужно еще въ лазаретъ попасть, да вѣроятно и нѣсколько больныхъ офице-

ровъ объѣхать, а можетъ и частная практика есть. И потому думаю, что если старшій врачъ сдѣлаетъ подобный обходъ хоть каждую недѣлю, даже въ двѣ недѣли разъ, можно ему въ ноги и за то поклониться. Аргументируйте, но знайте же и мѣру...

Другое желаніе г. А. М. заключается въ томъ, чтобы обособить лазаретъ отъ полка, подчинивъ завѣдующаго лазаретомъ конечно врачу. И чѣмъ ему помѣшала самостоятельность завѣдующаго?

А что сказано вѣрно, то вѣрно: это совершенная ненормальность положенія классныхъ медицинскихъ фельдшеровъ. Его дѣйствительно необходимо улучшить; и чѣмъ это скорѣе будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше. Но эти почтенные люди тянутъ лямку честно и работаютъ, не отлынивая отъ положенія дѣйствительно ненормальнаго, а не кажущагося только ненормальнымъ...

Ш.

Записка, поданная Шарнгорстомъ герцогу Брауншвейгскому и генералъ-адъютанту Прусскаго короля Клейсту, въ апрѣлѣ 1806 г.

Предисловіе.

Читатели „Развѣдчика“ съ именемъ Шарнгорста уже нѣсколько знакомы. Получивъ, благодаря обязательности нашего французскаго военнаго агента, полковника Л. Э. Мулена (Moulin),переводъ извлеченія изъ мемуара Шарнгорста, спѣшу подѣлиться имъ съ читателями „Развѣдчика“. Въ этомъ извлеченіи читатель найдетъ много такого, что въ военной литературѣ проводилось за послѣднее время часто и настойчиво и что можетъ показаться

даже избитымъ и наивнымъ. Мы не считали себя въ правѣ выпускать подобныя мѣста потому, что вѣчныя истины всегда остаются безъ измѣненія и если приходится сказать и въ миліонный разъ, что дважды два четыре, то иначе конечно никогда не скажешь, хотя это старо какъ свѣтъ. Желая щегольнуть новшествомъ, можно пожалуй сказать, что дважды два стеариновая свѣчка. Это будетъ совршенно ново и оригинально, но нелѣпо.

При томъ же рѣчь будетъ идти о такихъ моральныхъ истинахъ, которыя еще Карлейль назвалъ „открытымъ секретомъ“; и поэтому нечего стѣсняться повторять давно повидимому извѣстное, но весьма туго пускающее корни въ большинство сознаній. Въ предупрежденіе недоразумѣнія позволяю себѣ пояснить смыслъ выраженія „открытый секретъ“ какъ я его понимаю. Вы присутствуете при всѣхъ фазисахъ работы великаго полководца. Онъ ничего и ни отъ кого не скрываетъ; вотъ вамъ открытый секретъ, ибо вы все видѣли, что и какъ дѣлалось, но сами такъ не сдѣлаете. Такіе-же секреты существуютъ и въ области теоріи... Кто не слышалъ и не перебалтывалъ, что въ военномъ дѣлѣ нравственная сила стоитъ неизмѣримо выше физической; и кто не забывалъ этой истины въ примѣненіи на дѣлѣ? Забывали прежде маніаки строя, теперь забываютъ маніаки стрѣльбы, щитоманы, бронепоклонники и пр. Значитъ, опять истина повидимому избитая, чуть не по улицамъ бѣгающая, слѣдовательно „открытая“ и рядомъ съ этимъ очень часто на практикѣ забываемая, т. е. секретъ. Нужно ли говорить, что подобныя истины забываются часто и потому, что ихъ невыгодно помнить? Переходимъ къ запискѣ.

Текстъ. Военная исторія показываетъ, что во всѣ эпохи успѣхъ зависѣлъ не только отъ физическихъ силъ, но много тоже и отъ моральныхъ.

Религіозный фанатизмъ, восторженное довѣріе къ даровитому начальнику или любовь къ свободѣ и ненависть къ завоевателю были чаще всего источниками необыкновенной моральной силы, доблести (courage) и постоянства, коими народы себя заявляли.

Если масса людей, воодушевленныхъ этими страстями, управляется неискусно, воодушевленіе пропадаетъ и его замѣняетъ уныніе и недовольство. Но если умѣютъ ими воспользоваться соотвѣтственно, эти страсти дадутъ частые примѣры необыкновенной храбрости и исключительнаго самоотверженія.

Если въ распоряженіе начальника предоставлены добровольно всѣ возможныя средства дѣйствія, то онъ можетъ развить во главѣ подобнаго народа неизмѣримо высшее сопротивленіе, чѣмъ то, которое получилъ бы при силахъ обыкновенныхъ.

Комментарій. Указывая на то условіе, что силы должны быть предоставляемы главнокомандующему добровольно, точнѣе искренно (или что тоже, нелицемѣрно), авторъ, я полагаю, имѣлъ въ виду то часто встрѣчавшееся положеніе, когда одной рукой давали, а другой исподтишка утягивали назадъ. На это въ особенности австрійцы, въ лицѣ гофкригсрата, были большіе охотники и мастера. Именно это положеніе побудило Суворова, въ его проектѣ нашествія на Францію, поставить въ началѣ проекта: полная мощь главнокомандующему. Подобное поползновеніе весьма въ натурѣ заурядныхъ людей; но иногда происходитъ и отъ нетерпѣнія, когда кампанія затягивается. Посылаемъ человѣка на дѣло, ожидаемъ отъ него подвиговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поползн-

новеніе великое, но конечно скрытое имѣемъ хотя нѣсколько связать его и по рукамъ, и по ногамъ. Нѣтъ исторіи, которая не представляла бы этому, и не мало, печальныхъ примѣровъ. Наша Крымская кампанія представляетъ не одинъ эпизодъ такихъ приказаній изъ Петербурга за 2,000 верстъ, какія могли быть исполняемы при точномъ знаніи мѣстныхъ условій, т. е. получаемы только изъ Севастополя. Достаточно вспомнить хотя бы сраженіе на Черной рѣчкѣ. Въ ту же кампанію съ французской стороны маршалъ Пелиссіе, говорятъ, оборвалъ проволоку во спасеніе отъ французскаго гофкригсрата, изобильно подчивавшаго его телеграммами подъ флагомъ Наполеона III. И нельзя не признать, что при всѣхъ благодѣяніяхъ телеграфа, онъ въ кампанію можетъ оказаться презловредной штукой, и оборвать его въ иномъ случаѣ маневръ весьма нелишній.

Едва ли когда-либо полнѣе какъ во французскую революцію была предоставляема полная мощь главнокомандующимъ, разумѣется и съ полной отвѣтственностью въ случаѣ неудачи, до гильотины включительно. И результаты, какъ извѣстно, отвѣчали такой постановкѣ дѣла, особенно вспомнивъ, что первыя семь лѣтъ это были не арміи, а ополченія, совсѣмъ необученныя, дурно вооруженныя и плохо снабженныя. Правда, они имѣли противъ себя прекрасно организованнаго и стройнаго противника... великолѣпно ходившаго церемоніальнымъ маршемъ.

Текстъ. Желая извлечь всю пользу изъ порыва націи или арміи, нужно ставить во главѣ полковъ, бригадъ, дивизій и т. д. только людей извѣстныхъ своей храбростью, энергіей и талантомъ. Только эти качества даютъ въ принципѣ право на такія должности, которыя по своей натурѣ не должны быть вознагражденіемъ за продолжительную службу

и выборъ на нихъ людей опредѣляется не заслугами оказанными, но которыя должны быть оказаны въ будущемъ.

Комментарій. Идеалъ недосягаемый и неосуществимый даже съ крайне отдаленнымъ приближеніемъ. Во-первыхъ, въ періоды продолжительнаго мира, качества, требуемыя Шарнгорстомъ, не только не проявляются, но даже иногда бываютъ причиною удаленія отъ службы людей энергичныхъ и толковыхъ, но упорныхъ, неподатливыхъ. Во-вторыхъ, какимъ образомъ замѣнить наличный командный составъ новымъ, когда приходится начинать войну послѣ продолжительнаго мира. Въ третьихъ, искусство управленія людьми при тѣхъ духовныхъ напряженіяхъ, которымъ подвергается человѣкъ въ бою,— даръ въ высшей степени рѣдкій. Такихъ людей дай Богъ набрать на мѣста корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ, да и это не всегда удается.

Когда Наполеону разъ пожаловались на возмутительное грабительство Вандамма, онъ возразилъ, что даръ управлять людьми въ бою такъ рѣдокъ, что если бы у него было два Вандамма, то онъ одного бы озолотилъ, а другого повѣсилъ. Конечно онъ сказалъ неправду — озолотилъ бы обоихъ и ни одного бы не повѣсилъ. Вспомнился мнѣ этотъ анекдотъ по поводу совѣтуемаго Шарнгорстомъ подбора начальниковъ, даже до полковыхъ командировъ включительно. Въ четвертыхъ, что бы ни дѣлали, совершенно человѣческихъ слабостей не избѣжать и даже на высшія мѣста неминуемо попадетъ нѣкоторый процентъ личностей по протекціи. Въ пятыхъ, собираясь на войну, всемѣрно должно остерегаться всякихъ импровизацій, какъ въ сформированіи новыхъ частей, такъ и въ назначеніяхъ.

Изба строится изо всякаго лѣса, и основное условіе для начальника—это быть честнымъ, самоотверженнымъ

и упорнымъ человѣкомъ, а остальное приложится, если высшіе начальники будутъ болѣе или менѣе отвѣчать идеалу, поставленному Шарнгорстомъ. Въ виду сказаннаго и послѣдующія размышленія автора приходится принимать съ нѣкоторыми оговорками.

Текстъ. Съ началомъ формированія арміи изъ нея должно удалить начальниковъ, признанныхъ неспособными, и въ теченіе кампаніи возлагать на начальниковъ самую большую отвѣтственность, какъ въ отношеніи дисциплины, такъ и въ отношеніи поведенія во время дѣла.

Комментарій. Съ удаленіемъ начальниковъ, признанныхъ неспособными, тоже нужно быть осмотрительнымъ, ибо кто ихъ будетъ цѣнить? Если какой-нибудь краснобай, попавшій за свое краснобайство въ способные и авторитетные, то у него попадутъ въ неспособные всѣ люди молчаливые, скромные, которые по натурѣ своей не говорятъ, а дѣлаютъ. Мы знаемъ примѣръ, какъ по выходѣ съ одного изъ совѣтовъ такой краснобай не удержался отъ характеристики одного изъ корпусныхъ командировъ, сдѣлавшаго потомъ въ кампанію большія дѣла: „и этакихъ назначаютъ корпусными командирами!“

Что же касается до того, что начальники должны быть подчинены величайшей отвѣтственности за дисциплину и за поведеніе въ бою, то подъ этимъ можно подписаться обѣими руками. Къ сожалѣнію, человѣческія соображенія, внушаемыя человѣческой слабостью, препятствуютъ тому, чтобы этотъ важнѣйшій принципъ армейской гигіены примѣнялся всегда неуклонно и настойчиво. Бываютъ не только послабленія, но и то, что не вора вѣшаютъ на крестъ, а крестъ вѣшаютъ на вора. Къ сожалѣнію, должно признать, что послѣднее случается не на низшихъ степеняхъ командованія и въ осо-

бенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о взаимной выручкѣ. Погрѣшности противъ этого святѣйшаго принципа войны со стороны мелкихъ командировъ почти сразу видны, но о крупныхъ этого далеко сказать нельзя.

Текстъ. Законъ или вѣрнѣе правило удалять послѣ всякаго несчастнаго дѣла хоть нѣкоторыхъ изъ главныхъ начальниковъ, сдѣлавшихъ ошибки, и увеличивать отвѣтственность командованія до такой степени, чтобы отбить охоту у всякаго зауряднаго человѣка добиваться высшаго командованія, даетъ въ результатѣ то, что важныя мѣста станутъ принадлежностью только людей, воодушевленныхъ чувствомъ чести.

Комментарій. Мысль автора понятна, но не совсѣмъ ловко выражена, такъ какъ одного чувства чести конечно мало для человѣка, могущаго претендовать въ высшее командованіе. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи автора его мысль болѣе выясняется.

IV.

Текстъ. Если при этомъ воздержатся отъ производствъ и наградъ по протекціи, то избѣгнутъ пролазничествъ, жертвою которыхъ властитель такъ часто становится въ этомъ важнѣйшемъ и рѣшительномъ дѣлѣ, и поставятъ непреодолимую преграду интригамъ и подходамъ. Выгодно также избѣжать переполненія арміи такими лицами, присутствіе которыхъ увеличиваетъ обозъ и уничтожаетъ дисциплину между начальниками высшаго ранга, ибо младшій генералъ никогда не повинуется старшему такъ хорошо, какъ повинуется простой штабъ-офицеръ.

Хотя храбрость, высокое чувство чести и отвѣтственность высшихъ командованій имѣютъ весьма большое вліяніе на духъ самоотверженія, съ коимъ армія сражается, нужно однако еще стараться поддерживать и укрѣплять эти чувства и другимъ путемъ, именно наградами и наказаніями даже въ низшихъ рядахъ.

Личностью часто должно жертвовать общему дѣлу и потому разъ навсегда слѣдуетъ установить, чтобы послѣ всякаго важнаго дѣла награды и наказанія раздавались немедленно всѣмъ, до солдатъ. Для зауряднаго человѣка это единственное средство поддерживать напряженіе желательныхъ усилій, черезъ которое высшіе начальники дѣйствуютъ на духъ ихъ подчиненныхъ.

Опытъ учитъ, что въ арміи поднимаютъ храбрость, убѣждая ее въ томъ, что она храбра. Вотъ почему слѣдуетъ возвышать въ арміи всѣ счастливыя дѣла, хотя бы они были самыя незначительныя, и особенно въ началѣ войны, чтобы ставить въ извѣстность армію обо всякомъ дѣлѣ сколько нибудь сносномъ, представляя его какъ актъ высокой храбрости и убѣждая ее въ то же время, что она храбра. Это мудрое правило дало у французовъ большіе результаты.

Комментарій. По этой части Наполеонъ былъ великимъ художникомъ. Самъ онъ замѣтилъ гдѣ-то, что воображеніе въ человѣкѣ есть одна изъ высшихъ силъ, безъ коей онъ былъ бы животнымъ. Совершенно это вѣрно, если человѣкъ нравственно не забитъ, т. е. если въ немъ не притуплены: воспріимчивость, чувство личнаго достоинства, самолюбіе. Вѣрно это и въ отношеніи чело-

вѣка забитаго, какимъ былъ нѣмецкій вербованный солдатъ въ 1806 г., но больше въ отрицательную сторону, т. е. въ смыслѣ подчинимости паникѣ. Никто какъ Наполеонъ не умѣлъ пользоваться силой воображенія, какъ для подъема духа своихъ, такъ и для урона его у непріятеля. Случай при Кастильоне въ 1796 году настолько извѣстный, что мы не считаемъ себя въ правѣ его здѣсь повторять, когда онъ, сопровождаемый только своимъ штабомъ, заставилъ сдаться въ плѣнъ 4-хъ тысячную австрійскую колонну, достаточно это показываетъ. У него въ этомъ отношеніи были даже выработаны нѣкоторые пріемы, какъ напримѣръ маршалу, посылаемому въ атаку, кинуть въ догонку, обращаясь къ окружающимъ: „Regardez le — c'est un lion"! [1]) Завязавъ большое сраженіе, близъ резерва расположиться такъ, чтобы удобнѣе слѣдить за ходомъ дѣла, сидѣть или прохаживаться иногда по 8 часовъ и болѣе и затѣмъ садиться верхомъ только передъ рѣшительнымъ ударомъ. Это знали свои и своимъ пронзительнымъ „Vive l'Empereur" давали знать и противнику, что ударъ готовъ; „и когда чтотъ визгъ до насъ доносился, сердце падало и всякій ожидалъ бѣды", разсказывалъ мнѣ одинъ изъ участниковъ той эпохи, котораго я имѣлъ счастье еще застать въ живыхъ.

Текстъ. Какія бы мѣры ни приняли, чтобы зажечь и возвысить храбрость, если не отличать при всякомъ случаѣ дѣйствительно храбраго человѣка и не хвалить его превыше всего, если съ другой стороны не срамить всякое сомнительное въ этомъ смыслѣ поведеніе, — нечего ждать въ нашу эпоху необыкновенныхъ подвиговъ и подвергаются риску развить распущенность и робость, ибо моральныя

[1]) Поглядите, это левъ!

качества никогда не остаются на одномъ уровнѣ— какъ только остановились, они понижаются.

Комментарій. Великолѣпная и глубоко вѣрная мысль. Духовное напряженіе то же пламя, безпрерывно волнующееся. Если его не питать внимательно и постоянно, то оно конечно понижается и наконецъ гаснетъ. Нужно ли объяснять, что одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ гасильниковъ въ этой области является неправда въ наградахъ и повышеніяхъ и безнаказанность поведенія зазорнаго. Въ арміи обыкновенно всѣ это знаютъ и начальнику никто не скажетъ, а онъ воображаетъ, что никто не знаетъ. И такимъ-то образомъ, съ легкимъ сердцемъ, люди сами подрываютъ свою силу.

Текстъ. Въ заключеніе этой записки остается выправить мнѣніе, могущее имѣть очень печальныя послѣдствія для народа храбраго: обыкновенно воображаютъ, что только великій человѣкъ способенъ вызвать у націи въ случаѣ войны усилія исключительныя.

Отчасти это такъ, въ случаѣ войны завоевательной. Но въ случаѣ такой войны, когда каждый принимаетъ большое участіе въ счастливомъ ея исходѣ, когда нація сражается за свою свободу или свою независимость, когда ей грозитъ иго или разореніе, тогда общая воля восполняетъ недостатокъ высшихъ способностей, необходимыхъ въ другихъ обстоятельствахъ.

Когда необходимость войны признана всѣмъ народомъ, нужно одно для достиженія безсмертныхъ подвиговъ: рѣшимость начальника побѣдить или погибнуть. Это единственное условіе рѣшаетъ между порабощеніемъ и свободой. Въ нашу эпоху слиш-

комъ приписывали побѣдоносный исходъ войны талантамъ главнокомандующихъ; но твердость характера играла въ такомъ исходѣ гораздо большую роль.

Комментарій. Изо всѣхъ дѣяній человѣческихъ война есть дѣло въ значительной степени болѣе волевое, нежели умовое. „Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ", есть величайшая истина не въ одной религіозной области. Какъ бы планъ ни былъ геніаленъ, онъ можетъ быть совершенно испорченъ исполненіемъ; а исполненіе лежитъ въ области воли, если не исключительно, то въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ въ области ума. Самые невѣроятные подвиги совершены почти одной волей; примѣръ—переходъ Суворова черезъ Альпы въ 1799 году.

Текстъ. Безсмертный Великій Фридрихъ II-й побѣдилъ въ первыя двѣ Силезскія войны меньше своими талантами, чѣмъ своимъ духомъ предпріимчивости и силою характера. Побѣда при Гогенфридбергѣ обязана его генію. Даже въ семилѣтнюю войну счастье и крѣпкая рѣшимость побѣдить или погибнуть (ядъ въ карманѣ) имѣли болѣе значительную часть въ успѣхѣ, нежели его военные таланты. Эти качества дѣлаютъ ему не менѣе чести, какъ и то, что его духъ запечатлѣлъ его армію и поставилъ ее въ возвышенное состояніе души, въ которомъ она не имѣла нужды ни въ какомъ другомъ вліяніи, чтобы совершать великіе подвиги.

Что и было въ дѣйствительности при Ловозицѣ, Рехенбергѣ, Прагѣ, Цорндорфѣ, Лигницѣ, Боргау и Фрейбергѣ. Только Россбахъ и Лейтенъ были дѣломъ исключительнаго генія.

Комментарій. Это размышленіе, какъ и предыдущее, заслуживаетъ глубокаго вниманія со стороны всякаго, изучающаго военное дѣло. Теорія военнаго искусства, какъ продуктъ исключительно умовой дѣятельности, весьма доступна для пониманія и многихъ привлекаетъ къ себѣ на столько, что большинство изучавшихъ ее о волѣ совсѣмъ забываютъ. Это и объясняетъ недочеты и сюрпризы тѣхъ дѣятелей, которые, выходя на практику съ познаніями повидимому глубокими, оказываются совершенно несостоятельными. Этимъ объясняется также и то, какъ не только современники, но даже и потомки современниковъ Суворова считали его рубакой и ничѣмъ болѣе, а ученые критики даже съ кафедры проповѣдывали, что для военнаго искусства онъ ничего не сдѣлалъ. И они были правы съ умовой точки зрѣнія: какъ носитель воли въ высочѣшемъ ея проявленіи онъ хитрыми планами никогда не задавался и всегда побѣждалъ. Его заслуга въ военномъ искусствѣ въ томъ и заключается, что никто яснѣе его не показалъ всего значенія воли въ военномъ дѣлѣ. Обращаясь къ Фридриху Великому, нельзя не замѣтить, что при Россбахѣ славу глазомѣра, быстроты, натиска онъ раздѣлилъ съ Зейдлицемъ; при Лейтенѣ ударъ былъ дѣйствительно геніаленъ, но ему предшествовала рѣшимость идти съ 20 тысячами на восемьдесятъ, что есть актъ чисто волевой.

Текстъ. Мужество, постоянство, самоотверженіе у высшаго начальника націи слишкомъ часто почитаются подъ именемъ высшей способности (мудрости), равно какъ мы имѣемъ расположеніе олицетворять подъ разными названіями случайныя проявленія міровой силы натуры.

Мы имѣемъ расположеніе ставить военное искусство выше, чѣмъ военныя добродѣтели, что было

во всѣ времена причиною гибели народовъ. Храбрость, самоотверженіе, постоянство—суть основные устои независимости народа. Если наше сердце перестаетъ ими вдохновляться и для нихъ биться, тогда мы погибли, хотя бы даже среди самыхъ блистательныхъ побѣдъ.

Комментарій. Къ храбрости, самоотверженію и постоянству прибавимъ еще чувство товарищества, поднятое до готовности положить душу свою за други своя. Не можемъ еще разъ не обратить вниманіе читателей на то, что всѣ эти добродѣтели суть производныя воли и онѣ совершенно правильно противополагаются авторомъ военному искусству—производной ума.

Примѣчаніе. Извлеченіе изъ сочиненія ф.-деръ-Гольца „Россбахъ и Іена".

V.

Нѣсколько словъ по поводу русско-японской войны. Съ самаго пріѣзда сюда [1]) корреспонденты разныхъ газетъ удостоиваютъ меня своимъ посѣщеніемъ, все съ одной и той же цѣлью узнать, что я думаю о событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ. Долженъ отвѣтить всѣмъ прошедшимъ и, если бы таковые случились, будущимъ корреспондентамъ, что я не имѣю и не могу имѣть никакого опредѣленнаго мнѣнія о томъ, что происходитъ за десять тысячъ верстъ. Можно сказать конечно, что японская армія, не взирая на сравнительную близость ея базы, страдаетъ органическою слабостью, свойственною всѣмъ десантамъ, т. е.: 1) недостаткомъ конницы и перевозочныхъ средствъ [2]); 2) что эта

[1]) Въ Петербургъ. Мартъ 1904 г.

[2]) Притомъ Японія и сама по себѣ весьма бѣдна лошадьми.

слабая сторона организаціи ихъ арміи по всей вѣроятности поставитъ ихъ въ необходимость выбрать операціонную линію вдоль побережья Корейскаго залива, если только они рѣшатся на наступленіе; 3) можетъ быть и такъ, что они ограничатся обороной, занявъ одинъ или два важныхъ пункта. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не думаю, чтобы они могли далеко отдѣлиться отъ моря. Съ нашей стороны охрана желѣзной дороги конечно пріобрѣтаетъ громадное значеніе; но едва ли ей можетъ грозить опасность со стороны непосредственно японцевъ, такъ какъ даже въ самомъ близкомъ мѣстѣ, считая отъ устья р. Ялу по перпендикуляру къ желѣзной дорогѣ, вѣроятно будетъ около двухъ сотъ верстъ; да и нельзя, мнѣ кажется, даже допустить, чтобы линія р. Ялу не была нами не занята, конечно активно, т. е. съ постоянной переправой, обезпеченной системой предмостныхъ укрѣпленій. Какъ читатель видитъ, все это до такой степени гадательно, что сказать это и ничего не сказать—одно и то же. Что касается флота, то уже и теперь видно, что онъ свой долгъ исполнитъ по-русски; въ томъ же не сомнѣваюсь и относительно сухопутья, а затѣмъ дай намъ Господи это дѣло закончить достойно. Претерпѣвый же до конца той спасенъ будетъ.

VI.

Что касается до дѣйствій, то объ нихъ на такомъ разстояніи конечно ничего толковаго сказать нельзя, и остается только одно — каждому дѣлать свое заключеніе по единственному достовѣрному источнику, т. е. по нашимъ офиціальнымъ теле-

граммамъ, съ Востока получаемымъ, благо намѣстникъ очевидно рѣшилъ сообщать правду и только правду. Чужимъ телеграммамъ довѣрять нельзя, какъ уже выяснилось изъ опыта, столь непродолжительнаго.

Еще болѣе слѣдуетъ остерегаться слуховъ. Нигдѣ и никогда столько не разносится самыхъ невѣроятныхъ и непремѣнно преувеличенныхъ слуховъ, какъ на войнѣ и во время войны. И не нужно думать, чтобы главнымъ источникомъ ихъ были биржевые игроки; правда, и они привносятъ въ эти слухи свою долю лганья, но главная причина не въ нихъ, а въ той сильной степени нарушенія нравственнаго равновѣсія, которою страдаютъ на войнѣ весьма многіе изъ военныхъ, распускающихъ иногда самые нелѣпые слухи, можно сказать, помимо собственной воли и сознанія. Безъ преувеличенія можно сказать, что инымъ кажутся чуть не черти; я думаю, что нѣкоторые просто галлюцинируютъ, т. е., видятъ на яву призраки собственнаго воображенія, или, какъ говорится, объективируютъ ихъ, и потомъ конечно разсказываютъ, что они видѣли, и совершенно убѣждены въ этомъ. Это нравственное состояніе прекрасно характеризуется народной поговоркой: „у страха глаза велики“. Помню, какъ въ 77 году, 9 августа, въ Тырновѣ, къ покойному Ѳедору Ѳедоровичу Радецкому одинъ офицеръ влетѣлъ съ донесеніемъ, что турки подходятъ къ Присову [1]). 10-го мы выступили къ Шипкѣ, ночевали не доходя Габрова, т. е. сдѣлали, если не ошибаюсь,

[1]) Деревня, сколько помнится, верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Тырнова.

30—40 верстъ и конечно не встрѣтили ни одного турка. Не встрѣтили турокъ и до самаго Шипкинскаго перевала, значительно раньше занятаго нашими войсками.

И потому рекомендуемъ никакого слуха самаго правдоподобнаго на вѣру никогда не принимать.

Еще одинъ совѣтъ въ высшей степени серьезный или, правильнѣе, нижайшая просьба къ г.г. редакторамъ газетъ, въ патріотизмѣ коихъ не сомнѣваюсь. Не помогайте, господа русскіе люди, непріятелю помѣщеніемъ корреспонденцій нескромныхъ, или ужь слишкомъ жалостливыхъ: первыя вѣдь безъ малаго же измѣна, вторыя однобоки и безъ толку наводятъ уныніе на публику. Въ тѣхъ и другихъ самимъ редакторамъ разобраться не трудно, приложивъ къ нимъ такой маштабъ; 1) къ нескромной корреспонденціи — заплатили-ль бы за нее японцы, и дорого ли, или дешево? Если бы заплатили, то значитъ не помѣщать, какъ бы она ни казалась интересна; 2) къ жалостливымъ примѣняйте общеизвѣстную истину: если тебѣ худо, то непріятелю не лучше, а можетъ и хуже твоего; „только свое худое ты видишь, а непріятельскаго не видишь; но оно всегда есть“. Изъ сего слѣдуетъ, что корреспонденціи жалостливыя были бы невинны, если бы была возможность писать ихъ двубокими, т. е. не только о своихъ, но и о противникѣ. Но такъ какъ это невозможно, то объ однихъ своихъ лучше не писать.

VII.

Санитарная замѣтка. Въ № 46 „Русскаго Инвалида“ старшій врачъ 7-го Донского полка,

г. Бирюковичъ, преподалъ, сколько могу судить, въ высшей степени благой совѣтъ объ употребленіи въ войскахъ на походѣ и въ войнѣ мыла. Это одинъ изъ тѣхъ совѣтовъ, слѣдованіе коимъ можетъ принести большую пользу, не вызывая чувствительныхъ расходовъ и не прибѣгая къ какимъ-либо техническимъ хитростямъ, чрезвычайно трудно прививаемымъ въ массахъ. Есть другое средство для дезинфекціи и спасенія отъ звѣрья — это смазывать бѣлье дегтемъ, какъ дѣлали Запорожцы и чумаки.

Совѣтъ г. Бирюковича напомнилъ мнѣ одну сноровку, о которой давно хотѣлъ поговорить, да какъ-то не приходилось. Притомъ она относится не къ войнѣ, а ко времени, непосредственно за нею слѣдующему; такъ что и особеннаго резона не было о ней говорить. Дѣло вотъ въ чемъ. Всякому извѣстно, какихъ великихъ и нравственныхъ, и физическихъ напряженій требуетъ отъ человѣка война; но вотъ она кончается, и человѣкъ отъ чрезмѣрной и всесторонней дѣятельности сразу переходитъ къ полному покою, къ коему моральное и физическое утомленіе предрасполагаетъ его всесильно и неодолимо: а именно этого и нужно остерегаться. Природа скачковъ не терпитъ, и подобный покой можно сравнить развѣ только съ сонливостью, налегающею на человѣка въ сильные морозы, за которою наступаетъ сонъ, а затѣмъ и смерть. То же самое, но въ другой формѣ, слѣдуетъ и за войною. Кому не извѣстны тифы и другія эпидемическія болѣзни, которыя послѣ войны бываютъ почти во всѣхъ арміяхъ? По моему мнѣнію средство противъ нихъ одно: переходить къ покою не сразу, а исподоволь,

т. е. съ началомъ перемирія обязательно дѣлать каждый день военныя прогулки не меньше какъ въ 10—15 верстъ. Думаю, что подобными прогулками много людей будетъ предохранено отъ заболѣваній, а которые послабѣе, то и отъ смерти Природа скачковъ не терпитъ.

VIII.

Не помню гдѣ, Вольтеръ сказалъ: „Les petites considérations sont le tombeau des grandes choses“, т. е. мелочныя (или маленькія) соображенія суть могила большихъ вещей. Мы полагаемъ, что это замѣчаніе относится не къ однимъ большимъ, но и ко всякимъ положительнымъ рѣшеніямъ или предложеніямъ.

Существуютъ странные умы; чтобы вы ни предлагали,—подобные умы всегда найдутъ массу недостатковъ въ вашемъ предложеніи. Они вамъ по пальцамъ разведутъ, до какой степени и почему оно дурно; но никогда не скажутъ, что же по ихъ мнѣнію хорошо.

Такой видъ ума, весьма удобный для того, чтобы блистать въ комитетахъ и обладающаго онымъ оставлять въ подозрѣніи большой глубины мысли,—въ сущности есть самый безплодный и пустопорожній. Онъ пораженъ полною неспособностью къ какому-либо скромному творчеству, и потому вполнѣ правильно характеризуется эпитетомъ отрицательнаго.

Въ четвертой дюжинѣ „дѣлишекъ“ была рѣчь о наскокахъ босяковъ и предложено средство справляться съ ними. Вмѣсто того, чтобы разбирать дѣло,

какъ математическую задачу, что посовѣтовано уже очень давно относительно всякаго завершившагося факта, и по оному дать опредѣленное заключеніе, пустились въ разсужденія о томъ, что я предлагаю дѣяніе явно преступное и наказуемое; что послѣ этого всякій, выходя на улицу, долженъ запасаться револьверомъ и быть каждую минуту готовымъ пустить его въ ходъ, что я недостаточно обслѣдовалъ фактъ, ибо не упомянулъ о томъ, какъ поступать офицеру въ случаѣ оскорбленія его ребятами, женщиной, сумасшедшимъ, безумно-пьянымъ и т. п.; и что, наконецъ, поступокъ офицера, пожалѣвшаго босяка и кончившаго затѣмъ самоубійствомъ—великодушный, благородный поступокъ, а вовсе не результатъ того, что онъ потерялся. Всякій изъ этого можетъ видѣть, что ни одинъ изъ оппонентовъ даже и въ мысли не имѣлъ единственнаго вопроса: какими же мѣрами отбить охоту къ наскокамъ у босяковъ? А вѣдь дѣло только въ этомъ и заключается.

Начнемъ съ послѣдняго замѣчанія.

Считаю не лишнимъ замѣтить, что я ни разу не упомянулъ фамиліи того офицера, которую не было никакой надобности трепать въ газетахъ, хотя бы изъ понятнаго чувства деликатности передъ его родными и знакомыми, которымъ и безъ того было горько. Опять же, прошлый фактъ—математическая задача, въ которой нѣтъ надобности прибѣгать къ собственнымъ именамъ, а достаточно буквъ, знаковъ и цифръ.

Что подпоручикъ Х. объяснилъ свое поведеніе тѣмъ, будто ему стало жалко босяка—въ сущности

безразлично; притомъ онъ простилъ босяка, какъ человѣкъ, а былъ оскорбленъ имъ какъ офицеръ; но и это не бѣда; а бѣда въ томъ, что сдѣлавъ поступокъ, по мнѣнію многихъ благородный и высокимъ духомъ христіанства запечатлѣнный, онъ вдругъ наложилъ на себя руки. Я понялъ бы, если бы онъ послѣ рокового инцидента постригся въ монахи, но совершенно не понимаю кончать самоубійствомъ послѣ поступка, признаннаго благороднымъ самимъ же самоубійцей. Если онъ хотѣлъ этимъ доказать, какъ полагаютъ нѣкоторые, что онъ не трусъ, такъ самоубійство вовсе не доказательство и храбрости.

Психически, самоубійство объясняется малодушіемъ, а не доблестью и не твердостью характера. И потому съ какой стороны этотъ фактъ ни обслѣдовать, мнѣ кажется признать необходимо проявленіе въ ономъ ничего иного, кромѣ большой непослѣдовательности или разброда мысли.

IX.

Я предлагаю „дѣяніе явно преступное и наказуемое [1]); неужели юридическіе буквоѣды воображаютъ, будто писанный законъ ненарушимъ? Неужели они не знаютъ того, что самый честный человѣкъ можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, что сознательно нарушитъ законъ, нисколько не скрывая отъ себя послѣдствій нарушенія; юристы этого толка повидимому и не подозрѣваютъ, что не только человѣческіе, но даже законы природы нарушаются.

[1]) Начало статьи № 685.

Примѣръ. Во время глубокаго сна вашъ домъ охваченъ пламенемъ; вы выбѣгаете на 30-ти градусный морозъ босикомъ и въ одной сорочкѣ; нарушили ли вы законъ природы или нѣтъ? Конечно нарушили, и конечно вслѣдъ за этимъ будетъ судъ, съ приговоромъ вродѣ тифа, воспаленія легкихъ, а можетъ быть и смерти, смотря по обстоятельствамъ и по силѣ организма. То же самое и съ вашимъ судомъ. Судите себѣ на здоровье по вашимъ статьямъ, вы иначе и сдѣлать не можете; но если я былъ поставленъ въ необходимость нарушить законъ не по своей винѣ, мнѣ это зачтутъ въ мѣстѣ повыше суда; и не въ силу статей, а въ силу жизненной правды.

Что касается до господъ, разсказывающихъ и даже печатающихъ, будто теперь мирнымъ гражданамъ безъ револьвера на улицу и носа показать нельзя, то эти господа, очевидно, плохо разбираютъ по печатному. Я вѣдь совѣтую офицерамъ защищаться, а не нападать; слѣдовательно, зачѣмъ же мирнымъ гражданамъ револьверы, если на нихъ никто нападать и не думаетъ? Или можетъ быть газетчикъ, пустившій въ ходъ это милое разсужденіе, считаетъ всѣхъ мирныхъ гражданъ босяками, которые собираются нападать на офицеровъ и заблаговременно должны запасаться оружіемъ для самозащиты, по нанесеніи оскорбленія?

X.

Послѣднее возраженіе по поводу того, что я не упомянулъ о ребятахъ, женщинахъ, сумасшедшихъ,

безумно-пьяныхъ и т. п., могущихъ наносить тоже оскорбленія дѣйствіемъ [1]), довольно наивно. Мы не имѣемъ чести знать автора, но думаемъ, что онъ тоже испилъ отъ млека животнаго, именуемаго юридической казуистикой.

Для того чтобы получить положительное рѣшеніе какого-либо сложнаго вопроса, слѣдуетъ его поставить въ извѣстныя рамки: это тоже рѣшеніе неопредѣленнаго уравненія. Если этого не сдѣлать, то вы его не рѣшите, а искрошите въ нескончаемую безплодную болтовню. Въ моей статьѣ съ одной стороны взятъ офицеръ,—съ другой—босякъ, и рѣшеніе получено: дурное или хорошее, судить объ этомъ не мнѣ, но опредѣленное, положительное. Что было бы если бы я послѣдовалъ тому мнимо-обстоятельному типу разбора, недостатокъ коего ставитъ мнѣ въ упрекъ г. Заустинскій? А было бы вкратцѣ примѣрно вотъ что: если отрокъ до 8 лѣтъ нанесетъ оскорбленіе, то его можно оставить безъ вниманія, а если юноша, отъ 8-ми до 14-ти, то его можно выдрать за уши и пустить на всѣ четыре стороны, а если до 18-ти, то не нанося удара, передать городовому, а если послѣ 18-ти и далѣе, то уже можно съѣздить и шашкой, или познакомить съ револьверомъ. Это довольно уже пустопорожнее объясненіе но оно не полно: вѣдь по виду не всегда можно опредѣлить возрастъ; заправскій казуистъ долженъ и это имѣть въ виду и, слѣдуя методу г. Заустинскаго, нужно бы въ статьѣ дать совѣтъ обязать всякаго оскорбителя постоянно носить при себѣ

[1]) См. статью П. Заустинскаго № 690 „Развѣдчика".

метрическое свидѣтельство; по нанесеніи оскорбленія сначала требовать, чтобы онъ предъявилъ таковое, и соотвѣтственно тому примѣнять наказаніе. Но открывается еще новое обстоятельство: вѣдь можно предъявить и чужое свидѣтельство и подложное, т. е. опять нужно посовѣтовать мѣры и противъ этого.

Съ женщинами еще сложнѣе: не говоря уже о томъ, что употреблять противъ нихъ оружіе какъ-то зазорно: кромѣ лѣтъ оскорбительницы, еще слѣдуетъ принять въ расчетъ красива-ли она или дурна, истерична или уравновѣшеннаго темперамента, дѣвица или замужняя, есть ли дѣти или нѣтъ, и т. д. всего не перечтешь. Съ сумасшедшими и съ пьяными опять новая исторія. Не говоря о лѣтахъ, вѣдь бываютъ притворные сумасшедшіе и притворные пьяные. Можно себѣ представить по какимъ дебрямъ нескончаемаго пустословія пришлось бы самому бродить, да и читателя водить, принявъ подобную систему изслѣдованія! Изъ сего г. Заустинскій догадаться можетъ, что такимъ дѣломъ я не займусь, предоставляя оное охотникамъ до размазисто-казуистическаго пустословія.

Да проститъ мнѣ читатель это разъясненіе, которое само смахиваетъ на пустую болтовню; но его пришлось сдѣлать поневолѣ. У насъ такъ мало извѣстны самые элементарные пріемы изслѣдованія, что безъ этого разъясненія не только самъ г. Заустинскій, но, можетъ быть, и нѣкоторые читатели подумали бы: какъ же это въ самомъ дѣлѣ сдѣлать такой промахъ и упустить въ статьѣ вопросъ о ребятахъ, женщинахъ и иныхъ! А теперь всякій пой-

метъ, что писать о нихъ было бы совершенно не къ дѣлу. Смѣю думать, что пойметъ и г. Заустинскій.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что хотя „въ наше время твердаго государственнаго строя, регулируемаго исключительно Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи, прирожденное право защиты и не можетъ быть принимаемо судомъ въ расчетъ при оцѣнкѣ случаевъ употребленія оружія въ дѣло офицерами"; однако нѣсколько далѣе тотъ же самый г. Заустинскій говоритъ, что „по силѣ дѣйствующихъ у насъ законовъ, офицеръ, подвергшійся нападенію, имѣетъ юридическое право защищать свою честь оружіемъ". Значитъ о чемъ же споръ, г. З., если и законъ призналъ это право? Развѣ о томъ, что важнѣе: прирожденное ли право самозащиты, или та строка писаннаго закона, которая его признаетъ? Вѣдь и г. Заустинскій согласится вѣроятно, что не законъ изобрѣлъ самозащиту, а наоборотъ самозащита вызвала оба закона; какъ грозящій за нее наказаніемъ, такъ и разрѣшающій ее. Когда писаный законъ становится въ противорѣчіе съ жизнью, то жизнь его всегда поборетъ. Природу гони въ дверь—она вскочитъ въ окно. Да и то не мѣшало бы помнить, что право самозащиты, съ установленіемъ въ обществѣ, а впослѣдствіи въ государствѣ, юридическихъ нормъ, не исчезаетъ, а переходитъ только въ скрытое состояніе, какъ это въ моей статьѣ и оговорено.

За всю историческую жизнь человѣчества повѣствуется только объ одномъ случаѣ выдачи Моисею писанаго Десятословія непосредственно свыше, но

съ этимъ Десятословіемъ случилась странная исторія: не говоря о томъ, что оно нарушалось и нарушается чуть не на каждомъ шагу, да и Моисей распорядился съ нимъ довольно неожиданно. Какъ извѣстно, онъ разбилъ скрижали его, раздраженный тѣмъ, что евреи поклонялись золотому тельцу.

Слѣдовательно, поступилъ совершенно такъ, какъ если бы оно было изображено имъ самимъ; да сверхъ того, вѣроятно чтобъ крѣпче была заповѣдь „не убій“, перебилъ во всѣхъ колѣнахъ три тысячи первенцевъ.

Вотъ мои указанія „глубокоуважаемому“ г. Заустинскому. Онъ между прочимъ не думаетъ, что офицеру должны быть присущи „волчьи добродѣтели“, оговариваясь, что это онъ замѣчаетъ въ скобкахъ. Волкъ, какъ г. Заустинскому извѣстно, золъ и трусливъ, но ему вѣроятно неизвѣстно то, что волкъ противъ волка не трусливъ и что зимою иногда волки разрываютъ даже людей. Онъ хорошо бы сдѣлалъ вспомнивъ, что въ уподобленіяхъ принято сравнивать существа однородныя, а не разнородныя,—т. е., напримѣръ, волка съ волкомъ же, а не съ человѣкомъ, и т. п. Еще Гоббсъ сказалъ: „человѣкъ человѣку волкъ“ [1]), а не левъ, не медвѣдь или иное животное изъ болѣе нравящихся г. Заустинскому. Это тоже въ скобкахъ. Ему бы вѣроятно хотѣлось львиныхъ добродѣтелей; на бѣду о нихъ можно часто писать на бумагѣ, но на дѣлѣ встрѣчаются онѣ очень рѣдко. Да и левъ не только золъ, но бываетъ и трусливъ.

---

[1]) Hobbes Англійскій публицистъ XVII вѣка.

XI.

Военные врачи. Г. Н. Заркевичъ призналъ за благо прислать мнѣ свою брошюру подъ заглавіемъ: Правда и кривда о военно-санитарной реформѣ. Ему „съ грустнымъ чувствомъ“ пришлось прочитать въ № 679 „Развѣдчика“ замѣтку генерала М. И. Драгомирова по поводу ожидаемаго преобразованія военно-санитарнаго управленія арміи [1]).

Грустить г. Н. Заркевичъ можетъ сколько ему угодно, но забывать при этомъ литературные обычаи и приличія, а равно брать на себя неподобающую ему роль — раздавать патентъ на высокоталантливость и знаменитость—не слѣдовало бы. Если онъ пускается въ литературу, то долженъ знать, что генералъ Драгомировъ въ журналахъ никогда не писалъ ни строчки и что полемики, раздутой нѣсколькими эскулапами — онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ.

Въ литературѣ существуетъ уже пятый десятокъ лѣтъ М. Драгомировъ, и никто изъ понимающихъ литературныя приличія никогда не позволитъ себѣ дѣлать къ этой подписи какую-либо свою прибавку. Что сказалъ бы г. Заркевичъ, если бы я, не огра-

---

[1]) Военно-санитарнаго управленія арміи нѣтъ, а есть таковое „въ арміи“. Если это опечатка, то Богъ съ нею, если же г. Заркевичъ такъ и думалъ написать, то пусть онъ знаетъ, что армія управляется не военно-санитарнымъ управленіемъ, а главнокомандующимъ и полевымъ штабомъ, его непосредственнымъ органомъ. Военно-санитарное же управленіе стоитъ ниже, на одной линіи съ интендантскимъ, артиллерійскимъ и инженернымъ управленіями. А воображать, будто есть какое-то военно-санитарное управленіе арміи—неумѣстная претензія.

ничиваясь его подписью подъ статьею, прибавилъ „архимандритъ“ или „мандаринъ“ Н. Заркевичъ? Онъ вѣроятно не только огорчился бы этимъ, но и обозвалъ бы меня, и совершенно по дѣломъ, весьма неблаговоспитаннымъ въ литературномъ смыслѣ человѣкомъ. Скажу больше: я не почтилъ бы его даже отвѣтомъ, если бы всѣ цитаты его статьи не были прямо взяты изъ замѣтки моей, т. е. М. Драгомирова, а не генерала Драгомирова.

Что касается до „знаменитости“ и прочихъ кисло-сладкихъ эпитетовъ, то отъ нихъ можно бы было воздержаться хотя бы изъ предосторожности, чтобы кто-нибудь не вспомнилъ Крыловскихъ стиховъ:

Сказать не ложно,
Тебя отъ скуки слушать можно.

Г. Н. Заркевичъ полагаетъ, будто я, высказывая ошибочные, по его мнѣнію, взгляды, — былъ введенъ въ заблужденіе статьями „Русскаго Инвалида“, „редакторъ коего съ нѣкоторыми своими сотрудниками сдѣлалъ все возможное, чтобы извратить вопросъ о реформѣ и затемнить истинный смыслъ и значеніе его“. Г. Н. З. наивно ошибается: его статья, которая повидимому должна была бы открыть то, что по его мнѣнію „Русскій Инвалидъ“ такъ злостно скрываетъ, рѣшительно ничего мнѣ не открыла, а еще больше утвердила во взглядѣ, уже высказанномъ. Гнѣвъ г. Н. З. на „Русскій Инвалидъ“, очевидно за непомѣщеніе какой-то его статьи, едва ли основателенъ. Конечно это предерзость и даже преступная: какъ смѣть не помѣстить статью г. Н. З.! Но гнѣвъ этотъ опять происходитъ отъ той же причины, именно отъ незнакомства

г. Н. З. съ литературными обычаями. Если онъ полагаетъ, что газета есть незагороженное мѣсто, для всѣхъ доступное, то онъ конечно ошибается. Редакторъ всякой газеты имѣетъ полное право принять или не принять статью, дѣлать въ ней не только сокращенія, но даже и измѣненія, при чемъ за авторомъ конечно остается право на нихъ согласиться или не согласиться; но обижаться за это въ литературѣ не принято.

Посмотримъ же, что думаетъ разъяснить г. Н. З. въ противность тому, что „Русскій Инвалидъ“ хотѣлъ извратить или скрыть.

Проектируемая санитарная реформа въ военномъ вѣдомствѣ, говоритъ онъ, имѣетъ цѣлью: 1) „устранить двоевластіе по всѣмъ отраслямъ санитарнаго дѣла“. Другими словами, сдѣлать въ полкахъ медицинскую часть независимою отъ строевого начальства, т. е., получивъ единовластіе, желательное для медиковъ, установить двоевластіе совершенно нетерпимое въ полку. Ибо, еще разъ, что для чего существуетъ: полковыя ли врачебныя учрежденія для полка, или же полкъ для его врачебныхъ учрежденій? 2) „Поднять авторитетъ военныхъ врачей въ самой военной средѣ“. Ниже мы увидимъ, какими средствами имѣется въ виду поднять этотъ авторитетъ. 3) „Устроить при военно-медицинской академіи нѣкоторые дополнительные курсы“. Мы этого предложенія разбирать не станемъ, такъ какъ оно къ войскамъ прямого отношенія не имѣетъ.

Перечисливъ эти пункты, кои по его мнѣнію обнимаютъ военно-санитарную реформу, г. Н. Зар-

кевичъ восклицаетъ: „Гдѣ же здѣсь преобразованіе, начинающееся съ формы одежды? Гдѣ военные чины, которые такъ хотѣлось имѣть нѣкоторымъ военнымъ врачамъ?“.

Какъ гдѣ? Да не далѣе какъ въ концѣ той самой страницы, на коей г. Н. З. упражняется въ своихъ восклицаніяхъ. Вотъ что говорится въ концѣ этой страницы: „Вопросъ этотъ (о военныхъ чинахъ и военной формѣ для врачей) первоначально былъ затронутъ въ печати, какъ часть вопроса о поднятіи авторитета военныхъ врачей въ военной средѣ; конечно онъ имѣетъ свой raison d'être“. Ниже, на стр. 5 своей брошюры г. Н. З. высказывается еще отважнѣе: „Какъ это достигнуть (т. е. военнаго авторитета), не снабдивъ военнаго врача военнымъ чиномъ—придумать трудно. Безъ военнаго чина, сразу опредѣляющаго положеніе въ іерархическомъ отношеніи въ военной средѣ, какіе бы чины для врачей ни придумали, врачъ не пріобрѣтетъ требуемаго авторитета, какъ бы ни былъ онъ свѣдущъ въ своей наукѣ; все это не достигнетъ своей цѣли по отношенію къ поднятію на должную высоту авторитета врача до тѣхъ поръ, пока военный врачъ не станетъ полноправнымъ офицеромъ русскаго войска съ офицерскимъ чиномъ и съ офицерскимъ врачебнымъ мундиромъ. Да не только съ чиномъ, но и мундиромъ!“ (!!!).

Гдѣ же кривда и гдѣ правда, г. Н. З.? Вѣдь что-нибудь одно: или вы эти слова написали серьезно, а не на вѣтеръ и тогда ваши предшествующіе возгласы нелѣпы, или же ваши возгласы имѣютъ свой

raison d'être и тогда все написанное вами послѣ этихъ возгласовъ нелѣпо.

Г. Н. З. кажется будто военные авторы не желаютъ допустить военныхъ врачей въ (на) одинъ уровень съ офицерами. Совсѣмъ не то, г. Н. З.; они ихъ считаютъ савсѣмъ на одномъ уровнѣ съ офицерами, но считаютъ гостями, а не хозяевами въ части. Гостями въ высшей степени желательными, необходимыми, любимыми, когда они занимаются своимъ дѣломъ, благожелательны и благовоспитаны; и, наоборотъ, гостями неизбѣжными, хотя и противными, если вмѣсто того они обнаруживаютъ наклонность къ кляузамъ, пререканіямъ и пикировкѣ. Такъ всегда было и всегда будетъ; хозяевами ни въ какой арміи васъ никогда не пустятъ, гостями же, милости просимъ; а какой марки быть гостями, выбирайте любую изъ вышеупомянутыхъ.

Правда, по слухамъ, есть такія странныя части, въ которыхъ будто бы не допускаютъ врачей въ офицерскія собранія; если это дѣйствительно такъ, то можно сказать одно, что подобные взгляды представляютъ признакъ великаго недомыслія со стороны господъ офицеровъ; и что на мѣстѣ врачей, попадающихъ на службу въ такія части, я не только не огорчился бы невозможностью доступа въ столь странное общество, но и самъ бы отъ онаго сторонился. Съ такими аномаліями можетъ справиться только время и культура, а не законъ писаный. Обычай сильнѣе закона писанаго; и чѣмъ онъ нелѣпѣе, тѣмъ обыкновенно бываетъ упорнѣе,

потому что за нимъ всегда скрывается какая-нибудь застарѣлая фанаберія, пустое самомнѣніе, „наши предки Римъ спасли“ и т. п.

Слышалъ я также, будто есть госпитали, въ которыхъ заявленія врачей о поощреніи или взысканіи съ кого-либо изъ чиновъ госпитальной прислуги, оставляются безъ вниманія представителями военной власти въ госпиталѣ; тутъ можно сказать только одно: никакими новыми положеніями ихъ не проймешь, а можетъ пронять только воздѣйствіе высшаго начальства суровое, а въ важныхъ случаяхъ даже безпощадное.

Думаю, что если бы военные врачи почаще выводили на свѣтъ Божій подобные анекдоты, которые узнаешь только случайно, то это лучше выяснило бы пробѣлы и аномаліи современнаго положенія военно-санитарной части въ войскахъ, нежели то, что они до сихъ поръ писали.

XII.

Дальнѣйшее разсужденіе г. Н. З. совершенно странное. Онъ находитъ, напримѣръ, будто ни для кого не тайна, что офицеры генеральнаго штаба, военные слѣдователи, военные инженеры, якобы пользуются большимъ авторитетомъ въ военной средѣ, нежели доктора. Безъ комментаріевъ это вполнѣ голословная фраза; а съ комментаріями выходитъ совсѣмъ не то, что кажется г. Н. З. Во-первыхъ, офицеры этихъ категорій входятъ въ соприкосновеніе съ войсками (кромѣ генеральнаго штаба) рѣдко; во-вторыхъ, по закону они не пользуются никакими дисциплинарными правами и авто-

ритетъ ихъ зиждется совершенно на другихъ основаніяхъ. Такъ, офицера генеральнаго штаба слушаются вовсе не потому, что онъ принадлежитъ къ этому корпусу, а по начальнику, который стоитъ за его спиной; то же самое можно сказать и о судебномъ слѣдователѣ: онъ появляются въ части еще рѣже и пользуется авторитетомъ не столько самъ по себѣ, сколько по принадлежности къ военно-окружному суду. Что касается до инженера, то онъ въ непосредственное соприкосновеніе съ войсками входитъ еще рѣже, именно только тогда, когда они наряжаются на какія-нибудь государственныя работы; но и въ этомъ случаѣ, инженерному офицеру не предоставляется никакой ни распорядительной, ни дисциплинарной непосредственной власти: такъ какъ нарядъ на работы и воздѣйствія за какія-либо упущенія остаются полностью въ рукахъ у строеваго начальства.

Поговоривъ обо всемъ этомъ, г. Н. З. опять возглашаетъ: „Неужели же громадная масса военныхъ врачей не проявляетъ добрыхъ отношеній къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ?“—Неужели г. Н. З. не замѣчаетъ того, что подобный вопросъ нелѣпъ и что во всемъ писанномъ по поводу военно-санитарной реформы, онъ не найдетъ ни строчки, которая давала бы ему право ставить подобные вопросы?

Не менѣе странно и его разсужденіе по поводу того, что по дисциплинарному уставу врачъ находится въ такомъ же подчиненіи начальству, какъ и всякій строевой офицеръ. Лучше бы этого не говорить, ибо онъ самъ знаетъ, что это не такъ. Мы

здѣсь должны говорить не по тому, что написано въ уставахъ, а по тому, что происходитъ въ жизни, если желаемъ правды, а не кривды. Я вполнѣ убѣжденъ, что если бы собрать статистическія свѣдѣнія по арміи, то оказалось бы, что на сто офицерскихъ арестовъ въ теченіе, напримѣръ, года, лекарскихъ не придется можетъ быть и одного. Вѣдь дисциплинарный уставъ — общій законъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для медиковъ, такъ какъ они принадлежатъ къ составу части; но примѣненіе его на практикѣ именно и соображается съ разницею спеціальностей и соотвѣтствующими спеціальности оттѣнками дисциплинарныхъ отношеній. И это между прочимъ хорошее указаніе на то, что дѣло вовсе не въ редакціи закона, а въ томъ какъ онъ примѣняется къ жизни. Правда, что съ лекарями случаются анекдоты въ родѣ того, какъ недавно въ одномъ изъ округовъ лекарь угодилъ подъ арестъ на тридцать сутокъ, да еще съ отдачей въ приказѣ. Но было и за что: командированный на пріемъ новобранцевъ, онъ все время безъ просыпу водилъ компанію съ Бахусомъ; понятно, что его арестовали не потому, что онъ докторъ, а не взирая на то, что онъ докторъ.

Считаю излишнимъ дальнѣйшій разборъ брошюры г. Н. З.; продолжаетъ онъ ее и кончаетъ такъ какъ началъ: неумѣстныя претензіи, противурѣчіе самому себѣ не то безсознательное, не то преднамѣренное; двоевластіе ему кажется единовластіемъ и т. п. Въ концѣ своей статьи, онъ еще разъ пускаетъ въ ходъ хлесткое восклицаніе: „сколько тутъ фальши и сколько недомыслія и лицемѣрія“; г. Н. З. не

договариваетъ съ чьей стороны; мы же отъ себя прибавимъ: „врачу исцѣлися самъ“.

Съ великимъ наслажденіемъ прочелъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ статью г. Покровскаго, спокойную вразумительную и въ высшей степени доказательную о томъ, что медицина и санитарія представляютъ двѣ совершенно отдѣльныя области. Мнѣ даже кажется, что идеи, лежащія въ ихъ основаніи, едва ли не противуположны другъ другу, такъ какъ идея медицины (или что то же цѣль ея) есть починка испорченнаго, между тѣмъ, какъ идея о санитаріи есть возможное сохраненіе отъ порчи здороваго. Можетъ быть я ошибаюсь, но думаю, что не пройдетъ десятка-другого лѣтъ, какъ эти области станутъ другъ отъ друга независимы: не говоря ни о чемъ прочемъ, достаточно принять во вниманіе, хотя бы то, что указанія санитара при возведеніи жилыхъ построекъ, устройствѣ отопленія, водопроводовъ и т. п. потребуютъ отъ него такихъ спеціальныхъ знаній, которыя медикъ едва ли будетъ въ состояніи имѣть.

Равно и санитару по прямой его спеціальности придется изучать столько, что на основательное изученіе медицины времени не найдется.

Помнится, въ предисловіи [1]) къ „Военно-полевой хирургіи“ Н. И. Пирогова, есть замѣтки о такъ названной имъ „конституціи госпиталей“. Разумѣлъ онъ подъ этимъ ту особенность госпиталей старой постройки, въ силу которой въ одномъ госпиталѣ раны принимали гангренозный характеръ, въ дру-

[1]) Дальше предисловія я конечно не пошелъ.

гомъ заражались преимущественно рожистымъ воспаленіемъ и т. п. Старыя казармы конечно также должны имѣть свою конституцію: раскрыть ее, найти средство, если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ бороться съ нею — одна эта задача мнѣ кажется будетъ стоить того, чтобы санитары занялись ею серьезно.

Шестая дюжина.

Учебный шагъ.— Продолженіе.— Памяти Александра Ѳомича Петрушевскаго. — Жокейство. — Расчлененіе японской операціи. — Тоже. — О генералѣ Куроки. — Продолженіе. — Война родитъ легенды. — Въ назиданіе костоправамъ грядущимъ и будущимъ. — Продолженіе.

I.

Какъ вамъ нравится, господа,

этотъ кавалеръ

или этотъ

или, наконецъ, этотъ?

возвращаться ежегодно къ

Вы, чего добраго, подумаете, что я взялъ эти фигуры изъ руководства какой-нибудь балетной, акробатической или цирковой школы, и ошибетесь: взялъ я ихъ изъ „Вѣстника Офицерской стрѣлковой школы“ за прошлый годъ № 92. Рекомендуются эти фигуры не для какихъ-либо балетныхъ или эквилибристическихъ упражненій, а просто какъ подготовка, чтобы ходить въ ногу, шагомъ опредѣленной скорости и размѣра.

Рекомендуетъ ихъ нѣкто г. А. Синицынъ.

Г-ну А. Синицыну гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ строевыхъ уставовъ 1824 года, и вотъ онъ съ усердіемъ, достойнымъ болѣе приличнаго примѣненія, возится съ этимъ покойникомъ и наивно провозглашаетъ, какъ истину, то, что имѣло смыслъ при увлеченіи строемъ и при длинныхъ срокахъ службы, но не имѣетъ ни малѣйшаго смысла теперь, когда сроки службы дошли у насъ до четырехъ лѣтъ, а у другихъ—даже до двухъ, и когда къ строю прибавились: стрѣльба, практика въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ, гимнастика, ученіе съ боевыми патронами. Не говорю уже о воспитаніи, начинающемся съ преподаванія солдату его обязанностей теоретически, которое требуетъ несравненно болѣе времени, чѣмъ тратилось прежде, когда солдатъ, прослужившій восемь лѣтъ, считался еще молодымъ, и когда все это онъ усваивалъ исподоволь, по рутинѣ.

Послѣ этого всякій по достоинству оцѣнитъ хотя бы такое разсужденіе автора:

„Одиночная подготовка солдата есть основаніе строевого образованія. Эта истина, добытая практикой, подтвержденная теоріей и, повидимому очевидная, нерѣдко упускается изъ виду“.

Шеста.

Ошибаетесь, г. авторъ, она изъ виду не упускается, а только примѣняютъ ее въ мѣрѣ надобности, а не такъ, какъ то было въ эпоху бѣшенства строя, когда, напримѣръ, подъемъ ноги иногда отставляли по нѣсколько десятковъ разъ.

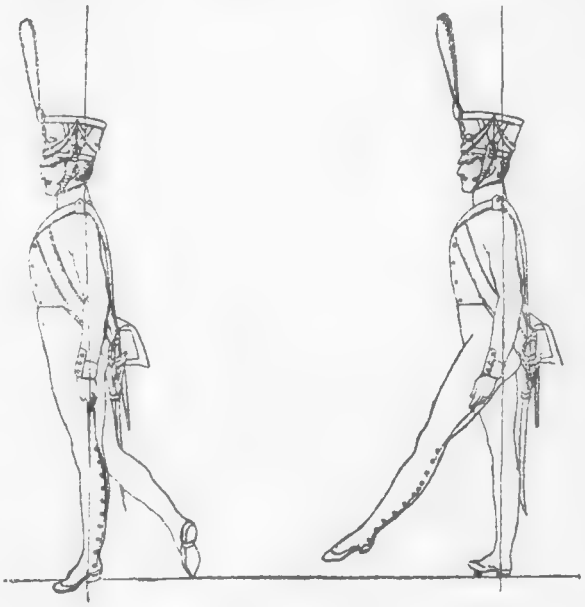
„Для ускоренія работы, часто не кончивъ одиночной подготовки, сводятъ людей въ общій строй и тѣмъ безповоротно (!) дѣлаютъ дальнѣйшую работу и тяжелой и почти безплодной".

Неправда, г. Синицынъ, ибо эта работа даетъ и стройность, достаточную для дѣла, и пріучаетъ ходить въ ногу, — чего же вамъ больше? Говорить завѣдомую... неправду не значитъ что-либо доказывать, а значитъ... ну, просто, сочинять. Такъ могли разсуждать маньяки строя эпохи 1824 г. и съ своей точки зрѣнія они были правы, ибо такъ какъ для нихъ маршировка была нѣчто высочайшее, для обыкновенныхъ смертныхъ недоступное и съ тривіальной человѣческой походкой ничего общаго не имѣющее; но въ 1904 году можно такъ разсуждать только опоздавъ родиться на восемьдесятъ лѣтъ: ибо кто-жъ вамъ повѣритъ теперь, когда ратники ополченія выучиваются въ двадцать восемь дней не только строю и мѣрному шагу, но еще стрѣльбѣ на небольшія разстоянія, мѣткимъ и сильнымъ ударамъ штыкомъ; а церемоніальнымъ маршемъ ходятъ даже весьма препорядочно и безъ репетицій. Въ своей преданности деревянному учебному шагу г. Синицынъ доходитъ даже до того, что желаетъ ежегоднаго возврата къ учебнымъ шагамъ всѣхъ старослужащихъ, что при нынѣшнихъ срокахъ службы и объемѣ воинскаго образованія уже совсѣмъ забавно. Чтобы быть послѣдовательнымъ, мы посо-

вѣтовали бы ему самому возвращаться ежегодно къ писанію палочекъ и крючковъ, дабы каллиграфическая выправка его почерка не терялась. Ему нужды нѣтъ до того, что любезная ему костоправная наука упразднена у насъ послѣ такого урока, какъ Севастопольскій погромъ, нужды нѣтъ и до того, что запрещеніе учебнаго шага предложено послѣ другой войны. Мы не знаемъ, кто такой г. Синицынъ, военный онъ или штатскій и дѣлалъ ли онъ какую-либо кампанію или нѣтъ, но полагаемъ, что такого рода факты заслуживали бы его размышленія; они свидѣтельствуютъ, что на учебныхъ шагахъ поставленъ крестъ не по чьей-либо прихоти или фантазіи, а потому, что они признаны не только безполезными, но и вредными.

Все это ниже вниманія г. А. Синицына; костоправы сказали ему восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что мѣрному шагу легче выучить, проведя новобранца черезъ учебные шаги въ три, два и одинъ пріемъ, нежели прямо, безъ пріемовъ, поставивъ его въ ряды людей, которые умѣютъ ходить въ ногу, — и г. Синицынъ въ это увѣровалъ.

И не только увѣровалъ, но даже идеалъ того золотого времени, въ назиданіе современникамъ и потомству, изъ устава 1824 года въ своей статьѣ помѣстилъ.



Вотъ онъ:

Кто не скажетъ, что эти фигуры вырѣзаны изъ картона или свинца? И въ эти фигуры обращали живыхъ людей. Этого ли хочетъ г-нъ Синицынъ?

„Какъ могло случиться, что, не упраздняя церемоніальнаго марша и требованій къ нему, учебный шагъ началъ изгоняться“, —спрашиваетъ себя авторъ; да случилось очень просто: когда замѣтили, что можно ходить стройно и безъ учебныхъ шаговъ, то ихъ отбросили, какъ пріемъ совершенно не нужный, и много времени отнимающій, а г-ну А. С. кажется, что изъ программы солдатскаго обученія вычеркнули необходимый отдѣлъ, и даже въ нѣкоторомъ родѣ причинили ущербъ не только солдатскому образованію, но и воспитанію. Онъ говоритъ:

„Но придавая значеніе воспитанію солдата, въ то же время было упущено изъ вида, что строй есть самое дѣйствительное средство военнаго воспитанія и что при новыхъ условіяхъ, когда къ дисциплинѣ предъявляются большія требованія, строй нужно развивать, совершенствовать, а ужъ никакъ не ослаблять“.

Во всей этой тирадѣ г. А. С. принимаетъ за доказанное то, что еще нужно доказать. Во-первыхъ, строй въ ряду занятій солдата вовсе не есть самое дѣйствительное дисциплинирующее средство, потому что всякое занятіе, исполняемое солдатомъ по приказанію старшаго немедленно, точно и безпрекословно, дисциплинируетъ его совершенно такъ же, какъ и строй, если не лучше: и въ этомъ смыслѣ подготовительныя упражненія къ стрѣльбѣ, самая стрѣльба, обученіе ударамъ штыкомъ достигаютъ той же цѣли что и строй; во-вторыхъ, если костоправы 1824-го года находили сомкнутый строй единственнымъ дисциплинирующимъ средствомъ, то это

неудивительно, ибо они другого средства и не знали. Но удивительно, когда это проповѣдуетъ г. А. С., знающій, на сколько съ тѣхъ поръ требованія отъ солдата увеличились, а сроки службы сдѣлались въ шесть слишкомъ разъ короче. Если же, не взирая на все это, онъ считаетъ требованія строя ослабленными и возвратъ къ прежнему строю необходимымъ, то ему слѣдовало бы начать сначала, т. е. посѣтовать объ уничтоженіи 25-лѣтняго срока службы и предложить его возстановленіе, предложить уничтоженіе стрѣльбы, упражненій со штыкомъ, гимнастики; да заодно уже предложить возстановленіе палочекъ, розогъ и сворачиванія скулъ, которыя, какъ ему должно быть извѣстно, были нераздѣльными спутниками того строя, ослабленіе коего онъ считаетъ столь важнымъ упущеніемъ. Вѣдь ему должно быть извѣстно, что за стрѣльбу и гимнастику въ палки не ставятъ и зуботычинъ не раздаютъ, а за строй—раздавали; значитъ, они сродни.

По всему тому, что до сихъ поръ цитировано изъ статьи г. А. С., можно подумать, что онъ хлопочетъ только о матеріальномъ совершенствѣ строя, но это вовсе не такъ, онъ можетъ и объ духѣ говорить.

„Въ бою происходитъ и физическое и еще болѣе духовное состязаніе армій. Но какъ бы духъ силенъ не (ни) былъ, его еще надо подкрѣпить и умѣніемъ. Духъ арміи нужно развивать всѣми силами, но для успѣха въ бою необходима (ы) еще и ловкость, искусство, воинственность, на что во всѣ времена и обращалось вниманіе. Послѣ временного переходнаго состоянія все это, однако, начинаетъ понемногу входить въ сознаніе“.

Ну, и слава Богу! Остается желать, чтобы въ

сознаніе г. А. Синицына, хотя бы съ трудомъ, проникъ общеизвѣстный фактъ, что нынѣшній солдатъ несравненно ловче, искуснѣе и воинственнѣе, нежели побывавшій въ рукахъ у костоправовъ; и что тотъ строй, объ отходѣ коего въ вѣчность онъ тоскуетъ, больше деревянилъ солдата, нежели дѣлалъ его ловкимъ и искуснымъ. И чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только взглянуть на двѣ фигурки оловянныхъ солдатиковъ, напечатанныхъ выше, и припомнить фигуру современнаго солдата для сравненія.

Г. А. С., какъ видѣли, заикнулся даже о развитіи духа солдата: хорошо развитіе, начинавшееся со внушенія рекруту того, что онъ не умѣетъ ни стоять, ни ходить, ни говорить, а онъ дуракъ думалъ, что все это онъ умѣетъ съ двухъ-трехъ лѣтняго возраста. Неправда ли, цѣлесообразный пріемъ развитія духа, подъема его?

Всѣ послѣдующія разсужденія автора отличаются такой же несообразностью. Заговоритъ ли онъ о томъ, что теперь пріучаютъ ходить въ ногу подъ барабанъ или подъ пѣніе пѣсенъ, онъ находитъ, что: „такое вожденіе скорѣе напоминаетъ прогулку, чѣмъ учебную маршировку, и здѣсь едва ли можетъ идти рѣчь о серьезной строевой подготовкѣ“. Почему такое вожденіе — не серьезное занятіе, когда оно достигаетъ цѣли, т. е. учитъ ходить въ ногу. недоумѣваю; можетъ быть авторъ разрѣшитъ это недоумѣніе по своей логикѣ, такъ какъ по общечеловѣческой оно неразрѣшимо.

Задаваясь вопросомъ, „чѣмъ, наконецъ, вызывается такое отношеніе (къ учебному шагу); если

пора увлеченія строемъ миновала", онъ не понимаетъ того, что въ этомъ отношеніи и заключается уничтоженіе увлеченія строемъ и что возвратъ къ учебнымъ шагамъ и былъ бы возвратомъ къ этимъ увлеченіямъ.

Далѣе, усиливаясь доказать нераціональность воспрещенія учебнаго шага, онъ говоритъ: „подобное положеніе вполнѣ равносильно—если бы вышло распоряженіе обучать строю, ружейнымъ пріемамъ, стрѣльбѣ не на одиночныхъ занятіяхъ, а прямо цѣлыми командами". И опять несообразность, ибо это вовсе не равносильно: вѣдь человѣкъ ходитъ съ дѣтскаго возраста, значитъ къ этому умѣнію нужно прибавить только одно — чтобы онъ ходилъ въ ногу; а ни стрѣлять, ни ружейные пріемы дѣлать онъ съ дѣтскаго возраста не учится.

Не дурно также и слѣдующее размышленіе;

„Учебный шагъ — трудный, неестественный, и этимъ онъ отличается отъ шага обыкновеннаго, которымъ однако сколько не (ни) ходи, никакой пользы не будетъ" (?!)

Не говоря уже о томъ, что здѣсь опять принимается за доказанное то, что еще нужно доказать, абсурдъ этого положенія такъ очевиденъ, что и опроверженія не заслуживаетъ. Далѣе, продолжая воспѣвать панегирики учебному шагу, авторъ доходитъ до того даже, что оный шагъ якобы „подготовляетъ часть къ походу"; я думаю, что къ нему русскій человѣкъ подготовляется гораздо дѣйствительнѣе еще до поступленія на службу. Кто же не знаетъ, что при нашихъ разстояніяхъ отмахать крестьянину 40 — 50 верстъ ничего не стоитъ, а отправляясь на богомолье или въ отхожіе промыслы,

не только сотни, но даже и тысячи верстъ. Я думаю, что это подготовляетъ къ походу нѣсколько лучше, нежели шагъ, который самъ г. Синицынъ признаетъ труднымъ и неестественнымъ; да онъ и самъ не сказалъ бы такой нелѣпости, если бы зналъ, что въ походѣ не маршируютъ, а ходятъ, да еще, какъ говорится, „садятъ рѣдьку,“ т. е. настолько сгибаютъ колѣно, что такой шагъ является совершенной профанаціей плацъ-параднаго искусства двадцать четвертаго года. Возвращаясь все къ той же своей навязчивой идеѣ, авторъ весьма категорически заявляетъ, что маршировку въ дѣлѣ строевого образованія „необходимо“ (!) поставить тотчасъ послѣ стрѣльбы. Можетъ быть автору не мѣшало бы прежде строя поставить еще штыкъ: немного подумавъ, онъ, вѣроятно, догадается, что строемъ и маршировкой еще никого и никогда не били, а били пулей и добивали штыкомъ. Грубые люди, пожалуй, найдутъ, что сдѣлать такой пропускъ можетъ только человѣкъ, не имѣющій понятія объ азбукѣ военной спеціальности, но мы думаемъ иначе: это все строй сбиваетъ автора съ толку и даже нѣсколько удивлены тѣмъ, что строй не поставленъ у него въ первомъ номерѣ. Если онъ позволяетъ себѣ пускаться въ разсужденія о воспитаніи и образованіи войскъ, то пусть приметъ къ свѣдѣнію на будущее время и къ руководству, что въ нашемъ дѣлѣ прежде и важнѣе всего дѣйствіе, а движеніе само по себѣ ничего не значитъ, если за нимъ не слѣдуетъ дѣйствіе; пусть помнитъ также и то, что какъ сомкнутый строй, такъ и движеніе нужны главнѣйше для штыка; а о штыкѣ-то онъ именно и позабылъ. Не-

ужели ему не растолковали въ стѣлковой школѣ, что на ходу никогда не стрѣляютъ, а стрѣляютъ только съ мѣста?

Авторъ находитъ далѣе, что благодаря сокращенію времени, теряемаго на одиночную подготовку, теперь якобы времени на репетиціи передъ парадами пропадаетъ больше чѣмъ прежде. Не во гнѣвъ будь сказано автору, и это вздоръ; онъ вѣроятно не засталъ уже процвѣтанія учебныхъ шаговъ, а я его засталъ, испытывалъ на себѣ съ 44-го по 54-й годъ, и могу завѣрить г. А. С., что, не взирая на совершенство строя, репетицій дѣлали не меньше, а больше, чѣмъ теперь. Да оно и понятно: вѣдь всякій маніакъ строя, какъ бы идеально его часть ни ходила, невольно думаетъ: а если я сдѣлаю еще одну репетицію, то они будутъ ходить еще лучше; и въ этомъ удовольствіи себѣ никогда не откажетъ.

Повторивъ такимъ образомъ на разные лады и не знаю сколько уже разъ свои раговоры о благодѣяніяхъ учебнаго шага, г. Синицынъ повѣствуетъ о бѣдствіяхъ, неминуемыхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Мы избавляемъ читателя отъ полной выписки этой трагической картины, ограничиваясь только нѣкоторыми ея эпизодами.

„Отъ солдата требуютъ широкаго шага, а онъ, естественно, какъ неподготовленный (?) дать его не можетъ“...

Почему можно выработать широкій шагъ только на маршировкѣ, а на ходьбѣ нельзя—тайна автора.

„При этомъ вмѣсто того, чтобы идти прямо, постоянно толкаемый товарищами, солдатъ перемѣщается въ стороны, принимаетъ и вертится“.

Ужасная картина! Съ нею можетъ сравниться

только разбиваніе кавалерійскаго строя лошадью, одержимой колеромъ.

Дальше все то же, какъ въ игрушкѣ, называемой гуськами. Впрочемъ, попадается и новый мотивъ; нѣчто вродѣ предостереженія почти грознаго:

„Отсутствіе одиночной маршировки не только не даетъ хорошихъ результатовъ, но еще и отнимаетъ столько времени, что надъ этимъ стоитъ подумать".

Подумать никогда не мѣшаетъ, и для такихъ думъ найдется много прекрасныхъ темъ, какъ, напримѣръ: 1) что нелогично принимать за доказанное то, что еще нужно доказать; 2) что, перебалтывать одну и ту же мысль десятки разъ, не подкрѣпляя ее никакими аргументами, не значитъ доказать ее; 3) что маршировка и ходьба, по смыслу слова, одно и то же, ибо первое слово есть переиначенное французское слово marcher; 4) что учебные шаги можетъ быть средство и дѣйствительно быстрое, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ нѣмецкій капитанъ выучилъ маршировать даже ворону, но и ходьба по-мужичьи тоже средство хорошее, если ратники ополченія въ 28 дней выучиваются, какъ уже выше сказано, не только ходьбѣ и строю, но еще сверхъ того, стрѣльбѣ, работѣ штыкомъ и существеннымъ обязанностямъ внутренней и гарнизонной службы, при весьма небольшомъ учебномъ кадрѣ; 5) что если бы г. А. Синицыну дали сегодня нѣсколько новобранцевъ на выучку, съ предвареніемъ, что они должны быть отправлены въ походъ на слѣдующій же день, то вѣроятно онъ показалъ бы

имъ: *а*) какъ руже зарядить, какъ прицѣлиться и какъ выстрѣлить, и заставилъ бы сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ каждаго изъ нихъ; *б*) заставилъ бы нанести по нѣскольку мѣткихъ и сильныхъ ударовъ штыкомъ въ намѣченную на чучелѣ точку; *в*) прошелъ бы съ ними существеннѣйшія обязанности гарнизонной и внутренней службы [1]), а о любезномъ ему учебномъ шагѣ вѣроятно бы и не подумалъ. Вотъ о чемъ слѣдовало бы подумать г. А. Синицыну; тогда бы онъ и уразумѣлъ, что́ послѣ чего слѣдуетъ ставить въ солдатской наукѣ, если хотятъ ставить толково, т. е. по относительной важности предметовъ занятій.

Г. А. Синицынъ въ своей статьѣ, приводя всевозможные пріемы ломанія, долженствующія по его мнѣнію подготовлять къ учебному шагу, не говоритъ, какіе изъ нихъ больше ему нравятся и оставляетъ насъ на этотъ счетъ въ недоумѣніи; мы думаемъ, что пріемы, рисунки коихъ приведены въ ведены въ началѣ статьи, можетъ быть въ швейцарскихъ руководствахъ и помѣщены, но едва ли допускаются въ общее примѣненіе, особенно въ Швейцаріи, объ этомъ можно догадываться и потому, что сфотографированный фокусникъ даже шевронистъ, т.-е. единственный въ своемъ родѣ экземпляръ. Такіе grands'écarts можно видѣть, по словамъ знающихъ людей, развѣ только въ Moulin Rouge въ Парижѣ, да и то исполняемые дѣвицами,

---

[1]) Исполняй приказаніе начальника; безъ спроса не отлучайся, обо всемъ, что съ тобою случится, докладывай ближайшему начальнику. Кого часовой слушается? Когда обязанъ стрѣлять или колоть?

а не мужчинами; и мнѣ кажется, что въ разсужденіи о подготовкѣ массъ, хотя бы и къ одиночному учебному шагу, имъ совсѣмъ не мѣсто. Должно быть помѣщены они, такъ сказать, на страхъ врагамъ: вотъ молъ, что выдѣлываютъ тамъ, гдѣ понимаютъ чистое искусство; не то, что вы.

II.

Считаемъ не лишнимъ, представить читателямъ историческую справку о первоначальномъ введеніи ходьбы въ ногу, о необходимости прибѣгнуть на первыхъ порахъ къ учебнымъ шагамъ и о томъ, какъ съ минованіемъ этой необходимости учебные шаги стали совершенно безполезными,а слѣдовательно и вредными; и какъ, увязнувъ въ учебныхъ шагахъ, цѣлые десятки лѣтъ не замѣчали того, что безъ нихъ можно было прекрасно обойтись.

Въ началѣ XVIII вѣка о возможности ходить въ ногу даже не подозрѣвали; явился наконецъ великій человѣкъ, который напалъ на эту мысль: маршалъ Морицъ Саксонскій. Понятно, даже и тѣ, которые въ идеѣ признали эту возможность, не представляли себѣ того, какъ можно ее осуществить. Имъ пришли на помощь танцы и балетъ: нужно разложить шагъ на его составныя части, и каждую часть заставить исполнять сначала порознь, т. е. съ раздѣленіемъ по пріемамъ. „Вынеси лѣвую ногу, подними ее, опусти на землю; вынеси впередъ правую ногу“ и т. д. Изучивъ такимъ образомъ, такъ сказать, анализъ походки, мало-по-малу соединяли

части шага вмѣстѣ, т. е. доходили до синтеза его и затѣмъ кончали, разумѣется, уже движеніемъ, болѣе или менѣе непрерывнымъ, подъ барабанъ, подъ музыку или подъ счетъ. Все это теперь кажется такимъ естественнымъ и легкимъ, что и въ голову, конечно, не приходитъ, съ какими затрудненіями должно было оно доставаться вначалѣ. Но это не все: исполняя шагъ по частямъ, скоро замѣтили большое разнообразіе; одинъ задиралъ носокъ выше, другой ниже; одинъ прохватывалъ заднюю ногу около каблука, вынося ее впередъ, быстро; другой проносилъ медленно; одинъ едва поднималъ ногу отъ земли, другой поднималъ высоко—все это захотѣлось уравнять, т. е. привести къ однообразію. Съ носками распорядились очень просто, именно установили, чтобы они были вытянуты къ землѣ, т. е. какъ тогда говорили, чтобы ходьба была съ носка. Но чтобы такъ можно было ходить не спотыкаясь, нужно мѣсто ровное, а природа сдѣлала ошибку, на такія мѣста поскупилась: кусты, кочки, бугры и проч.; да и человѣкъ отчасти помогаетъ ей портить ровныя мѣста; какъ же сдѣлать?

А устроить спеціальныя мѣста, спланированныя, плотно убитыя, гравіемъ посыпанныя (плацы открытые и закрытые, т. е. манежи). И такимъ то образомъ, сами того не замѣчая, выработали шагъ пожалуй идеальный съ условно художественной точки зрѣнія, но совсѣмъ не примѣнимый тамъ, гдѣ ходитъ солдатъ. На плацу и на полу, натертомъ мѣломъ, для балетнаго и цирковаго плясуна онъ годится, но для солдата не годится. И когда эта на-

ука достигла совершенства, явились и философы оной, давшіе рядъ драгоцѣннѣйшихъ афоризмовъ въ родѣ: „ничто такъ не портитъ войска, какъ война“, „не думай, такъ лучше будетъ“, и наконецъ—перлъ изъ перловъ — „десять забей, одного выучи“. Выучи чему? Стойкѣ, маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ... Дорогою цѣною маніаки строя готовы были платить за столь не хитрое искусство, но они не были въ этомъ виноваты, ибо „въ человѣкѣ первыми побѣждаются глаза“. И такъ какъ у нихъ глаза были побѣждены совершенно, то разумѣется и въ голову никому не могло прійти того, что разъ всѣ ходятъ въ ногу, учебные шаги становятся излишними. А примѣръ г. А. Синицына—доказательство того, что даже черезъ 40 слишкомъ лѣтъ по ихъ упраздненіи находятся люди, убѣжденные въ ихъ необходимости, на томъ-де основаніи, что ходьба одно, а маршировка совсѣмъ другое.

Такъ какъ при Александрѣ I замаршировали уже всѣ, то уже и тогда можно было упразднить учебные шаги, но съ привычками глаза справиться не легко; и безъ страха даже подумать нельзя о томъ, какъ поступили бы тогда съ дерзновеннымъ, который осмѣлился бы заикнуться о подобной ереси.

Да за эту систему была какъ будто и исторія: вѣдь свалили Наполеона—значитъ система хороша. Нужды нѣтъ, что до того онъ съ 796 по 809 годъ избивалъ арміи, воспитанныя какъ разъ по этой же системѣ: кому же охота вспоминать старое и непріятное?

И по общему закону, въ силу котораго всякая идея доводится человѣкомъ до ея крайнихъ послѣд-

ствій, палочно-костоправная муштра продолжала свирѣпствовать до конца пятидесятыхъ годовъ.

Крымскій урокъ насъ отрезвилъ и сдѣлалъ наконецъ ясной ту простую мысль, что человѣка можно научить ходить въ ногу, не прибѣгая ни къ какимъ костоправнымъ вывертамъ.

Но какъ же у сосѣдей учебные шаги существуютъ?—Причинъ этому много: можетъ быть это отвѣчаетъ ихъ народному характеру [1]), а можетъ тутъ играетъ роль и то обстоятельство, что удачная война никого и никогда не отрезвляла, а напротивъ приводитъ къ убѣжденію, что все хорошо — даже и то, что дурно. Лишенный способности открывать истинныя причины явленій, человѣкъ вообще весьма расположенъ приписывать свои удачи фетишамъ. И учебные шаги тамъ остаются, на радость сверхсрочнымъ унтеръ-офицерамъ, для эксплоатаціи молодыхъ солдатъ и издѣвательства надъ ними... Какъ бы армія хороша ни была, съ нея нельзя перенимать всего безъ разбора; пора начать жить своимъ умомъ и ничего не считать хорошимъ только потому, что оно существуетъ въ старшемъ классѣ иначе пришлось бы, въ числѣ прочаго, принять сосаніе грязныхъ носковъ, какъ полезный педагогическій пріемъ.

Г. А. Синицынъ, помѣстивъ въ своей статьѣ рисунки деревянныхъ солдатъ 1824 года, вѣроятно

[1]) Хотя по послѣднимъ свѣдѣніямъ въ этомъ можно сомнѣваться. Достаточно прочесть недавно вышедшій нѣмецкій романъ „Іена или Седанъ“, въ которомъ есть страницы, заслуживающія серьезнаго вниманія, чтобы убѣдиться, что тамъ „не все здорово“.

хотѣлъ представить ихъ какъ идеалъ; иначе зачѣмъ было бы помѣщать? Его умиляетъ и деревянная поза, и нелѣпое держаніе ружья за конецъ приклада, и шагъ съ носка на прямое колѣно. Мы бы предложили г. А. Синицыну, пригласивъ съ собою для компаніи г. редактора и его помощника, промаршировать съ ними втроемъ по пахатному полю съ носка, держа такъ ружье и съ двухъ-пудовой ношей, чтобы убѣдиться, насколько все это окажется разумно, когда примѣришь на своей спинѣ. И подобные нелѣпости печатаются въ органѣ офиціальнаго учрежденія и конечно на казенныя деньги!

И что, спрашивается, между ходьбой и спеціальностью стрѣлковой школы? Занимались бы вы очками съ дополнительнымъ стеклышкомъ [1]); (они по моему мнѣнію нелѣпы; но все же относятся къ стрѣльбѣ); занимались бы превознесеніемъ усовершенствованной игры въ бабки, т. е. стрѣльбы съ отмѣренныхъ разстояній; занимались бы перечнемъ приборовъ и пособій, которыми торгуетъ лавочка стрѣлковой школы [2]).

Въ № 683 „Развѣдчика“ анонимъ, очевидно писавшій отъ лица стрѣлковой школы, упрекнулъ меня въ томъ, будто я въ своей замѣткѣ не далъ школѣ полезныхъ совѣтовъ, что, какъ я объяснилъ, не

---

[1]) См. № 93. „Вѣстн. Офиц. Стр. Школы.“

[2]) Отдѣловъ въ этомъ перечнѣ 19; кто не поостережется выписать всѣ приборы и пособія, заплатитъ не малыя деньги; такъ, напримѣръ, максимальный термометръ металлическій стоитъ въ лавочкѣ офицерской стрѣлковой школы 8 руб., а такой же деревянный 4 руб. Я ихъ не видѣлъ; должно быть какіе-нибудь особенные, такъ какъ въ самыхъ дорогихъ магазинахъ максимальный термометръ стоитъ два рубля.

совсѣмъ вѣрно; но этотъ упрекъ налагаетъ на меня обязанность къ совѣтамъ, уже даннымъ, прибавить еще одинъ: не компрометировать школы помѣщеніемъ въ ея Вѣстникѣ статей нелѣпыхъ и къ спеціальности школы никакого отношенія не имѣющихъ.

Памяти Александра Ѳомича Петрушевскаго.

Съ литературной нивы перешелъ ты на ниву Божію тихо, спокойно, какъ подабаетъ чистому сердцемъ.

Не зарылъ ты въ землю таланта Богомъ тебѣ даннаго, но пріумножилъ его.

Поработалъ ты, начиная съ молодыхъ лѣтъ, для родного солдата, потомъ для простолюдина, не безплодно и не безполезно.

И закончилъ ты свою работу достойно, пссвятивъ послѣднія двадцать пять лѣтъ жизни великому представителю народнаго духа, Суворову. И работа твоя не забудется.

Раздвиньтесь же, преждепочившіе труждающіеся честно и обремененіи... дайте мѣсто такому какъ и вы честному труженику...

Царство тебѣ небесное, Александръ Ѳомичъ, земля тебѣ пухомъ.

М. Драгомировъ.

III.

Жокейство. Спрашивали уже у меня не разъ изустно и письменно, почему не пишу о замѣчаемомъ въ послѣднее время развитіи пристрастія къ жокейскимъ скачкамъ между офицерами нашей конницы. Мнѣ кажется, что гг. Паренсовъ, Далматовъ, Искренній и другіе вопросъ разъяснили достаточно; если рѣшаюсь сказать о немъ нѣсколько словъ, то развѣ только въ дополненіе къ тому, что они писали и чтобы отвѣтить на запросы.

Во первыхъ есть скачки и скачки;—такъ называемыя парфорсныя охоты мнѣ кажутся скачками, въ высшей степени полезными и достойными офицера. Онѣ дѣйствительно пріучаютъ его къ искусству быстраго проѣзда черезъ разнообразныя и сколько-нибудь проходимыя мѣстности, гдѣ онѣ даютъ практику глазомѣру, управленію лошадью и наконецъ воспитываютъ въ выносливости. Если что нибудь и можно сказать о нихъ противнаго, то развѣ какъ предостереженіе—чтобы ими не увлекались до ущерба другимъ отдѣламъ работы кавалерійской.

Есть скачки жокейскія, частью по мѣстности ровной, заранѣе подготовленной, а если и съ препятствіями, то не съ такими, какъ ихъ Богъ создаетъ, а съ искусственными. Пожалуй и эти препятствія, если хотите, вырабатываютъ до нѣкоторой степени глазомѣръ, но такъ сказать плацпарадный, а не тотъ, который нуженъ въ полѣ, ибо плацпарадный иподромный тожъ, можно прорепетировать. Это послѣднее обстоятельство выясняетъ прямое

противорѣчіе между скачками полевыми и ипподромными: въ полѣ вы натыкаетесь на препятствіе почти неожиданно, и вырабатываете навыкъ мгновенно пріискать или удобнѣйшій способъ преодолѣть его, или же, при невозможности, удобнѣе его обскакать. На ипподромѣ ничего подобнаго. Въ полѣ вы скачете 30—40 верстъ [1]), тамъ версты несчитанныя; — на ипподромѣ скачутъ максимумъ 5 верстъ, а въ среднемъ я думаю и 3-хъ не выйдетъ. И вымѣряются онѣ съ точностью чуть не до дюйма. И потому полагаю, что жокейскія скачки недостойны кавалерійскаго офицера; это дѣло жокеевъ-промышленниковъ. Кавалеристъ, предающійся жокейской спеціальности—уже не кавалеристъ; пусть себѣ съ Богомъ идетъ въ жокеи. Ни онъ, ни его лошадь строю не нужны. Это то же какъ если бы волею судебъ балетмейстеръ попалъ въ пѣшій строй и по командѣ „шагомъ маршъ“ пошелъ бы выдѣлывать свои антраша и курбеты. Разумѣется согнали бы съ поля не только его, но и часть, гдѣ онъ завелся.

По преданію, всесильный Потемкинъ зачислилъ однажды гувернантку своей знакомой въ драгунскій полкъ капитаномъ, конечно для полученія содержанія. Всякій скакунъ-офицеръ жокейской спеціальности въ полку та же гувернантка на казенномъ содержаніи, съ тою только разницей, что гувернантка не притворялась драгунскимъ капитаномъ, а жокействующій офицеръ все же носитъ на себѣ

---

*) Т. е. скачете съ умомъ—переходя гдѣ нужно не только въ рысь, а и въ шагъ.

маску офицера, когда ему собственно слѣдуетъ щеголять въ жокейской полосатой курткѣ и картузѣ разноцвѣтнаго чертежа и, кромѣ жокейскаго чина, иного не носить. Психологія у него совершенно другая, чѣмъ у кавалерійскаго офицера, достойнаго этого званія; ибо, по великому слову: гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше, сокровище кавалерійскаго офицера—это его вѣроятные боевые товарищи въ случаѣ войны, т. е. ввѣряемые его попеченію солдаты, которыхъ онъ обязанъ и всемѣрно стремится воспитать, обучить и духъ ихъ соотвѣтственно направить. Сокровище кавалерійскаго офицера—товарищескія привязанности къ офицерской семьѣ, въ которую онъ попалъ; надежный конь, который и въ сомкнутомъ строю ведетъ себя прилично, и на какой-нибудь 100-верстной рекогносцировкѣ своего хозяина не выдастъ. Кавалерійскій офицеръ большую часть года сидитъ въ полку и занимается со своими людьми всякимъ мозговымъ, конным и пѣшимъ дѣломъ. Сокровище жокействующаго офицера—кровная лошадь, настолько сноровленная иподромами, что пустить ее въ строй и подумать нельзя. Вмѣсто солдата—рейткнехтъ, забывшій солдатское кавалерійское дѣло, если даже и зналъ его. Съ началомъ сезона скачекъ, офицеръ, по праву исчезаетъ изъ полка и вмѣсто службы разъѣзжаетъ по иподромамъ, скачетъ и, съ позволенія сказать, „цалковый-рупь“ себѣ зашибаетъ, т. е., говоря яснѣе, промышляетъ своимъ жокействомъ. „И гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“.

Невольно представляется вопросъ: какимъ логи-

ческимъ путемъ можно было дойти до того, чтобы офицеръ обратился въ жокея, да при томъ промышленника? Объясняется это очень просто. И офицеръ, и жокей имѣютъ дѣло съ лошадью и оба ѣздятъ верхомъ. Недостаточно разобравшись въ дѣлѣ, достиженіе максимума быстроты движенія лошади признали за максимумъ ея достоинства, упустивъ изъ виду то, что быстрота, пріобрѣтаемая на счетъ другихъ качествъ лошади, въ жизненномъ, да и въ кавалерійскомъ обиходѣ есть не достоинство, а недостатокъ; а между тѣмъ подъ покровительствомъ этого идеальнаго животнаго и сидящая на немъ обезьяна, именуемая жокеемъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ стала кавалеристомъ по преимуществу. Это то же, что поставить писаря выше литератора, такъ какъ оба имѣютъ дѣло съ перомъ и бумагой; и въ одной части дѣла писарь, конечно, выше литератора, ибо пишетъ красивѣе, хотя и не понимаетъ того, что пишетъ. Однимъ словомъ, сами того не замѣчая, верховую ѣзду, служащую средствомъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, обратили въ самую цѣль. Кавалеристъ ѣздитъ для того, чтобы научиться рубкѣ съ коня, сомкнутому строю, маневрированію, развѣдкамъ и пр. Жокей ѣздитъ для того, чтобы собственно никуда не пріѣхать, и ничему, кромѣ ѣзды, не выучиться. Не разъ уже говорилось о томъ, что всякая односторонняя идея всегда доводитъ человѣка до крайнихъ ея послѣдствій, т. е. до нелѣпости. Такъ случилось и тутъ. Уже въ русской арміи завелся кавалерійскій полкъ, который содержитъ собственную скаковую конюшню. Такъ какъ эта конюшня заведена, конечно, не на

частныя средства и рейткнехтами служатъ въ ней. вѣроятно, не вольнонаемные люди, а данные въ полки для защиты отечества и принесшіе на то присягу, то по нашему мнѣнію, это уже дѣло не разсужденія о томъ, лѣпо или нелѣпо устраивать подобныя прибавки къ организаціи полка, а о томъ, соотвѣтственно ли, и по закону ли употребляются въ томъ полку правительственные отпуски. Было время, когда въ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полкахъ фабриковали между прочимъ кринолины, а въ одномъ полку даже будто бы фортепіано, и за это по головкѣ не гладили. Хотя нужно сказать, что о промышленной антрепризѣ въ тѣхъ полкахъ и рѣчи не было, а все дѣлалось по родственному, для удовлетворенія домашнихъ потребностей.

Замѣчательно, что скачковый репортеръ „Русскаго Инвалида“, г. Агафоновъ, въ „итогахъ“ своихъ спортсменскихъ отчетовъ дѣлаетъ перечень того, сколько заработала рублей скаковая антреприза этого полка, а затѣмъ сколько заработалъ и каждый изъ офицеровъ. Онъ даже не постѣснился назвать полкъ, въ которомъ содержится скачковая конюшня, и это заставляетъ думать, что подобныя явленія въ извѣстныхъ кружкахъ считаются совершенно нормальными... Переименовалъ также и фамиліи офицеровъ, проставивъ послѣ каждаго число рублей заработка и, повидимому, это никого не обидѣло. А можетъ быть даже и поощрило къ дальнѣйшимъ подвигамъ...

IV.

Расчлененіе японской операціи.

Первый періодъ кампаніи японцами законченъ и объ немъ можно теперь говорить откровенно, не рискуя навлечь упрекъ въ подсказываніи, наведеніи на мысль и т. под.

Нужно замѣтить, что кампанія эта въ высшей степени оригинальна и по относительному положенію силъ, и по театру войны. Съ одной стороны, армія сухопутная съ безконечной комуникаціонной линіей,—это мы; съ другой—армія съ короткой комуникаціонной линіей, но прерываемой моремъ это японцы. Море конечно облегчаетъ всѣ снабженія, но какъ уже сказано раньше, оно ставитъ армію въ необходимость держаться берега, дабы осаваться въ связи съ флотомъ возможно болѣе близкой, а еще лучше непосредственной [1]).

Театръ войны можно назвать учебнымъ: до такой степени онъ представляетъ на маломъ пространствѣ массу случаевъ для разнородныхъ военныхъ операцій морскихъ и сухопутныхъ. На пространствѣ всего двухъ сотъ двадцати верстъ (отъ устья р. Ялу до Инкоу), съ востока на западъ, и двухсотъ восьмидесяти съ сѣвера на югъ (отъ Ляояна до Артура),

---

Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только одинъ десантъ Англичанъ на Пиренейскій полуостровъ противъ Наполеона I. Но этотъ десантъ имѣлъ за себя сочувствіе всего населенія, подогрѣтое ненавистью къ французамъ. Съ усовершенствованіемъ желѣзныхъ дорогъ и автомобилей это нѣсколько измѣнится въ томъ смыслѣ, что перевозочныя средства десантовъ можетъ быть усилятся; но недостатокъ въ конницѣ едва ли будетъ отвратимъ.

и въ сопредѣльномъ морѣ, уже разыгрались морскія стычки, бомбадировки и дѣйствія минами и въ непродолжительномъ будущемъ разыграются вѣроятно сложныя сухопутныя дѣйствія, до осады приморской крѣпости включительно.

V.

Оставляя въ сторонѣ первый шагъ японцевъ въ эту войну, по мнѣнію многихъ съ этической стороны не совсѣмъ чистоплотный, остановлюсь на обзорѣ ихъ операцій съ военно-технической точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи нельзя отказать имъ въ томъ, что они знаютъ военное дѣло и умѣютъ его дѣлать.

Прежде всего они не разбрасываются и всегда опредѣленно знаютъ чего хотятъ: задавшись цѣлью, они умѣютъ на ней сосредоточиться и не опускаютъ изъ виду, подъ вліяніемъ разныхъ фантазій и побужденій, навѣваемыхъ мимолетными впечатлѣніями обстановки и внушеніями проходимцевъ и аферистовъ, которыми кишатъ всѣ высшіе штабы, многочисленные въ особенности.

Раньше было замѣчено („Развѣдчикъ“ № 699, Наши дѣлишки, V), что въ качествѣ десанта японцы неизбѣжно должны будутъ держаться берега и именно берега Корейскаго залива; иного пути имъ не было. Такъ оно и вышло. Но путь одно, а цѣль другое.

Какою же они могли задаваться цѣлью на сказанномъ пути? — Только одною — вытѣснить насъ изъ Ляодунскаго полуострова. Но эта цѣль представляетъ весьма сложный комплексъ частныхъ

цѣлей, опредѣляемыхъ родомъ, количествомъ и распредѣленіемъ вооруженныхъ силъ, нашихъ и японскихъ. Съ нашей стороны флотъ и крѣпость у Артура на югѣ, сухопутная армія на сѣверѣ; съ японской—сухопутная армія, пока отдѣленная отъ насъ моремъ, и флотъ.

Представляется вопросъ: въ какой послѣдовательности японцамъ вести кампанію? Прежде всего 1) нужно ослабить нашъ флотъ, ибо пока онъ могъ бороться съ японцами въ открытомъ морѣ, они о высадкѣ и помышлять не могли. И вотъ, вслѣдъ за неожиданнымъ нападеніемъ 27-го января, начинается рядъ бомбадировокъ Артура и упорныхъ попытокъ загородить выходъ изъ него брандерами и минами. Съ гибелью „Петропавловска“, а еще болѣе съ гибелью нашего незабвеннаго славнаго честнаго Степана Осиповича, японцы рѣшаются, наконецъ, приступить къ высадкѣ, попытавшись еще разъ загородить выходъ изъ Артура брандерами.

Тутъ уже можно было начать высадки, которыя могли имѣть двоякій предметъ дѣйствій: Артуръ и нашу армію въ Ляоянѣ. Но Артуромъ японцы не могли заняться, не обезпечивъ себя со стороны Ляояна — слѣдовательно первымъ дѣломъ необходимо 2) высадиться въ Кореѣ и выдвинуть заслонъ противъ Ляояна и затѣмъ 3) высадиться по ближе къ Артуру и приступить къ его осадѣ.

Всѣмъ извѣстно, что первая высадка сдѣлана въ Пеньянѣ 3-го апрѣля. Генералъ Куроки, не взирая на обозначенную нами возможность нападенія въ

самомъ Пеньянѣ [1]), по окончаніи высадки предпринялъ наступленіе къ Ляояну. Его не остановила также необходимость форсировать переправу черезъ Ялу и возможность быть атакованнымъ по совершеніи переправы, у Фыньхуаньчена. Здѣсь онъ остановился, началъ укрѣплять позиціи и устраивать свою базу, конечно у Ычжю. Позиція у Фыньхуаньчена, фронтально обращенная къ Ляояну, вмѣстѣ съ тѣмъ является фланговой относительно нашего операціоннаго пути Ляоянъ—Артуръ.

Дальше ген. Куроки и не пойдетъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ проскользнула мысль о томъ, будто въ наступленіи Куроки на Ляоянъ произошла „заминка". Кто ожидаетъ этого наступленія, тотъ, мнѣ кажется, будетъ ожидать его долго. Еще 7-го мая я подержалъ пари съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ, что Куроки дальше съ значительными силами не пойдетъ и я думаю, что его выиграю; онъ не можетъ этого сдѣлать, если бы даже хотѣлъ; но онъ и не хочетъ.

Не можетъ потому, что это значило бы отдаляться отъ моря, а у него недостаточно перевозныхъ средствъ, какъ уже не разъ объ этомъ упоминалось; а отъ Ычжю до Ляояна больше 160 верстъ, на такое разстояніе при недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, отдаляться отъ базы нельзя.

Но какъ уже сказано, онъ такого наступленія и не хочетъ дѣлать, такъ какъ на позиціи у Фыньхуаньчена прикрываетъ осаду Артура вполнѣ удовлетворительно, слѣдовательно своей цѣли достигъ.

---

[1]) Поискъ ген. Мищенко.

Если намъ придется идти на выручку сего послѣдняго, то этого нельзя будетъ сдѣлать, не выбивъ Куроки изъ Фыньхуаньчена, или не выставивъ противъ него сильнаго заслона. И теперь уже совершенно ясно, что Куроки только показываетъ видъ, будто хочетъ наступать; но ничего сколько-нибудь серьезнаго къ Ляояну не посылаетъ. Онъ, такъ сказать, „обозначаетъ шагъ на мѣстѣ“.

Небольшое замѣчаніе относительно переправы черезъ рѣку Ялу, представляющую тоже оригинальную особенность. Нужно сказать, что при пассивной оборонѣ рѣки, то есть при расположеніи за нею только на одномъ берегу, обыкновенно нѣтъ никакой возможности судить о томъ, что на противуположномъ берегу дѣлаетъ непріятель. Единственное для этого средство свѣдѣнія, доставляемыя шпіонами, но они часто невѣрны, да и достаточными никогда быть не могутъ: силы мало-мальски значительныя занимаютъ своимъ расположеніемъ цѣлые десятки верстъ. Понимается, что при этомъ для вѣрныхъ свѣдѣній, понадобилось бы такое количество ловкихъ и хорошо знающихъ военное дѣло шпіоновъ, какимъ никто располагать не въ состояніи, даже японцы.

Но на Ялу было совсѣмъ не такъ: пунктъ переправы опредѣлялся можно сказать съ геометрической точностью для всякаго съ перваго взгляда.

Такъ какъ японцы отъ берега отдаляться не могли; такъ какъ имъ весьма дорого было содѣйствіе флота при форсированіи переправы, то ясно, что иначе, какъ въ той точкѣ, до которой могли

доходить кононерки въ Ялу, японцы не могли переправляться.

Правда, что по газетнымъ свѣдѣніямъ, они кромѣ того сдѣлали демонстрацію переправы верстахъ въ 80-ти выше по Ялу, у Чайдена; но этой демонстраціей едва ли кого ввели въ заблужденіе, что видно и по силѣ нашего отряда—противъ Ычжю; если бы онъ былъ и значительно сильнѣе, этого никто не нашелъ бы страннымъ.

Итакъ истекшій періодъ кампаніи со стороны японцевъ расчленяется на слѣдующія операціи:

1) Ослабленіе нашего флота, 2) высадка въ Кореѣ и наступленіе въ Манчжурію для занятія позиціи фронтальной къ Ляояну и фланговой къ пути Ляоянъ — Артуръ, 3) высадка, подъ прикрытіемъ этого заслона, осадной арміи въ Бицзыво и 4) приступъ къ осадѣ.

VI.

Но это, какъ и всякій планъ, — умовая сторона дѣла; волевая же его сторона заключается вся въ исполненіи и принадлежитъ генералу Куроки. Исполняя совѣтъ Наполеона, при всякомъ положеніи или предпріятіи, прежде всего рѣшать задачу за непріятеля, онъ могъ ожидать на своемъ пути и нападенія на Пеньянъ, и активной обороны Ялу, и атаки послѣ переправы черезъ эту рѣку. Человѣка, который по выраженію Наполеона, „дѣлаетъ себѣ картины“, то есть подчиняется воображенію, это могло бы если не остановить, то по крайней мѣрѣ побудить—наступать осторожнѣе; но Куроки это не остановило; очевидно, онъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ, что навстрѣчу неизвѣстному будущему

можно идти или не идти, но рѣшаясь идти, должно это дѣлать, отбрасывая всякую мысль о послѣдствіяхъ.

Правда, могутъ сослаться на прекрасную организацію японскаго шпіонства и на освѣдомленность Куроки о нашихъ силахъ: но какъ бы послѣдняя ни была велика, она никогда не доходитъ до полной достовѣрности. Могутъ подойти свѣжія силы, можетъ измѣниться ихъ расположеніе, наконецъ, характеръ главнаго распорядителя въ началѣ кампаніи неизвѣстенъ. Изо всего этого понятно, въ какомъ мракѣ витаетъ распорядитель до столкновенія и до какой степени приходится бороться съ самимъ собою, чтобы на него рѣшиться. Для этого нужно твердо помнить и знать, что впередъ никто не скажетъ, онъ ли побьетъ, или его побьютъ; что съ непріятеля впередъ нельзя взять росписки, что онъ дастъ себя побить, и потому нужно дерзать и идти на „панъ или пропалъ“, лишь бы игра стоила свѣчи.

Нѣкоторые иногда оправдываютъ свою нерѣшительность — опасеніемъ большихъ потерь; но во-первыхъ, — размѣры ихъ впередъ никогда знать нельзя, во-вторыхъ, цѣль всякой войны достигается не взирая на потери, а не заключается въ томъ, чтобы онѣ были возможно меньше; въ третьихъ небезызвѣстно и то, что потеря времени иногда ведетъ къ такимъ жертвамъ, какихъ не вызвала бы самая рѣшительная операція.

20-го мая 1904 г.

VII.

Мы такъ привыкли къ рабьему языку, что все норовимъ читать не строчки, а между строчками. Кажется понятно, что разбирать сколько-нибудь съ толкомъ можно только завершившееся, но ни въ какомъ случаѣ не то, что совершается или имѣетъ совершиться. На этомъ основаніи я и взялъ для разбора законченный періодъ кампаніи со стороны японцевъ; но нѣкоторые читатели усмотрѣли въ этомъ косвенную критику нашего положенія противъ японцевъ. Такой критики я не могъ сдѣлать уже по одному тому, что не знаю, собраны ли у насъ всѣ силы, назначенныя для дѣйствій на востокѣ или нѣтъ; и потому прошу вѣрить, что, говоря о японцахъ вообще и о генералѣ Куроки въ частности, я только ихъ однихъ и разумѣлъ и никого больше. Первый періодъ кампаніи, какъ онъ ни близокъ къ намъ, есть уже достояніе исторіи и, какъ таковое достояніе, подлежитъ разбору безъ киваній украдкой на кого бы то ни было и не стѣсняясь разстояніями, ни тѣмъ, что приходится говорить хорошее о врагахъ. Неоспоримо то, что сказанный періодъ кампаніи былъ задуманъ и выполненъ превосходно и вовсе не по винѣ съ нашей стороны, такъ какъ вѣроятно мы не могли тогда активно этому противодѣйствовать, если этого не сдѣлали. Неоспоримо и то, что японскіе генералы умѣютъ рѣшаться на панъ или пропалъ и не останавливаются передъ жертвами, когда, по ихъ мнѣнію, цѣль этого стоитъ; не останавливаются также и передъ атаками въ лобъ, столь забрако-

ванными огнепоклонниками. Они знаютъ также, что резервы существуютъ для послѣдняго удара, а не для прикрытія отступленія. Ожидаю и тутъ, что изъ какой-нибудь подворотни выскочитъ молодой человѣкъ пріятной наружности и ехидно воскликнетъ: „а мы, по вашему, этого не знаемъ“? Конечно знаемъ, но только говорить объ этомъ теперь, когда съ нашей стороны не было ни одного большого сраженія, было бы самохвальнымъ пустословіемъ, упражняться въ коемъ предоставляемъ патріотамъ своего отечества извѣстнаго пошиба. Обращаясь къ дѣйствіямъ собственно, не могу не замѣтить, что все произошло такъ, какъ въ предыдущей статьѣ было сказано, т. е. и Куроки на фланговой позиціи, и Оку на фронтальной стояли совершенно спокойно до тѣхъ поръ, пока не обозначилось наше движеніе по Лаоянъ-Артурской дорогѣ. Это спокойствіе объясняется тѣмъ, что ихъ цѣль прикрывать осаду Артура и никакой другой цѣлью они и не задавались; но стоило намъ двинуться по направленію къ Артуру, чтобы поднять на ноги ихъ обоихъ и заставить Куроки со значительною частью его силъ (какъ кажется) очистить позицію у Фынь-хуань-чена и двинуться въ юго-западномъ направленіи, на соединеніе съ Оку, занявшись въ то же время демонстраціями къ сторонѣ Ляояна, конечно съ тѣмъ, чтобы заставить насъ опасаться за свои сообщенія. Вотъ, по моему мнѣнію, объясненіе послѣднихъ японскихъ маршей.

Одинъ изъ анонимовъ, съ претензіей на остроуміе, но умѣренный [1]) говоритъ: „Вы пишете, что

[1]) Были разные и благо- и зло-желательные; одинъ даже въ измѣнѣ обвинилъ.

Куроки дальше Фынь-хуань-чена не двину(е)тся, даже пари держали, и навѣрно со стацкимъ [1]), и оказалось, что вы совсѣмъ дѣла военнаго на полѣ не понимаете". Во-первыхъ, пари я держалъ не со штатскимъ, а съ военными, подержалъ бы и съ господиномъ анонимомъ, если бы имѣлъ удовольствіе знать кто онъ. Во-вторыхъ, если онъ дѣйствительно военный, то долженъ знать, что при движеніи большихъ силъ высылается на значительное разстояніе авангардъ; отъ авангарда тоже на значительное разстояніе летучій отрядъ, отъ котораго опять версты на четыре на пять передовые тычки или разъѣзды. Если бы г. анонимъ все это зналъ, то онъ, можетъ быть, и догадался бы, что, даже предполагая полную точность свѣдѣнія, будто японцы остановились въ тридцати верстахъ отъ Ляояна, главныя силы ихъ могли быть отъ этого послѣдняго пункта не ближе какъ въ верстахъ въ восьмидесяти, а можетъ быть совсѣмъ не трогались съ Фынь-хуань-ченскихъ позицій въ этомъ направленіи. Если бы г. анонимъ удостоилъ внимательнѣе прочесть мою статью, онъ бы замѣтилъ, что я говорю о наступленіи значительныхъ, а не вообще какихъ-либо силъ, и тогда бы понялъ, что не только приближеніе къ Ляояну на тридцать верстъ, но даже временное занятіе его болѣе или менѣе сильнымъ летучимъ отрядомъ нельзя бы было считать серьезнымъ наступленіемъ. Повторяю то, что уже было сказано, именно, что Куроки обозначаетъ шагъ на мѣстѣ: сегодня шагъ впередъ, завтра — шагъ назадъ, послѣзавтра — два шага впередъ, послѣ послѣзавтра—два шага назадъ.

[1]) Вѣроятно г. анонимъ хотѣлъ написать со штатскимъ.

Ничего другого онъ не дѣлалъ со времени остановки у Фынь-хуань-чена. Такъ было у Саймацзы, такъ было на Ляоянской дорогѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Чтобы покончить съ этимъ знатокомъ военнаго искусства, долженъ затронуть престранное явленіе, на которое онъ, очевидно, намекаетъ, рекомендуя мнѣ заняться каламбурами: всякіе сочиняемые по поводу нынѣшней войны каламбуры не всегда удачные, а иногда и просто глупые, какими то благопріятелями распускаются въ Петербургѣ отъ моего имени; честнымъ словомъ завѣряю, что ни въ одномъ изъ этихъ каламбуровъ я не повиненъ.

Полагаю какъ и прежде, что намѣренія японцевъ дальше овладѣнія Ляодуномъ и, конечно, Артуромъ не идутъ и идти не могутъ. Для одной кампаніи этого слишкомъ достаточно, когда армія — десантная, т. е. страдающая недостаткомъ конницы и перевозочныхъ средствъ. Овладѣніе Манчжуріей, предполагая мало вѣроятный случай окончательнаго успѣха японцевъ на Ляодунѣ, могло бы быть предметомъ только новой кампаніи, но уже съ Китаемъ, такъ какъ только сей послѣдній можетъ дать японцамъ и коней, и перевозочныя средства, не говоря о войскахъ.

VIII.

Какъ обыкновенно бываетъ, всякая война родитъ легенды, и мелкія, и крупныя: отпечаталъ же одинъ господинъ, что первая шеренга у японцевъ при штыковой свалкѣ якобы бросается на землю для распарыванія противнику животовъ снизу вверхъ,

а другой—что они стрѣляютъ съ такимъ зеркальцемъ, въ которомъ могутъ видѣть противника, а ему быть невидимыми. Не пришло въ голову первому, что сходятся на штыки бѣгомъ и что при этомъ передней шеренгѣ трудно повалиться передъ самымъ непріятелемъ, а если бы повалилась, то на нее и сзади бѣгущіе повалились бы—картина! Что до зеркальца, то о немъ уже разъ было говорено какъ о пустой и безполезной затѣѣ, такъ какъ наблюдать въ него хитро, да и непріятель можетъ имъ обзавестись. На войнѣ все до крайности просто, даже лучшіе стрѣлки забываютъ иногда ставить прицѣлъ; такъ какія же тутъ зеркальца?

Тоже и дальномѣры. Г. Н. Шкларевичъ давно сказалъ, что лучшій дальномѣръ для орудія—само орудіе; и для полевого боя такъ всегда останется. То же теперь и для ружья. Въ крѣпостяхъ другое дѣло. Мы такъ теперь подавлены маніей машинокъ, что забываемъ о человѣкѣ: если онъ спокоенъ, толково обученъ, то справится и безъ машинки; а неучу, трусу, глупому никакая машинка не поможетъ.

Но это мелкія легенды, а вотъ и крупныя: недавно прочелъ во французскомъ журналѣ „Correspondant“, будто первый планъ японцевъ былъ идти тремя колоннами на Харбинъ! Лѣвая отъ Чемульпо черезъ Ляоянъ къ Харбину, средняя отъ Гензана и правая отъ Посьета туда же. Что этотъ планъ будто былъ вполнѣ разработанъ тѣми же генералами Ойяма и Кодама, которые разработали и планъ, теперь исполняемый; но что первый планъ якобы былъ намъ проданъ японскимъ полковникомъ гене-

ральнаго штаба за знатную сумму, каковой полковникъ, конечно, бѣжалъ и именно въ Мексику, гдѣ теперь и наслаждается жизнью. Но японцы—такой хитрый народъ!—догадались о продажѣ плана потому, что наши суда „Варягъ“ и „Кореецъ“ стояли въ Чемульпо. Нужды нѣтъ, что тамъ стояли станціонеры и другихъ націй; но хитрые японцы догадались о продажѣ плана по присутствію въ Чемульпо нашихъ судовъ.

Если это вѣрно, то деньги, заплаченныя за планъ, даромъ брошенныя деньги, и онъ сильно смахиваетъ на тѣ фантастическіе планы, коими при удобномъ случаѣ потчуютъ другъ друга развѣдочныя бюро разныхъ націй.

Лѣвой колоннѣ (отъ Чемульпо до Харбина) нужно было бы сдѣлать для этого тысячу, а средней около семисотъ пятидесяти верстъ: на такія разстоянія, какъ уже не разъ сказано, десантъ отъ моря безнаказанно отдѣляться не можетъ.

IX.

Въ назиданіе костоправамъ грядущимъ и настоящимъ г. Епанчинъ [1]) издалъ свою книжку, хотя конечно, не имѣлъ ихъ въ виду. Благодаря документамъ, имъ собраннымъ, печальная апологія учебнаго шага, почерпнутая теоретически изъ устава 1824 года и нашедшая себѣ пріютъ въ „Вѣст-

[1]) Тактическая подготовка русской арміи передъ походомъ 1828—1829 гг.

никѣ Стрѣлковой Школы", получаютъ должное освѣщеніе и окраску изъ самаго дѣла.

Какъ и слѣдовало ожидать, при документальномъ освѣщеніи системы, построенной на учебномъ шагѣ, получается совсѣмъ не та идилія, которая грезилась г. А. Синицыну. Поучительно и то, что документы начинаются съ 1816 года, т. е. немедленно послѣ такихъ продолжительныхъ войнъ, которыя могли бы кажется отрезвить, но не отрезвили.

Императоръ Павелъ далъ всѣмъ своимъ сыновьямъ строевое направленіе столь прочное, что они до конца жизни не только ему не измѣнили, но стремились усовершенствовать. Сейчасъ увидимъ, какіе это дало плоды и къ чему повели „Усовершенствованія".

Однако обратимся къ документамъ и къ картинкамъ съ натуры.

11-го февраля 1817 г. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ пишетъ начальнику штаба гвард. корпуса, ген.-адъют. Сипягину:

„На приказъ, отданный у насъ въ корпусѣ 20-го января, что Государь Императоръ соизволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжаютъ для караула 1-го отдѣленія [1]) изъ другихъ баталіоновъ офицеровъ, и подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-е отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь,

[1]) 1-е отдѣленіе карауловъ обыкновенно давало разводъ съ церемоніею.

прыгаютъ французскій кадриль всегда одни и тѣ же лица— пары четыре или восемь, а другіе не пускаются. Я болѣе 20 лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься".

„Читая въ запискѣ вашей о ученіяхъ, писалъ Цесаревичъ Сипягину 12-го ноября того же года, сдѣланнымъ ошибкамъ замѣчанія, основанныя на уставѣ, скажу вамъ, что уже такъ перемудрили у насъ уставъ частыми перемѣнами, что не только затвердить оный не могутъ молодые офицеры, но и старые сдѣлаются рекрутами, и я признательно скажу вамъ, что я самъ даже по себѣ это вижу".

Итакъ, благодаря разнымъ петербургскимъ лавочкамъ, даже самъ Цесаревичъ начиналъ теряться въ мелочныхъ измѣненіяхъ устава, а ужъ кажется на что былъ службистъ и строевикъ. Ловкачи знали что они дѣлали: сердце Императора Александра I, приверженнаго къ строю съ дѣтства, лежало въ подобныхъ усовершенствованіяхъ: ловкачи ими и подслуживались и отлично устроивали свои дѣла, путемъ столь не хитрымъ.

Но занятія исключительно однимъ строемъ, кромѣ стремленія къ подобнымъ мнимымъ улучшеніямъ, представляютъ еще другую особенность: неодолимое влеченіе къ идеальному однообразію во всемъ, до самыхъ ничтожныхъ мелочей включительно.

Это то же, что мода: мѣняется чуть не каждый день, но попробуйте отъ нея отступить, т. е. нарушить установленное ею на данную минуту однообразіе, если вы поставлены въ необходимость ей слѣдовать.

Глазъ, наметанный или правильнѣе порабощенный однообразіемъ, сразу замѣчаетъ такія отъ него

отступленія, какихъ свѣжій глазъ и въ вѣкъ не замѣтитъ. Какъ же справиться съ подобными различіями въ строѣ? — А нужно устроить учебную часть, собирать въ нее людей изъ разныхъ полковъ, обучать ихъ съ идеальнымъ однообразіемъ и затѣмъ возвращать въ свои части на образецъ, для строгаго и неуклоннаго имъ подражанія.

Идея этого знаменитаго учебнаго баталіона, конечно, была сообщена Цесаревичу и вызвала съ его стороны такой отвѣтъ Силягину:

„Дивлюсь не надивлюсь, что за новый учебный баталіонъ у васъ; по моему кажется изъ рукъ вонъ мелочь; хорошо сдѣлать учебный баталіонъ для такихъ полковъ, которые въ отдѣльности и собрать въ оныхъ людей для показанія единообразія, но изъ такихъ войскъ, которыя подъ носомъ и всегда на глазахъ—это удивительно; развѣ въ гвардейскихъ полкахъ не умѣютъ уже учить? А мнѣ кажется въ оныхъ лучше новаго учебнаго баталіона научатъ: да я теперь такихъ мыслей о гвардіи, что ее столько учатъ и даже за 10 дней приготовляютъ приказами какъ проходить колоннами, что если гвардіи встать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ; и не мудрено: какъ не научиться всему—есть у васъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй, и Франкони завелся“.

Столько учатъ! — Гдѣ же та экономія во времени, которой отъ учебнаго шага ожидаетъ г. А. С.? Въ прошедшемъ этой экономіи очевидно не получалось.

Еще въ 1807 году, по поводу маневровъ подъ Петергофомъ, на которыхъ сторонами командовали Дибичъ и Толь, прусскій генералъ Натцмеръ писалъ: „матеріалъ этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходенъ и не оставляетъ желать ни-

чего лучшаго, но къ нашему счастью всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ тоже немногимъ лучше ихъ. Лишь малое число генераловъ помышляетъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе наоборотъ думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ.

Недурно также о тогдашнихъ порядкахъ отзывается и генералъ Паскевичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь):

„Послѣ 1815 года фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева [1]), сталъ требовать красоту фронта, доведенную до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ поддались этимъ требованіямъ, такъ напр., генералъ Ротъ, командующій 3-й дивизіей, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши Георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились винными приставами. Армія не выиграла отъ того, что потерявъ офицера, осталась съ одними экзерцирмейстерами... Что сказать намъ, генераламъ дивизіи, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагинаетъ до земли, чтобы ровнять носки гренадерамъ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ и помышлялъ, что Фридрихъ дѣлалъ? А Барклай-де-Толли былъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли какъ будто ее никогда и не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью“.

Еще болѣе безпощадную характеристику системы обученія войскъ и командnаго состава арміи даетъ

[1]) Собственно не Аракчеева.

Д. В. Давыдовъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этой характеристики:

„Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненіе шеренгъ и выдѣлываніе ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ, поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью и посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя беззаконныя матеріальныя выгоды, которыя правительство повидимому поощряетъ".

Объ этомъ ли порядкѣ г. А. С. тоскуетъ? Его ли возобновленія онъ желаетъ? Но это не все, сдѣлаемъ еще выписку:

„...Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиваться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству..." „Не дай Боже убѣдиться на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха".

Въ Крымскую кампанію въ этомъ убѣдились...

Въ предупрежденіяхъ недостатка не было, но доступа куда слѣдуетъ они не находили. Когда пошли въ ходъ уже совершенно заправскіе экзерцирмейстеры, Закревскій писалъ Киселеву:

„Я говорилъ о семъ Васильчикову и онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, кромѣ что Государю угодно; ни въ чье командованіе гвардейскимъ корпусомъ не назначали такихъ командировъ, какъ теперь, и полагаю, что съ сего времени гвардія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ упадать, кромѣ ногъ, на кои особенно обращаютъ вниманіе".

X.

Такъ было въ гвардіи. Въ арміи было не лучше, о чемъ сохранились драгоцѣнныя свѣдѣнія въ перепискѣ командира 6-го корпуса Сабанѣева съ начальникомъ штаба 2-й арміи Киселевымъ (впослѣдствіи графъ).

„Такихъ порядковъ нѣтъ въ европейскихъ арміяхъ,— пишетъ Сабанѣевъ;—у насъ все дѣлай и все какъ-нибудь. Нигдѣ столько не марается бумаги и не выдумано формъ, рапортовъ, какъ у насъ. Ничто не соображено ни со способностями, ни съ силами человѣческими. У насъ солдатъ для амуниціи, а не амуниція для солдата. У насъ солдатъ шагу не ступитъ безъ принужденной выправки. Офицеры не знаютъ обязанностей".

Какъ не знаютъ! Они маршировали, и ничего другого не требовалось. Въ 19 году Сабанѣевъ получилъ замѣчаніе черезъ Аракчеева за безпорядки въ 6 корпусѣ; за какіе именно, г. Епанчинъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ, но думать надобно, что рѣчь, вѣроятно, шла о какихъ-нибудь строевыхъ мелочахъ, судя по письму Сабанѣева къ Киселеву въ ноябрѣ 19 года.

„Съ покорностью и безъ малѣйшаго негодованія принялъ бы замѣчанія Царя земного, но получить ихъ отъ Аракчеева несносно. Не грустно ли видѣть каждому благомыслящему человѣку, какое вліяніе сей гнилой столбъ имѣетъ на дѣла государственныя? Рабъ и льстецъ осмѣливается говорить Государю, что не повѣрилъ бы, что въ побѣдоносной арміи Его Величества есть такой слабый, по фронтовой службѣ, баталіонъ, какъ будто фронтовая механика есть необходимость для побѣды? Кто служилъ, тотъ знаетъ что для побѣды нужно".

Какъ далеко пошла манія строя, свидѣтельствуетъ слѣдующій поучительный фактъ: въ войну съ Тур-

ціей Дибичъ, донося Государю о такихъ событіяхъ, какъ занятіе Адріанополя, начатые переговоры и проч., въ письмѣ 13-го августа 1829 г., не забываетъ виновато донести, что „фронтовая часть нѣсколько запущена".

Но возвратимся нѣсколько назадъ и опять къ письму Сабанѣева:

„Учебный шагъ, хорошая стойка, быстры взоръ, скобка противъ рта [1]), паралельность шеренгъ, неподвижность плечъ и всѣ тому подобные ничтожные для истинной цѣли предметы столько всѣхъ заняли и озаботили, что нѣтъ минуты заняться важнѣйшимъ. Одинъ учебный шагъ и переправка аммуниціи задушили всѣхъ, отъ начальника до нижняго чина.

„Какіе мученія несчастному солдату, и все для того только, чтобы изготовить его къ смотру! Вотъ гдѣ тиранство!.. Вотъ къ чему устремлены всѣ способности, всѣ заботы начальниковъ! Какихъ достоинствъ ищутъ нынѣ въ полковомъ командирѣ? Достоинства фронтового механика, будь онъ хоть настоящее дерево".

„Нельзя безъ сердечнаго сокрушенія видѣть ужасное уныніе измученныхъ ученіемъ и передѣлкою аммуниціи солдатъ. Нигдѣ не слышно другого звука, кромѣ ружейныхъ пріемовъ и командныхъ словъ; нигдѣ другого разговора, кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало вездѣ пѣсня, вездѣ весело, теперь—нигдѣ ихъ не услышишь. Вездѣ цыцъгауы [2]) и цѣлая армія учебныхъ командъ. Чему учатъ? Учебному шагу! Не совѣстно ли старика, ноги которыхъ исходили десять тысячъ верстъ, тѣло котораго покрыто ранами, учить наравнѣ съ рекрутами".

Не правда ли, блестящая система и особенно

---

[1]) Т. е. бакенбарды, сводившіяся къ концамъ усовъ и образовавшія съ ними такъ называвшуюся тогда өиту.

[2]) Очевидно, экзерциргаузы, обратившіеся у солдата въ цыцъгаузы.

подбадривавшая духъ войскъ, о коемъ вы тоже разсуждаете, г. А. С.?

Генералъ Киселевъ, назначенный начальникомъ штаба 2-й арміи, не могъ не подчиниться общему теченію. Человѣкъ высокоталантливый и съ сердцемъ, но и ловкій придворный [1]). Онъ долженъ былъ брать на себя весь починъ въ дѣлѣ водворенія порядка, воспитанія и образованія арміи, такъ какъ командовавшій ею, престарѣлый фельдмаршалъ кн. Витгенштейнъ, ни во что не входилъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, принялся онъ за строевое дѣло съ большимъ, даже можно сказать, демонстративнымъ усердіемъ, возбуждалъ безпрестанно вопросы и за оные получалъ одобреніе свыше. Вскорѣ послѣ его назначенія, начали ходить слухи о войнѣ съ Турціей и вмѣстѣ съ тѣмъ о Высочайшемъ смотрѣ. Это очень обезпокоило Киселева, и въ половинѣ 1821 г. онъ пишетъ бывшему тогда дежурному генералу Закревскому:

„Не повѣришь, сколько нынѣшнія обстоятельства разстраиваютъ учебныя наши занятія; всѣ желанія устремлены къ войнѣ и учебный шагъ остается въ небреженіи: боюсь будущаго смотра, особенно если полувоенное наше состояніе нѣсколько еще продолжится“.

Закревскій на это отвѣчалъ:

„Стыдно, любезный Павелъ, такъ жалѣть, что васъ не увидятъ въ знаніи учебнаго шага; вѣдь ты, какъ умный, честный и благородный человѣкъ, судить такъ не долженъ“.

То есть, по мнѣнію тогдашнихъ порядочныхъ

---

[1]) Есла не ошибаюсь, характеристика Пушкина: „онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, а въ Греціи—Периклъ, у насъ онъ—офицеръ гусарскій“ относится къ нему.

людей, такъ могли разсуждать только не умные, не честные и не благородные...

„Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводила злосчастная система обученія войскъ, принятая у насъ въ Павловское время", справедливо замѣчаетъ г. Епанчинъ.

XI.

Три года поработалъ Киселевъ усиленно и настойчиво и думалъ, что приготовился къ смотру. Не тутъ-то было:

Въ началѣ 1822 года въ штабѣ 2-й арміи была получена изъ Петербурга записка генерала Желтухина объ изобрѣтенномъ имъ новомъ учебномъ шагѣ съ приказаніемъ тогда же его принять и разучить. По всей вѣроятности, этотъ самый Желтухинскій шагъ попалъ въ Уставъ 1824 г., увлекшій г. А. С.

Понятно, до какой степени этотъ сюрпризъ привелъ Киселева въ отчаяніе. Онъ рѣшился записки Желтухина въ исполненіе не объявлять и написалъ самое энергическое письмо Закревскому, съ просьбою исходатайствовать разрѣшеніе такой перемѣны не дѣлать, мотивировалъ онъ это тѣмъ, что:

1) „Фронтовыя занятія черезчуръ обширны. Требуемая точность и совершенство въ ученіи изнуряютъ солдатъ и уничтожаютъ охоту къ службѣ. Безпрерывныя перемѣны обезъохочиваютъ и учителей, и учениковъ, начальниковъ и подчиненныхъ и, сверхъ того, доказываютъ явно или ничтожность перемѣнъ или неосновательность приказаній.

2) „Солдатъ, котораго въ теченіе 8-ми лѣтъ нѣсколько разъ переучивали, который изнемогаетъ отъ трудностей долголѣтней службы, который изнуряется и недостатками разнородными, и обязанностями сложными, и которой по-

виноваться долженъ начальникамъ малообразованнымъ, коихъ власть почти неограничена и почти всегда сурова, солдатъ сей опредѣленъ посвятить жизнь свою безпрерывному мученію. И хотятъ, чтобы солдатъ не ропталъ, и чтобы не являлись люди злонамѣренные, которые бы не искали воспользоваться справедливымъ его негодованіемъ. Повѣрь мнѣ, любезный Закревскій, что сколько мы не употребимъ себя на удержаніе существующаго порядка вещей, мы успѣемъ только отдалить рѣшительную минуту; но искоренить зло—зависитъ не отъ насъ, повѣрь также, что нѣтъ ничтожной причины, которая бы впослѣдствіи не могла произвести превратности великія".

Такъ могъ говорить только человѣкъ большого ума и честнаго сердца, понимавшій не только современное военное положеніе, но, что гораздо серьезнѣе, тогдашнія настроенія, бродившія и въ войскѣ, и въ обществѣ.

Представленіе Киселева успѣха не имѣло: вѣроятно доводы записки генерала Желтухина и прелести изобрѣтеннаго имъ учебнаго шага пересилили, а предостереженіе вѣроятно даже и не понравилось; часто предваряющіе о возможности бѣды считаются чуть не виновниками ея.

Ни Волконскій, ни тѣмъ болѣе Закревскій не могли исходатайствовать отмѣны великаго Желтухинскаго изобрѣтенія; и то уже было хорошо, что они успѣли добиться разрѣшенія не вводить его сразу во всей арміи. Сообщая объ этомъ Киселеву, Закревскій дѣлаетъ характерную замѣтку:

„Впрочемъ сіи нововведенія у насъ такъ ввелись, что всякій выдумываетъ и дѣлаетъ по своему. Слѣдовательно для искорененія сего надо изобрѣтателей примѣрно наказывать, тогда не посмѣютъ выслуживаться сими вздорами и тѣмъ успокоятъ солдатъ".

Эта замѣтка многое говоритъ по адресу думающихъ, будто излишнее налеганіе на строй ведетъ къ утвержденію дисциплины. Изъ всего сказаннаго выше видно, что это вредное заблужденіе, не болѣе. Если у офицеровъ пропадаетъ чувство исполнительности (Сабанѣевъ, Киселевъ), если „всякій выдумываетъ и дѣлаетъ по своему“, если солдатъ удручаетъ уныніе и получаютъ они неумѣренную наклонность къ побѣгамъ, то какая же это дисциплина? Все приводится къ формализму, внѣшнему лоску и ко внутреннему разложенію.

Объясняютъ приверженность Императора Александра I педантическому строю реакціей противъ либерализма; намъ кажется гораздо проще объяснять эту приверженность впечатлѣніями, укоренившимися съ дѣтства. Изъ записокъ Муравьева, помѣщенныхъ много лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, въ „Русскомъ Архивѣ“, извѣстенъ тотъ фактъ, что въ 1812 году Императоръ Александръ, по прибытіи въ Вильну послѣ изгнанія Наполеона, посадилъ двухъ офицеровъ подъ арестъ за несоблюденіе формы одежды.

Это послѣ трудной зимней кампаніи, когда у многихъ вѣроятно даже и сапоги были не въ особенномъ порядкѣ, когда ни о какомъ либерализмѣ и рѣчи еще не было.

Знаемъ и другой случай изъ разсказовъ покойнаго Жомини, свидѣтельствующій о той же прочности впечатлѣній дѣтства: „Императоръ Александръ I поручилъ Жомини прочесть курсъ теоріи военнаго искусства великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Поѣхавъ представиться въ

назначенный день и часъ, онъ засталъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Великіе князья засыпали Жомини комплиментами, при чемъ старшій выразилъ до какой степени онъ завидуетъ брату, такъ какъ долженъ ѣхать въ Берлинъ къ невѣстѣ и всего курса не услышитъ. Польщенный всѣмъ этимъ, Жомини откланялся, и только пройдя двѣ три залы вспомнилъ, что не спросилъ о времени когда долженъ являться на лекціи. Вернувшись назадъ и оттолкнувъ камеръ-лакея, который не пускалъ его въ комнату великихъ князей, онъ засталъ ихъ другъ передъ другомъ дѣлающими ружейные пріемы...

Въ заключеніе портретъ одного изъ изверговъ, какихъ формировала эта школа.

27-го декабря 1827 года штабсъ-капитанъ Мухановъ, адъютантъ главнокомандующаго, доносилъ Киселеву:

„...долгомъ поставляю также донести В. П-ву, что обращеніе г.-м. Тарбѣева съ солдатами ужасное! При смотрахъ частныхъ, дѣлаемыхъ имъ въ своей бригадѣ, въ теперешній холодъ, солдатъ выводятъ въ 9 часовъ, а иногда и въ 8 утра и только съ поздними сумерками отпускаютъ домой. Чрезмѣрное наказаніе палочными побоями чинится всякій разъ цѣлому взводу вдругъ; солдаты, выходя уже на ученье, по порядку знаютъ, которому взводу должно достаться“.

Вотъ такъ служба... Не даромъ Санабѣевъ въ запискѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ сказалъ:

„въ полку отъ ефрейтора до командира всѣ бьютъ и избиваютъ людей и какъ сказалъ нѣкто: въ русской службѣ убійца тотъ, кто сразу умертвитъ; но кто въ два три года забилъ человѣка, тотъ не въ отвѣтѣ“.

Слѣдовательно Тарбѣевъ былъ только усерднѣе другихъ.

Да вѣроятно онъ и не былъ исключеніемъ... Это тоже былъ въ нѣкоторомъ родѣ мученикъ идеи; вѣдь и онъ оставался по 12 часовъ на морозѣ, а не только морозилъ другихъ. Одно жаль—что онъ поролъ, а его не пороли.

Найдутся конечно господа, расположенные оправдывать эти мерзости тѣмъ, что это злоупотребленія, которымъ строй не виноватъ. Подобное оправданіе показываетъ только то, что прибѣгающіе къ нему не понимаютъ или не хотятъ понять основной идеи строя, которая есть—автоматизмъ, т. е. отрицаніе присущихъ человѣку физическихъ и духовныхъ свойствъ.

Вы ходите быстро, я медленно; вы ходите широкимъ шагомъ, а я небольшимъ. Насъ ставятъ въ строй и приводятъ къ одному знаменателю, т. е. меня заставляютъ ходить медленнѣе, васъ скорѣе; я долженъ укорачивать шагъ, а вы растягивать его, вотъ отрицаніе физическихъ свойствъ; что же касается до отрицанія духовныхъ, то его и объяснять нечего, зачѣмъ они автомату? Безъ труда видѣть можно, до чего и почему доходили всѣ занимавшіеся однимъ только строемъ и не встрѣчавшіе противовѣса ни въ стрѣльбѣ, ни въ иныхъ занятіяхъ. Въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ муштра пустила слишкомъ глубокіе корни, даже и стрѣльба ее не вполнѣ обуздываетъ, если съ высоты трона приходится напоминать начальству о томъ, что солдатъ тоже человѣкъ и что съ нимъ надо обращаться по человѣчески.

Приносимъ глубокую благодарность г. Н. Епанчину за сводку документовъ столь высоко поучи-

тельныхъ и искренно извиняемся, что переписали чуть не всю его книжку.

XII.

Нѣсколько словъ въ разъясненіе статьи № 104 Вѣстн. Стрѣлк. школы, появившейся по поводу моихъ разсужденій объ учебномъ шагѣ, вызванныхъ статьею г. А. Синицына.

Что такое г. Н. Филатовъ, мнѣ не интересно; его статья помѣщена безъ всякаго замѣчанія со стороны редакціи, признающей съ нею слѣдовательно свою солидарность: почему къ редакціи я и обращаюсь.

На мой совѣтъ, что лучше бы школѣ не затрагивать тѣхъ вопросовъ войскового образованія, въ коихъ она не компетентна, мнѣ отвѣчаютъ ссылкою на приказъ 1898 г., № 185, по коему школа обязана разрабатывать „лучшіе способы по воспитанію и обученію“. Во-первыхъ, приказъ компетентности не даетъ: дѣло не въ томъ, что вы по приказу должны дѣлять, а въ томъ, умѣете ли вы это дѣлать. Во-вторыхъ, если вы занимаетесь сужденіями о пріемѣ, отмѣненномъ болѣе 40 лѣтъ назадъ и зловредность коего признавалась лучшими военными людьми еще съ 15-хъ годовъ прошлаго столѣтія, то этимъ вы не только подтверждаете вашу некомпетентность, но еще показываете, что и по печатному плохо разбираете, ибо учебный шагъ 1824 года пріемъ дурной и оставленный, а вы ссылаетесь на приказъ, обязывающій васъ разрабатывать лучшіе способы и пріемы. Да при томъ его и разрабаты-

вать нечего, такъ какъ гг. Желтухинъ и К° разработали его достаточно.

Такъ толковали руководящіе приказы и положенія въ старое время только писаря, выслужившіеся аудиторы [1]); но слѣдовать ихъ примѣру въ журналѣ, редакторъ коего генералъ-маіоръ, да еще генеральнаго штаба,—неприлично и даже, можно сказать, неопрятно. Не полагаю, чтобы въ учрежденіи, гдѣ руководящіе приказы такъ странно толкуются, а слѣдовательно и понимаются, все было здорово. Отстаивать свое право писать вздоръ на основаніи приказа, обязывающаго писать дѣло—по меньшей мѣрѣ странно и даже весьма странно.

Но вопросъ объ учебномъ шагѣ мало занималъ автора, который по существу его и не затронулъ, а перешелъ къ предмету, очевидно близкому его сердцу—къ лавочкѣ, которой собственно и посвящена статья, имѣющая поэтому специфическій запахъ цѣлковаго. Изъ четырехъ столбцовъ статьи три съ половиною посвящены защитѣ права школы торговать различными стрѣлковыми приборами и рекламѣ высокой пользы, приносимой войскамъ этой торговлей („меня любили все хорошіе господа“, какъ пишетъ одна дѣвица въ „Отрывкѣ“ Гоголя).

---

[1]) Былъ во время оно такой случай: приноситъ аудиторъ дѣло о бѣгломъ на конфирмацію начальнику, докладываетъ статьи, опредѣляющія наказаніе, и добавляетъ, что есть облегчающія обстоятельства. „Какія?“—Тоска по родинѣ, В. П. „Откуда родомъ?“—Изъ Тамбовской губерніи, В. П. „А бѣжалъ куда?“—Въ Галицію, В. П. Картина... Думаю, что пальма первенства въ кривотолкѣ все же должна быть признана за Вѣстн. Стрѣлк. Школы.

Противъ этой торговли я не писалъ ни слова, а, напротивъ, совѣтовалъ заняться ею, а строй оставить въ покоѣ, какъ школѣ мало извѣстный.

Скажу даже прямо, что не наткнись я на прейсъ-курантъ школы, напечатанный вслѣдъ за статьей г. А. Синицына, я и не подумалъ бы говорить объ этой сторонѣ дѣятельности школы. За разъясненіе того, какой термометръ въ прейсъ-курантѣ подразумѣвается, весьма благодарю; кто-жъ его зналъ, что термометръ, названный въ прейсъ-курантѣ максимальнымъ, есть и макси- и мини-мальный?

И было бы хорошо исправить этотъ недосказъ, который могъ и другихъ ввести въ заблужденіе. А еще лучше бы было къ прейсъ-куранту приложить чертежи приборовъ, какъ дѣлается всѣми хорошими торговыми заведеніями. Вообще чертежъ—большое дѣло, ибо онъ въ глазъ бьетъ. Господинъ сотрудникъ ген. Брилевича даже и въ томъ узрѣлъ мою придирку къ школѣ, что „Русскому Инвалиду“ я не поставилъ на счетъ очковъ съ дополнительнымъ стеклышкомъ, а школѣ якобы поставилъ. Не будь чертежа этихъ очковъ, я и не подумалъ бы, конечно, говорить о нихъ; а какъ чертежъ увидѣлъ—такъ сразу и понялъ всю ихъ нелѣпость.

Торгуйте себѣ на здоровье; теперь рѣдко кто не торгуетъ; торгуйте конечно съ барышомъ; только не извращайте смысла словъ—не называйте конкуренціей чистѣйшей монополіи. Если вы сами приборы испытываете, сами ихъ рекомендуете и сами ими потомъ торгуете, то какая же это конкуренція и съ кѣмъ? А затѣмъ, къ чему такъ волноваться призрачными опасеніями, будто кто-то злоумышля-

етъ противъ вашей торговли, и самимъ себѣ пѣть акаѳисты, что „Школа стремится всѣми своими силами дѣлать все то, что она можетъ при настоящихъ условіяхъ выполнить на пользу войскъ“? Вѣдь это опять „меня любили все хорошіе господа“.

Седьмая дюжина.

Способъ сдѣлать армію вѣрной добычей врагу.—Отвѣтъ анониму „Штыкъ семипулъ“. — Объ японскихъ усовершенствованіяхъ. — Артурцамъ привѣтъ. — Повѣрка приказаній. — Жокейство. — Анониму.—Передвиженіе Японскихъ силъ.—Маневренныя условности и ракурсы.—„Необходимость ознакомленія разныхъ родовъ оружія со взаимными ихъ свойствами и обязанностями.“—Продолженіе.—Отвѣтъ г. Н. Дмитріеву.—Война и маневры.

I.

Способъ сдѣлать армію вѣрной добычей врагу. [1])

Въ человѣкѣ все основано на полярности: тепло—холодъ, добро—зло, честность—подлость, расточительность—скупость и т. д.

Военная полярность—самоотверженіе, самосохраненіе. Достиженіе военныхъ цѣлей конечно требуетъ какъ необходимаго условія, преобладанія самоотвер-

---

[1]) *Поправка.* Въ статьѣ по поводу книжки г. Н. Епанчина (см. № 717 «Развѣдчика») я сдѣлалъ грубую ошибку, отнеся стихи Пушкина «онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ», и пр. къ П. Д. Киселеву: они относились къ Чаадаеву. Принося глубокую благодарность лицу меня исправившему, искренно сожалѣю, что не уполномоченъ объявить его фамилію.

женія надъ самосохраненіемъ, но и этого послѣдняго совсѣмъ забывать тоже нельзя; все дѣло въ ихъ правомѣрномъ сочетаніи. Это рѣдко понимаютъ штатскіе доброхоты войскъ и, изъ за неосмысленнаго добраго намѣренія [1]) помочь солдату, предлагаютъ иногда то, что могло бы повредить ему; и всегда это происходитъ отъ одной и той же причины: принимается ими въ соображеніе только одно какое нибудь условіе тамъ, гдѣ необходимо имѣть въ виду ихъ совокупность.

Примѣръ передъ глазами: это одолѣвающая многихъ штатскихъ, да и не однихъ штатскихъ, щитоманія. Въ новѣйшее время началась она во флотѣ съ броней; теперь перекидывается въ артиллерію, а наконецъ заговорили и о панцыряхъ для пѣхоты. Исторія не новая: когда предохранительное снаряженіе существовало, такъ сказать, по праву, ибо предохраняло и отъ оружія непосредственно наносящаго ударъ и отъ метательнаго, случился такой анекдотъ — изобрѣли оружіе огнестрѣльное. Насколько оно было тогда слабо и не мѣтко, можно себѣ представить изъ того, что гораздо позже, передъ принятіемъ въ арміяхъ нарѣзныхъ ружей изъ гладко-канальныхъ стрѣляли не дальше трехсотъ шаговъ и такъ, что одинъ французъ съострилъ, что на триста шаговъ нельзя ручаться попасть въ трехъэтажный домъ. И не взирая на это, уже и тогда отъ панцырей отказались, правда не безъ предварительнаго акафиста ослу; ибо сначала попробовали утолстить панцырь, а потомъ, увидѣвъ, что это глупо, и совсѣмъ его бросили.

[1]) Весь адъ вымощенъ добрыми намѣреніями.

Но еще и до огнестрѣльнаго оружія рыцари настолько утяжелили свои латы, что, упавъ, подняться безъ посторонней помощи не могли. Ясно до какой степени предохранительное снаряженіе представляетъ палку о двухъ концахъ и какъ давно можно было до этого додуматься; но не додумались.

Теперь ружье бьетъ не на триста, а на три тысячи шаговъ; пуля пробиваетъ отъ 5-ти до 7-ми дюймовыхъ досокъ [1]), и вдругъ являются изобрѣтатели, воображающіе будто возможно построить щитъ, который можетъ остановить такую пулю! Какихъ чудесъ на свѣтѣ не бываетъ; но я, пока не вложу персты, не увѣрую.

„Воображеніе, если оно согласовано съ природой, есть сущность генія“ [2]). Но есть вещи, которыя противны законамъ природы. Открытіе новой силы не противорѣчитъ ни одной изъ тѣхъ силъ, какія до того были извѣстны человѣчеству. Сила пара, напримѣръ, нисколько не противорѣчитъ силѣ вѣтра, но воображать, напримѣръ, что пулю, пробивающую 32 дюймовки, можно остановить панцыремъ, для человѣка удобоносимымъ...

Но положимъ даже, что изобрѣли бы наконецъ панцырь, не пробиваемый теперешней пулей и конечно легкій. Тогда началась бы борьба между панцыремъ и пулей въ родѣ той, какую мы видѣли

---

[1]) Это свѣдѣніе, приведенное у г. Меньшикова, не точно: наша пуля пробираетъ въ *сухомъ дубѣ* слои: на 100 шаговъ—13 вершковъ или 22,75 дюйма, на 600 шаговъ—7 вершковъ, или 12,25 дюйма. На тѣ же 100 шаговъ пуля пробиваетъ пачку изъ *32-хъ сосновыхъ дюймовокъ*.

[2]) Смотри „Новое Время“ статью г. Меньшикова: „Изъ писемъ къ ближнимъ“.

между броней и артиллерійскимъ снарядомъ. Стоило бы увеличить калибръ даже не пѣхотныхъ ружей, а только пулеметовъ, и непробиваемость панцырей исчезла бы. И этой борьбой пришлось бы не долго заниматься: силы человѣка быстро бы положили ей предѣлъ. Но это не главное, а главное то, что нагрузка пѣхотинца давно уже дошла до предѣльнаго вѣса, а въ иныхъ случаяхъ даже превзошла его. Если по мнѣнію г. Меньшикова идеальный щитъ будетъ вѣсить 25 фунтовъ, то это подорветъ всякую подвижность арміи и при атакѣ солдатъ будетъ доходить до противника совершенно истощенный; а вѣчно обороняться нельзя.

Стоило бы мечтающимъ о 25 фунтовомъ панцырѣ пронести его на себѣ хоть верстъ двадцать, даже въ легкомъ штатскомъ костюмѣ, и я увѣренъ, что они перестали бы говорить съ такимъ легкимъ сердцемъ о подобной прибавкѣ солдатскаго груза; а солдату теперешній двухъ-пудовый грузъ приходится вѣдь носить не двадцать, а иногда и больше 50 верстъ въ сутки. А до чего это тяжко, самъ видѣлъ въ прошлую войну, какъ солдаты бросали рукавицы и выдирали даже подкладки изъ кепи, т. е. искали облегченія груза хоть на золотники. Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи они были бы въ концѣ перехода, если бы имъ надбавить еще 25—30 фунтовъ ноши.

Охотникамъ до панцырей не мѣшало бы имѣть въ виду такой простой подсчетъ: пѣхотинецъ дѣлаетъ походомъ въ минуту 100, въ часъ 6000 шаговъ и при каждомъ шагѣ опускаетъ и поднимаетъ

несомый грузъ положимъ хоть на дюймъ [1]). Считая панцырь хоть въ полъ-пуда, получимъ, что въ одну минуту солдатъ подыметъ 50, а въ часъ 3000 пудовъ, что дастъ работу $\frac{3000}{12}$, равную 250 пудо-футамъ въ часъ, только для носки панцыря. Этотъ разсчетъ сдѣланъ въ предположеніи, что солдатъ идетъ по совершенно горизонтальной и твердой плоскости; малѣйшій бугорокъ, и грузъ подымается не на одинъ, а можетъ быть на 5 дюймовъ, а можетъ и больше. Понимается само собой, какъ малѣйшая неровность мѣстности отражается на увеличеніи работы. А атака высотъ! И не мало найдется теперь въ рядахъ слабосильныхъ людей, которыхъ такой панцырь прикончитъ вѣрнѣе пули... Если и можно допустить панцырь въ пѣхотѣ, то развѣ самый легкій, и съ непремѣннымъ условіемъ уменьшенія ноши солдата на вѣсъ панцыря. Въ конницѣ онъ можетъ быть и тяжеле, но съ облегченіемъ вьюка.

Что сказать о фантазіи облагодѣтельствовать каждыхъ трехъ стрѣлковъ щитомъ на колесахъ хотя бы и съ автомобильнымъ приспособленіемъ! Лучше ничего не говорить. И все это говорится и кажется серьезно въ то время, когда лучшіе моряки, начиная съ незабвеннаго нашего С. О. Макарова, уже признали нелѣпость увлеченія броней во флотѣ.

Еще маршалъ саксонскій сказалъ, что война въ ногахъ, т. е. въ скорости передвиженій $\left(\frac{mv^2}{2}\right)$. Это

[1]) Навѣрно болѣе; но, не зная точной величины, беру минимальную.

признавали всѣ большіе военные люди и конечно, кто относится послѣдовательно къ ихъ указаніямъ, долженъ безпрерывно думать о томъ, чтобы солдатскую ношу облегчать, а никакъ не увеличивать. Нужно сказать притомъ, что и при панцырѣ руки, ноги и голова остаются беззащитными отъ ружейнаго огня, а отъ пушечнаго и ничто не защищено: стоитъ ли игра свѣчъ?

II.

Одинъ благожелательный анонимъ, возмущенный статейкой „штыкъ и пуля“, помѣщенной въ № 1995 „Сѣверо-Западнаго Слова“, приглашаетъ меня возразить на эту статейку и помѣстить возраженіе въ „С.-З. Словѣ“. Первой половинѣ его желанія удовлетворяю съ удовольствіемъ, но второй удовлетворить не могу, такъ какъ редактора не знаю и могу получить отказъ; а по роду статьи помѣщенія ея нельзя требовать на основаніи ст. 139 зак. о печати, какъ вы мнѣ совѣтуете. Если редакторъ признаетъ нужнымъ, онъ можетъ и самъ ее перепечатать. Притомъ же статейка заимствована изъ „Новостей дня“, а не принадлежитъ „С.-З. С.“.

Собственно я недоумѣваю, что въ ней такъ васъ возмутило; вѣдь это росказни, неизмѣнно сопровождающія всякую войну и объясняемыя тѣмъ, что свое худое мы видимъ, а непріятельскаго не видимъ. Они представляютъ самыя обыкновенныя „на вербѣ груши“. Туть и „у японцевъ всѣ развѣдки дѣлаютъ офицеры генеральнаго штаба“ [1]), и „каж-

[1]) Гдѣ ихъ столько взять, да и зачѣмъ они, когда ихъ можетъ замѣнить чуть не каждый солдатъ, по свидѣтельству автора статейки?!

дый солдатъ у нихъ имѣетъ карту, умѣетъ набросать планъ мѣстности (!), можетъ опредѣлить (?) позицію“;—конечно же это невинный вздоръ и ничего больше; такой же вздоръ продолжается и дальше: одинъ спрашиваетъ, отчего японцы не принимаютъ штыкового боя? Другой ,,мрачный офицеръ“ на это отвѣчаетъ:

,,Еще бы вы на кулачки имъ предложили. И кулачки, и панцыри и штыки еще въ Севастопольской кампаніи потерпѣли крахъ... (!) Пятьдесятъ лѣтъ-съ тому назадъ! Чего онъ полѣзетъ на штыкъ, когда онъ можетъ, выманивъ этихъ лѣзущихъ, перестрѣлять какъ куропатокъ; самъ отойдетъ, а тамъ за нимъ гдѣ-то спрятанные и начнутъ разстрѣливать... У нихъ какъ? На одного стоящаго три спрятанныхъ. Гдѣ къ нему ни ткнись, выростаютъ на одного нашего десять“.

Право, на вербѣ груши: кажется, японцы и подъ Тюренченомъ, и подъ Цзиньчжоу брали позиціи въ лобъ, а при этомъ какъ же отходить? Могло случиться дѣйствительно и то, что они стрѣляли по нашимъ атакующимъ въ штыки, но это заставляетъ предполагать только одно: не слишкомъ ли съ дальняго разстоянія наши бросались? Если это вѣрно, то можетъ и нашимъ не дурно было бы сдѣлать одинъ или нѣсколько залповъ и подойти ближе, прежде чѣмъ бросаться въ штыки.

Затѣмъ не могу не сказать, что ,,мрачный офицеръ“ слишкомъ ужъ торопится упразднить штыкъ; что же до панцыря, или правильнѣе, до брони, то вѣдь въ Крымскую кампанію ея еще и не было. Бросаться въ штыки зря, т.-е. съ дальняго разсто-

нія и не обработавъ противника огнемъ, никто и никогда не совѣтовалъ; но воображать будто стойкій противникъ можетъ быть опрокинутъ только однимъ огнемъ—нелѣпость горшая. Г-ну мрачному офицеру не мѣшало бы и то замѣтить, что японцы лѣзутъ такъ, какъ могутъ лѣзть только люди, воспитанные на холодномъ оружіи. Мы воспитаны на штыкахъ, а они на клинкахъ. Недавно читалъ одну ихъ повѣстушку въ Revue, все содержаніе которой вертится на клинкѣ какого-то знаменитаго мастера. Если вспомнить, что осужденный на смерть самураи казнитъ самъ себя, что у японцевъ до сихъ поръ существуетъ кровная месть, обязательная не только для мужчинъ, но и для женщинъ, то всякій безъ труда пойметъ, что духъ японской арміи тотъ же штыковый, ибо штыкъ и клинокъ сродни.

Есть разсуждающіе двухъ сортовъ; одни разсуждаютъ такъ: это мнѣ не нравится, но оно истинно; слѣдовательно нужно признать и покориться, ибо логики вещей не переспоришь; а игнорируя ее, рано или поздно получишь жестокое нравоученіе. Другіе разсуждаютъ такъ: можетъ быть это и вѣрно, не мнѣ не нравится, и я буду его отрицать, прибѣгая безсознательно, а иногда и сознательно къ однобокимъ выводамъ, къ пустымъ изворотамъ, умалчиваніямъ, недомолвкамъ. Послѣдняя манера разсуждать особенно часто встрѣчается, когда шкура заговоритъ; и примѣняютъ ее безсознательно, подчиняясь первичному впечатлѣнію, даже иногда тѣ, которые своей собственной шкурой не особенно и озабочены.

Не нравится, видите ли, ,,пуля дура, штыкъ

молодецъ“! Такъ можетъ быть понравится переводъ этой истины, т. е., ,,штыкомъ одинъ человѣкъ можетъ заколоть двоихъ или троихъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ“? И это не нравится, но не цитируется, ибо слишкомъ оно ясно и неопровержимо. И все пляшутъ на однобокихъ аргументахъ: ,,оружіе, молъ, другое“; оружіе-то другое, а человѣкъ тотъ ли же, или другой? И что важнѣе: сей ли, или оное? А этимъ другимъ оружіемъ можно ли добить противника? А не бываетъ ли, что перестрѣливаются цѣлые дни и оба ни съ мѣста? А ружье нужно ли заряжать, а штыкъ всегда ли заряженъ? А ружье самое совершенное обращается ли въ палку, когда разстрѣляетъ патроны, а штыкъ теряетъ ли когда свойства оружія? Инымъ кажется доказательствомъ безполезности штыка и то, что штыковыя свалки случаются рѣдко. Ахъ, господа, господа... Да вѣдь это же высшій показатель его значенія, ибо рѣдко встрѣчаются противники способные сойтись на штыкъ. ,,Оно конечно, а все таки“, обыкновенно заключаютъ подобные аргументаторы. Ахъ какъ легко находятъ доступъ въ большинство сознаній однобокіе выводы и какъ трудны тѣ, которые основаны на совокупности условій...

Г-нъ „мрачный офицеръ“ заключаетъ свои слова признаніемъ кое-какихъ моихъ заслугъ по воспитанію и образованію войскъ и прибавляетъ: ,,а за штыкъ, за то что духъ арміи въ штыкѣ — не спасибо, пятьдесятъ лѣтъ на смарку! Лучше бы стрѣлять учились“...

Я же думаю, что если я сдѣлалъ хотя что-нибудь для утвержденія штыкового духа, то жилъ не даромъ.

Церковь, построенная въ г. Конотопѣ Черниговской губ., отцомъ М. И. Драгомирова; въ ней въ дѣтствѣ Михаилъ Ивановичъ читалъ псалтырь и здѣсь же онъ погребенъ 18-го Октября 1905 г.

„Лучше бы стрѣлять учились!“ Подумаешь, право, что у насъ стрѣльба въ забросѣ. Вѣдь даже стрѣлковая инспекція есть, чего нѣтъ ни для одного предмета воспитанія и образованія солдата: такъ чего же еще?

III.

Что дальше, то больше вырастаетъ на вербѣ грушъ. Вмѣстѣ съ корректурой этой статьи получилъ преинтересныя корреспонденціи, изъ коихъ оказывается, будто у японцевъ всѣ позиціи соединены непремѣнно (!) телеграфомъ, телефономъ, геліографомъ или безпроволочнымъ; что въ то время какъ въ бой нашъ солдатъ тащитъ снаряженіе въ два пуда, японецъ складываетъ все въ слѣдующій за нимъ обозъ. Большіе у нихъ обозы, и гдѣ они ихъ раздобыли, и гдѣ держатъ во время боя! И какъ это десятки тысячъ людей изловчаются скоро складывать свои ранцы на обозъ и опять разбирать ихъ!—Что они не сбѣгаютъ съ горъ, а какъ-то скатываются по невѣроятному отвѣсу внизъ. Чудотворцы, просто чудотворцы. Это не все: оказывается, что у солдатъ и офицеровъ японскихъ есть даже что-то въ родѣ панцырей, потому что пики въ грудь ихъ не берутъ, а казачьи шашки оказались послѣ боя зазубрены. Въ этомъ удивительно только одно, что недавно оттуда же писалось, какъ пики пронизываютъ японцевъ насквозь и какое громадное онѣ производятъ на нихъ впечатлѣніе.—И какъ скоро это пошло навыворотъ! И что каждая извилина мѣстности имъ извѣстна, и каждую лощинку они изучили. Должно быть у нихъ остались цѣликомъ всѣ люди, принимавшіе участіе въ

китайской войнѣ, да кромѣ того, при мобилизаціи частей, японскій штабъ вѣроятно впередъ предвидѣлъ, куда какая часть попадетъ и въ нее назначилъ людей, знающихъ тѣ мѣстности, куда она попадетъ. Да это ли одно: корреспондентъ разсказываетъ, какъ одна японская рота была окружена и вдругъ исчезла! „Была и нѣтъ ея.—Бѣжимъ на мѣста, занятыя ею,—чучела, по которымъ мы стрѣляли, остаются, а японцы какъ сквозь землю“. Вотъ оно какъ, даже чучела съ собою возятъ японцы и таскаютъ ихъ съ собою на позиціи; чудотворцы, право чудотворцы!

Положимъ, когда дѣло тяжело складывается, воображеніе разыгрывается, но это какъ будто ужъ немножко и много; и изо всего сказаннаго по нашему выясняется для японцевъ только два плюса: это во-первыхъ, что они къ горамъ привыкли, а во-вторыхъ, что у нихъ обувь дѣйствительно военная. Если война въ ногахъ, то разумѣется не особенно разсчетливо носить на оконечности каждой ноги чуть не по пуду.

Изъ слѣдующей корреспонденціи узнаемъ, что „нашъ офицеръ и солдатъ на каждомъ шагу убѣждаются, что противникъ подготовленъ лучше и оружіе у него совершеннѣе“. Вообще о дѣйствіи оружія въ бою можно судить только съ одной стороны. Эффектъ непріятельскаго оружія мы испытываемъ, но объ эффектѣ нашего оружія на непріятеля мы судить не можемъ. Я почти убѣжденъ, что такія разсказни о дѣйствительности нашего оружія ходятъ и у японцевъ. Почтенный корреспондентъ даже открылъ, будто мы хорошо стрѣ-

ляемъ на 2700 шаговъ, а японцы отлично (!) на 3000. Кто знаетъ ружейную стрѣльбу, тотъ, во-первыхъ, знаетъ, что пуля, летящая на 2700 шаговъ, конечно полетитъ и на 3000; во-вторыхъ знаетъ и то, что ружейная стрѣльба на такія разстоянія—пустая трата патроновъ: въ отдѣльныхъ людей цѣпи нельзя и думать попасть, а резервовъ никакой дуракъ мишенями не поставитъ. И, сколько случалось читать, японская стрѣльба весьма смахиваетъ на турецкую въ нашу прошлую кампанію, т. е. представляетъ безтолковую трескотню, что не такъ ужъ рисуетъ ихъ подготовленность, какъ ее высоко ставитъ г-нъ корреспондентъ. Считаю лишнимъ знакомить читателя съ диѳирамбомъ японскимъ духовнымъ добродѣтелямъ, но не могу не упомянуть о томъ, что у нихъ даже старики эксъ-министры поступили рядовыми въ армію! Я думаю, что они скорѣе бы помѣшали, чѣмъ помогли въ войскахъ, выкидывающихъ фокусы скатыванія (съ ружьемъ?) съ невѣроятной крутизны. Не особенно часто тоже „люди рѣжутъ себѣ горло и животы, а не сдаются“. Да, дѣло складывается тяжко, воображеніе разыгрывается сильно...

27 іюля 1904 года.

IV.

Съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ читаешь всѣ вѣсти, доходящія изъ Артура. Дай Богъ здоровье вамъ и всѣмъ вашимъ сотрудникамъ, подлинные русскіе люди — Стессель, Фокъ, Кондратенко. Будь здоровъ и ты, великій святой сѣрый молчальникъ-страстотерпецъ, полагающій душу свою

за други своя безвѣстно и беззавѣтно. Да здравствуетъ товарищество и выручка своихъ! Да здравствуетъ упорство! Претерпѣвый же до конца той спасенъ будетъ...

11-го Августа 1904 года.

V.

Усвоеніе всякаго пріема обученія, хотя бы самаго наглядно-раціональнаго, есть процессъ физіологическій, т. е. непремѣнно требуетъ извѣстнаго времени; не даромъ разсказываютъ, какъ одинъ ротный командиръ послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній обучалъ новобранца дисциплинарному уставу. Ротный командиръ спрашиваетъ: „какія я могу налагать на тебя взысканія?“ Солдатъ мямлитъ; ротный командиръ въ нетерпѣніи его перебиваетъ: — „ну могу ли я тебя побить?“ „Можете, ваше высокоблагородіе“.—„Врешь, такой-сякой, не смѣю (бацъ), не смѣю (бацъ въ другой разъ), не смѣю (бацъ въ третій).

Пріемы, требующіе хоть сколько-нибудь личнаго разсужденія, такъ сказать, менѣе наглядные, усваиваются неизмѣримо труднѣе. Недавно слышалъ такой случай: въ одномъ изъ округовъ сильно налегаютъ на то, чтобы нижніе чины, и даже офицеры непремѣнно повторяли получаемыя приказанія и по возможности тѣми же словами, какими они были отданы. Нѣсколько лѣтъ спустя, изъ того-же округа одинъ офицеръ переведенъ въ другой округъ. Разъ на вокзалѣ онъ обращается къ жандарму и говоритъ: „справься, пожалуйста, въ кассѣ, сколько стоитъ билетъ 3-го класса отсюда до города X.?“

Жандармъ, приложившись, ему докладываетъ: „вы ваше—ство изволили мнѣ приказать справиться, сколько стоитъ билетъ 3-го класса отсюда до города“. Офицеръ, уже нѣсколько отвыкши въ другомъ округѣ отъ этого обычая, почти обрадовался и спросилъ: „ты, должно быть, такого-то округа?“ „Точно такъ“.—„Молодецъ, что не забываешь чему тебя учили“.—„Радъ стараться, ваше—ство, только оно не всегда удобно, иные господа бранятъ, когда повторишь ихъ приказаніе: намедни повторилъ приказаніе, а г-нъ офицеръ изволили замѣтить: „дуракъ, что ты меня передразниваешь, что ли? Что я глухой, что ли?“

Вотъ она привычка подчиняться непродуманнымъ первичнымъ впечатлѣніямъ! Я думаю, не найдется ни одного офицера, у котораго деньщикъ или иной нижній чинъ не перепутывалъ бы приказаній, иногда и серьезныхъ. И всякій офицеръ, подумавъ о причинѣ, отъ коей это происходитъ, конечно пришелъ бы къ убѣжденію, что отъ непониманія, и что такого непониманія можно избѣжать только однимъ путемъ: именно заставляя повторять приказанія и иногда даже нѣсколько разъ, если оно не понято. Печаталось, и не одинъ разъ, что лучше двадцать разъ переспросить, чѣмъ разъ напутать, и навѣрное тѣ, которые это прочли, признали, что это правильно; а когда до дѣла дойдетъ, получается: „дуракъ, что я глухой, что ли?“

VI.

Жокейство. Изъ „Походн. Зам.“ г. Агѳонова, помѣщенныхъ въ № 150 „Р. Инв.“, съ удовольствіемъ

узналъ, что я „обогатилъ крупнымъ вкладомъ журналъ „Развѣдчикъ“; сердечно благодаренъ ему за лестный отзывъ, а въ особенности за сотрудничество, ибо не появись въ „Инвалидѣ“ его „Итоги [1]), не было бы и моего „Жокейства“.

Дѣло было такъ: зналъ я, что нѣкоторые офицеры жокейству подвержены и думалъ, что это одно изъ временныхъ увлеченій, которое само соскочитъ когда узенькая односторонняя идейка, лежащая въ его основаніи, доведетъ своихъ адептовъ до крайнихъ послѣдствій, т. е. до нелѣпостей. Но вотъ начинаютъ появляться въ „Инвалидѣ“ статьи, указывающія на вредъ этого увлеченія: это заставляло предполагать, что оно серьезнѣе, чѣмъ казалось со стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали обращаться ко мнѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, почему я не пишу противъ жокейства. Цѣлый вѣкъ боровшись противъ разныхъ односторонностей въ воспитаніи и образованіи войскъ, я былъ весьма не прочь предоставить борьбу въ предлежащемъ случаѣ гг. Паренсову, Далматову и другимъ, благо они дѣлали это не заносчиво, толково, разумно, логично. Но тутъ появились „Итоги“ г. Агаѳонова, въ которыхъ съ наивнымъ цинизмомъ во главѣ спортоманіи ставился современный святой угодникъ цалковый-рупь; и тогда меня осѣнило великое евангельское слово: и гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Молчать далѣе оказывалось неумѣстнымъ, въ виду столь явнаго забвенія служебной этики, пришлось принести на алтарь жокейства и

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ 1903 г. № 277.

свою лепту. Припомнимъ начало знаменитыхъ „Итоговъ“ г. Агаѳонова:

„Слѣдуя своимъ обычнымъ узкимъ дефиле, мнѣ неожиданно пришлось выдержать нападеніе, задержавшее дальнѣйшее правильное движеніе. Пришлось отбиваться. Менѣе сильнаго противника мнѣ удалось принудить къ отступленію на другой, болѣе удобный для моихъ дѣйствій театръ. На этомъ новомъ театрѣ нѣсколько деморализованный и запутавшійся противникъ уже наткнулся на моихъ союзниковъ и, конечно, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Одержавъ, такимъ образомъ, стратегическую побѣду, иду укороченнымъ аллюромъ дальше“.

Не правда ли, начало это не только воинственно, но даже можно сказать торжественно! Тутъ есть все: и дефиле, и атака, и деморализованный противникъ, и окруженіе, даже безъ стратегической побѣды не обошлось. Прочитавъ всю эту иносказательную... предику, я ожидалъ, конечно, что рѣчь пойдетъ о Бехтольсгеймѣ, о Цепелинѣ, о Розенбергѣ [1]), однимъ словомъ, о такихъ кавалеристахъ, чужихъ и своихъ, которые, будучи спортсменами иподрома, не забывали въ то же время и настоящаго кавалерійскаго дѣла, т. е. сохраняли способность къ дальнимъ, быстрымъ и цѣлесообразнымъ пробѣгамъ. И велико было мое изумленіе, когда вмѣсто этого наткнулся на слѣдующіе „Итоги“:

Г. Х. выскакалъ вещей на 1,857 р., г. У. — столько-то и такъ далѣе до г. Z., выскакавшаго

---

[1]) Не знаю даже, были ли они иподромными спортсменами,

85 р. Всего не выписываю. Читатель, не слѣдящій за „Русскимъ Инвалидомъ“, повѣритъ мнѣ на слово, что эта эктенія занимаетъ добрыхъ полъ-столбца. Рука не поднимается у меня, какъ и въ первый разъ, выписывать фамиліи офицеровъ. Кто не согласится, что „Итоги“ г. Агаѳонова пахнутъ конечно больше цѣлковымъ, чѣмъ полевымъ кавалерійскимъ дѣломъ, и что они дѣлаютъ скорѣе впечатлѣніе отчета о комерческой антрепризѣ, нежели о молодецкой полевой потѣхѣ военныхъ людей?

Вѣдь въ лицахъ это вотъ что:

Господинъ Х. говоритъ: Поощряя жокейство, да еще рублями, вы посягаете на служебную этику.

Господинъ У. (выѣзжаетъ изъ узкаго дефиле). Еше что выдумали! Вы ее видѣли? Я не видѣлъ. Ваша служебная этика—миѳъ, мечта. А вотъ два съ полтиной, нѣтъ-съ, это не мечта-съ!

Х. Да я вамъ не про то говорю!

У. А я про то, да-съ!

Одержавъ такимъ образомъ стратегическую побѣду, г. Х. идетъ укороченнымъ аллюромъ дальше, позвякивая двумя съ полтиной и приговаривая Веспасіановское „не смердитъ“.

Вотъ что внушило мнѣ ссылку на евангельскій текстъ, очевидно не понравившійся г. Агаѳонову; и если онъ находитъ, что я пользовался не вполнѣ точнымъ матеріаломъ въ предыдущей замѣткѣ о жокействѣ, то изъ сказаннаго онъ можетъ убѣдиться, что этотъ матеріалъ его и ни чей больше. Затѣмъ скажу еще разъ и при случаѣ не устану повторять, что человѣку, призываемому по общеобязательной повинности и приносящему присягу служить Царю

и Родинѣ, не подобаетъ служить какому-нибудь „Чертопхаю отъ Кокотки и Мазурика“; не подобаетъ и офицеру слоняться за цѣлковымъ по ипподромамъ и быть въ полку, коего мундиръ онъ имѣетъ честь носить, только рѣдкимъ, и по всей вѣроятности, мало желательнымъ гостемъ.

Въ своей послѣдней статьѣ г. Агаѳоновъ о цѣлковыхъ уже не упоминаетъ, а ограничивается перечнемъ жокействующихъ офицеровъ, которые отправились на войну, а далѣе даже ссылается на Розенберга. На бѣду все это страдаетъ большими недоговорами; во-1-хъ, вѣроятно по разсѣянности, онъ включилъ въ свой перечень много и такихъ офицеровъ, которые жокейскихъ ролей на себя не принимали, да и принимать не желаютъ, т. е. прибѣгнулъ къ маневру, и въ писаніи извѣстному подъ формулой: егда и ложь во спасеніе; во-2-хъ, о ихъ дѣятельности пока ничего не слышно; въ-3-хъ, никто и не говорилъ о томъ, чтобы они открещивались отъ войны. Наконецъ, въ 4-хъ, если они не взяли туда своихъ скакуновъ, то этимъ самымъ показали что они ихъ держатъ для жокейства, а не для полевой работы. А служа на простыхъ лошадяхъ, своимъ жокействомъ едва ли и воспользуются и будутъ служить ничѣмъ не лучше обыкновенныхъ смертныхъ.

Ссылка на Розенберга страдаетъ тою же неопредѣленностью. Если г. А. желалъ сослаться на какое-нибудь мнѣніе Розенберга, то его нужно было оговорить; если же хотѣлъ указать на него какъ на человѣка, который, будучи ипподромнымъ спортсменомъ, былъ въ то же время и хорошимъ кава-

леристомъ, то это, опять-таки, совершенно ничего не доказываетъ въ пользу жокейства: какъ полагаетъ г. Агаѳоновъ, было ли бы извѣстно имя Розенберга европейскимъ кавалеристамъ, если бы Розенберги водились не скажу сотнями, а хоть десятками? По исключительнымъ единицамъ общихъ выводовъ не дѣлаютъ. Это одинъ изъ основныхъ логическихъ законовъ, съ которымъ слишкомъ свободно обращаться не принято. И у насъ есть одинъ полковникъ, который извѣстенъ чуть не всей нашей конницѣ, какъ страстный спортсменъ и хорошій кавалеристъ. Но и онъ есть явленіе единичное, отправляясь отъ коего, дѣлать выводъ относительно всѣхъ жокействующихъ съ точки зрѣнія логики нелѣпо.

Это первая логическая шалость г. Агаѳонова: вторая курьезна не менѣе: я говорю въ прежней замѣткѣ, что при полевой ѣздѣ на препятствія наталкиваются неожиданно и получаютъ практику въ находчивости ихъ преодолѣвать, между тѣмъ какъ на иподромѣ они впередъ извѣстны и притомъ преодолѣніе ихъ репетируется, т. е. неожиданности никакой нѣтъ. Ясно, что рѣчь тутъ идетъ только о развитіи находчивости, а г. Агаѳоновъ открываетъ Америку, что естественными препятствіями понимаются не только созданныя Богомъ, но и человѣкомъ и что Европа именно изрѣзана этими препятствіями; т. е. я говорю про Кузьму, а онъ про Ерему. Да по дорогѣ г. Агаѳоновъ не воздержался отъ новой шалости, называя препятствія, создаваемыя человѣкомъ, естественными, когда на всѣхъ языкахъ они называются искусственными. Онъ вспо-

мнилъ даже по этому поводу „курьезный случай“, какъ онъ подъ Бѣлостокомъ перескочилъ одинъ ручей. Подвигъ конечно не малый; но вслѣдъ за нимъ перескочилъ тотъ же ручей ген. Ганецкій, мужчина 70-ти лѣтъ слишкомъ, [1]) грузный и не только никогда не жокействовавшій, да и въ конницѣ никогда не служившій, а все время бывшій пѣхотнымъ офицеромъ, которые въ то время до капитанскаго чина, за рѣдкими исключеніями, и на лошадь не садились; да и ручей то вѣроятно былъ созданный Богомъ.

Очевидно случай этотъ курьезенъ не самъ по себѣ, а потому, что приведенъ совершенно некстати, ибо свидѣтельствуетъ о безполезности жокейства, а вовсе не о его пользѣ. По своему обычаю, г. Агаѳоновъ и тутъ путаетъ хорошую верховую ѣзду съ жокействомъ, что вовсе не одно и то же. Причемъ тутъ жокейство, если ручей перепрыгнулъ не одинъ онъ, а за нимъ пѣхотный генералъ 70-ти лѣтъ слишкомъ.

О жокейскихъ конюшняхъ въ полкахъ г. Агаѳонову нужно было или совсѣмъ не говорить, если это ему неудобно, или говорить какъ совѣсть велитъ. Если онъ замѣтилъ въ моихъ словахъ „матеріальныя“ неточности относительно этой конюшни, то нужно было ихъ показать и высказаться также ясно противъ меня, какъ ясно поставлены мною вопросы, именно: 1) на казенныя ли средства или нѣтъ эти конюшни заведены? 2) Вольнонаемная ли прислуга ходитъ за скаковыми лошадьми, или же

[1]) Ген. Ганецкій родился въ ноябрѣ 1815 года, принялъ Виленскій округъ въ мартѣ 1886 г. Умеръ въ этомъ году.

присягавшіе солдаты? Къ этимъ двумъ вопросамъ присоединяю еще третій и четвертый: есть ли хоть въ одной иностранной арміи, хоть въ одномъ полку подобное нелѣпое учрежденіе и съ чьего разрѣшенія такія конюшни существуютъ? Но я бы желалъ категорическаго правдиваго отвѣта на эти вопросы, не прибѣгая ни къ фигурѣ умолчанія, ни къ витанію въ туманныхъ выраженіяхъ, ни къ маневру, вродѣ отнесенія въ число жокеевъ такихъ офицеровъ, какіе никогда не жокействовали. Если же Вы такого отвѣта страха ли ради іудейска, или изъ опасенія раздразнить гусей не можете дать, то и не отвѣчайте, но не прибѣгайте къ тонкимъ намекамъ на какія-то „матеріальныя“ неточности. Притомъ же я только спрашиваю и жду разъясненія: слѣдовательно никакихъ неточностей и учинить не могъ.

Г. Агаѳоновъ находитъ, что я не правъ, считая будто лошадь сноровленную скачками нельзя пустить въ строй; это не мое мнѣніе, а фактъ извѣстный всѣмъ тѣмъ кавалеристамъ, которые говорятъ то что есть, а не то, что имъ пріятнѣе.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что г. Агаѳоновъ на этотъ разъ не обмолвился ни однимъ словомъ о главномъ героѣ его „Итоговъ“, т. е. о рублѣ, а вѣдь въ немъ и весь вопросъ, т. е. достойно ли офицера, или нѣтъ, шляться по ипподромамъ для зашибанія „цалковаго“ въ то время, когда его товарищи несутъ службу въ полку, не только за себя, но и за него. Не скрою, что мнѣ это очень пріятно, такъ какъ показываетъ, что я внесъ „крупный вкладъ“, не только въ журналъ

„Развѣдчикъ“, но и въ понятія г. Агаѳонова. Позволяю себѣ думать, что впредь онъ не станетъ разить своихъ противниковъ рублями, зарабатываемыми на иподромахъ жокействующими офицерами, а поищетъ аргументовъ, болѣе воинскихъ и менѣе промышленныхъ.

Жалѣю, что я долженъ былъ преподнести это разъясненіе г. Агаѳонову послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его скаковаго репортерства. Я бы не сталъ трогать милаго ему жокейства, если бы оно не сбивало съ толку, да съ пути, молодыхъ офицеровъ и притомъ не худшихъ. Отвлекать ихъ отъ настоящаго кавалерійскаго дѣла и обращать въ завсегдатаевъ иподрома, тотошки, а нѣкоторыхъ и въ „жучковъ“ [1])— по моему грѣхъ великій.

Доказывайте, да знайте же и мѣру; знайте и то, что ваши „Итоги“ пахнутъ рублемъ, а ни лошадью, ни всадникомъ они не пахнутъ. Знайте наконецъ и то, что не отличись вы вашими „Итогами“, я вѣроятно и не тронулъ бы жокейства, а они сразу мнѣ подсказали что, гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.

VII.

Слобода Кинбурнъ, г-ну С. Н.

Вашъ вопросъ совершенно не допускаетъ печатнаго отвѣта по двумъ причинамъ:

1) Сами вы говорите, что обѣщали молчать объ инцидентѣ, а теперь желаете получить отъ меня

---

[1]) Новая спеціальность при тотализаторѣ; тоже, что биржевые зайцы при биржѣ.

печатный отзывъ о немъ. Неужели вамъ не приходило въ голову, что разбалтывать то, о чемъ вы обязались молчать, есть сплетня, недостойная порядочнаго человѣка, и прежде всего показываетъ отсутствіе самоуваженія?

2) Неужели вамъ не приходило въ голову, что происшедшее между четырехъ глазъ могло произойти и такъ какъ вы говорите и совершенно иначе? Не постигаю, по какому праву вы считаете, что я долженъ принять на вѣру ваши слова? Вѣдь до полученія вашего страннаго письма я даже не подозрѣвалъ о вашемъ существованіи? Вы сами можете оцѣнить, сколько тутъ открывается путаницы понятій и самомнѣнія, ничѣмъ не оправдываемаго.

Вамъ кажется, что вы сдѣлались „доказательствомъ несостоятельности военныхъ традицій“, и вы спрашиваете меня:

„Такъ ли это, генералъ?“

Совершенно не такъ. Вашъ поступокъ показываетъ полное отсутствіе пониманія военныхъ традицій; между вашимъ поведеніемъ и ими ничего общаго нѣтъ.

VIII.

Въ № 230 „Петербургск. газеты“ спрашиваютъ, какъ я объясню новое передвиженіе японскихъ силъ послѣ того, какъ утверждалъ, что Куроки дальше Фынхуанчена не пойдетъ? Объяснить это могли бы очень просто сами вопрошающіе, принявъ въ соображеніе то, что я говорилъ о первомъ періодѣ кампаніи, а они разумѣютъ второй, на который я никогда пари не предлагалъ.

Въ первый періодъ кампаніи японцы имѣли цѣлью только прикрытіе осады Артура, съ чѣмъ и были соображены ихъ расположенія и движенія; теперь, благодаря такому превосходству силъ, какого повидимому никто не ожидалъ, японцы уже избрали предметомъ дѣйствій нашу армію. Изъ сказаннаго вопрошающіе могутъ понять, что новое отношеніе силъ породило новую цѣль и обусловило новыя движенія. И свое пари я считаю выиграннымъ, такъ какъ весь первый періодъ кампаніи Куроки оставался у Фынхуанчена больше трехъ съ половиной мѣсяцевъ, т. е. долго, и въ сѣверномъ направленіи, какъ было сказано, только обозначалъ шагъ на мѣстѣ.

27-го августа 1904 г.

IX.

Маневренныя условности и раккурсы. Хорошія темы затрагиваетъ всегда г. Строевой. Видитъ онъ въ нашемъ дѣлѣ многое такое, что проходитъ мимо вниманія большинства. Такъ въ № 169 „Русскаго Инваляда“ онъ дѣлаетъ весьма поучительное указаніе на такъ называемыя имъ „мирныя условности“. Когда непріятеля нѣтъ, шашки не рубятъ, штыки не колютъ, пули и шрапнели не бьютъ, то само собою разумѣется, что цѣлая сторона нашего дѣла и важнѣйшая—именно волевая, совсѣмъ отсутствуетъ. Но не одна волевая, а и въ умовой открываются большія прорѣхи. А между тѣмъ учить нужно; и вотъ волею-неволею приходится подчиняться этимъ мирнымъ условностямъ: стрѣлять въ пустую, ходить гуськомъ, когда нужно ходить

цѣпью, заниматься сторожевымъ охраненіемъ тоже въ пустую, т. е. когда сторожить нечего и не отъ кого, и т. п. Требуете вы, напримѣръ, чтобы солдатъ ставилъ прицѣлъ и бралъ прицѣльную линію, а патронъ холостой.

Говоря по-просту, на каждомъ шагу приходится дѣлать нелѣпости, принимая часть дѣла какъ бы за все дѣло. И это не бѣда, когда человѣкъ, дѣлая нелѣпость, таковою ее и сознаетъ; бѣда начинается тогда, когда человѣкъ нелѣпость принимаетъ за настоящее дѣло, т. е. часть принимаетъ за цѣлое, даже до полнаго забвенія о семъ послѣднемъ. Таковы, напримѣръ, были тѣ герои плацъ-парада, для коихъ все военное дѣло приводилось къ маршировкѣ и къ ружейнымъ пріемамъ, бывшимъ для нихъ по выраженію Давыдова, „источниками высшихъ поэтическихъ наслажденій“; и которые въ концѣ концовъ пришли къ заключенію, что ни что такъ не портитъ войска, какъ война. Итакъ, еще разъ, дѣлать нелѣпости не опасно, если человѣкъ не забываетъ, что это нелѣпости. Обращаясь къ замѣчаніямъ г. Строевого, не могу не прибавить къ нимъ нѣкоторыхъ черточекъ. Онъ главнѣйше имѣетъ въ виду грѣхи мирнаго обученія противъ мѣстности, т. е. противъ пространства; еще болѣе капитальный грѣхъ, совершаемый противъ времени: столкновеніе самыхъ крупныхъ силъ беретъ въ мирное время не болѣе двухъ, трехъ часовъ, а настоящее боевое столкновеніе обыкновенно тянется десять, двѣнадцать, четырнадцать часовъ, иногда больше. Ясно какая тутъ совершается нелѣпость при мирныхъ упражненіяхъ, ясно и то, что прак-

тически она совершенно неустранима, такъ какъ огнестрѣльная подготовка боя въ мирное время не существуетъ, а она то именно и затягиваетъ бой; оставлять же войска въ полѣ безъ всякаго дѣла много часовъ, отмежевывая ихъ якобы для канонады, — было бы просто глупо. Много лѣтъ тому назадъ въ одной иностранной арміи пробовали это дѣлать, но скоро отказались, ибо такая потеря времени никого и ничему не учитъ.

Бороться противъ этой нелѣпости реальнаго средства нѣтъ, а есть только теоретическое, именно почаще напоминать, что это нелѣпость. Великую услугу окажетъ войскамъ тотъ, кто дастъ себѣ трудъ собрать по возможности точныя данныя о продолжительности сраженій, хотя бы за Наполеоновскій періодъ. Такой перечень принесъ бы большую пользу въ смыслѣ распространенія правильныхъ понятій объ этой сторонѣ дѣла, нѳ только между военными, но и вообще. Теперь, напримѣръ, въ корреспонденціяхъ изъ Манчжуріи уже попадаются такія мѣста, что будто бы начались особые бои на дальнихъ разстояніяхъ и на продолжительное время: они и при гладкомъ оружіи никогда иными не были. При Наполеонѣ бои начинались на 500, 600 саженъ, а продолжались болѣе полусутокъ. Не имѣя подъ рукой матеріаловъ, привожу нѣкоторыя данныя на память, заранѣе извиняясь, если ошибусь: подъ Фридландомъ — отъ 5-ти утра до 5-ти пополудни, подъ Бородинымъ — отъ 5-ти утра и, помнится, до сумерекъ, т. е. по всей вѣроятности 14 часовъ, если не больше: подъ Лейпцигомъ—трое сутокъ, конечно, съ перерывами; часовъ

не помню. Подъ Требіей, у Суворова съ Макдональдомъ въ 1799 г., также трое сутокъ.

Теперь увеличеніе дальности артиллерійскаго и пѣхотнаго огня, конечно, увеличило и разстоянія, съ которыхъ начинается бой; но что безъ сближенія тутъ дѣло не обходится, достаточно доказывается и тѣмъ, какъ бѣшено японцы лѣзли до сихъ поръ впередъ при всѣхъ своихъ наступательныхъ операціяхъ. Про нашего солдата не говорю, такъ какъ онъ всегда былъ не прочь отъ сближенія на дистанцію штыка и конечно всегда будетъ. Послѣднія дѣла подъ Ляояномъ дали за насъ категорическій отвѣтъ всѣмъ огнелюбамъ и штыконенавистникамъ. Если не ошибаюсь, по всей линіи была штыковая работа; лучшее доказательство того, что, когда сходятся противники, другъ друга достойные, безъ такой работы дѣло рѣдко обходится. Господа, упрекающіе меня въ штыкоманіи, думаютъ, будто я по ихъ обычаю прибѣгаю къ однобокимъ разсужденіямъ, чего я всегда старался избѣгать. Ни Суворовъ, ни по его стопамъ я, никогда не отвергали огня, а только ставили его на должное мѣсто, т. е. утверждали, что огонь есть средство только подготовительное, а штыкъ — средство только рѣшительное; и что они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга. Однако обратимся къ замѣчаніямъ г. Строевого.

О возможномъ устраненіи условностей мѣста и времени хлопотать конечно слѣдуетъ, но въ особенности должно остерегаться того, чтобы къ существующимъ и неизбѣжнымъ условностямъ не присочинять новыхъ. Такъ уже начинаетъ проскальзы-

вать мнѣніе, что при маневрированіи слѣдуетъ вести и подсчетъ потерь. Всѣ подобныя предложенія конечно подсказываются односторонне-понимаемыми добрыми намѣреніями, коими вымощенъ весь адъ, какъ замѣчено еще шестьсотъ лѣтъ назадъ; но и добрыя намѣренія нелѣпости этого предложенія не умаляютъ: кого и чему можно выучить подобнымъ пріемомъ? Развѣ тѣхъ, кто полукавѣе, притворяться ранеными? А затѣмъ сколько безсмысленной и безтолковой работы: набиваніе головъ цифрами съ какого разстоянія, какой процентъ потерь убитыми, какой ранеными, затѣмъ, соотвѣтственно сему, новые безсмысленные разсчеты кому и на какомъ разстояніи притворяться убитыми или ранеными. Есть еще возмутительная условность: при столкновеніяхъ считать сколько у кого силъ и присуждать безкровную побѣду тому, у кого ихъ больше. Эта условность есть чистѣйшее произведеніе марсоманіи мирной, такъ какъ она не вызывается никакими потребностями мирныхъ занятій и прямо противорѣчитъ общеизвѣстнымъ военно-историческимъ фактамъ...

Чѣмъ дольше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, какъ великъ былъ Суворовъ: обученіе преимущественно волевое, т. е. основанное на томъ, чтобы пріучать солдата къ неожиданностямъ и давать ему практику въ борьбѣ съ инстинктомъ самосохраненія, ставя его въ опасныя положенія, конечно допустимыя въ мирное время; обученіе только наступленію, но не иначе какъ противъ видимой цѣли; постоянное стремленіе къ тому, чтобы послѣдній солдатъ зналъ цѣль операціи, т. е. куда и

зачѣмъ онъ идетъ; атака не иначе какъ насквозь, безъ остановокъ на сто шаговъ отъ непріятеля, что, какъ бы въ насмѣшку надъ великой тѣнью, такъ недавно практиковалось, да, не знаю навѣрное, можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ практикуется и до сихъ поръ. Счета непріятеля никогда и ни подъ какимъ предлогомъ, т. е. опять великое психологическое прозрѣніе: кто привыкъ считать непріятеля, особенно въ мирное время, тотъ въ военное всегда его насчитаетъ больше, чѣмъ есть.

Возвращаясь къ статьѣ г. Строевого, долженъ сказать, что нѣкоторыя условности мѣста могли бы и не существовать, если бы было понятно, что онѣ возникли благодаря главнѣйше нашимъ прежнимъ грѣхамъ. Такъ по моему крайнему убѣжденію одиночное примѣненіе къ мѣстности такое дѣло, которому учить безполезно, а нужно только не воспрещать. Возникло оно отъ того, что солдаты совершенно одеревенѣли, когда занимались однимъ только сомкнутымъ строемъ. Я еще помню то время, когда, разсыпая цѣпь, требовали въ ней строжайшаго равненія и соблюденія совершенно равныхъ интерваловъ между людьми. При подобныхъ требованіяхъ, а слѣдовательно и укоренившихся привычкахъ, понятно огорченіе одного Севастопольскаго героя, который по окончаніи войны жаловался на глупость солдата, что стоитъ рядомъ съ деревомъ и за него не укрывается.

По моему убѣжденію, одиночное примѣненіе къ мѣстности при наступленіи не должно бы и мѣста имѣть: одиночный человѣкъ представляетъ самъ по себѣ ничтожную цѣль даже и на сравнительно близ-

кихъ разстояніяхъ; а между тѣмъ всякія залеганія и присѣданія на мѣстности сколько-нибудь закрытой ведутъ къ тому, что цѣпи поднять нельзя, не вливъ въ нее свѣжей части, т. е. къ расточительному расходованію резервовъ. Офицеръ долженъ думать о сбереженіи резерва такъ же постоянно, какъ солдатъ о сбереженіи пули.

Съ засѣянными полями справиться легко. Нужно дѣлать маневры, когда хлѣбъ снятъ, что и возможно въ средней и южной Россіи. Въ сѣверной же, гдѣ наступаютъ ранніе холода, можно бы ограничиться маневрами небольшихъ частей, расквартировывая войска по деревнямъ. Большіе же маневры можно дѣлать и раньше, воздерживаясь, конечно, отъ продѣлыванія боевъ и ограничиваясь практикой походныхъ движеній, бивачныхъ и сторожевыхъ расположеній. Что касается до ученій съ полнымъ числомъ рядовъ, то подъ такимъ мнѣніемъ конечно можно и должно подписаться обѣими руками: нельзя себѣ представить, до какой степени занятія съ игрушечными ротами извращаютъ привычки глаза, голоса и даже мысли. Вѣдь вырабатывайся послѣдній строевой уставъ на ротѣ съ полнымъ числомъ рядовъ, никому бы и въ голову не пришла нелѣпость отмѣнить команды взводныхъ командировъ.

Итакъ будемъ стараться не увеличивать, а уменьшать число условностей въ обученіи, и воздерживаться отъ преподаванія какъ особаго предмета того, что инстинктъ самосохраненія и безъ науки заставляетъ солдата дѣлать въ бою, если только онъ не забитъ и не одеревененъ.

X.

Въ № 176 „Русскаго Инвалида“ г. Строевой опять затрагиваетъ тему въ высшей степени серьезную — необходимость ознакомленія разныхъ родовъ оружія со взаимными ихъ свойствами и обязанностями. У Суворова существовалъ и этотъ отдѣлъ не только образованія, но и воспитанія, такъ какъ цѣль ему была поставлена слѣдующая; чтобы пѣхота не боялась конницы и артиллеріи, а конница пѣхоты и артиллеріи, а артиллерія пѣхоты и конницы. Эту цѣль поставилъ въ такихъ, или почти такихъ выраженіяхъ, въ одномъ случаѣ самъ незабвенный покойникъ. Въ пользѣ „краткой программы тѣхъ свѣдѣній, которыя должны быть практически извѣстны всѣмъ строевымъ офицерамъ“, мы сомнѣваемся. Кажется пора извѣриться въ бумагу; вѣдь всѣ эти свѣдѣнія есть и въ курсахъ тактики и въ справочныхъ тактикахъ, наконецъ, отчасти даже въ календарѣ г. Добржинскаго, и особенно они никого дѣлу не научили; а необходимы соотвѣтственныя практическія занятія. Если ихъ будутъ примѣнять настойчиво и постоянно, то кое-кто, пожалуй, заглянетъ и въ книжку: а безъ этого какой же интересъ въ нее заглядывать? У Суворова эти пріемы были въ видѣ его великихъ сквозныхъ атакъ, и до чего они психически необходимы, доказываетъ слѣдующій отрицательный примѣръ: въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на одномъ маневрѣ одинъ пѣхотный полкъ, при неожиданномъ появленіи конницы, побѣжалъ; если бы онъ былъ выдержанъ на сквозныхъ атакахъ, этого конечно никогда не случилось бы. Прошу вѣрить, что это

фактъ подлинный, а не выдуманный; могъ бы сказать съ кѣмъ и гдѣ это случилось, не говорю этого потому, что виноватъ не полкъ, а тѣ, которые его дѣлу не учили.

О сквозныхъ атакахъ и о томъ, какъ ихъ дѣлать, столько разъ писалось, что описывать ихъ еще разъ здѣсь считаю излишнимъ. Думаю только, что полезнѣйшимъ къ нимъ прибавленіемъ были бы маневры мелкихъ составныхъ отрядовъ, черезъ которые должны быть проводимы штабъ-офиперы всѣхъ родовъ оружія. Составъ такихъ отрядовъ одинъ: баталіонъ, полъ-эскадрона или эскадронъ, два или четыре орудія. Порядокъ маневровъ одинъ: назначенный штабъ-офицеръ на сборномъ пунктѣ принимаетъ отрядъ въ свои руки, т. е. объѣзжаетъ его, здоровается, не только со своими, но и съ гостями, затѣмъ отдаетъ словесныя приказанія, которыя тутъ же за нимъ записываются и сообщаются всѣмъ участникамъ маневра; затѣмъ начинается маневръ по приказанію общаго руководителя.

Особенно настаиваю на необходимости рапорта частныхъ начальниковъ пѣхоты, конницы и артиллеріи начальнику отряда и на томъ, чтобы сей послѣдній непремѣнно здоровался съ посторонними ему родами оружія, т. е. пѣхотинецъ съ конницей и артиллеріей и т. д. по соотвѣтствію. Обособленіе между родами оружія у насъ до того дошло, что является необходимость настаивать на исполненіи и этого пріема воинской субординаціи, такъ какъ здорованіе, напр., временноначальствующаго пѣхотинца съ конницей и артиллеріей будетъ шокировать офицеровъ этихъ родовъ оружія. Много, много придется

поработать, чтобы выправить всѣ подобныя вывихнутыя понятія.

Безъ труда видѣть можно, что заполненіе пробѣла, указываемаго г. Строевымъ, потребуетъ не мало времени, для полученія коего придется потѣснить кое-что, установившееся теперь и считаемое необходимымъ только по рутинѣ.

Во-первыхъ, придется поступиться смотрами, на которые почти вездѣ теряется безполезно много времени; если не ошибаюсь, лѣтъ тридцать тому назадъ, разбирая именно этотъ самый вопросъ, я позволилъ себѣ выяснить его такой формулой $\frac{О}{С} = У$, гдѣ подъ О разумѣется обученіе, подъ С—смотры, подъ У—успѣхъ обученія, или боевая годность. Изъ этой формулы видно, что чѣмъ знаменатель больше, т. е. чѣмъ С, т. е. время употребляемое на смотры больше, тѣмъ успѣхъ обученія долженъ быть меньше. А вѣдь есть части, которыя такъ привлекательно хороши, что ихъ смотрятъ, смотрятъ и никакъ на нихъ насмотрѣться не могутъ! И рѣшительно недоумѣваешь, гдѣ въ этихъ частяхъ находится время учиться. Но вредно не одно количество смотровъ, еще вреднѣе ихъ качество—разумѣю смотры, заблаговременно назначаемые. Они вредны, во-первыхъ, потому, что въ ожиданіи такого смотра обыкновенно только къ нему и готовятся, а остальное откладывается въ сторону; во-вторыхъ потому, что пріучаютъ ко втиранію очковъ, т. е. ко лжи. Вѣдь начальникъ, объявляющій, напр., части, что черезъ двѣ недѣли будетъ у нея смотрѣть стрѣльбу, могъ бы сказать и иначе, хоть напр., такъ: натаскайте

стрѣльбу въ эти двѣ недѣли и покажите мнѣ ее въ лучшемъ состояніи, чѣмъ она у васъ есть. Ахъ, сколько вывиховъ, сколько вывиховъ...

Если начальникъ постоянно слѣдитъ за системой и ходомъ обученія при неожиданныхъ наѣздахъ, то въ результатѣ сомнѣнія быть не можетъ; а въ такомъ случаѣ къ чему же смотры заблаговременно назначаемые. Успѣхъ обученія опредѣляется работой цѣлаго года, а не натаскиваніемъ части къ извѣстному сроку, по тому или другому отдѣлу.

Нѣсколько словъ по поводу еще одного упражненія, о которомъ говоритъ г. Строевой въ своей слѣдующей статьѣ, и при нынѣшнемъ оружіи особенно важномъ—разумѣю ночныя операціи. Были ли они у Суворова? Представьте, были, и очевидно какъ занятіе обычное, что видно изъ его писемъ и донесеній [1]). Но уже при Екатеринѣ II, къ огорченію великаго старика, начинаетъ проскальзывать зловредное вліяніе муштры [2]), благодаря коей вскорѣ

---

[1]) Изъ письма къ Хвостову отъ 14 іюля 1796 г.: „Войска до сего оченьхороши, я къ'нимъ'прибавилъ ночную баталію". Изъ донесенія Екатеринѣ 12 августа 1796 г.: „Вашего Императорскаго Величества побѣдительныя войска искусствомъ, прилежностью и трудолюбіемъ генераловъ весьма исправны къ деннымъ, какъ и *ночнымъ* баталіямъ и штурмамъ и готовы къ увѣнчанію себя новыми лаврами".

[2]) Изъ письма къ Хвостову 16 апр. и 4 іюня 1796 г., Тульчинъ: „Кн. Ал. Ал. Прозоровскій—разводъ двѣ шеренги, безъ штыковъ, *шагъ тише*: мы не смѣемъ, насъ училъ Суворовъ".

«В. Х. Дерфельденъ, по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы, хотя пріѣзжіе увѣряли, что онъ держится моихъ правилъ, или не училъ, или при прусскомъ фаврагѣ, задняя линія смѣняла переднюю, яко бы сія побита была, и чай строй ему отъ меня выше иного запрещенъ былъ».

«У князя Репнина экзерциціи нѣтъ, но приказано—*тихій маршъ* и залпы, опасное и вредное.

на всей Суворовской системѣ обученія былъ поставленъ основательный крестъ. И только послѣ Крымскаго нравоученія понемногу возвращаемся къ этой системѣ, но далеко еще къ ней не вернулись вполнѣ.

XI.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ сдѣланы были попытки возстановить Суворовскія сквозныя атаки и вообще ознакомленіе родовъ оружія между собою еще въ семидесятыхъ годахъ. Въ этихъ частяхъ сказанные пріемы примѣняются и до сихъ поръ, но такъ какъ они въ нравы еще не вошли, то, Боже! какъ иногда примѣняются... Такъ какъ старшіе начальники во многихъ мѣстахъ освободили себя отъ обязанности присутствовать на подобныхъ ученіяхъ, то и получаются иногда такія напр., картинки: на плацу стоитъ пѣхотный полкъ, къ нему подходитъ батарея, наряженная для показа взаимныхъ обязанностей, во главѣ полка—его командиръ, разумѣется и всѣ офицеры на мѣстахъ. Во главѣ батареи молодой подпоручикъ, господинъ батарейный и пр. гг. офицеры блещутъ своимъ отсутствіемъ; они вѣроятно считаютъ несовмѣстнымъ съ ихъ достоинствомъ унижаться до объясненія пѣхотнымъ солдатамъ того, какъ орудіе снимается съ передка, какъ надѣвается на передокъ, какъ его зарядить, какъ навести, какъ изъ него выстрѣлить, за что ухватиться, чтобы удобнѣе вытащить его изъ грязи, или поднять на высоту, или увезти, когда кони перебиты, и какъ снаряды устроены. А это съ толкомъ можете сдѣлать только вы, господа офицеры, для пѣхоты, ибо ей это нужно дѣлать спроста, а не въ какихъ-нибудь

задолбленныхъ вычурныхъ выраженіяхъ, какъ то дѣлаютъ фейерверкеры.

Тутъ есть все: пониманіе и товарищества, и военной субординаціи, и даже своей собственной выгоды; вѣдь въ бою, когда прислугу перебьютъ, сами будете рады людямъ изъ пѣхоты, имѣющихъ хоть маленькое понятіе о вашемъ дѣлѣ; да и то не дурно, что полкъ выходитъ въ полномъ составѣ, а батарея общипанная. По военному обычаю батарейный командиръ, подходя къ полку долженъ явиться къ полковому командиру и доложить ему, что такая-то батарея прибыла для того-то; а по халатному обычаю можно и безъ этого обойтись. Грустно, очень грустно... Не даромъ говорится, что рыба съ головы воняетъ.

XII.

Завелся въ „Развѣдчикѣ“ французскій сотрудникъ; пишетъ онъ, правда, по-русски, но подписывается по-французски—N. Dmitrieff. Отъ того вѣроятно и въ статьѣ замѣчается смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Начинаетъ онъ очень строго, и даже можно сказать грозно, но кончаетъ игриво.

Въ статьѣ „Война и маневры“ онъ пишетъ: „Какъ хотѣлось бы намъ крикнуть своимъ товарищамъ, спросить у нихъ: все ли мы учимъ, что спрашиваютъ насъ и такъ ли мы учимъ, какъ надо“?

И далѣе: „Мы должны бы употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не упускать всего того, на что суровый экзаменъ войны обращаетъ особенное вниманіе и за что безпощадно наказываетъ“.

Затѣмъ Mr. N. Dmitrieff задается вопросомъ:

„Все ли дѣлается у насъ на маневрахъ, какъ дѣлается оно на войнѣ“?

И отвѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что нѣтъ; и именно потому, что на войнѣ даютъ кресты и чины за удачныя дѣйствія, а за мирное искусство въ маневрахъ не даютъ. Какъ читатель видитъ, заключеніе логичное и игривое.

Мы не стали бы утруждать вниманіе читателей размышленіями по поводу этой сатьи, если бы она не затрогивала вопроса о наградахъ, имѣющаго большое значеніе и въ мирное, и въ военное время. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и за что собственно слѣдуетъ награждать, если желаютъ, чтобы люди дорожили наградами? Но сначала нѣсколько словъ по поводу военнаго опыта и того явленія, что между мирными занятіями и военными операціями сходства мало.

Желаніе Mr. N. Dmitrieff'a получить какіе-то совѣты отъ Манчжурскихъ товарищей и не осуществимо, да и праздно: кого не научилъ багажъ всей военной исторіи, того повѣствованія изъ одной кампаніи едва ли чему-нибудь научить могутъ.

Вонъ г. „Мрачный офицеръ“ по первымъ впечатлѣніямъ этой кампаніи сѣтовалъ, что у насъ штыкъ не похоронили еще послѣ крымскаго погрома; а онъ, штыкъ-то, взялъ, да и воскресъ подъ Ляояномъ; да еще какъ! Вотъ и ждите послѣ этого плодотворныхъ указаній отъ одной кампаніи, если не провѣрять ихъ сравненіемъ съ предъидущими и не освѣщать данными человѣческой психологіи. Во-вторыхъ, несходство между мирными упражне-

ніями и военными операціями неустранимо не только потому, что первыя никакой опасности не представляютъ, но еще и потому, что цѣли тѣхъ и другихъ діаметрально противоположны: цѣль мирныхъ упражненій есть развитіе, накопленіе, сбереженіе вооруженной силы; цѣль военныхъ операцій есть употребленіе, т. е. истребленіе ея... Какъ Mr. N. Dmitrieff усмотрѣть можетъ, эта разница нѣсколько серьезнѣе той, что мирно-маневреннымъ искусникамъ крестовъ и чиновъ не даютъ, а хорошо маневрирующимъ на войнѣ якобы даютъ.

Говорю „якобы“, потому что собственно за одни маневры и въ военное время не награждаютъ, а награждаютъ только за операціи, сопряженныя съ рискомъ погибнуть и приносящія пользу арміи или части ея; но за безплодныя джигитовки, какъ бы онѣ ни были отважны, не награждаютъ тамъ, гдѣ понимаютъ дѣло. Тѣмъ болѣе было бы странно награждать за мирное маневрированіе, отъ коего собственно никому никакой пользы нѣтъ и при коемъ маневренный искусникъ ничѣмъ не рискуетъ. Но дѣло не въ одномъ этомъ, а еще и въ томъ, что на всякій маневръ взгляды всегда разнятся; одному кажется умнымъ и удачнымъ то, что другой находитъ совершенно несообразнымъ. Въ военное время успѣхъ все покрываетъ, побѣдителя не судятъ; въ мирное же время почти не бываетъ маневра, который не подавалъ бы повода къ спорамъ, и очень часто побѣждаетъ въ концѣ концовъ не тотъ, кто лучше понимаетъ дѣло, а у кого языкъ лучше повѣшенъ. Не трудно понять, что давать награды за такой предметъ занятій, значило бы открыть ши-

рокія ворота произволу и созданію дутыхъ репутацій, вродѣ, напр., Макка и ему подобныхъ. Въ прошлую войну, послѣ одного совѣщанія, „маленькій мирный герой“ забраковалъ одного корпуснаго командира словами: и этакихъ назначаютъ корпусными командирами. Сей послѣдній былъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, роль коего въ ту кампанію извѣстна, да и кавказская работа тоже. Перваго не назову,—миръ праху его; замѣчу только, что дѣятельностью своею онъ Европу не удивилъ.

Итакъ въ военное время слѣдуетъ награждать людей за приносимую пользу, сопряженную притомъ съ возможностью гибели; въ мирное время риска погибнуть собственно нѣтъ, но польза остается и за нее награждать слѣдуетъ. Кто же ее приноситъ? Приноситъ всякій воспитывающій и образующій солдата; но и подобные люди заслуживаютъ награды не за одинъ какой-либо отдѣлъ образованія, а непременно за ихъ совокупность. Командиръ роты, учебной или охотничьей команды заслуживаетъ награды только тогда, если у него въ полномъ порядкѣ:

1) внутренняя служба,
2) гарнизонная служба,
3) ударъ штыкомъ,
4) стрѣльба,
5) ходьба,
6) маневрированіе и вообще полевая служба.

Гимнастика предметъ вспомогательный и сюда не включается.

То же самое въ конницѣ, артиллеріи и сапе-

рахъ съ измѣненіями, соотвѣтствующими ихъ спеціальности.

Даже за отдѣлы, подлежащіе точной оцѣнкѣ (напр., стрѣльба), наградъ давать не слѣдуетъ, ибо можно отлично стрѣлять и по остальнымъ частямъ не быть никуда годнымъ.

Награды за мирно-маневренное искусство не имѣли бы смысла еще и потому, что у самаго лучшаго мирнаго маневриста душа можетъ уходить въ пятки подъ пулями и гранатами. Мирное совершенство еще ничего не доказываетъ, пока человѣкъ не испытаетъ себя въ бою. Можно быть и умнымъ, и характернымъ, и въ то же время не выносить запаха пороха, вродѣ, напримѣръ, Аракчеева.

Принявъ это въ расчетъ, можетъ быть и г. N. Dmitrieff признаетъ, что называть мирно - маневренныхъ искусниковъ героями, хотя бы и маленькими, едва-ли соотвѣтственно. Геройство вообще не русское понятіе, оно предполагаетъ позу, рисовку, что совершенно не въ духѣ русской натуры, принимающей ихъ за бахвальство, шарлатанство. При томъ же геройство требуетъ, какъ необходимаго условія, риска собою даже до смерти; а какой же рискъ на маневрахъ? Напрасно онъ сѣтуетъ на то, что даютъ награды такъ называемой табуретной конницѣ, т. е. штабнымъ: вѣдь они приносятъ несомнѣнную пользу, не то что маневренный искусникъ; вѣдь за хорошимъ штабнымъ часть спокойно спитъ, ибо увѣрена, что всѣ распоряженія получитъ во время, безъ суеты и безтолковщины.

Въ заключеніе позволю себѣ небольшой совѣтъ: чѣмъ ходить за указаніями ажъ на Дальній Востокъ.

проще и удобнѣе обратиться къ столбцамъ „Русскаго Инвалида“ и проштудировать внимательно статьи г. Строевого. Изъ нихъ уважемый авторъ узнаетъ, что условности въ мирныхъ занятіяхъ неизбѣжны, узнаетъ и то, какъ и насколько ихъ можно парализовать; и что во всей системѣ воспитанія и образованія войскъ можно придумать много новыхъ пустяковъ, но новые дѣльные пріемы придумать трудно.

Восьмая дюжина.

Япономанія нашихъ отечественныхъ подхалимовъ. — Г. Полтавскому почитателю.—Веденіе журнала по методу Локке. — Хитрости японцевъ. (Письмо В. А. Березовскому).—Исполнительность и точность японцевъ. — Жокейство.—Огнепоклонникъ обидѣлся. — а) Тоже.—б) Тоже.—в) Тоже.—г) Тоже.—„Пуля дура, штыкъ молодецъ“. Открытое письмо В. Хабалова М. Драгомирову. Отвѣтъ М. Драгомирова.

I.

Япономанія нашихъ отечественныхъ подхалимовъ. Одинъ изъ офицеровъ 10-го малороссійскаго полка, возмущенный поклепомъ на полкъ за панибратство, будто бы проявленное гг. офицерами въ ихъ сношеніяхъ съ японскими плѣнными, спрашиваетъ меня: допустимо ли, чтобы подобные извѣты неизвѣстнаго писаки появлялись въ печати, да вдобавокъ попадали бы даже въ официальный органъ. На этотъ вопросъ долженъ начать мой отвѣтъ вопросомъ же: можетъ ли мой почтенный корреспондентъ пору-

читься за то, что между офицерами того гарнизона ни одинъ такого упрека не заслужилъ? Если не можетъ, то остается только молчать, ибо „на зеркало неча пенять, коли рожа крива“; если же можетъ, то это дѣло официальнаго опроверженія клеветы, которое, на основаніи законовъ о печати, газета, распустившая клевету, обязана напечатать. Общее правило литературной, да и всякой, порядочности гласитъ, что если я обвиняю кого-нибудь въ неблаговидномъ поступкѣ, то я долженъ доказать истину своего обвиненія, а не обвиняемый — доказывать свою невиновность; но со времени появленія японцевъ въ предѣлахъ Россіи наши компатріоты проявили по отношенію къ нимъ столько холопства, что обвиненіе въ ономъ, можетъ быть и неправильное, принимается на вѣру совершенно легко. Къ несчастью, это явленіе не новое: издавна, если не ошибаюсь, чуть ли не съ татарскаго ига, скачекъ отъ заносчивости къ раболѣпству, и наоборотъ, составляетъ не послѣднюю черту нашего характера, а особенно въ сношеніяхъ съ иностранцами. Можетъ быть углубленію этой черты способствовало приниженное положеніе передъ иностранцами, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ необходимой реформы Петра.

Къ этому примѣшивается еще и прирожденное намъ тщеславіе, побуждающее насъ отличиться передъ иностранцами тѣмъ, что „мы тоже цивилизованные“.

Нужно сказать, что приниженное кокетничанье съ японцами не представляетъ ничего новаго: въ эпоху Крымской войны наши сограждане и въ осо-

бенности согражданки точно также возились съ французами, англичанами, турками. Въ эпоху Турецкой войны 1877 г. — съ турками. И, сколько помнится, если это коробило тогда единицы, то массъ нисколько не возмущало, отчасти вѣроятно и потому, что это все же были, такъ сказать, свои, т. е. европейцы, да и нахальства такого отъ нихъ никто не видѣлъ. Японецъ для насъ есть нѣчто совершенно иное: тутъ и древняя культура, благодаря которой японецъ смотритъ сверху внизъ на всякаго европейца, а на насъ въ особенности; тутъ и расовая разница; тутъ и исключительность національная и самомнѣніе; да наконецъ отъ безпрерывныхъ удачъ, причину коихъ онъ конечно видитъ въ одномъ себѣ, японецъ настолько онаглѣлъ, что и въ плѣну чувствуетъ себя побѣдителемъ, и всякія неумѣстныя нѣжности, расточаемыя ему разными отечественными подхалюзниками, онъ принимаетъ не за одолженіе, а за должное.

Нужно помнить и то, что любезничанье съ ними на одной желѣзнодорожной станціи перешло всѣ предѣлы самоуваженія: не пускать своихъ офицеровъ въ зало, приготовленное для обѣда японцевъ... „Добро пожаловать, господа японцы! вы не думайте, что мы дикари; даже совсѣмъ наоборотъ: у насъ, какъ у васъ—культура новѣйшаго фасона, послѣдняго цвѣта и запаха! Милости просимъ къ столу, не обезсудьте, удостойте! Провизія вся первый сортъ, шампанское — настоящее французское, снизойдите пригубить. Мнѣ ли не знать кухни! я вѣдь тотъ самый инженеръ, про котораго покойный г. Щедринъ написалъ, что у него отъ обжорства на

брюхѣ штаны лопнули. Что вы смотрите въ окошко? Это гуляютъ тамъ свои; грубый народъ-съ! Таковскіе, подождутъ; да и не поить же ихъ настоящимъ шампанскимъ... Одного у насъ нѣтъ: вашихъ несравненныхъ муссме и гейшъ. Но дамочки есть: нѣтъ у нихъ конечно того искусства, за то усердія хоть отбавляй; готовы на всѣ услуги".

Хоръ дамочекъ: „Душки-японцы, приходите къ намъ; мы до васъ большія охотницы".—У, паскуды, сказалъ бы мужикъ...

У насъ обѣдъ готовъ
Для званныхъ и незванныхъ
Особенно изъ иностранныхъ...

Вотъ все это и вызвало негодованіе разныхъ газетчиковъ противъ явленія не новаго и давно извѣстнаго.

Г. полтавскому почитателю. То, что вы приглашаете меня написать, давно написано во всѣхъ курсахъ теоріи военнаго искусства, и дѣло вовсе не въ томъ, чтобы это писать, не знаю въ который сотый разъ, но въ томъ, чтобы имъ пользоваться на практикѣ. Да и дожили мы до того времени, что стоитъ перепечатать нѣкоторыя страницы этой теоріи, чтобы навлечь на себя обвиненіе въ злостныхъ намекахъ, зависти и даже въ измѣнѣ. Вы напрасно обвиняете академическую науку; вѣдь въ ней всѣми буквами, да и многое другое напечатано: „кто обходитъ тотъ самъ обойденъ"; „всякому маневру отвѣчаетъ свой контръ-маневръ, если только минута не упущена". Это формулы покойнаго Г. А. Леера, всѣмъ извѣстныя и повторенія коихъ вы теперь желаете отъ меня.

Вы ссылаетесь на примѣръ Наполеона; неужели вы думаете, что этотъ примѣръ неизвѣстенъ тамъ, гдѣ вы желали бы, чтобы имъ руководствовались?

Одно дѣло—знать и совершенно другое—умѣть, желать и быть въ состояніи примѣнить знаніе къ дѣлу. Можно умѣть и не желать; можно желать и не умѣть; можно и желать, и умѣть, но не быть въ состояніи.

III.

Лучшій способъ вести журналъ такъ, чтобы вписывать въ одну тетрадь замѣчанія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и, не взирая на безпорядокъ, имѣть возможность прочесть все, что было написано о какомъ-либо одномъ предметѣ.

Всякій, кто дѣлаетъ выписки изъ прочитываемыхъ книгъ или записываетъ то, что съ нимъ случается или что ему приходитъ въ голову, безъ труда пойметъ, до какой степени такая система удобна. Благодаря ей, можно совершенно легко подбирать, что вы записали объ одномъ и томъ же предметѣ хоть за десятки лѣтъ и въ десяткахъ тетрадей.

Заключается эта система въ слѣдующемъ.

Тетрадь, назначенную для записей, разграфляютъ какъ показано на чертежѣ А. Само собою разумѣется, что такіе же точно бланки могутъ быть и напечатаны.

Для поясненія привожу нѣсколько примѣровъ на чертежѣ А. Записалъ я, положимъ, въ Петербургѣ въ 1861 году, 5 февраля, „credo quia absur-

dum“ Тертуліана, подъ № 500. Въ первой графѣ и въ другихъ пишу какъ показано на черт. А. Въ графѣ номеръ порядка я написалъ 500, предполагая что до того записей было 499. Въ послѣдней графѣ я написалъ № 231, а подъ этимъ номеромъ 807 въ предположеніи, что я подъ этимъ номеромъ тоже писалъ о Тертуліанѣ выше и, впослѣдствіи, ниже № 500.

ЧЕРТЕЖЪ *А.*

Время, мѣсто и содержаніе.		№ порядка.	№№ сосѣдніе.
1861, 5 февр., С.-Пб. Тертуліанъ.	Credo quia absurdum, т. е., вѣрую потому, что нелѣпо. Затѣмъ разсужденія по этому поводу.	500	231 / 807
1874, 6 ноября, Кишиневъ. Прессъ для сѣна.	Записывается, что нужно о прессѣ.	501	0 / 670
1874, 7 ноября. Тамъ же. Наполеонъ.	Первый ясно выразилъ, что на войнѣ нужно всегда начинать съ рѣшенія залачи за непріятеля. То же дѣлаютъ и талантливые адвокаты, начинающіе соображеніе защитительной рѣчи съ того, что имъ могутъ возразить. А Демосѳенъ, говорятъ, даже начиналъ свои рѣчи съ возраженій себѣ.	502	20 / 689
1875. 2 Янв. Одесса. Вилларъ.	On ne périt que par la défeusive.	594	9

Слѣдующіе за Тертуліаномъ примѣры понять не трудно.

Полагаю, что изъ приведенныхъ примѣровъ достаточно ясно: 1) что записи можно дѣлать безъ всякой системы и связи, которыя получаются, благодаря простановкѣ номера порядка и сосѣднихъ съ нимъ номеровъ верхняго и нижняго. Благодаря такой нумераціи, какъ уже сказано, получается полная возможность прослѣдить что вы объ данномъ предметѣ писали, хотя бы многіе десятки лѣтъ и въ десяткахъ тетрадей. Изъ чертежа А видно, если вы объ извѣстномъ предметѣ пишете въ 1-й разъ, то верхній сосѣдній номеръ будетъ О. Изъ того же чертежа видно, что въ рубрикѣ „Вилларъ“ сосѣдній верхній № проставленъ, а нижняго нѣтъ, такъ какъ ниже о Виллардѣ еще ничего писано не было.

Все это прекрасно, и номеръ порядка соблюсти не трудно, а какъ же быть съ сосѣдними номерами или правильнѣе, съ ближайшимъ верхнимъ: какъ его найти? Для этого служитъ самый простой алфавитъ, въ который вписываются всѣ номера. Такъ, напримѣръ, подъ буквой Т напишется Тертуліанъ и противъ него номера: 231, 500, 807. Подъ буквою П — прессованіе сѣна 501, 670. Подъ буквою Н — Наполеонъ 20, 502, 689.

Возьмемъ такой случай. Вы о прессованіи не писали десять лѣтъ и даже не помните, писали ли когда-нибудь объ этомъ. Алфавитъ даетъ всѣ номера съ того перваго, подъ которымъ вы о прессованіи писали, слѣдовательно благодаря этому связь возстановляется во всѣхъ тетрадяхъ, сколько бы ихъ ни было.

Алфавитъ составляется или самый простой и

общеизвѣстный, или же съ прибавкою къ начальной буквѣ ближайшей къ ней. Въ послѣднемъ случаѣ алфавитные листки дѣлаются отдѣльно на гласныя и отдѣльно на согласныя буквы, какъ видно изъ чертежей Б и В.

ЧЕРТЕЖЪ *Б*, первая страница.

б		з	
в		к	
г		л	
д		м	
ж		н	

ЧЕРТЕЖЪ *Б*, вторая страница.

п		х	
р		ц	
с		ч	
т		ш	
ф ѳ		щ	

ЧЕРТЕЖЪ *В.*

Т			
а		у	
е ѣ э	ртуліанъ 231, 500, 807.	ы	
і и		ю	
о		я	

Примѣчаніе. Наверху страницы пишется начальная буквы, т. е. на листкахъ Б гласныя, на листкахъ В—согласныя.

Увѣренъ, что люди, поставленные въ необходимость дѣлать частыя выписки и по разнороднымъ предметамъ, будутъ благодарны за эту систему. Она не нова и придумана еще извѣстнымъ англійскимъ психологомъ Локке; но, сколько кажется, у насъ совсѣмъ неизвѣстна. Опасаясь, чтобы она не умерла вмѣстѣ со мною, отдаю ее въ общую извѣстность. Во время профессорства она помогла мнѣ много. Потомъ я ее оставилъ, но иногда какъ горько объ этомъ жалѣлъ! Записи я велъ, но благодаря тому, что бросилъ объясненную нумерацію, иногда приходилъ въ отчаяніе, не нападая на понадобившуюся запись. Эта система до такой степени полезна, что мнѣ кажется, должна бы быть извѣстна даже всякому школьнику. Правда, она можетъ показаться копотною; но это дѣло привычки: дать себѣ трудъ

проставить три номера, не такой уже великій трудъ, если цѣною его покупается столь незамѣнимое удобство оріентировки въ тысячахъ записей. Многіе изъ пріятелей удивлялись моей памяти: безъ такого вѣрнаго помощника, ея одной было бы мало [1]).

IV.

Хитрости японцевъ (письмо В. А. Березовскому). Дорогой Владиміръ Антоновичъ, выдержку изъ „Восточн. Обозр.“, помѣщенную въ № 10277 „Нов. Время“, замѣтилъ; но не хотѣлъ писать по ея поводу потому, что можетъ быть это и выдумка: на войнѣ, вѣдь, такъ необузданно брешутъ; да еще и

[1]) Впослѣдствіи М. И. Драгомировъ далъ слѣдующее разъясненіе о системѣ Локке. Одинъ изъ читателей „Развѣдчика“ меня спрашиваетъ: „При пользованіи системою записей, напечатанной вами въ „Развѣдчикѣ“, встрѣчаются недоразумѣнія, которыя я прошу разъяснить. Какъ, напримѣръ, записать такія слова: крѣпостной, стрѣльба, аудиторія, уединеніе и іезуиты и другія. На первыхъ двухъ и подобныхъ имъ, начинающихся съ нѣсколькихъ согласныхъ, алфавитъ не подходитъ. Въ немъ сразу за согласной должна слѣдовать гласная. Для слѣдующихъ же начинающихся нѣсколькими гласными, нельзя пользоваться алфавитомъ, такъ какъ въ немъ за первою гласною должна быть согласная. Какъ быть? Можетъ быть алфавитъ полезнѣе измѣнить такъ, что ставить на верху страницъ по очереди всѣ буквы азбуки, а съ боку ставить не однѣ гласныя или согласныя, а также весь алфавитъ? Но тогда листки алфавита займутъ большую тетрадь, и во многихъ сочетаніяхъ буквъ никогда не встрѣтится надобности. Будьте добры посовѣтовать, какимъ образомъ лучше выйти изъ этихъ затрудненій“.

Алфавитъ нуженъ для личнаго удобства, слѣдовательно, каждый устраиваетъ его по личному вкусу. Я, напримѣръ, слово крѣпостной занесъ бы подъ букву К и въ клѣтку Ѣ вписалъ рѣпостной, соображаясь съ ближайшей гласной. А аудиторія попала бы у меня подъ букву А и удиторія попала въ клѣтку Д, соображаясь съ ближайшей согласной. Вѣдь алфавитъ для насъ, а не мы для алфавита. Добиваться въ немъ какого-то идеальнаго совершенства не цѣлесообразно.

потому, что она производитъ удручающее впечатлѣніе не хитростью японцевъ, а нашимъ отношеніемъ къ службѣ, которое, повидимому, не поразило ни г. Простого, спеціальности коего не знаю, ни даже офицера генеральнаго штаба, сообщившаго ему фактъ. Но, удовлетворяя вашему желанію, скажу, что хитрость японца давно извѣстна и практиковалась часто. „Восточн. Обозр.“ повѣствуетъ:

Подъѣзжаетъ напримѣръ къ нашей заставѣ офицеръ, и на чисто русскомъ языкѣ кричитъ: „Пошлите, пожалуйста, двѣ роты, наши засѣли въ деревнѣ, японцы сильно тѣснятъ“.

Прежде всего печально довѣріе, съ которымъ принимается подобное извѣстіе. Во-первыхъ, форма и языкъ наши, но морда желтая и глаза косые; во-вторыхъ, въ какой деревнѣ? Вѣдь на заставѣ должны были знать, есть ли наши впереди или нѣтъ, въ третьихъ, получая отъ незнакомаго какое-нибудь приказаніе — а извѣстіе, вызывающее о необходимости высылки войскъ, равносильно приказанію,— прежде всего нужно потребовать, отъ кого приказаніе идетъ, а незнакомаго пригласить поближе, да и задержать, а если вздумаетъ броситься на утекъ, то и подстрѣлить—тогда подобными глупостями японцамъ и въ голову не придетъ заниматься.

И добро бы это была какая-нибудь новость — ничуть не бывало, еще съ 1812 года, а можетъ быть и раньше въ нашихъ уставахъ о полевой службѣ настойчиво повторялось, что „принимающій приказаніе долженъ знать, отъ кого его получилъ; оправданіе невѣдѣніемъ, отъ кого получено приказаніе, въ извиненіе не пріемлется“. Этого мало, съ

1871 года, то есть послѣ франко-прусской войны, я, грѣшный, печаталъ это не знаю сколько разъ, практиковалъ, когда командовалъ дивизіей, подсылая на маневрахъ ординарцевъ съ фальшивыми донесеніями, введено это наконецъ въ послѣднемъ уставѣ о полевой службѣ и вотъ плоды... мы не только лѣнивы и не любопытны, да къ несчастью и читать привыкли не задерживая прочитаннаго, а такъ чтобы въ одно ухо пустить, а въ другое выпустить.

Позволяю себѣ обратиться ко всѣмъ начальникамъ родной арміи: нашелся ли между ними хоть одинъ, давшій себѣ трудъ распорядиться, чтобы вышеуказанный законъ былъ извѣстенъ всѣмъ чинамъ его части до послѣдняго рядового? Съ горестью думаю, что нѣтъ, но если нашелся и о томъ заявитъ, всенародно готовъ ему поклониться въ ноги и признать свою ошибку. И добро бы не было нравоученій. Они были и одно изъ нихъ страшное! Начну съ перваго, которое должно бы было быть въ памяти у всѣхъ, если бы не наши несчастныя привычки читать чуть не для одного процесса чтенія. Оно должно быть извѣстно всѣмъ знакомымъ съ исторіей войны 1812 года. Въ первый день боя въ Смоленскѣ, подскакиваетъ къ Раевскому адъютантъ съ донесеніемъ, что французы находятся у моста, то есть въ тылу у русскихъ. Сдѣлавъ это донесеніе, адъютантъ исчезъ, Раевскій послалъ своего адъютанта провѣрить это донесеніе и оказалось, что у моста никакихъ французовъ и близко не было. Что этотъ случай не имѣлъ дурныхъ послѣдствій, ничего удивительнаго нѣтъ, ибо войска и началь-

ники были обдержаны, до первыхъ это донесеніе конечно и не дошло, а вторыхъ хитро было вскользнуть штукою какого-то прохвоста. Но все же замѣчательно то, что сей послѣдній исчезъ и никому въ голову не пришло его задержать. Второй случай.

Дѣло было въ 30 году въ Польшѣ. Полкъ, утомленный походомъ, шелъ на ночлегъ по лѣсной дорогѣ.

Сзади раздался крикъ: направо и налѣво раздайся, люди раздались; въ интервалъ скачутъ на батальонной дистанціи другъ отъ друга три адъютанта въ русской формѣ и, поравнявшись со знаменами, выхватили ихъ у знаменщиковъ и скрылись въ лѣсу.

Полкъ былъ посланъ заработать новыя знамена на Кавказъ. Сколько они заваловъ взяли, сколько одолѣли ауловъ и иныхъ горныхъ позицій, счетъ потерянъ; но по преданію извѣстно, что они уложили четыре комплекта, пока были признаны достойными получить новыя знамена.

Подобные случаи, начиная съ серьезныхъ и кончая шутовскимъ японскимъ водевилемъ съ переодѣваніями, находитъ свое объясненіе въ томъ, что мы пріучаемъ, да и должны пріучать, солдата къ безусловному повиновенію; но это только половина дѣла, другая половина безусловно требуетъ, чтобы онъ умѣлъ не только повиноваться, но и сопротивляться, и зналъ кому. Пріемъ для этого тотъ же самый, что для воспитанія часового и который выражается поговоркой маршала Бюжо „Un soldat averti en vaut deux“ или, Суворовскій „за ученаго двухъ неученыхъ даютъ“.

А то, возьмутъ Михрютку отъ сохи, поставятъ на постъ, издали ему офицеръ прокричитъ приказаніе, да и былъ таковъ; а Михрютка съ великимъ усердіемъ, чуть не высунувши языкъ, бѣжитъ на заставу, а оттуда, тоже не провѣривъ ни съ какой стороны приказаніе пришло, ни отъ кого получено, посылаютъ за двумя ротами въ сторожевой резервъ, начальникъ коего предобродушно командируетъ къ японской засадѣ и главное никому не въ домекъ, что это поголовное идіотское довѣріе есть большая вина, если не преступленіе. Вѣдь всякій знаетъ, чему подвергается часовой, который бы подобнымъ довѣріемъ отличился, а сами что же дѣлаютъ? Самое большое эта исторія кончилась тѣмъ, что первому, принявшему сообщеніе японца, сказали дурака. А чѣмъ онъ виноватъ, да и одинъ ли онъ дуракомъ тутъ оказался? Вѣдь онъ даже и не опросилъ японца, не спросилъ у него пропуска, вѣдь онъ даже не зналъ, что не имѣетъ права съ посторонними разговаривать, или получать отъ нихъ какія-либо сообщенія, вѣдь онъ его въ лицо не могъ знать, одна форма ничего не значитъ, а если онъ этого ничего не зналъ, то его значитъ этому не учили. Невольно вспоминается какъ въ одномъ разсказѣ г. Бѣжецкаго нашъ часовой стоитъ, помнится, на берегу рѣки; въ темнотѣ черкесъ подошедшій къ другому берегу кричитъ: сальдять, гдѣ ти? Солдатъ отвѣчаетъ: здѣсь! Выстрѣлъ и часовой валится.

Un soldat averti en vaut deux.

Во всей этой исторіи, если она только дѣйствительно была, достойна примѣчанія не столько хитрость японцевъ, сколько то, что по свидѣтельству

г. Простого разсказъ о ней принадлежитъ офицеру генеральнаго штаба, который былъ пораженъ ею гораздо больше, нежели нашимъ незнаніемъ службы. Неужели ему казалось, что съ нашей стороны все было сдѣлано какъ слѣдуетъ, а только шельма-японецъ ужъ очень хитеръ? Великій и Всемилосердный Господи! Долготерпѣливъ Ты и многомилостивъ не по грѣхамъ нашимъ!

Съ глубокимъ сожалѣніемъ слышалъ также, что великая заповѣдь Суворова „всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“, далеко не исполняется такъ, какъ оно желательно. Вѣдь не знать куда и зачѣмъ я иду, кто вправо, кто влѣво, кто спереди и кто позади меня, право, совсѣмъ не хорошо: тутъ и хитрости японцевъ не нужно, чтобы заняться иногда взаимнымъ разстрѣливаніемъ; дѣло и безъ нихъ обойдется...

Про необходимость повторенія приказаній, я ужъ и не говорю, чего добраго наткнешься чуть не каждый разъ на: „Что ты, дуракъ, меня передразниваешь, что ли? Что я оглохъ, что ли?“

Не знаю и того, назначаютъ ли себѣ командиры двѣ, три очереди замѣстителей на случай, если выбудутъ изъ строя. И того не знаю, практикуется ли пріемъ рѣшенія задачи за противника, въ случаѣ ожиданія столкновенія съ нимъ. Господи, буде милостивъ намъ грѣшнымъ!

V.

Японецъ вовсе не страшенъ намъ своею отчаянною храбростью, этимъ насъ не удивишь; страшенъ онъ своею проклятою точностью, которая поражаетъ

во всякомъ его рисункѣ, во всякой грошевой коробочкѣ, это вѣдь не одна ремесленная точность, а и точность всѣхъ психологическихъ актовъ. Перспективы онъ не знаетъ, но съ какой удивительной законченностью вырисуетъ или вышьетъ самомалѣйшее пятнышко или перышко, на которое Европеецъ не обратилъ бы и вниманія. Я увѣренъ, что онъ также точно задерживаетъ и прочитанное.

Развращенные бюрократіей, которая иногда выпускаетъ новое положеніе въ то время, когда старое не только не успѣли изучить, но даже съ толкомъ прочесть, мы читаемъ все черезъ пятое въ десятое; японцы, не испорченные чуть не тысячами томовъ положеній, читаютъ очень внимательно, различаютъ важное отъ неважнаго, первое зажимаютъ крѣпко и примѣняютъ послѣдовательно, а второе отбрасываютъ. Вѣдь какими они явились толковыми учениками нѣмцевъ! И маневрируютъ, и охваты предпринимаютъ, а вѣдь тому не повѣрили, что огнемъ можно отбить всякую атаку. Опасный врагъ, именно потому, что въ головѣ у него большой порядокъ.

18-го октября 1904 года.

VI.

Еще о жокействѣ. Въ № 141-мъ Московскаго журнала „Коннозаводство и Спортъ“ Борисъ П. Лопатинъ полемизируетъ въ одно и то же время съ М. Драгомировымъ и съ ген. Драгомировымъ; недоумѣваю, зачѣмъ ему понадобился послѣдній, когда онъ въ неофиціальной печати ни разу не появлялся. Я не имѣю чести знать ни личности, ни спеціальности Бориса П. Лопатина; если онъ штатскій и

для него законы приличій печати не писаны, то и Богъ съ нимъ; если же онъ военный и имѣетъ понятіе о субординаціи, то долженъ знать, что съ М. Драгомировымъ онъ можетъ сколько угодно полемизировать, но съ генераломъ не имѣетъ права. Во всякомъ случаѣ думаю: первое, что служебнаго каваллерійскаго дѣла онъ не понимаетъ, второе,— что прежде чѣмъ полемизировать, нужно научиться читать по печатному, то есть читать то что дѣйствительно написано, а не то, что ему желательно для его полемики. Вотъ этому доказательства: я подвергалъ рѣзкой критикѣ не этику кавалеристовъ, какъ онъ сочиняетъ, а тѣхъ, которые посягаютъ на эту этику, поощряя молодыхъ офицеровъ къ жокейству, т. е. отбивая ихъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей. Можетъ быть и г. Борисъ П. Лопатинъ пойметъ, что это не одно и то же. Необходимо учиться читать по печатному прежде чѣмъ удовлетворять свой полемическій зудъ.

Противъ кровныхъ и полукровныхъ лошадей я нигдѣ и никогда не писалъ ни слова; если же г. Борису П. Лопатину это кто-нибудь сказалъ. то уполномочиваю его, Лопатина, сказать этому господину, что онъ солгалъ. На чистокровныхъ, правда, я не ѣздилъ, но изъ шести служившихъ подо мною лошадей, одна была Лимаревскаго, двѣ Ново-Александровскаго, одна Стрѣлецкаго, одна Тракенскаго заводовъ и одинъ Карабахъ. Первыя пять были съ аттестатами, слѣдовательно, вѣроятно были полукровки; а послѣдній былъ уступленъ мною офицеру въ л.-гв. Уланскій полкъ; значитъ, вѣроятно, былъ хорошъ, если на немъ не стыдно было ѣздить въ гвардіи передъ строемъ.

Изъ сего г. Борисъ П. Лопатинъ догадаться можетъ, что противъ конскихъ кровей я никогда не вооружался и, распространяясь объ этомъ, онъ споритъ самъ съ собой, а вовсе не со мной. Взявъ это въ соображеніе, онъ можетъ быть пойметъ, что ссылка его на М. Д. Скобелева, А. П. Струкова и на другихъ ничего не доказываетъ ни за, ни противъ меня; но чтобы все было по правдѣ, не мѣшало бы ему замѣтить, что упомянутые два генерала шли вѣдь не одни, а вели за собой сотни, а можетъ быть и тысячи всадниковъ на совсѣмъ скромныхъ лошадяхъ, и когда ихъ кровныя несли на своей спинѣ однѣ ихъ легкія персоны, тѣ обыкновенныя несли на себѣ, кромѣ людей, и все ихъ хозяйство, какъ собственное, такъ и приставшее иногда по дорогѣ. Нужно ли говорить о громадной разницѣ въ кормѣ и уходѣ кровныхъ и некровныхъ лошадей, а равно и о томъ, что какъ тѣ, такъ и другія одинаково дошли до Санъ-Стефано.

Г. Борисъ П. Лопатинъ говоритъ, будто я отмѣчаю искусственныя препятствія какъ безполезныя; гдѣ онъ это нашелъ, недоумѣваю, такъ какъ я говорилъ не объ этомъ, а о состояніи духа человѣка, когда онъ натыкается на препятствіе неожиданное, или когда онъ знаетъ объ этомъ заблаговременно. Чтобы полемизировать, нужно прежде научиться читать и понимать прочитанное.

Всѣ остальныя разсужденія въ томъ же родѣ, вплоть до вылавливанья въ арміи, считающей лошадей десятками тысячъ, какихъ-то 10-ти кровныхъ. Что г. Борисъ П. Лопатинъ хотѣлъ ими доказать, это его тайна. Мы и не остановимся на прочихъ раз-

сужденіяхъ, носящихъ тотъ же характеръ недостаточнаго умѣнья читать по печатному и связать логически хоть бы два предложенія. И пока г. Борисъ П. Лопатинъ этимъ двумъ искусствамъ не обучится, я собесѣдованія съ нимъ считаю безполезными.

На прощаніе замѣчу ему, что заработокъ игрой есть таковой же промысловой заработокъ, когда игра перестаетъ быть времяпровожденіемъ и обращается въ спеціальность. Не говорю уже о томъ, что человѣкъ великій мастеръ изобрѣтать самыя благовидныя объясненія своимъ скрытымъ побужденіямъ, иногда вовсе неблаговиднымъ. Оправдывала же одна кокотка свою жадность къ деньгамъ тѣмъ, что разоряя своихъ обожателей, она мститъ человѣчеству за совращеніе ея съ пути добродѣтели. Да и недавняя дамочка, жаждущая заняться съ японцемъ русскимъ языкомъ, объяснила свое желаніе не любопытствомъ или духовнымъ распутствомъ отъ скуки и бездѣлья, а христіанскимъ побужденіемъ помочь ближнему въ несчастіи.

Но споръ нашъ съ г. Агафоновымъ и съ его новоявленнымъ приспѣшникомъ интересуетъ не насъ однихъ, а и многихъ другихъ изъ кавалеристовъ. Для нихъ я и пишу, что слѣдуетъ дальше. Эти кавалеристы думаютъ о своемъ дѣлѣ, преданы ему, скорбятъ о сбиваніи съ толку молодежи и понимаютъ, что моя единственная цѣль предостеречь молодежь отъ жокейскаго разврата, что акаѳисты конскимъ кровямъ сюда не относятся и вовсе меня не интересуютъ; и что если мои опоненты этимъ занимаются, то, я думаю потому, что они за лошадью не видятъ человѣка.

Въ чемъ собственно вопросъ? Онъ очень простъ и именно: можно ли быть хорошимъ кавалерійскимъ офицеромъ и жокеемъ въ одно и то же время? Принимая въ соображеніе сложность кавалерійской службы и объемъ занятій, ею требуемыхъ въ теченіе цѣлаго года, приходится отвѣтить отрицательно. Можно быть или кавалеристомъ или жокеемъ, но совмѣстить эти спеціальности нельзя. И это мнѣніе серіозныхъ, опытныхъ кавалеристовъ, а не мое апріорное, какъ показалось г. Б. П. Л-ну.

Заключеніе: кого тянетъ въ жокейство, пусть съ Богомъ туда и отправляется; а носить личину офицера и не исполнять его обязанности порядочному человѣку неприлично.

Двумъ господамъ служить нельзя, ибо гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.

„Позвольте, это не вѣрно; полковникъ N страстный спортсменъ, но это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ кавалеристомъ“.—Спортсменство, во-первыхъ, не есть профессіональное жокейство, во-вторыхъ, исключенія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило, въ третьихъ, рѣчь идетъ не о единичномъ, а о среднемъ человѣкѣ.

„Это еще что за звѣрь? Какой такой средній человѣкъ?“.

А это такой звѣрь, по которому только и можно здраво судить о такихъ громадныхъ массахъ, какъ конница большой арміи, и дѣлать по немъ общіе выводы. По частному же случаю дѣлать общіе выводы, здравая логика не допускаетъ.

„По какому частному случаю?“

Да вашъ полковникъ N и есть именно частный случай; ибо какъ я уже сказалъ г-ну Агафонову, если бы люди, ему подобные, водились бы не то что сотнями, а хоть десятками, то, разумѣется, никто бы и не подозрѣвалъ бы о ихъ существованіи.

„Средній человѣкъ, частный случай, общій выводъ, законы логики, все это какой-то педантизмъ, и даже, можно сказать, рабство передъ правилами, которыя чортъ знаетъ кто насочинялъ. У всякаго свой царь въ головѣ; помоему нужно разсуждать такъ, какъ мнѣ кажется лучше“.

Оттого и выходитъ, что когда подобныя разсужденія выведешь на чистую воду, т. е. покажешь, чего они стоятъ, или правильнѣе не стоятъ, разсуждающій, какъ ему кажется лучше, обижается, жалуется на рѣзкость.

Въ заключеніе нѣсколько словъ pro domo sua. Не разъ упрекали меня въ рѣзкости писанья; это не рѣзкость, а желаніе написать такъ, чтобы для меня не было отступленія. По натурѣ я человѣкъ робкій и уклончивый и безъ выше объясненной предосторожности могъ бы начать писать по типу „нельзя не сознаться, но долженъ признаться“, указанному еще безсмертнымъ Щедринымъ. Вотъ это опасеніе и побуждаетъ меня писать совсѣмъ прямо, говорить, какъ учитъ апостолъ Павелъ, разверстыми, а не сомкнутыми устами. Огорчаются еще моей ироніей, которая инымъ кажется даже жестокою; не говоря уже о томъ, что „смѣяться право не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно“, необходимо принимать въ разсчетъ и слѣдующее соображеніе: тѣ, напримѣръ, которые, бывъ увлечены жокействомъ,

считаютъ его дѣломъ невиннымъ, останавливаются на ближайшихъ послѣдствіяхъ увлеченія, а я иду до окончательныхъ. Они разсуждаютъ такъ: велика важность, что офицеръ въ молодости увлечется скачками и проваландается на нихъ три, четыре года; станетъ постарше, остепенится и выйдетъ хорошимъ офицеромъ. Я же разсуждаю иначе: офицеръ, проболтавшійся на ипподромахъ три, четыре года, едва ли окажется годнымъ для полка, а вѣрнѣе возьметъ дорогу въ ипподромщики, въ тотошники, а кому не посчастливится, угодитъ и въ жучки. По моему это зло настолько великое, что въ сравненіи съ нимъ самая жестокая ирония есть не болѣе, какъ невинное воркованье. Какъ представится мнѣ молодой офицеръ, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, черезъ 10 или 15 лѣтъ, околачивающимся у тотализатора въ охотѣ за гривенниками и пятіалтынными фабричныхъ, обираемыми на пари, сердце такъ защемитъ, что если бы слово убивало, право, кажется, не задумался бы.

Не скрою и того, что ирония однимъ нравится, другимъ не нравится!—и на всѣхъ не угодишь.

VII.

Огнепоклонникъ обидѣлся. Большинство людей, пускаясь въ разсужденія, ищетъ не столько правды, сколько оправданія своихъ пристрастій, предразсудковъ, маній, фантазій. Да не только ищутъ оправданія, а еще обижаются правдой, хотя бы лично ихъ она и не касалась. При этомъ въ ходъ пускается все: завѣдомо-ложное освѣщеніе

фактовъ, извращеніе фактовъ, извращеніе смысла чужихъ словъ, прилыганія и тому подобныя фокусы. О логикѣ уже и не говорю: такъ какъ подобные аргументаторы обыкновенно въ ней бываютъ не сильны, то достается ей здорово, и по недомыслію, да и по лукавству. Имъ ничего не стоитъ изъ частнаго случая сдѣлать общій выводъ, принять за доказанное то, что еще нужно доказать, причину принять за слѣдствіе, и наоборотъ отнести явленіе не къ тѣмъ причинамъ, которыя его вызвали, однимъ словомъ,

Ходитъ птичка весело̀
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій.

Въ № 194 „Русск. Инв.“ господинъ Г. Л. помѣстилъ въ высшей степени сдержанную, чтобы не сказать робкую, замѣтку, что въ бою безъ штыка обойтись нельзя, основывая главнѣйше свое заключеніе на эпизодахъ боя подъ Ляояномъ, подтвердившихъ рѣзко и опредѣленно эту вѣковѣчную истину, столь ненавистную огне и шкуролюбамъ.

Со стороны г. Г. Л. это была великая продерзость: какъ! разные балалайкины, съ самаго театра войны, напѣвали, до какой степени глупо ходить въ штыки туда, откуда стрѣляютъ; нашелся даже „мрачный офицеръ“, изрекшій, что было большой ошибкой не похоронить штыкъ еще до крымской войны, а г. Г. Л.—на, поди!—смѣетъ разсказывать что штыкъ нуженъ; хоть кого взорветъ! Этого такъ оставить было нельзя.

И вотъ въ № 208 „Русск. Инв.“ разразилась

казнь надъ г. Г. Л.; даже умѣренность тона его замѣтки не спасла его отъ столь же сердитаго, сколь и пустопорожняго возраженія; говорю пустопорожняго, ибо въ немъ задору много, а логики нѣтъ; да не одного задору, а и вздору.

Разумѣю статью А. Н. Р. „Мысли огнепоклонника“, которую по содержанію правильнѣе было бы назвать „Недомысліями огнепоклонника“. Впрочемъ пусть судитъ самъ читатель. Если мы и приняли на себя неблагодарный трудъ „развернуть скобки“ этихъ недомыслій, то, во-первыхъ, потому, что между ними попадаются и словеса лукавствія; а во-вторыхъ, потому, что и недомыслія, и лукавствія вистуютъ въ руку самосохраненія, разговоры о коемъ всегда легче находятъ доступъ въ сознаніе большинства читателей, нежели противоположные имъ разговоры о самоотверженіи.

А. Н. Р. начинаетъ такъ:

„Г. Л. выступилъ въ защиту штыка, на основаніи яко бы! [1]) текущей войны [2]), которая, болѣе чѣмъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя, подчеркиваетъ значеніе огня и уже выдвинула чуть не на первый планъ представительницу его артиллерію“.

Во-первыхъ, изъ того, что послѣдняя война подчеркиваетъ значеніе огня, еще не слѣдуетъ, чтобы она не подчеркивала и многаго другого; но это вѣрно не по логикѣ А. Н. Р., а по человѣческой, которая для него не обязательна. По его же логикѣ

---

[1]) Курсивъ и восклицаніе мои.

[2]) Развѣ она этихъ указаній не дала? А если дала, то какой смыслъ имѣетъ ваше яко бы?

въ фактѣ можно видѣть только-то, что ему, А. Н. Р., нравится, а на остальное не смѣть ссылаться.

Во вторыхъ, еще Наполеонъ сказалъ: l'artillerie est la reine des batailles (т. е. артиллерія есть царица битвъ); сказалъ тогда, когда не было ни нарѣза, ни заряжанія съ казны, ни унитарнаго патрона, и артиллерія дальше 600 саженъ не стрѣляла. Слѣдовательно, при меньшей невинности А. Н. Р. въ военной исторіи, онъ догадался бы, что его новость далеко не такъ уже нова.

Но послѣ этой старой новости случилась недавно болѣе новая: г-жа Изъединова въ „Русск. Инв.“ сообщила изъ Трансвааля мнѣніе пруссака Альбрехта, что въ сравненіи съ ружейной стрѣльбой артиллерійская не много стоитъ [1]).

Нужно сказать, что Альбрехтъ понимаетъ неизмѣримо больше въ огнѣ, нежели А. Н. Р., и самъ при томъ артиллеристъ. Какъ же такъ? У одного царица, а у другого чуть не хуже судомойки? Да очень просто: дѣло мастера боится, т. е. заключается не въ оружіи, а въ человѣкѣ. Альбрехтъ былъ со стороны буровъ, которые изъ ружей стрѣляютъ отлично, и противъ англичанъ, которые изъ пушекъ стрѣляли скверно.

Вотъ и вся разгадка.

Говорю это конечно не для огнепоклонниковъ, а для людей, которые и внѣ своей спеціальности способны не только слушать, но и слышать, не только читать, но и понимать прочитанное.

Изъ приведеннаго начала статьи А. Н. Р. можно

---

[1]) См. «Развѣдчикъ» № 682.

подумать, что г. Г. Л. утверждаетъ, будто не нужно ни пули, ни гранаты, а все сдѣлаетъ одинъ штыкъ— ничего подобнаго! Какъ человѣкъ логическій, онъ только не разбрасывается, а ставитъ разбираемый вопросъ въ рамки и нисколько не отрицая значеніе огня, что ниже признаетъ и самъ А. Н. Р., приходитъ только къ заключенію, что безъ штыка тоже обойтись нельзя, и не затрогиваетъ ни словомъ огне- и шкуролюбовъ.

Но особенно забавно „яко-бы“ А. Н. Р. Что же по вашему, свалки у Ляояна, да и въ другихъ мѣстахъ миѳъ и не доказываютъ значенія штыка? Вѣдь подпустивъ ваше пустяковое „яко бы“, вы должны были доказать, почему эти указанія для васъ не убѣдительны; а вмѣсто этого вы бросаетесь въ сторону и толкуете о выдвинутомъ кампаніей значеніи огня? Да развѣ г. Г. Л. хоть однимъ словомъ обмолвился противъ этого значенія? И потомъ сопоставлять штыкъ съ артиллеріей!

Вѣдь по логикѣ сопоставляются или однородные или одноклассные предметы, какъ штыкъ и пуля— одноклассные, хотя разнородные; разноклассные и однородные какъ ружье и пушка; но сопоставлять разноклассные и разнородные, какъ пушка и штыкъ, значитъ уподобиться тому школяру, который дѣлилъ исторію на древнюю, среднюю и русскую.

Далѣе А. Н. Р. тужится ослабить значеніе Ляоянскаго аргумента тѣмъ, что онъ не доказываетъ исключительной силы штыка. Ахъ, зачѣмъ онъ тужится? Вѣдь объ исключительной силѣ штыка никто и не думалъ говорить. Вѣдь такіе пріемы называются передержкой и въ порядочной полемикѣ

недопустимы. Господа, подобные А. Н. Р., привыкнувъ къ однобокимъ разсужденіямъ, никакъ не могутъ взять въ толкъ, что въ сложныхъ явленіяхъ всегда бываетъ не одна, а нѣсколько сторонъ; и когда имъ указываютъ на сторону, ими опущенную, имъ кажется, что это отрицаніе со стороны, почему либо ими облюбованной. Для нихъ другого разсужденія нѣтъ, какъ: „или то или другое"; между тѣмъ какъ здравая логика требуетъ, чтобы было и то, и другое, и даже десятое, если оно въ предметѣ изслѣдованія есть.

Но тутъ не только однобокое недомысліе, а и лукавство: въ предлежащемъ случаѣ огнепоконники, за разными увертками и околичнословіями, скрываютъ обожаемую ими нелѣпость, будто безъ штыка можно обойтись; и когда имъ указываютъ на факты, ихъ нелѣпость опровергающіе, они подымаютъ вой: „такъ по вашему огонь ничего не значитъ?" Нѣтъ, милые межеумки, значитъ, но не онъ одинъ значитъ. И, совершая такимъ образомъ нелѣпость новую, заставляютъ какъ это ни скучно, повторять то, что имъ твердятъ еще съ Суворова, а именно:

1) что штыкъ и пуля не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга;

2) что пуля прокладываетъ дорогу штыку;

3) что огонь есть средство только подготовительное, а штыкъ—только рѣшительное. Бываютъ. конечно, исключенія: при жидкомъ противникѣ можно обойтись безъ штыка; при неожиданномъ, особенно ночномъ нападеніи, можно обойтись безъ огня; но исключенія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило;

4) что глупо бросаться въ штыки, не обработавъ противника огнемъ до возможно близкихъ разстояній; но подло, полагаясь на огонь, дать тылъ, если огонь не остановитъ противника;

5) что штыкъ есть представитель воли, нравственной энергіи, самоотверженія, упорства, прямолинейности, обязанности, альтруизма, коллективизма (товарищества), священнаго безумія, стремящаго человѣка на смерть, кровожадности, слѣпоты; огонь представитель ума, самосохраненія, прозорливости, осторожности, колебанія, вилянія, индивидуализма, права, эгоизма, трусости;

6) что воображать, будто когда-нибудь придетъ время упраздненія холоднаго оружія—то же самое что воображать, будто придетъ время, когда человѣку не нужно будетъ ни воли, ни самоотверженія, ни нравственной энергіи, и будетъ онъ свободенъ отъ всякихъ обязанностей [1]);

7) огнелюбы ждутъ побѣды отъ какого-нибудь фокуса или отъ случая; огнештыколюбы понимаютъ, что побѣда берется, а не дается; что для нея нужно жертвовать собой, ибо губитъ только тотъ, кто не боится погибнуть; что, рѣшившись, нужно идти на встрѣчу безвѣстному будущему, отбрасывая всякую мысль о послѣдствіяхъ. Можно ли поручиться за побѣду? Никогда—она была и навсегда останется въ рукахъ Божіихъ; но можно и должно имѣть право со спокойною совѣстью сказать, что все было сдѣлано, дабы сподобиться побѣды.

---

[1]) Или, какъ говоритъ мой пріятель Н. Г. Ст—л—товъ, что придетъ время, когда всемеромъ одну соломинку поднимать будемъ.

Сказанное въ пунктахъ 5-мъ и 6-мъ вызоветъ, можетъ быть, у иныхъ улыбку недовѣрія, а то и смѣшливость; это насъ не огорчитъ, ибо пишемъ только для людей, которые уже додумались до пониманія неразрывной связи, существующей между внутреннимъ міромъ человѣка и внѣшней его дѣятельностью.

VIII.

Но А. Н. Р. чувствовалъ, что Ляоянскій примѣръ не удобенъ, даже и при подтасовочныхъ, въ родѣ „якобы“ и „исключительное“ значеніе штыка; и тогда, вспомнивъ о нашей ротѣ, окруженной японцами и пробившейся на штыкахъ, онъ задаетъ притворно-наивный вопросъ: что имъ надо было дѣлать: „не стрѣлять же въ упоръ, когда въ рукахъ былъ штыкъ, по своей быстротѣ (?) и простотѣ дѣйствій не имѣющій себѣ равнаго?“ Они сдѣлали то, чему ихъ учили, т. е. пробились на штыкахъ. Но если-бы ихъ учили, что „огнемъ можно отбить всякую атаку“, они сдались бы въ плѣнъ, ибо щеголяли бы съ отомкнутыми штыками и въ такую минуту навѣрное о нихъ бы забыли.

Вы говорите, что въ такихъ случаяхъ самый ярый огнепоклонникъ схватился бы за штыкъ: вы говорите нелѣпость, потому что человѣческой психологіи не понимаете. Вы этого не сказали бы при сколько-нибудь вдумчивомъ отношеніи къ тому, что сами пишете, именно, что японцы иногда забывали примыкать штыки, когда это было нужно.

Вы до такой степени младенецъ въ психологіи, что думаете, будто дерутся на смерть, когда чувство самосохраненія получаетъ преобладающее зна-

ченіе: тогда сдаются въ плѣнъ или предаются позорному бѣгству, а не дерутся на смерть; на смертный бой стремитъ человѣка одно самоотверженіе, лежащее въ основаніи штыковаго воспитанія у насъ, клинковаго у японцевъ, и ничто другое.

И сколько тутъ недостойнаго вилянія передъ очевидностью! Проговорившись ненарокомъ о значеніи штыка, авторъ тутъ же усиливается утащить лѣвой рукой то, что далъ правой. У него, изволите видѣть, даже трусость располагаетъ къ храбрости.

Далѣе, что ни слово то вздоръ: „моменты штыковыхъ свалокъ встрѣчаются все рѣже и рѣже“, вѣщаетъ А. Н. Р. Ему вѣроятно неизвѣстно, что и прежде онѣ не часто случались; и что происходитъ это не отъ усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, а отъ причины чисто духовной: рѣдко встрѣчаются противники, равно способные сойтись на штыкъ. При большемъ знакомствѣ съ тактикой онъ бы зналъ, что и при гладкомъ оружіи свалки штыковыя были рѣдки; и что большею частью рѣшительно выраженнаго стремленія сойтись на штыкъ достаточно, чтобы непріятель далъ тылъ. Интересующіеся могутъ найти это между прочимъ у прусскаго тактика Грейсгейма, писавшаго тогда, когда и рѣчи не было ни о нарѣзѣ, ни о скорозарядности.

Но перлъ изъ перловъ, даже въ статьѣ А. Н. Р., столь ими богатой, представляетъ характеристика разницы между настоящимъ и прошедшимъ, заключающаяся по его мнѣнію въ томъ, что „прежняя отвага цѣликомъ была основана на силѣ духа бойцовъ, теперешняя, напротивъ, на превосходствѣ

техники, а слѣдовательно представляетъ менѣе русскаго *) въ достиженіи однѣхъ и тѣхъ же цѣлей".

Вотъ такъ открытіе! Если по извѣстному выраженію, человѣку даръ слова данъ для того, чтобы скрывать свои мысли, то даръ разсуждать очевидно данъ на то, чтобы человѣкъ могъ извергать горчайшія нелѣпости.

Во-первыхъ, техническое совершенство оружія теперь почти всегда бываетъ болѣе или менѣе одинаково, при войнѣ между арміями цивилизованныхъ народовъ, и на вѣсахъ боевыхъ столкновеній, какъ вездѣ и всегда, равныя за равныя сокращаются и перевѣшиваетъ только то, что равнымъ никогда не бываетъ, т. е. доблесть, упорство, внутренняя сплоченность, искусство; затѣмъ общечеловѣческія духовныя свойства, какъ патріотизмъ, религіозный фанатизмъ и проч. все это данныя настолько преобладающія, что и при менѣе совершенной техникѣ, нежели у врага, даютъ побѣду. Да оно и понятно: вѣдь бьетъ человѣкъ, а не оружіе; поневолѣ приходится это повторять какъ оно ни скучно. Въ своемъ смиреніи, чтобы не сказать ничтожествѣ, господа, создающіе себѣ изъ техники кумира, приписываютъ ей и то, что принадлежитъ исключительно человѣку. Хоть бы того не забывали, что ружье само не стрѣляетъ, граната сама не лопается, да и сочинилъ ихъ тотъ же человѣкъ, а не падаютъ онѣ откуда-то готовыми.

Во-вторыхъ, по вашему выходитъ, что когда техника достигнетъ высокаго совершенства, то въ

*) Вмѣсто словъ „менѣе русскаго" должно стоять „менѣе риска". Объ этой опечаткѣ см. стр. 340.

дракѣ русскихъ будетъ не только менѣе „русскаго“, но и совсѣмъ его не будетъ. Другими словами, чѣмъ техника будетъ совершеннѣе, тѣмъ человѣкъ будетъ подлѣе и подлѣе? Опомнитесь, что вы говорите! Вѣдь человѣкъ создаетъ технику для усиленія себя, а не для ослабленія. Духовныя силы на аптекарскихъ вѣсахъ не отвѣшиваются; онѣ или есть, и тогда техника имъ въ помощь, или ихъ нѣтъ, и тогда никакая техника ихъ не въ состояніи замѣнить. Скрыть свое ничтожество за техникой!—Тщетная надежда... Да вы-бы и сами это увидѣли изъ нынѣшней войны, если бы искали правды, а не оправданія вашихъ маній. Вѣдь и мы, и японцы, деремся такъ, какъ дрались порядочныя войска и при старомъ оружіи, а техника съ обѣихъ сторонъ кажется не отстала. Ужъ гдѣ больше техники какъ на флотѣ? А между тѣмъ наши моряки являютъ „русскаго“ не меньше чѣмъ прежде: рискуютъ, гибнутъ и какъ доблестно гибнутъ...

Спеціалистамъ по высиживанію убійства неповинныхъ мишеней на мирныхъ полигонахъ конечно не понять, что и это явленіе штыковаго порядка: мало ли чего они не понимаютъ... По ихнему и Подгурскій доказалъ только силу огня, выкуривъ японцевъ изъ укрѣпленія ручными гранатами; выкурилъ то онъ ихъ огнемъ, да выкурилъ по штыковому, подойдя на столь безумно-близкую дистанцію, съ коей это можно было сдѣлать. Или можетъ быть онъ сдѣлалъ это „подъ вліяніемъ чувства самосохраненія, получившаго преобладающее зна-ченіе“?!

Въ чемъ же источникъ этого недомыслія? Все въ томъ же самомъ, т. е. въ однобокомъ взглядѣ на предметъ и въ происходящемъ отъ него однобокомъ

разсужденіи. Огнепоклоннику А. Н. Р. представляется только одно: какъ стрѣлокъ пріютился за камешкомъ или брустверкомъ, окруживъ себя нѣсколькими ящиками патроновъ и пострѣливаетъ себѣ въ противника: вотъ и вся война. Если бы оно было такъ, то съ усовершенствованіемъ оружія человѣкъ могъ бы безнаказанно становиться не только жиже и дряблѣе, но ему даже и ногъ не нужно бы было. Но дѣло стоитъ совсѣмъ не такъ; А. Н. Р. нужно было припомнить только одно: что обороняться всегда нельзя, а нужно еще и наступать, и онъ получилъ бы выводъ совсѣмъ иной. Какъ онъ полагаетъ, когда нужно болѣе доблести: тогда ли, когда человѣкъ, для сближенія съ противникомъ, долженъ былъ пройти подъ выстрѣлами версту, или, какъ теперь, не менѣе трехъ верстъ? И тогда онъ сразу бы уразумѣлъ, что болѣе совершенное оружіе требуетъ и болѣе совершеннаго человѣка. И съ такимъ запасомъ свѣдѣній и логики вы беретесь разсуждать о подобныхъ вещахъ... Бросьте охоту за ними; на вашемъ ружьѣ нѣтъ прицѣла, при помощи коего вы могли бы ловить на мушку эти вещи.

IX.

А. Н. Р. призвалъ себѣ на помощь Горный Дубнякъ, какъ примѣръ атаки безъ выстрѣла. Лучше бы онъ къ этой помощи не прибѣгалъ, такъ какъ о сознательной атакѣ безъ подготовки огнемъ тамъ и рѣчи не было, а была расплата за мирное обученіе, даже вплоть до попытки на десятки верстъ подавать сигналы орудійными залпами. Это была

поучительная иллюстрація, не болѣе, къ слову маршала Саксонскаго: „не зная дѣлать что нужно, дѣлали то, что умѣли“. О томъ, что укрѣпленіе передъ штурмомъ должно быть обрекогносцировано и обработано огнемъ, никто не подумалъ; равно какъ и о томъ, что безъ приказанія войска не смѣютъ бросаться въ атаку. И потому, попавъ въ сферу выстрѣловъ, они сразу выпали изъ рукъ и полѣзли, какъ кому Богъ на душу положилъ. А стрѣльба была, но такая же, какъ и атака—попадали и въ своихъ. По общераспространенному тогда мнѣнію въ Финляндскомъ и Павловскомъ полкахъ кое-кто былъ перебитъ своими снарядами, въ томъ числѣ командиръ перваго изъ нихъ В. Н. Лавровъ [1]). Въ концѣ концовъ Горный Дубнякъ былъ взятъ „дуромъ“, какъ одинъ раненый солдатикъ объяснилъ въ Кишиневѣ г-ну К—ца, завѣдывающему на вокзалѣ кормленіемъ проѣзжавшихъ раненыхъ.

Дальнѣйшія разсужденія А. Н. Р. въ томъ же родѣ. Все онъ толкается въ открытую дверь, тужась доказать то, чего никто и не отрицаетъ—разумѣю значеніе огня. А если никто не отрицаетъ, то зачѣмъ было подводить вздорную статистику, что штыковыя свалки рѣдки и можно сказать мгновенны, между тѣмъ какъ къ огню прибѣгаютъ при всякой встрѣчѣ и на него уходятъ десятки часовъ? Сколько разъ вамъ прикажете напоминать то обще-

[1]) *Примѣчаніе В. А. Березовскаго.* А я, въ числѣ другихъ раненыхъ и контуженныхъ, былъ контуженъ снарядомъ батареи полковника Гермеса; этимъ же снарядомъ были смертельно ранены флиг.-адъют. полковникъ Руновъ и шт.-кап. Ширманъ.

извѣстное обстоятельство, что и трусы могутъ перестрѣливаться десятки часовъ, а штыкъ даже между храбрыми почти мгновенно рѣшаетъ дѣло? Лукавое ли это суесловіе или безсознательное недомысліе?

„Въ чемъ же дѣло—продолжаетъ авторъ — очевидно въ спорѣ есть какое-то недоразумѣніе“... Недоразумѣнія никакого нѣтъ, а есть поползновеніе огнелюбовъ похоронить штыкъ подъ хламомъ однобокоогневыхъ словоизверженій, да смѣлости сказать это открыто нѣтъ: вотъ вы и виляете. Однобокій нѣмецъ (не говорю о всѣхъ; тамъ далеко не всѣ однобокіе, о нѣтъ!) махнулъ себѣ, что огнемъ можно отбить всякую атаку, ему и горя мало, а вамъ бы и хотѣлось это сказать—ахъ какъ бы хотѣлось! да не смѣете. А недоразумѣнія тутъ никакого, конечно, нѣтъ. Вы усиливаетесь его притянуть за волосы при помощи изобрѣтенной вами маленькой вставочки, что нѣмцы навѣрно не откажутся отъ хожденія въ штыки; но вѣдь это говорите вы, а не они, и такихъ прибавокъ къ чужимъ мнѣніямъ дѣлать не принято въ добросовѣстной полемикѣ.

„Мы же русскіе огнепоклонники, заявляетъ А. Н. Р., никогда не утверждали подобно нѣмцамъ, чтобы можно было начинать и кончать однимъ огнемъ на разстояніи“. А если не утверждали, то еще разъ, какой же смыслъ имѣла ваша статья и что вы ею хотѣли доказать?

Да и не противорѣчитъ ли этому вашему заявленію высказанная вами сладостная надежда, будто техника можетъ замѣнить силу духа? А весь тонъ вашей статьи; а нелѣпая мечта о стрѣльбѣ круглый годъ; а придирчивость ваша за одинъ намекъ г. Г. Л. о значеніи штыка?

По вашему штыкъ молодецъ у того, у кого и пуля не дура; совершенно наоборотъ: какъ все прочее, у васъ и это поставлено ногами вверхъ. Въ бою хорошо стрѣляетъ не тотъ, кого въ мирное время доводили стрѣльбой чуть не до одури, а тотъ кто спокоенъ, и спокоенъ потому, что обрекъ себя на гибель, благодаря штыковому воспитанію.

По вашему необходимо серьезно обучать стрѣльбѣ; а по моему она уже теперь поставлена болѣе серьезно, чѣмъ слѣдуетъ, ибо начинаетъ заѣдать другіе отдѣлы образованія и даже воспитанія, благодаря безполезно большому отпуску патроновъ и существованію отдѣльной инспекціи стрѣльбы.

По вашему не слѣдуетъ бояться увлеченій стрѣльбой; еще бы вы боялись этого увлеченія, когда уже сидите въ немъ по уши! Торбѣеву тоже казалось, что онъ не увлекается, когда душилъ свою несчастную бригаду шагистикой и ружейными пріемами отъ разсвѣта до сумерокъ и ставилъ въ палки цѣлые взводы. Закатать подневольнаго человѣка можно чѣмъ угодно, въ томъ числѣ и стрѣльбой.

У Лафонтена есть чудная басня, какъ скульпторъ, изваявъ Юпитера и охвативъ его взоромъ въ законченномъ видѣ, самъ пришелъ въ благоговѣйный ужасъ и палъ ницъ передъ своимъ же созданіемъ. Современные огнепоклонники ружья не создали и пороху не выдумали, но расплатились передъ ними во весь ростъ; всякій кумиръ требуетъ исключительнаго поклоненія себѣ. Моисей зналъ, что дѣлалъ, объявляя Божіе повелѣніе, не сотвори себѣ кумира.

И потому нахожу, что не бояться увлеченія

какимъ-нибудь частнымъ отдѣломъ не только образованія, но даже и воспитанія, значитъ не понимать психологіи человѣка, значитъ сознательно, или безсознательно, но неминуемо идти въ концѣ концовъ на Торбѣевщину, конечно въ иномъ родѣ.

Увлеченіе строемъ не за горами и его роковое вліяніе на весь складъ военной мысли и быта должно бы быть въ свѣжей памяти у всякаго военнаго, работающаго не одними руками и ногами, а также сердцемъ и головой. Думаю только, что увлеченіе стрѣльбой дало бы плоды можетъ быть и менѣе жестокіе, но болѣе ядовитые, нежели дало увлеченіе строемъ. Манія строя давала забитаго и отупѣлаго, но хоть послушнаго солдата; манія же стрѣльбы дастъ резонера, шкуролюба и лукавца. Утверждая это, конечно, разумѣю средняго человѣка. Это еще пока не видно, но признаки есть; замѣчено не только у насъ, но и въ Германіи, что нѣкоторые одержимые стрѣльбой начальники освобождаютъ изъ карцера завѣдомыхъ негодяевъ, если они хорошіе стрѣлки. Пусть подумаетъ не боящійся увлеченія стрѣльбой А. Н. Р., къ чему это клонитъ. Можетъ быть, и онъ слышалъ, что родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній.

А. Н. Р. желаетъ занятій стрѣльбою круглый годъ; я не знаю его спеціальности, не знаю даже военный ли онъ или штатскій, но съ полнымъ убѣжденіемъ долженъ сказать, что его желаніе совершенно нелѣпо, вѣдь это значило бы запустить всѣ прочіе отдѣлы воспитанія и образованія, довести до безобразныхъ размѣровъ расходы казны на патроны и возобновленіе оружія. Но при подобномъ взглядѣ

на дѣло, это пустяки: гибни все, лишь бы процвѣтала стрѣльба и нужные для нея пустыри.

И онъ совѣтуетъ еще не бояться увлеченія стрѣльбою: чудаки, ей Богу, чудаки.

Печальнѣе всего то, что это не могло бы повести и къ особенному усовершенствованію стрѣльбы; А. Н. Р. разсуждаетъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ во время оно разсуждали костоправы: чѣмъ больше будемъ водить церемоніальнымъ маршемъ, тѣмъ будутъ лучше ходить—разсужденіе очевидно нелѣпое, такъ какъ совершенству во всякомъ практическомъ дѣлѣ есть предѣлъ, котораго не перейдешь. Особенно это вѣрно при нынѣшнихъ срокахъ службы. Огнепоклонники ссылаются часто на буровъ; и я уже не разъ указывалъ на нераціональность этой ссылки, остановлюсь на ней еще разъ.

По свидѣтельству одного нашего офицера, бывшаго въ Трансваалѣ, бурскій отрокъ по достиженіи 7 лѣтъ получалъ карабинъ и 5 патроновъ и отправлялся на охоту за дикой козою столь быстрой, что даже опытные охотники не стрѣляютъ ее иначе, какъ когда она останавливается на мгновеніе, чтобы перепрыгнуть какое-нибудь препятствіе. Если семилѣтнему охотнику удавалось такую козу застрѣлить, то это въ его семьѣ праздновалось торжественно со всѣми родными и знакомыми, и выдержавшій такой искусъ получалъ полную самостоятельность и отправлялся на охоту куда и когда хотѣлъ [1]).

---

[1]) Слышалъ послѣ бурской войны на публичномъ сообщеніи, сдѣланномъ въ штабѣ Петербургскаго округа, инженернымъ офи- милію коего, къ сожалѣнію, забылъ.

Уже изъ этого видно, что сбереженіе потроновъ отъ безсмысленной ихъ траты, становилось просто безсознательной потребностью у буровъ и что они стрѣляли такъ, какъ ни одна регулярная армія никогда не стрѣляла, да и стрѣлять не будетъ.

Буръ носилъ почти столько же смертей, сколько и патроновъ, ибо если и давалъ промахъ, то по причинамъ отъ него независѣвшимъ. Но что психологія его была узко-стрѣлковая, доказывается тѣмъ, что не взирая на страстную любовь къ родинѣ и независимости, при ненависти къ чужеземному игу, онъ дисциплинѣ не подчинился и до конца войны сознать ея необходимости не могъ.

Думаю при томъ, что они стрѣляли отлично на разстоянія непревышающія прямого выстрѣла, а не на всѣ возможныя для ихъ карабиновъ. Я всегда былъ убѣжденъ, что отпускъ патроновъ на годовую практику у насъ не малъ, а великъ; и такъ какъ мѣткая стрѣльба возможна только до 600 — 700 шаговъ, то по моему годового отпуска въ 60 патроновъ совершенно достаточно. Практика на дистанціи болѣе дальнія не ведетъ ни къ чему, а нуженъ только показъ. А затѣмъ, если солдатъ пріученъ ставить прицѣлъ на всѣ дистанціи, напрактикованъ въ прицѣливаніи, въ спускѣ курка и привыкъ къ звуку выстрѣла, то будетъ стрѣлять съ возможною для боя мѣткостью, лишь бы офицеръ опредѣлилъ дистанцію. Стрѣльба на дистанціи, превосходящія прямой нынѣшній выстрѣлъ, настолько подвержена случайностямъ, что мирная практика въ ней едва ли что-нибудь дастъ для стрѣльбы въ бою; а въ мирное время служитъ только для втиранія очковъ

тѣмъ, которые не думаютъ о боѣ. Мнѣ кажется, что сравнительный опытъ результатовъ практики съ 60-ю и со 120-ю патронами былъ бы не лишній.

X.

Издѣваясь надъ формулою „береги патронъ“ А. Н. Р. этимъ показываетъ, что технику огня онъ можетъ быть и знаетъ, но о тактикѣ огня понятія не имѣетъ: формула, возбуждающая его смѣшливость, составляетъ основаніе этой тактики. Можетъ быть оно станетъ ему понятнѣе въ такой редакціи: „стрѣляй только тогда, если есть вѣроятность попасть; а если таковой нѣтъ, то и не стрѣляй“. Вѣдь ружье даетъ только одну точку пораженія, слѣдовательно, необходимымъ условіемъ хорошей стрѣльбы является тщательное прицѣливаніе, не такъ, какъ въ пушкѣ, гдѣ всякій выстрѣлъ даетъ много точекъ пораженія.

Если бы совѣтовалось только одно „береги патронъ“ да еще съ прибавкой имъ присочиненною „во чтобы то ни стало“, тогда говорили бы только „стрѣляй рѣдко“; а такъ какъ „рѣдко“ прибавляется еще да и „мѣтко“, то для всякаго, понимающаго русскій языкъ, ясно, что это и значитъ „стрѣляй, когда можешь попасть“, а не въ расчетѣ на то, что пуля виноватаго найдетъ, какъ стрѣляли турки, да кажется теперь и японцы.

Увлеченный своей маніей А. Н. Р. не видитъ того, что самъ пишетъ и не слышитъ что ему говорятъ.

Что касается до атаки безъ выстрѣла, какъ и съ выстрѣломъ, то это актъ принадлежащій къ

категоріи тѣхъ, о коихъ сказано: „Могій вмѣстити, да вмѣститъ“, и не нашего съ вами ума это дѣло, тѣмъ болѣе, что вы слушаете только самого себя, а не то что вамъ говорится.

Если вы не поняли коротенькаго „рѣдко да мѣтко“, то разсужденія о такомъ сложномъ не только физическомъ, но главное, психическомъ актѣ, какъ штыковая атака, конечно останутся для васъ недосягаемыми, почему на нихъ и не отваживаюсь.

Вы полагаете, что воздержаться отъ дальней стрѣльбы въ цѣляхъ того же „пресловутаго сбереженія патроновъ и въ ущербъ использованія дальнобойности оружія и лучшихъ моментовъ управленія огнемъ“ — не раціонально; я полагаю то же, нужно только условиться въ значеніи словъ „цѣлесообразнаго примѣненія“.

Если вы подъ этимъ разумѣете стрѣльбу по невидимому непріятелю, то это будетъ не цѣлесообразно и стрѣльба выйдетъ — турецкая; но если же вы подъ этимъ разумѣете, что нужно обстрѣливать неосторожно показавшіяся непріятельскія массы, то никакой сберегатель патроновъ перечить вамъ въ этомъ не станетъ.

Легко сказать „озаботиться изобильнымъ и безостановочнымъ снабженіемъ патроновъ“, бумага вѣдь все терпитъ. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь А. Н. Р. видитъ только одну сторону дѣла. При войнѣ почти пассивно оборонительной, то есть при стояніи большею частью на мѣстѣ, какъ было со стороны турокъ въ 1877 году, подвозъ не труденъ, но совсѣмъ другое выходитъ при войнѣ на-

ступательной, или когда коммуникціонная линія протянется на 10 т. верстъ.

XI.

А. Н. Р. заканчиваетъ свои недомыслія отважно но не осторожно. „Вотъ чего желаемъ мы (то есть стрѣльбы круглый годъ) и чего потребовалъ бы Суворовъ, ничего не дѣлавшій по вчерашнему“,

Говорили бы вы про себя, а не навязывали бы великому покойнику вашихъ пустяковъ.

За Суворова вамъ говорить не пристало, безцеремонностью тутъ ничего не возьмешь, а нужно знать и его, и его великое дѣло. Не говоря уже о томъ, что вы Суворова очевидно не понимаете и не изучили, вы даже и того не взяли еще въ толкъ, что самый геніальный и оригинальный человѣкъ, если сдѣлаетъ въ кои вѣки на одну милліардную долю что нибудь не по вчерашнему, такъ и то уже слава Богу. Вы не понимаете, что человѣкъ по своей натурѣ хорошо дѣлаетъ только то, что дѣлаетъ рефлективно, то есть, по вчерашнему. Васъ сбила „острота“ стройся по вчерашнему, но вѣдь она относится не къ исполненію по вчерашнему, а къ человѣку, который, не умѣя отдать соотвѣтственное приказаніе, скомандовалъ стройся по вчерашнему. Немного одумавшись, вы бы поняли, что необходимое условіе совершенства исполненія именно и заключается въ томъ, чтобы исполнять по вчерашнему.

Да вы это можете повѣрить и на самомъ себѣ, если вы военный, то вѣдь вѣроятно, вы учите своихъ людей начинать ходить всегда съ лѣвой ноги,

а не такъ, что сегодня съ лѣвой, завтра съ правой, а послѣзавтра на головахъ, для того чтобы было не по вчерашнему, да и сами вы вѣроятно одѣваете сюртукъ или фракъ постоянно на лицо, съ воротникомъ къ шеѣ, а не на изнанку и не фалдочками въ шеѣ, чтобы было не по вчерашнему.

Обращаюсь къ Суворову. Разъ создавъ свою великую систему воспитанія и образованія, онъ никогда и ничего иначе не дѣлалъ, какъ по вчерашнему.

Да оно и понятно, такъ какъ Суворовъ основалъ свою систему на вѣковѣчныхъ волевыхъ и умовыхъ свойствахъ человѣческой природы, а не на какихъ-либо преходящихъ усовершенствованіяхъ огнестрѣльнаго оружія, на которыхъ, забывая человѣка, такъ любитъ плясать всякая современная мирно-военная мразь.

По вчерашнему озадачивалъ онъ неожиданными вопросами, по вчерашнему училъ сквознымъ атакамъ, по вчерашнему училъ не иначе, какъ противъ видимой цѣли и при томъ только наступленію и никогда отступленію, по вчерашнему училъ не однимъ деннымъ, а и ночнымъ баталіямъ, по вчерашнему училъ штыковымъ ударамъ и цѣльной стрѣльбѣ, которой тогда никто не училъ; по вчерашнему наконецъ требовалъ, чтобы всякій воинъ понималъ свой маневръ.

Ко всему этому въ наше время приходится прибавить только ученье съ боевыми патронами и нѣсколько распространить курсъ стрѣльбы.

Для всякаго способнаго принять въ соображеніе

совокупность всей системы, такая прибавка не покажется слишкомъ значительной.

Изъ сказаннаго читатель можетъ убѣдится на сколько остроумна претензія А. Н. Р. притянуть къ своимъ измышленіямъ авторитетъ Суворова, который ничего не дѣлалъ иначе, какъ по вчерашнему.

Претенціозное и самоувѣренное недомысліе суть конечно дары Божіи, но злоупотреблять ими не годится.

XII.

Пуля дура, штыкъ молодецъ! (Открытое письмо г. М. Драгомирову). Такъ ли это Михаилъ Ивановичъ, и не впадете ли и вы въ однобокую аргументацію, защищая во что бы то ни стало знаменитый Суворовскій афоризмъ въ статьѣ вашей, помѣщенной въ № 721 „Развѣдчика“ за этотъ годъ? Между тѣмъ несостоятельность защищаемаго вами афоризма сказалась въ текущую войну особо ярко. Въ настоящую войну атаки нападающаго неоднократно отражались только огнемъ обороняющаго, бывали и случаи очищенія позицій подъ огнемъ наступающаго.

За японцами и за нашими солдатами вы сами признавали высокія боевыя качества; такъ почему же нелѣпость признавать возможность опрокинуть огнемъ, и только однимъ огнемъ, стойкаго противника? Вышеприведенные примѣры наоборотъ должны были бы привести васъ къ заключенію, что Суворовская заповѣдь, будучи умѣстной и правильной въ то время, когда стрѣляли на

300 шаговъ съ вѣроятностью попасть лишь въ трехъэтажный домъ, въ настоящее время отжила свой вѣкъ и должна быть перефразирована хоть такъ: „штыкъ молодецъ, да и пуля не дура!“ Въ такой редакціи этотъ афоризмъ, не колебля высокаго нравственнаго значенія штыка, отвелъ бы подобающее въ понятіи солдата мѣсто и пулѣ, т. е. вообще „огню“. А учиться стрѣлять намъ нужно еще очень и очень много и ссылка ваша на существованіе у насъ стрѣлковой инспекціи далеко не убѣдительна: мало ли что у насъ существуетъ, да функціонируетъ-то не такъ какъ слѣдуетъ. Вѣдь, ни существующая стрѣлковая инспекція, ни существующая стрѣлковая школа не додумались или не сумѣли настоять на снабженіи всѣхъ дивизій пулеметами, этимъ настоятельно необходимымъ оружіемъ современной войны, не ввели широкаго распространенія въ войскахъ стрѣльбы по площадямъ и закрытымъ цѣлямъ, и лишь настоящая война съ ея тысячами раненыхъ, надо думать, заставитъ повѣрить въ то, что эти виды стрѣльбы не пустая трата казеннаго имущества, а могучее средство борьбы съ противникомъ. Существуетъ у насъ инженерная академія, въ которой читается курсъ артиллеріи, но гг. инженеры такъ плохо знаютъ отдѣлъ морской баллистики, что Лаотешанъ укрѣпленъ не былъ. Существуетъ наконецъ уставное правило ставить артиллерію за скатами, а мы все же лѣземъ на вершины, гдѣ наши батареи сметаются врагомъ въ какихъ-нибудь 20 минутъ. Значитъ, поучиться въ дѣлѣ стрѣльбы намъ еще есть чему и стрѣлковая инспекція съ разными школами

совсѣмъ еще не утѣшеніе. И не есть ли вышеуказанные нами недочеты послѣдствіе штыкопоклонничества, ради котораго мы отказываемся использовать всю силу современнаго огня, боясь разрушить пресловутую дисциплину огня и тѣмъ подорвать дисциплину вообще? А вотъ японцы не побоялись перейти въ огнепоклонники и, тѣмъ не менѣе, сумѣли такъ воспитать войска, что для встрѣчи контръ-атаки выработали особый пріемъ, требующій нравственнаго напряженія: при сближеніи съ контъ-атакующимъ на 150—200 шаговъ они поворачиваютъ, отбѣгаютъ назадъ шаговъ на 200, вновь поворачиваются и встрѣчаютъ противника огнемъ. Что это не „на вербѣ груши“, а дѣйствительно существующій пріемъ, отрицать нельзя: слишкомъ ужъ много на этотъ счетъ имѣется свидѣтельскихъ показаній, между тѣмъ пріемъ этотъ требуетъ несравненно большаго нравственнаго напряженія, чѣмъ ожиданіе атаки противника лицомъ къ нему: бѣгущему всегда кажется, что врагъ слишкомъ близокъ и что надо еще немножко убѣжать. Но японцы сумѣли побѣдить въ своихъ войскахъ это чувство, сумѣли, несмотря на отсутствіе, повидимому, у нихъ дисциплины огня.

Неужели все это не убѣждаетъ васъ въ томъ, что всякому овощу свое время и что встань нынѣ изъ гроба Суворовъ, онъ никогда не повторилъ бы своего афоризма.

Перестаньте же проповѣдывать отжившее, отведите стрѣльбѣ подобающее ей мѣсто и не бойтесь такой равноправностью уронить достоинство штыка, право же, и пуля и штыкъ молодцы.

О томъ же, чтобы ружье на обращалось въ палку за отсутствіемъ патроновъ, пусть заботится служба тыла, которой тоже есть чему поучится у японцевъ.

Выдержки изъ офиціальныхъ донесеній генералъ-адъютанта Куропаткина и генералъ-лейтенантовъ Сахарова и Жилинскаго:

I. Наступающій остановленъ.

17-го мая у ст. Вафангоу: атака казаковъ отражена пулеметами, наступленіе японцевъ остановлено огнемъ батареи (Сообщеніе Главнаго Штаба).

21-го мая наступленіе японцевъ черезъ рѣку Коумендзыхо остановлено мѣткимъ огнемъ коннаго орудія (генералъ-адъютанта Куропаткина).

25-го мая у Саймадзы наступленіе нашего баталіона было остановлено сильнѣйшимъ огнемъ противника (генералъ-адъютанта Куропаткина).

9-го іюня въ дѣлѣ подъ Айянямынемъ двѣ роты стрѣлковъ и спѣшенная сотня подъ руководствомъ штабъ-ротмистра Цедерберга выдержанными залпами обратили въ полное бѣгство наступившій японскій баталіонъ (генералъ-лейтенанта Сахарова).

14-го іюня въ бою у Сяхотана одна казачья и одна горная батареи неоднократно отгоняли непріятельскую пѣхоту (генералъ-адъютанта Куропаткина).

13 го іюня подъ Портъ-Артуромъ три атаки большихъ японскихъ силъ (не менѣе дивизіи) на высоты 131 и 126, а за симъ на высоты Лунвантаня отбиты охотничьими командами (надо думать, что команды не переходили въ контръ-атаки, ибо тогда они растворились бы въ массѣ японскихъ силъ) (генералъ-лейтенанта Жилинскаго).

21-го іюня при развѣдкѣ Уйдалинскаго перевала обходъ японцевъ былъ остановленъ огнемъ нашей конницы (генералъ-лейтенанта Сахарова). Того же числа наступленіе на Тхауванъ отражено огнемъ нашей пѣхоты (генералъ-лейтенанта Сахарова).

4-го іюля попытка генерала Кашталинскаго овладѣть Уфангуанскимъ переваломъ не удалась, въ виду того что, непріятелемъ былъ развитъ весьма сильный ружейный и артиллерійскій огонь и наша атака не могла быть поддержана огнемъ полевой артиллеріи (генералъ-адъютанта Куропаткина).

17-го іюля усиленныя развѣдки японцевъ на восточномъ фронтѣ остановлены огнемъ нашего сторожевого охраненія, лишь на Кангуалинской позиціи поддержаннаго батареей (генералъ-лейтенанта Сахарова).

20-го августа наступленіе дивизіи генералъ-маіора Орлова было разстроено огнемъ японцевъ (генералъ-адъютанта Куропаткина).

II. Обороняющійся сбитъ съ позиціи.

10-го іюня огнемъ нашихъ 4 конно-горныхъ орудій японцы сбиты съ позиціи на Черной горѣ сѣвернѣе Сяньяю (генералъ-лейтенанта Сахарова).

19-го іюня японцы подъ нашимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ очистили занятую ими позицію у Дунлиндзы и отступили къ Сеньючену (генералъ-лейтенанта Сахарова).

22-го іюня подъ Сеньюченомъ огонь нашей батареи сбилъ противника съ позиціи у Эоушачана и обратилъ въ бѣгство (генералъ-лейтенанта Сахарова).

3-го іюля подъ огнемъ 3-хъ пластунскихъ и одной охотничьей командъ японцы не только прекратили наступленіе (силами около баталіона съ конницей), но и очистили ранѣе занятую ими высоту южнѣе Махунцзуйцзы, вторичное наступленіе ихъ болѣе значительными силами вновь отбито огнемъ пластуновъ, при чемъ японцы въ безпорядкѣ разсѣялись (генералъ-адъютанта Куропаткина).

В. Хабаловъ.

Сентября 18 дня 1904 г.
Кр. Владивостокъ.

Пуля дура — штыкъ молодецъ. Штыкомъ одинъ человѣкъ можетъ заколоть двухъ или трехъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ.

(Открытое письмо г. В. Хабалову).

Именно такъ, г. В. Хабаловъ, и въ однобокую

аргументацію я не впадалъ. Я могъ бы и не отвѣчать на ваше открытое письмо, такъ какъ Ляоянъ и Мукденъ отвѣтили вамъ за меня достаточно ясно; но есть въ вашемъ письмѣ нѣкоторые пункты, заслуживающіе разъясненія, хотя вы мнѣ дѣлаете впечатлѣніе человѣка, ищущаго не правды, а оправданія вашихъ фантазій. На эту мысль меня наводитъ то, что вы замѣтили даже „на вербѣ груши“ въ моей статьѣ, а того, что человѣкъ можетъ заколоть штыкомъ двухъ или трехъ, а сотни пуль летятъ на воздухъ, не замѣтили; вѣдь это также вѣрно теперь, какъ было вѣрно и во времена Суворова! Правда, оно показываетъ несостоятельность не афоризма Суворова, а вашего письма... Вотъ вамъ мои разъясненія:

1) Однобокая аргументація будетъ тогда, когда человѣкъ въ сложномъ дѣлѣ видитъ только одну сторону, а другую не можетъ или не хочетъ видѣть; примѣръ: когда человѣкъ говоритъ, что огнемъ можно отбить всякую атаку, онъ даетъ однобокое разсужденіе и тѣмъ совершаетъ нелѣпость ибо это противорѣчитъ фактамъ Такой же образчикъ однобокой аргументаціи даете вы, когда подъ Ляояномъ видите одну дивизію и не видите что дѣлалось въ столькихъ корпусахъ. Прошу васъ отвѣтить: нашли ли вы подобную аргументацію у меня и гдѣ именно? Я вѣдь всегда говорилъ, что пуля и штыкъ не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга.

2) Вы все обижаетесь, что пулю Суворовъ обозвалъ дурой, не замѣчая того, что онъ сказалъ это для русскихъ солдатъ, да еще и того, что это не относится ни къ пулѣ, ни къ ружью, а къ рукамъ

и глазамъ человѣка, которые не въ состояніи стрѣлять такъ, какъ ружье даетъ возможность. И ружье, и пуля страшно умны сами по себѣ, ибо всегда попадали, если были нацѣлены какъ слѣдуетъ. Но бѣда въ томъ, что руки не лафетъ, и потому дуры: и глазъ не дальномѣръ, и потому дуракъ. Вотъ гдѣ дурость, а не въ пулѣ. Чужому солдату онъ это и разъяснилъ, а своему сказалъ такъ, чтобы было короче и нагляднѣе, такъ какъ не все ли равно въ рукахъ ли дурость, или въ пулѣ, когда результатъ одинъ? Разсуждая объ оружіи, нужно всегда различать двѣ стороны, которыхъ ни въ какомъ случаѣ смѣшивать нельзя. Первая сторона теоретическая, то есть изслѣдованіе свойствъ оружія, вторая—употребленіе оружія въ бою.

Въ теоріи я не обинуясь скажу, что пуля дура, дабы предостеречь солдата отъ безсмысленной трескотни; а на практикѣ буду пользоваться огнемъ до сближенія съ противникомъ на то разстояніе, съ котораго нужно идти въ штыки. Точно также, утверждая въ теоріи, что штыкъ молодецъ, я и не подумаю итти на штурмъ раньше, чѣмъ подойду къ противнику, все время обстрѣливая его, шаговъ на 200. Я всегда стоялъ и буду стоять за штыковое воспитаніе не потому, что я ставлю огонь низко, а потому, что морально штыковая работа есть дѣло неизмѣримо болѣе трудное, нежели стрѣльба.

3) Васъ очевидно увлекаетъ сноровка японцевъ, встрѣтивъ атаку огнемъ, отбѣгать и потомъ останавливаться для новой стрѣльбы; неужели вы не понимаете, что это фокусъ, фортель, если хотите стратагема, но—никакъ не образъ дѣйствій, кото-

рый можно бы было возводить въ правило? Вѣдь вы должны же понять, что отбѣгать безконечно нельзя, что такой пріемъ слишкомъ сложенъ и что при малѣйшей случайности иная часть, даже не изъ жидкихъ, можетъ отбѣжать такъ, что ее и не остановишь. Впрочемъ, что мнѣ вамъ разъяснять, когда дѣла подъ Артуромъ, Ляояномъ и Мукденомъ дали самыя убѣдительныя разъясненія: во всѣхъ этихъ мѣстахъ что-то не было слышно объ отбѣганіяхъ. Вообще на войнѣ все сложное — неумѣстно и опасно.

4) Вы спрашиваете: „Такъ почему же нелѣпость признавать возможность опрокинуть огнемъ, и только однимъ огнемъ, стойкаго противника?“ А потому, что если его можно опрокинуть однимъ огнемъ, то онъ **не стойкій** противникъ. У васъ странныя понятія о стойкости.

Изо всего сказаннаго можете убѣдиться, что овощу, именуемую штыкомъ, время не прошло, да и не пройдетъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не одряблѣетъ до степени римлянина эпохи паденія, и что Суворовъ не измѣнилъ бы ни іоты въ сказанномъ сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, такъ какъ основывалъ свои положенія на вѣковѣчныхъ свойствахъ человѣческой природы, а не на какихъ-либо преходящихъ явленіяхъ.

5) Относительно пулеметовъ я съ вами не согласенъ, вводить ихъ въ пѣхоту значитъ по моему безполезно усложнять организацію. Пулеметъ есть автоматическій стрѣлокъ и самостоятельнаго вида пораженія не даетъ. Можно еще помириться съ нимъ въ конницѣ за его подвижность. Но настоя-

щее ихъ мѣсто въ крѣпостяхъ, именно потому, что они занимаютъ сравнительно меньше мѣста, чѣмъ соотвѣтственное число стрѣлковъ. Мечта о безграничномъ снабженіи патронами, конечно, вздоръ, несоображенный со страшнымъ объемомъ тѣхъ потребностей, которымъ должна удовлетворить тыловая работа. Такимъ же вздоромъ считаю ваши мечты о лучшемъ чѣмъ теперь обученіи стрѣльбѣ. Начавъ стрѣлять въ 21 годъ съ тѣмъ, чтобы въ 25 лѣтъ проститься съ винтовкой надолго, если не навсегда, многому не выучишься, особенно для боя.

1905 г.

Девятая дюжина.

Разъясненіе на замѣтку А. Н. Р. — Случай довѣрія на войнѣ. — Святочный разсказъ. — Война и маневры. — Ты и Вы (Отвѣтъ Родному). — Предостереженіе. — Г. Россіянину въ Лубнахъ. — Свобода печати. — Продолженіе. — Вопросъ облегченія снаряженія солдата.—О панцыряхъ.—Еще по поводу обвиненія генерала Гриппенберга въ нарушеніи дисциплины.

I.

Разъясненіе на замѣтку А. Н. Р. въ № 263 „Р. И.“. Что вмѣсто „риска“ очутился въ вашей статьѣ „русскаго“, не виноватъ и я, а догадаться не могъ, что это значило рискъ. Это одна изъ типографскихъ случайностей, повторяющихся по извѣстному закону Кетле, съ неизбѣжною правильностью въ словахъ, представляющихъ созвучіе. Если вмѣсто королева встрѣчается въ печати „корова“, и вмѣсто архипастырское „архитекторское“ благословеніе, то въ предлежащемъ случаѣ заподозривать чью-либо преднамѣренность едва ли можно.

Впрочемъ, это дѣло редакціи, а не мое. Что касается до моей вставки слова „напротивъ“, то читатель можетъ видѣть, что она смысла фразы не измѣнила.

Впрочемъ и возстановивъ фразу, какъ того желаетъ А. Н. Р., увидимъ, что она представится менѣе странною, но не болѣе вѣрною. Вотъ она:

„Прежняя отвага была основана на силѣ духа бойцовъ, теперешняя опирается на превосходство техническаго использованія оружія, а слѣдовательно представляетъ менѣе риска въ достиженіи однѣхъ и тѣхъ же цѣлей".

Во-первыхъ, рискъ возрастаетъ, а не падаетъ, когда оружіе бьетъ дальше и вѣрнѣе, нежели прежде; во-вторыхъ, настоящая война прямо этому противорѣчитъ. Думаю даже, что въ ней и теперь уже можно насчитывать болѣе штыковыхъ свалокъ, чѣмъ въ предыдущія; атака безъ выстрѣла тоже была (Самчевскій).

Не ясно ли, что авторъ съ фактами совершенно не считается и пишетъ, что ему придетъ въ голову, такъ сказать внѣ времени и пространства. Понятно, что и при исправленной редакціи его фразы, мнѣ не только доброй половины, но и ни одного изъ разсужденій выбросить въ моей статьѣ не пришлось бы.

II.

Еще случай добродушнаго довѣрія на войнѣ ко внѣшнему виду противника, котораго по одежѣ приняли за своего. Страшный случай, имѣвшій на этотъ разъ роковымъ послѣдствіемъ гибель цѣлаго артиллерійскаго дивизіона.

Въ № 255 „Русскаго Инв." г. Измайловичъ задается по этому случаю вопросомъ, не слѣдуетъ ли обязать батареи, на которыя отходитъ цѣпь (или

толпа) безъ предварительнаго увѣдомленія, встрѣчать отходящихъ огнемъ?

Конечно слѣдуетъ и вотъ почему: начальникъ, приказывающій батареѣ занять позицію фронтомъ въ извѣстномъ направленіи, уже тѣмъ самымъ показываетъ, что въ томъ направленіи своихъ ожидать нельзя. Ибо въ противномъ случаѣ, какъ, напримѣръ, если тамъ находится нашъ авангардъ, начальникъ обязывается предупредить объ этомъ командира батареи, и даже подчеркнуть, что онъ можетъ открыть огонь только тогда, когда увидитъ, что свои всѣ пришли. Такъ какъ въ томъ дивизіонѣ подобнаго предваренія вѣроятно ни отъ кого́ не получали, то конечно имѣли полное право сѣрымъ шинелямъ не довѣрять. Миръ праху ихъ...

Этотъ трагическій инцидентъ даетъ поводъ къ невеселымъ размышленіялъ. Невольно вспоминается:

Во-первыхъ, всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ; если бы при расположеніи дивизіона на позиціи командиру его было сказано: „цѣль ваша такая-то, впереди нашихъ нѣтъ, вправо отъ васъ расположенъ X, влѣво Y; резервъ находится тамъ-то, въ прикрытіе къ вамъ назначена такая-то часть“; если бы, повторяю, все это было ему сказано, а имъ сообщено дивизіону, то можетъ быть сей послѣдній и не повѣрилъ бы сѣрымъ шинелямъ и единодушаго крика „не стрѣляй, это наши“ не раздалось бы, а раздались бы команды для стрѣльбы.

Во-вторыхъ, совершенно непостижимо, какимъ образомъ японцы очутились вдругъ въ четырехъ стахъ шагахъ отъ батареи, вѣдь не выросли же они

изъ-подъ земли? Неужели они не были видны издали, то-есть на такомъ разстояніи, что цвѣта одежды трудно различимы? Если это было такъ, то почему въ нихъ не начали стрѣлять тогда? Не менѣе поражаетъ и то, что японцы выкинули свой фокусъ съ переодѣваніемъ именно противъ этого дивизіона; значитъ, они знали не только, что дивизіонъ на отлетѣ, но и что слабо прикрытъ? Дошлый народъ гг. японцы...

Въ третьихъ, судя по корреспонденціи „Р. Инв.“, если прикрытіе и было, то несоразмѣрно слабое. Не допускаю мысли, чтобы оно самовольно оставило дивизіонъ, ибо всякій, оставляющій позицію безъ приказанія, такой же преступникъ, какъ и часовой, который самовольно оставляетъ свой постъ. А что прикрытіе было слабое, ясно изъ того, что японцы безпрепятственно не только подступили къ фронту дивизіона, но и охватили его съ фланговъ, и никого не нашлось, чтобы этому помѣшать или хоть отомстить за гибель дивизіона. По нашей организаціи на каждый полкъ полагается двѣ восьми-орудійныя батареи, слѣдовательно на дивизіонъ въ 24 орудія, поставленный притомъ, по всему судя, на отлетѣ, меньше полка назначать въ прикрытіе не слѣдовало бы, какъ мнѣ кажется. Между тѣмъ въ корреспонденціи говорится много о единичныхъ подвигахъ, и только мелькомъ всего объ одной ротѣ.

Могутъ возразить что на войнѣ все бываетъ и что по случайностямъ боя, или инымъ, и наша часть можетъ очутиться передъ батареей, считающей, что передъ нею своихъ нѣтъ: неужели же стрѣлять въ своихъ?

Издали я не могу видѣть свои ли это, или чужіе, слѣдовательно обязанъ стрѣлять.

Вѣдь по первымъ же выстрѣламъ начальникъ части попавшій случайно передъ батарею, догадается прислать мнѣ сказать, что онъ свой—я тогда и перестану стрѣлять. Но и тутъ для вѣрности непремѣнно придержу при себѣ присланнаго ординарца до окончательнаго выясненія обстоятельствъ.

Вообще на войнѣ никакимъ видимостямъ довѣряться нельзя безъ самой доскональной провѣрки, особенно имѣя дѣло съ такимъ противникомъ, какъ вообще азіаты, а тѣмъ болѣе японцы. Да кромѣ того нервное напряженіе на войнѣ такъ сильно, что нѣкоторые люди подвержены даже галлюцинаціи, слѣдовательно провѣрка и поэтому необходима [1]).

Все это можетъ быть такъ, скажутъ иные; но вѣдь нѣсколько человѣкъ своихъ вѣроятно и погибнутъ отъ такой стрѣльбы? Во-первыхъ, въ этой гибели будутъ виноваты не командиръ батареи, а начальникъ части, попавшій въ сферу его дѣйствій и не догадавшійся объ этомъ предупредить, и во-вторыхъ изъ двухъ золъ нужно, кажется, всегда избирать меньшее.

Припоминаю случай изъ кампаніи 1866 года нѣсколько аналогичный этому, гдѣ роль переодѣванія сыграло сходство обмундированія.

---

[1]) Французскій генералъ Гальяръ (Gailiard), бывшій у насъ военнымъ агентомъ, послѣ Франко-Германской войны, во время которой онъ служилъ въ штабѣ маршала Базена, разсказывалъ какъ Базену показалось будто въ день Марсъ-ла-Тура мимо него проскакалъ прусскій гусарскій эскадронъ: никто изъ штаба этого эскадрона не видалъ...

Всѣмъ извѣстно, что вездѣ гдѣ существовали кирасиры, они были одинаково одѣты въ бѣлое и снабжены металлическими касками и кирасами. Послѣ Кенигреца, при наступленіи пруссаковъ къ Пресбургу, прусскій кирасирскій полкъ наткнулся на австрійскія двѣ батареи и съ пѣхотнымъ прикрытіемъ, у Добичау атаковалъ ихъ и взялъ цѣликомъ, не потерявъ ни одного человѣка. Помогло ему такое же точно приказаніе австрійскаго начальника отряда: „не стрѣлять, это наши!“

Припоминаю это въ свидѣтельство того, что спасительное недовѣріе въ Европейской войнѣ тоже не мѣшаетъ.

III.

Святочный разсказъ.

(Посвящается костоправамъ всѣхъ цвѣтовъ и видовъ).

Старческая безсонница, какъ извѣстно, нерѣдко сопровождается кошмарами. Въ нихъ перепутывается все, и времена, и разстоянія. Подобный кошмаръ случился со мною 20 ноября, т. е. наканунѣ праздника Семеновскаго полка, въ которомъ я имѣлъ честь начать службу и которому обязанъ весьма многимъ; думаю, напримѣръ, что если я цѣлую жизнь занимался вопросомъ воспитанія и образованія войскъ, то именно благодаря тому, что началъ службу въ этомъ полку.

И вотъ снится мнѣ, въ ночь съ 19 на 20 ноября, будто я прапорщикъ л.-гв. Семеновскаго полка и иду съ полкомъ въ Костоправный соборъ св. Петра, т. е. въ Михайловскій манежъ; иду не такъ какъ ходятъ теперь, т. е. по улицамъ, съ ко-

торыхъ снѣгъ чуть не вылизанъ, а по какой-то песчано-снѣжной кашицѣ, въ которую нога погружается выше щиколотки,—и не въ куцомъ пальто, а въ долгополой тяжелой шинели, бьющей по ногамъ при каждомъ шагѣ. И вотъ пришли мы въ манежъ, и, послѣ здорованья и обхода, отстояли смирно по счету времени столько, сколько тянется молебствіе, и отъ времени до времени слышались грязные окрики „не кашлять“. А въ ноябрѣ-то кашляющихъ много, а при молебствіи нельзя...

Затѣмъ прошли перемоніальнымъ маршемъ сначала тихимъ, потомъ скорымъ шагомъ, при чемъ, помнится, правофланговые должны были направляться на первую колонну, а гг. офицеры оттягивать лѣвыми руками ножны шашекъ книзу, чтобы портупея сзади отъ спины не отставала. Прошли потомъ и отдѣленіями, причемъ правофланговые должны были направляться уже не на колонну, а кажется на вьюшку печки.

Какъ читатель видитъ, наука была точная, до совершенства разработанная и для боя дающая такія драгоцѣннѣйшія указанія, какихъ, конечно, не найдешь у какого-нибудь Наполеона или у маршала Саксонскаго...

Наконецъ, репетиція кончилась. Снилось мнѣ, что я отпросился по какому-то дѣлу отъ сопровожденія полка въ казармы и, надѣвая калоши и шинель, какъ-то замѣшкался у вѣшалокъ. Вдругъ изъ зимняго Петербургскаго сумрака выюркнула традиціоннаго вида фигура чертенка, съ острою бородкою, съ рожками, на козлиныхъ ножкахъ.

„Имѣю честь рекомендоваться, домовой вашего

дома въ Конотопѣ. Какъ вамъ понравилась репетиція парада послѣ 50-лѣтняго отдыха; небось показалось невкусно?“

— „Тебѣ то что? Должно быть врать не надоѣло. Вѣдь ты знаешь очень хорошо, что теперь гораздо легче: ни тихихъ шаговъ, ни долгополыхъ шинелей и ничего прочаго, а главное, что костоправства того нѣтъ“.

„Ну, на счетъ костоправства, это еще бабушка надвое сказала! Слишкомъ оно дорого тѣмъ, которые любятъ заниматься пустяками, не требующими работы головы, но такими, которые многимъ кажутся серьезнымъ дѣломъ и за которые поощряютъ охотно и щедро. Не такая ужъ это ничтожная вещь, какъ вамъ угодно изображать, если люди въ родѣ Торбѣева не уставали упражняться въ ней отъ разсвѣта до сумерекъ и изводили цѣлые возы палокъ на грѣшниковъ, преступившихъ малѣйшія ея правила. А сколько людей сдѣлало свою карьеру на этихъ, по вашему мнѣнію, пустякахъ!“

— „То было время, теперь другое!“

„Самообольщеніе-съ, ваше в-во, ничего болѣе! пописываете статейки и воображаете, что они на кого-то дѣйствуютъ. Вспомнили-бъ вы старика Дмитріева: „Пишемъ, пишемъ, а ни себѣ ни имъ, ни отъ кого похвалъ нигдѣ не слышимъ“.

— „Оно такъ и не такъ. Многіе одобряютъ и сочувствуютъ, а есть, конечно, и такіе, которые шипятъ и не любятъ, и въ анонимахъ поругиваютъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что костоправство все же отошло въ вѣчность и войска ходятъ

обыкновеннымъ человѣческимъ шагомъ, разумѣется въ ногу, а не маршируютъ".

„Ой такъ ли, М. И? А не соблаговолите ли вы прочесть эти строки изъ листочка, который мнѣ попался здѣсь на улицѣ". И онъ сунулъ мнѣ какой-то гектографированный листокъ и ткнулъ пальцемъ въ слѣдующую фразу: „Уставъ строевой службы пѣшей артиллеріи—пѣшее обученіе—пройденъ съ учителями очень хорошо; только при учебномъ шагѣ надо требовать, чтобы нога поднималась выше, шагъ дѣлался бы полнѣе и чтобы выносъ сзади стоящей ноги дѣлался бы плавно, медленно и безостановочно".

— „Ну, хоть ты и домовой моего дома, но зачѣмъ же лгать такъ неистово и безцеремонно. И добро бы еще про пѣхоту, а то про артиллерію. Вѣдь въ качествѣ чорта ты долженъ знать то, что въ артиллеріи сомкнутый строй вовсе не нуженъ и что если бы артиллеристовъ даже и въ ногу не учили ходить, то въ этомъ большой бѣды не было бы; вѣдь это понимаетъ всякій артиллеристъ сколько-нибудь думающій о своей спеціальности, а ты мнѣ суешь какой-то листокъ и разсказываешь вздоръ, будто приведенная фраза написана въ какомъ-то приказѣ. Тебѣ бы какъ черту слѣдовало знать, что еще въ XVIII столѣтіи, да еще при Фридрихѣ II, при которомъ костоправство процвѣтало такъ, какъ нигдѣ и никогда, генералъ Циттенъ отдалъ такой приказъ: „Вчера, сидя у окна, я видѣлъ проходящій пѣшій такой-то эскадронъ такого-то полка и къ крайнему моему ужасу замѣтилъ, что онъ шелъ въ ногу. Объявляя строгій выговоръ сему (скверное

непечатное слово) командиру эскадрона, предваряю, что если это повторится, то я отниму у него эскадронъ".

— „Вотъ какъ смотрѣли на это даже лучшіе кавалеристы и въ такое еще время! Да притомъ въ конницѣ сомкнутость настолько важна, что на нее до нѣкоторой степени не грѣхъ налегать и въ пѣшемъ строю. Правда, ходьба въ ногу теперь настолько легко дается, что она и въ артиллеріи много времени не отнимаетъ, если довольствоваться обыкновеннымъ человѣческимъ шагомъ, а не прибавлять къ нему балетныхъ усовершенствованій. А ты сочинилъ такой глупый поклепъ, на кого же—на артиллериста. Дуракъ ты, и больше ничего!"

Вдругъ физіономія чорта мгновенно измѣнилась изъ ехидно-заискивающ я въ нагло-саркастическую и онъ воскликнулъ: „Самъ ты старый дуралей! витаешь въ какихъ-то фантазіяхъ собственнаго сочиненія и не хочешь видѣть, что у тебя подъ носомъ".

Тутъ я не выдержалъ, размахнулся для затрещины и проснулся... у себя на кровати. Въ темномъ углу комнаты, при слабомъ свѣтѣ ночника, казалось, исчезала какая-то тѣнь, помахивая листкомъ бумаги.

IV.

Слишкомъ я рѣзко выразился, отвѣчая Mr. N. Dmitrieff'у, что отъ маневровъ никому никакой пользы нѣтъ; и отвѣтъ вышелъ дѣйствительно однобокій, въ чемъ искренно извиняюсь, прежде всего, передъ нимъ, а потомъ и передъ читателями.

Произошло это потому, что какъ только

г. N. Dmitrieff заговорилъ о наградахъ за безкровныя побѣды и о „мирныхъ герояхъ“, то каюсь, я остановѣлъ и забылъ о всемъ прочемъ, что полезнаго даютъ маневры.

Мнѣ сейчасъ такъ и представились маневры, на которыхъ, если у меня два человѣка, а у противника $2^1|_2$, то меня признаютъ побѣжденнымъ и приказываютъ отступать; если я, напримѣръ, атаковалъ батарею, то прикажутъ не только отступленіе, но и бездѣйствіе на 2—3 часа; и тому подобныя мерзости мирно-военной тактики, развращающія мысль, мнѣ припомнились.

И такъ какъ я довольно ознакомленъ съ мирно-маневренными обычаями и съ ихъ распространеніемъ, то и думалъ, что Mr. N. Dmitrieff именно ихъ, а не какіе-либо другіе имѣютъ въ виду. Объ этихъ-то обычаяхъ я и выразился, что они никому никакой пользы не приносятъ и, скажу прямо, выразился не совсѣмъ вѣрно, ибо они кромѣ вреда ничего не приносятъ.

Мнѣ такъ часто кромѣ того на своемъ вѣку приходилось слышать послѣ мирныхъ маневровъ досадный вопросъ, кто побѣдилъ и кто побѣжденъ, такъ часто приходилось стараться увѣрять, что въ мирное время не можетъ быть ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ и съ горечью убѣждаться, что этому просто не вѣрили и въ одно ухо впускали, а въ другое выпускали,—такъ часто, говорю, приходилось все это испытывать, что поневолѣ сформировалось убѣжденіе, будто большинство военныхъ въ мирное время главною цѣлью въ мирныхъ манев-

рахъ ставятъ именно эти безкровныя побѣды, а остальное ихъ чрезвычайно мало заботитъ.

Судя по тому, что главною мыслью статьи г. N. Dmitrieff'a я понялъ желаніе наградъ за маневры, я такъ ему и отвѣчалъ.

Если въ маневрѣ главнымъ дѣломъ считать безкровную побѣду, то еще разъ онъ не только безполезенъ, но и вреденъ, по причинамъ, которыя мною объяснены и въ первой статьѣ и здѣсь, и къ которымъ прибавлю еще, что по укоренившейся привычкѣ видѣть главную цѣль маневра въ этой пошлой безкровной побѣдѣ, самолюбіе большинства ею исключительно заинтересовывается и ни о чемъ иномъ больше и не думаетъ.

Къ этому еще нужно прибавить, что для мнимаго побѣдителя получается не только игрушка самолюбію, а еще и самомнѣніе о военномъ талантѣ, для мнимаго же побѣжденнаго—это оскорбленіе и подрывъ вѣры въ себя. Суворовъ зналъ что дѣлалъ, когда кончалъ маневры сквозными атаками; у него такимъ образомъ оба выходили побѣдителями и даже и рѣчи никогда не было о томъ, чтобы кто-нибудь былъ побѣжденъ или долженъ былъ отступить *).

*) Въ этомъ и разница волевого воспитанія войскъ съ мирновоенными умствованіями, съ точки зрѣнія коихъ въ этой системѣ такъ много нелѣпаго. Вѣдь, дѣйствительно, не нелѣпо ли отрицать при мирныхъ упражненіяхъ хотя бы, напримѣръ, отступленіе? не нелѣпо ли обучать въ мирное время атакамъ насквозь? По первому впечатлѣнію оно и кажется нелѣпо, ибо тутъ боевой картины не выходитъ, но взамѣнъ ея выходитъ. самое то, что для боя нужно, именно: что человѣкъ привыкаетъ смотрѣть на отступленіе какъ на позоръ, за который нужно мстить, а не подчинятся ему такъ, какъ подчиняются отступленію на маневрахъ;—и что человѣкъ привык-

Если г. N. Dmitreiff смотритъ на маневры какъ на средство привитія войскамъ и начальникамъ полезныхъ военныхъ и отчасти боевыхъ привычекъ, а не какъ на случай отличиться безкровными побѣдами, то мы съ нимъ и не расходимся. Замѣчу одно, что его перечень упражненій, коимъ маневры яко бы подаютъ поводъ, не совсѣмъ вѣренъ. Такъ составленіе плана, сосредоточеніе массъ, организація транспортовъ обыкновенно дѣлаются окружными штабами, да и притомъ въ условіяхъ мирнаго времени, т. е. заблаговременно, на короткія разстоянія и начальники отрядовъ въ этомъ никакой практики не имѣютъ. Развѣдки похожи только формой на то какъ онѣ дѣлаются въ военное время; но для настоящей въ нихъ практики не достаетъ главнаго, т. е. опасности, и благодаря этому заба-

шій встрѣчать, напримѣръ, кавалерійскій ураганъ въ одиночку, т. е. въ разомкнутомъ строѣ, и подавно не сконфузится встрѣтить его сомкнувшись вплотную съ товарищами. Довольно много лѣтъ назадъ одинъ русскій генералъ нѣмецко-австрійскаго происхожденія выискалъ сквознымъ атакамъ то объясненіе, что Суворовъ яко бы придумалъ ихъ противъ турецкой конницы; мнѣніе, конечно, ошибочное, такъ какъ, принявъ въ итальянскую кампанію австрійскую армію подъ свою команду, онъ первымъ дѣломъ началъ ее тоже учить сквознымъ атакамъ. Основные принципы своей системы волевого воспитчнія и образованія войскъ онъ никогда и ни откуда иначе не бралъ какъ изъ вѣчныхъ духовныхъ свойствъ человѣческой природы; и результаты извѣстны: онъ имѣлъ полное право сказать:—„Прусскаго короля били а меня не били“, въ ту грустную для него минуту, когда неосмысленное подражаніе Фридриховскому костоправству, косамъ и пудрѣ, столь противное русскому характеру, заполонило нашу армію. Правда, и армія воспитанная по Суворовской системѣ много не сдѣлаетъ, если во главѣ ея нѣтъ силы предержащей, съ глазомѣромъ, быстротой, натискомъ; еще римляне говорили: «лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ».

вляются преимущественно тѣми же безкровными побѣдами: переночевать на чужомъ бивакѣ, прогуляться по чужой позиціи и, вернувшись къ своимъ, получить отъ мало понимающаго начальника: «ахъ какой молодецъ»!

Что касается до поддержанія связи, до отдачи и передачи приказаній и донесеній, то этотъ, дѣйствительно важнѣйшій отдѣлъ и для благосостоянія воинскаго организма, и для успѣха всякаго предпріятія могъ бы быть обращенъ на маневрахъ войскамъ въ самую прочную рутинную привычку, но мы спросимъ г. N. Dmitrieff'a, многихъ ли онъ видѣлъ такихъ, которые на это обращали вниманіе соотвѣтствующее важности предмета? А вѣдь тутъ кровавой важности дѣло не одно содержаніе приказанія или донесенія, а и самый обрядъ, ихъ сопровождающій. Видѣлъ ли онъ когда-нибудь, чтобы требовали повторенія приказанія, записи его? Видѣлъ ли, чтобы привезшаго донесеніе, если онъ не извѣстенъ, опрашивали кто онъ и задерживали бы; многихъ ли видѣлъ начальниковъ отрядовъ, которые бы заботились, чтобы у нихъ «всякій воинъ понималъ свой маневръ»?

Видѣлъ ли, наконецъ, хоть одного старшаго начальника, который бы далъ себѣ трудъ поинтересоваться тѣмъ, какъ назначенный имъ начальникъ отряда раздаетъ роли своимъ подчиненнымъ для маневра? Если г. N.Dmitrieff усматриваетъ пользу маневровъ въ укорененіи въ войскахъ этихъ привычекъ, то, конечно, мы съ нимъ не расходимся; но и онъ вѣрно пойметъ, что во всемъ этомъ ни маленькаго, ни большого героизма нѣтъ, а требуется

только непрерывная и внимательная настойчивость, какъ въ мирной подготовкѣ по любому отдѣлу, и награды она, конечно, заслуживаетъ, но не исключительно, а по совокупности всей мирной работы.

Хотя это прямо къ предмету статьи не относится, но кто вздумаетъ натаскивать перечисленные пріемы только во время маневровъ, тотъ ничего не достигнетъ; а способъ укорененія подобныхъ привычекъ—одинъ: практиковаться въ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ повседневной жизни.

Что касается до практики въ находчивости и въ умѣніи пользоваться боевыми качествами всѣхъ родовъ оружія, то мирное время въ этомъ отношеніи дать много, конечно, не можетъ, ибо находчивость подъ пулями и шрапнелями совсѣмъ другое дѣло и г. N. Dmitrieff вѣроятно согласится со мною, если ему суждено когда-нибудь попасть въ огонь.

Въ заключеніе замѣчу, что его мнѣніе, будто теперешняя война заставитъ, наконецъ, и въ мирное время болѣе заботиться объ ознакомленіи пѣхоты и конницы съ артиллеріей, едва ли оправдается. Если не подѣйствовалъ примѣръ Суворова, если все писавшееся и исполнявшееся иногда по его указаніямъ до сихъ поръ не вызвало себѣ подраженія, то почему онъ полагаетъ, что одна послѣдняя кампанія пробьетъ, наконецъ, эту неодолимую косность, апатію и равнодушіе, обыкновенно налегающія, къ несчастью, на войска съ наступленіемъ мирнаго времени? Кто же не знаетъ, что боевые навыки и требованія противны требованіямъ мирнымъ; а что за ихъ забвеніе въ бою одна рас-

плата—головою; и что это въ мирное время трудно находитъ доступъ въ сознанія?

Все перечисленное, какъ Mr. N. Dmitrieff можетъ видѣть, взято именно изъ прошлаго багажа и ничего изъ опыта нынѣшней кампаніи, не исключая и сознанной имъ необходимости тѣснаго сближенія различныхъ родовъ оружія между собою. Не могу съ нимъ согласиться и въ томъ, будто оказавшіеся собственно неспособными только на маневрахъ, могутъ быть вообще признаваемы негодными. Еще Богъ знаетъ какими они окажутся въ бою; если они по всѣмъ остальнымъ отдѣламъ воспитанія и образованія ведутъ свои части хорошо, то значитъ у нихъ есть характеръ и толкъ и устранять ихъ за одни мирно-маневренные вензеля было бы положительно ошибкой. Тотъ же часто упоминаемый Суворовъ смотрѣлъ на это дѣло такъ: «ктобъ ни былъ, былъ бы дѣятеленъ, наступателенъ и послушенъ».

Что касается до штабныхъ, то можетъ быть лучше было бы Mr. N. Dmitrieff'у, споря со мной, не заводить спора съ самимъ собою, ибо при внимательномъ чтеніи онъ бы замѣтилъ, что я говорю не вообще о штабныхъ, а именно о толковыхъ штабныхъ.

V.

Ты и вы. Съ большимъ удовольствіемъ читаю я въ „Рус. Сл.“ статьи г. Родного; пишетъ онъ обыкновенно симпатично и толково, но на этотъ разъ (въ № 351 „Рус. Сл.“) [1]) онъ взялъ сантименталь-

[1]) См. „Періодич. изданія“ въ этомъ же № „Развѣдчика“.

ную ноту псевдо-гуманизма и, конечно, написалъ много невѣрнаго. Во-первыхъ, г. Скугаревскій прежде всего стоялъ за „вы“ только для вольноопредѣлящихся и ему было тогда возражено, что по духу воинскаго организма такія исключенія недопустимы, чтобы одному солдату говорить «вы», когда рядомъ съ нимъ цѣлымъ сотнямъ говорятъ «ты» и что всякій порядочный и себя уважающій вольноопредѣляющійся былъ бы первый покороблень подобнымъ различіемъ, ибо его собственное самоуваженіе должно располагать его къ тому, чтобы быть настоящимъ солдатомъ на то короткое время, какое онъ таковымъ остается. Можетъ быть г. Скугаревскій стоялъ и за общее распространеніе «вы», но этого я не помню, да и сочувствовать этому не могу;—а почему будетъ объяснено ниже.

Во-вторыхъ, сантиментальное отношеніе къ предмету вовлекло г. Родного въ явную фактическую неточность: мѣстоименіе «ты» вовсе не есть отрыжка крѣпостного права, какъ ему кажется, а исключительно народный и притомъ вполнѣ логическій способъ обращенія къ единичному лицу.

Народный — такъ какъ до Петра Великаго на Руси никто, никому и никогда не говорилъ «вы». Вполнѣ логичный, такъ какъ, имѣя передъ собою единственное лицо, нелѣпо обращаться къ нему во множественномъ числѣ; наше ухо къ этому уже привыкло и только потому такою нелѣпостью никто не поражается.

Но весь нашъ народъ, гдѣ онъ неиспорченъ общеніемъ съ городскимъ пролетаріатомъ или попечительнымъ воздѣйствіемъ земскихъ начальни-

ковъ, получившихъ, благодаря государственной мудрости гр. Д. А. Толстого, завидное право поголовной порки и требованія сниманія имъ шапокъ и величанія ваше в—іе, весь такой народъ, говорю я, говоритъ не только другъ другу «ты», но и всѣмъ начальникамъ, не исключая и высшихъ. Это знаетъ всякій военнослужащій: новобранцы приходящіе изъ захолустья, сплошь и рядомъ всѣмъ начальникамъ говорятъ «ты»; затѣмъ уже вслѣдствіе науки, сначала говорятъ «ты ваше в—іе», и наконецъ, переходятъ на «вы ваше в—іе».

Въ басняхъ Крылова, этомъ высшемъ образцѣ народнаго языка въ нашей литературѣ, сколько помнится, нѣтъ ни одного раза обращенія на «вы» къ одному лицу. Во всѣхъ школахъ, исключая высшихъ, дѣти и юноши не говорятъ у насъ иначе другъ другу какъ «ты». Даже во всѣхъ, такъ называемыхъ интеллигентныхъ семьяхъ, т. е. всецѣло воспріявшихъ реформу Петра, родители и дѣти между собою, за крайне рѣдкими исключеніями, говорятъ другъ другу «ты». Наконецъ, не нужно бы забывать и того, что логическій способъ обращенія удержался у насъ на языкѣ для самыхъ торжественныхъ случаевъ: Богу говоримъ ты, Царю говоримъ ты...

Западно-европейское «вы» насажденія у насъ недавняго и не скажу, чтобы особенно необходимаго; оно введено у насъ подражательно, вмѣстѣ съ реформою Петра, которая была произведена вовсе не черезъ націю, какъ нѣкоторымъ кажется, хотя исторически время для оной и приспѣло.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспом-

нить Лефортовъ, Гордоновъ, Циммермановъ, Вейде, Брюссовъ, Остерманов... Между ближайшими сподвижниками Петра русскихъ было мало: не только большинство народа, но и бояръ осталось въ скрытой, но упорной оппозиціи и въ его реформѣ не народъ, а онъ оторвался отъ народа, изъ подражанія иностранцамъ, ломая въ народныхъ привычкахъ и обычаяхъ многое такое, чего, конечно, можно было и не трогать при менѣе нервно-торопливомъ и болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу. Преслѣдованіе бороды и переходъ отъ «ты» къ «вы» служатъ между прочимъ этому доказательствомъ. Вѣроятно и г. Родному извѣстно, что на первыхъ порахъ ближайшіе сподвижники Петра величали другъ друга: «ты ваше п — во, здравствуй ваше п—во»,—до такой степени это «вы» мало соотвѣтствовало духу языка.

Обращаясь къ иностраннымъ арміямъ, г. Родной черпаетъ въ защиту «вы» именно тотъ аргументъ, который прямо свидѣтельствуетъ противъ насильственнаго введенія этого мѣстоименія у насъ. Вѣдь въ настоящее время всѣ европейскія арміи плоть отъ плоти и кость отъ костей народовъ, ихъ изъ себя выдѣляющихъ. Понятное дѣло, что если «вы» стало въ народѣ всеобщимъ, то отступать отъ него въ арміи не имѣло бы смысла. Армія должна говорить такъ же, какъ говоритъ народъ. У насъ десятки милліоновъ говорятъ другъ другу «ты» и развѣ немногія только сотни тысячъ говорятъ другъ другу «вы»; спрашивается, чья же привычка заслуживаетъ большаго вниманія: десятковъ-ли милліоновъ или сотенъ тысячъ и есть ли хоть какой-

нибудь серьезный резонъ ломать привычку, которая собственно ни дурна, ни хороша, а, такъ сказать, безразлична?

Въ особенности это вѣрно, когда рѣчь идетъ о войскѣ, въ коемъ устойчивость законоположеній, обычаевъ и привычекъ, способствуя его сплоченности и единодушію, имѣетъ громадное значеніе. Не могу не замѣтить мимоходомъ, что такая устойчивость была бы желательна и въ общемъ народномъ строѣ. Если наше войско явило себя доблестнымъ въ послѣднюю Турецкую войну и являетъ себя такимъ же теперь, то это слѣдуетъ приписать именно тому, что къ великимъ реформамъ, въ немъ совершеннымъ 40 лѣтъ тому назадъ, не прикасалась съ тѣхъ поръ никакая невѣжественная, корыстная, ни злонамѣренная лапа. Эти реформы были— изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія, окончательно завершенное на-дняхъ не только для войска, но и для народа, и всеобщая воинская повинность. Всѣмъ извѣстно, что такой устойчивости въ другихъ областяхъ народной жизни далеко не было. Что посѣешь, то и пожнешь. Впрочемъ, это мимоходомъ.

VI.

Возвратимся къ иностраннымъ арміямъ. Свѣдѣнія относительно ихъ у г. Родного тоже не точны; если вѣрно сказанное имъ относительно англійской и французской армій, то о германской этого далеко сказать нельзя; тамъ есть не только «вы» и «ты», но даже «er», т. е. «онъ», что уже прямо имѣетъ цѣлью показать подчиненному не только свое пре-

восходство, но именно пренебрежительное отношеніе къ нему.

Къ сказанному нельзя не прибавить, что англійское «вы», какъ извѣстно, ни малѣйше не способствуетъ объединенію воинскаго организма: тамъ офицерство составляетъ совершенно замкнутую, обособленную отъ нижнихъ чиновъ касту, и собственно дѣлаютъ дѣло не оно, а такъ называемые no comissioned officers (въ родѣ нашихъ заурядъ-офицеровъ).

Во французской арміи «вы» имѣетъ болѣе смысла, такъ какъ тамъ, какъ уже сказано, всѣ говорятъ другъ другу «вы» и офицеръ стоитъ къ солдату почти такъ же близко, какъ и у насъ.

Обращаюсь къ нашему «ты». Всякій посвященный въ наши военные порядки знаетъ, что въ войскѣ оно не крѣпостническое, а именно русское; оно нисколько не служитъ проявленіемъ превосходства старшаго надъ младшимъ и интимности отношеній ни малѣйше не подрываетъ.

Всѣ иностранцы, знакомящіеся близко съ нашимъ воинскимъ бытомъ, зачастую диву даются, до какой степени эта интимность близка и сердечна; они совершенно не могутъ понять, какимъ образомъ происходитъ, что при подобныхъ отношеніяхъ дисциплина такъ крѣпка; въ особенности изумляются этому нѣмцы, но то же или почти то же слышалъ отъ французовъ и отъ итальянцевъ.

Г. Родной распространяется по случаю «ты» и «вы» о подвигахъ нашихъ войскъ на Востокѣ. Положимъ, въ предлежащемъ случаѣ это къ дѣлу не совсѣмъ относится, хотя почему лишній разъ не

поговорить объ этихъ святыхъ великихъ страстотерпцахъ; но смѣю завѣрить г. Родного, что тотъ же самый ген. Стессель, не только ошеломилъ, но чуть не возмутилъ бы одного изъ своихъ солдатъ, обратившись къ нему на «вы». Вполнѣ убѣжденъ, что послѣднему это пожалуй показалось бы скорѣе издѣвательствомъ, чѣмъ признаніемъ его достоинства. И въ то же время, этотъ солдатъ нисколько не удивится, если Стессель похлебаетъ съ нимъ щей изъ одного котелка или заляжетъ съ нимъ рядомъ въ траншеѣ.

Итакъ еще разъ, наше «ты» въ войскѣ есть народное, русское, а вовсе не крѣпостническое; а съ народными привычками и обычаями нужно обращаться бережно, ибо привычки суть тоже фактъ физіологическій, а не логическій, какъ и убѣжденія, и насильно ихъ ломать смысла не имѣетъ, такъ какъ «отъ добра добра не ищутъ», а худого въ нашемъ «ты» пока ничего нѣтъ. Вѣдь это обычай, слѣдовательно, долженъ и умереть какъ всякій безвредный обычай, т. е. самъ собою.

Когда «вы» въ народѣ распространяется, тогда оно естественно перейдетъ и въ армію, а дѣлать это насильственно значитъ служить тому же идолу бюрократіи, имѣющей претензію устроить благополучіе человѣка не по его свойствамъ, а по ея канцелярскимъ, или въ лучшемъ случаѣ по кабинетнымъ, идеаламъ.

Вообще войсковые порядки и обычаи требуютъ большого въ нихъ проникновенія, чтобы трактовать о нихъ съ разумѣніемъ, иначе можно уподо-

биться тѣмъ критикамъ, которые по Евангелію «отцѣживаютъ комара и глотаютъ верблюда».

Критикуйте военную бюрократію, если, напримѣръ, окажется, что подрядчикамъ она платитъ по 5 р. 50 к. за валенки, за которые не хочетъ отпустить и 2 р. 50 к., когда войска заготовляютъ ихъ собственнымъ попеченіемъ, но къ привычкамъ строевого человѣка лучше относиться бережно и съ уваженіемъ. То что въ нихъ было худого, какъ тѣлесныя наказанія и мордобойство, закономъ прикончено тогда и Тѣмъ Царемъ, съ котораго Новая Русская жизнь пошла; на-дняхъ это, какъ всѣмъ извѣстно, довершено. Это былъ нашъ верблюдъ, котораго нужно было не проглотить, а изъ себя извергнуть.

Нужды нѣтъ, что мордобои еще есть, но и то уже слава Богу, что они бьютъ, да оглядываются, значитъ знаютъ, что дѣлаютъ мерзость: тутъ тоже процессъ физіологическій, требующій времени для своего прекращенія.

А такіе пустяки, какъ «ты» и «вы»—право не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ стулья ломать.

VII.

Г. Россіянину въ Лубнахъ. Подробностей и мотивовъ факта, о которомъ вы меня спрашиваете, я не знаю и судить о немъ не берусь, но на употребленіе нижнихъ чиновъ на такія послуги или работы, на которыя Сводъ Воен. Постановленій начальнику права не даетъ, я смотрю какъ на всякое казнокрадство. По моему, отвращеніе личныхъ ли, денежныхъ ли средствъ, ввѣряемыхъ начальнику,

отъ ихъ прямого назначенія составляетъ одно и то же преступленіе, не только въ томъ случаѣ, когда начальникъ забывая свое достоинство, дѣлаетъ это въ личныхъ интересахъ, но даже и въ томъ, когда онъ произвольно измѣняетъ ихъ назначеніе, хотя бы и безкорыстно.

VIII.

Свобода печати, конечно, дѣло хорошее, но свобода отъ здраваго смысла обращаетъ свободу печати въ распущенность печати.

За весь злополучный 1904 г. для насъ былъ только одинъ свѣтлый эпизодъ — это геройская защита Артура; и исходъ ея былъ неизбѣженъ, разъ что не было выручки извнѣ, да и во всякомъ снабженіи открылись серьезные недочеты. И вотъ, подъ впечатлѣніемъ лживыхъ сообщеній японцевъ о томъ, что средства обороны будто бы далеко не всѣ были истощены, разныя доброхотныя русскія газеты начинаютъ вѣшать собакъ на ген. Стесселѣ: „ты, молъ, сдѣлалъ много, какъ ты смѣлъ не сдѣлать больше? Дѣлалъ все Кондратенко, а не ты“.

Что Кондратенко былъ большой человѣкъ, это несомнѣнно! Но не малая заслуга должна быть признана за старшимъ начальникомъ, который умѣетъ идти рука въ руку съ исключительно одареннымъ волею и умомъ подчиненнымъ, не давая надъ собою власти побужденіямъ соперничества или зависти, и не только не скрывая, но при всякомъ удобномъ случаѣ выставляя того подчиненнаго, и никогда не пытаясь вставлять ему палки въ колеса, когда онъ дѣло хорошо ведетъ. А такая добродѣтель далеко

не часто встрѣчается. Да и то вѣрно, что не мѣшало бы подождать формальнаго разслѣдованія обстоятельствъ сдачи, прежде чѣмъ судить о ней вкривь и вкось, да еще по даннымъ такихъ благожелательныхъ нашихъ друзей, каковы японцы. Тутъ немало здраваго смысла, а патріотизма хоть отбавляй! Подумаешь, что оплевать своего доставляетъ намъ особенное удовольствіе, въ коемъ себѣ отказать никакъ не можетъ. Ахъ, господа, господа!

IX.

Другой случай не менѣе поучительный. Генералъ Гриппенбергъ, послѣ перваго своего дѣла, которое было удачно, и который, не взирая на это, долженъ былъ отступить, исполняя приказаніе главнокомандующаго, пришелъ къ убѣжденію, что по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ не можетъ исполнить миссіи, свыше на него возложенной, и, какъ человѣкъ прямой и честный, тотчасъ же подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ должности.

По здравому смыслу, онъ этимъ поступкомъ явилъ свидѣтельство высшаго гражданскаго мужества, особенно тяжкое для военнаго и притомъ одареннаго Божіей искрой въ своей спеціальности. „Какое право я имѣю занимать мѣсто высшаго командованія, если по зависящимъ или же независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, не могу исполнить обязанностей, тѣмъ мѣстомъ на меня возлагаемыхъ?“ Кажется ясно.

Но по мнѣнію нѣкоторыхъ газетчиковъ, это вовсе не такъ и даже совершенно напротивъ: онъ

явилъ этимъ недостатокъ гражданскаго мужества, да сверхъ того нарушилъ, отгадайте что, читатель? Нарушилъ дисциплину, ибо зарвался со своею атакою, когда ему было приказано сдѣлать только демонстрацію.

Подобныя инсинуаціи, легко принимаемыя на вѣру людьми, военнаго дѣла не знающими, представляютъ собою просто наглую попытку ввести общество въ заблужденіе: всякій сколько-нибудь знакомый съ теоріей военнаго искусства знаетъ, во-первыхъ, то, что демонстрація, какъ самостоятельное предпріятіе, не имѣетъ смысла, ибо демонстрируютъ въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы нанести серьезный ударъ противнику въ другомъ; во-вторыхъ, та же теорія говоритъ, что противникъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе только такой демонстраціей, которая производитъ впечатлѣніе настоящаго удара. А для сего послѣдняго совѣтуется, чтобы начальникъ демонстраціи и самъ не подозрѣвалъ, что это демонстрація.

Безпристрастный читатель по достоинству оцѣнитъ послѣ этого досужихъ добровольцевъ, употребляющихъ усилія сбить съ толку даже добросовѣстныхъ публицистовъ нелѣпымъ утвержденіемъ, будто на ген. Гриппенберга было возложено произвести усиленную развѣдку; и это вздоръ, такъ какъ за усиленной развѣдкой обыкновенно слѣдуетъ серьезное дѣло, ибо въ противномъ случаѣ она только открываетъ глаза непріятелю на слабыя стороны его расположенія, т. е. непріятелю помогаетъ, а намъ кромѣ потерь ничего не приноситъ. Вѣдь свѣдѣнія, доставленныя развѣдкой, теряютъ свое

значеніе даже черезъ нѣсколько часовъ, а не то что на другія или третьи сутки.

Ген. Гриппенбергъ, сколько я его знаю, человѣкъ серьезный, и никогда не смотрѣлъ на войну какъ на игрушку или какъ на забаву.

Да, свобода печати вещь хорошая, но свобода отъ здраваго смысла едва ли желательна.

X.

Вопросъ облегченія снаряженія солдатъ одинъ изъ труднѣйшихъ въ военномъ дѣлѣ; это та же квадратура круга, но съ весьма существенной разницей, ибо отношеніе окружности къ діаметру можно вывести съ какимъ угодно приближеніемъ, между тѣмъ, какъ относительно облегченія ноши солдата этого далеко сказать нельзя. Въ послѣднемъ случаѣ играетъ свою роль роковое свойство массы, которая „все свое должна носить съ собой“. Для наглядности возьму самый повидимому пустякъ: единичный человѣкъ, если ему понадобится, найдетъ иголку въ любомъ отдѣльномъ дворѣ; но попробуйте найти 400—600 т. иголокъ, не только въ большой деревнѣ, но даже хотя бы и въ довольно значительномъ городѣ — пожалуй и не найдете. И такъ со всѣмъ солдату необходимымъ на походѣ, на отдыхѣ и наконецъ въ бою. Могутъ сказать: почему не возить въ обозѣ? Это значило бы зачастую отказаться надолго, а иногда и навсегда отъ такихъ вещей, которыя намъ необходимы въ концѣ всякаго перехода. Это достаточно показываетъ неизбѣжность нагрузки солдата и притомъ весьма не шуточной тяжестью до 2-хъ пудовъ; и само собою

понимается, что люди думающіе о ея облегченіи, заслуживаютъ величайшаго вниманія и поощренія, когда ихъ трудъ увѣнчается успѣхомъ. Попытка полковника Буткова, опубликованная въ № 724 „Развѣдчика“, по нашему мнѣнію именно заслуживаетъ такого вниманія и поощренія. Предлагаемое имъ снаряженіе легче нынѣшняго на полпуда, носка котораго, какъ уже сказано въ № 721 „Развѣдчика“ вызываетъ работу организма въ 250 пудофутовъ въ теченіе одного только часа! И это при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, то есть при совершенно твердой и горизонтальной дорогѣ; малѣйшая неровность, топкость, подъемъ или спускъ—и работа возрастаетъ въ сильной степени. Всякій безъ труда пойметъ, что сбавить эти полпуда съ двухъпудовой ноши солдата будетъ истиннымъ благодѣяніемъ, такъ какъ вмѣсто часовой работы въ 1,000 пудофутовъ останется только 750.

Г. П. Бутковъ достигаетъ облегченія, во-первыхъ, тѣмъ, что предлагаетъ замѣнить существующую шинель, или шинелью изъ болѣе легкаго верблюжьяго сукна, или же тремя вещами: шерстяной рубахой и непромокаемыми бивачнымъ мѣшкомъ и накидкой. Благодаря послѣдней солдатъ на бивакъ приходитъ гораздо болѣе сухимъ, чѣмъ въ теперешней шинели, которая отъ промочки не предохраняетъ, да и сама настолько намокнетъ, что вмѣсто 9, вѣситъ 18 ф.

Но испугавшись своего смѣлаго предложенія, особенно, думаю, накидки, г. П. Б. нападаетъ на странную, по нашему мнѣнію, мысль о заведеніи для военнаго времени особаго костюма; думаю, что

въ этомъ случаѣ онъ преклонился передъ идоломъ той условной красоты, которую спеціалисты сочиняютъ для мирно-военныхъ зрѣлищъ и представленій. Мнѣ кажется, что солдатскій костюмъ долженъ строиться соображаясь съ военными потребностями дѣйствій и гигіены, а не съ какими-нибудь капризами глаза, побѣжденнаго внѣшностью. Однимъ словомъ въ костюмѣ солдата двойственности, сколько могу судить, быть не должно.

Общее положеніе, что безполезно на войнѣ, то вредно вводить въ мирное обученіе, въ полной мѣрѣ примѣняется и къ снаряженію солдата, то есть предметы обмундированія и снаряженія безполезные на войнѣ, вредно допускать и въ мирный костюмъ солдата.

И сколько было совершено грѣховъ противъ этой истины столь простой и очевидной! Еще Потемкинъ настаивалъ на томъ, что „солдатскій костюмъ долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ“.

Но не успѣла умереть Екатерина, какъ пошли косы, букли, пудра...

Все, какъ изволите видѣть, вещи на войнѣ необходимыя и побѣдѣ способствующія. И потому думаю, что въ армейскомъ костюмѣ разницы между мирнымъ и военнымъ его видомъ быть не должно. А какъ же быть съ ботфортами, которые такъ нравятся? Пожалуй можно ихъ оставить по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ римляне въ мирное время подкладывали въ свои сандаліи свинцовыя стельки и упражнялись въ дѣйствіи мечами двойного вѣса противъ нормальнаго. Понятно, что на войнѣ, въ

легкихъ опанкахъ солдаты будутъ летать какъ вѣтры, освободившись отъ тяжести въ $1^3/_4$ ф. на каждой ступнѣ, а это равно работѣ въ 38 пудофутовъ на ногу каждый часъ ходу [1]).

Но въ сапогѣ удручителенъ не одинъ вѣсъ, а еще и громадное неудобство носки его, не говоря уже о скверномъ качествѣ кожи, на которое безплодно раздаются единодушныя и повсемѣстныя жалобы уже столько лѣтъ. Дѣло въ томъ, что о пригонкѣ его на каждую ногу и думать нельзя, и что промоченный сапогъ высушить быстро невозможно, да онъ притомъ и скорузнетъ, а, заскорузнувши, натираетъ ногу. Кажется, всего этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы признать, что для пѣхоты нашъ сапогъ самая антивоенная обувь. Кому-то пришло въ голову, будто это наша національная обувь, что совершенно невѣрно. Высокій сапогъ, да еще съ гармоникой, былъ принадлежностью кабацкихъ цѣловальниковъ, купцовъ низшаго и средняго сорта, приказчиковъ, однимъ словомъ, такого народа, который долго и далеко ходить не любитъ. Обувь заправскаго русскаго крестьянина, находящагося постоянно въ движеніи по роду своей работы и отправлявшагося прежде на богомолье иногда за десятки тысячъ верстъ, всегда состояла изъ портянки, обматывающей плотно всю ногу до колѣна и даже выше, поверхъ которой на ступню надѣвается лапоть или опанокъ. Понятно громадное

[1]) Въ расчетъ принято, что солдатъ дѣлаетъ 100 шаг. въ минуту и слѣдовательно поднимаетъ каждую ногу въ минуту 50 разъ на высоту примѣрно 2 вершковъ. Вѣсъ пары солдатскихъ сапогъ около $3^1/_2$ фунтовъ.

преимущество такой обуви передъ сапогомъ. Она и легче, быстро сушится, быстро надѣвается и снимается. Да наконецъ въ пользу ея говоритъ и то, что ни у одного горца, ни у одного пѣшаго путешественника обуви съ длинными голенищами, я думаю, никто и никогда не видалъ.

Полагаю поэтому, что замѣна нашихъ ботфортъ однимъ изъ типовъ обуви, доходящей только до щиколотки или немного выше, была бы для пѣхоты весьма желательной не только для военнаго, но и для мирнаго времени.

При поршняхъ неряшливости бояться нечего: при навыкѣ портянку можно обматывать и плотно и красиво, придерживая тесемками, хотя бы на манеръ южныхъ итальянцевъ.

Какъ и слѣдуетъ, г. П. Бутковъ разбираетъ не одинъ составъ снаряженія, но и способъ носки его. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ представляются двѣ задачи: 1) на какія части организма должно давить снаряженіе; 2) нельзя ли устроить носку такъ, чтобы отъ времени до времени можно было перемѣщать грузъ, дабы онъ не давилъ постоянно на однѣ и тѣ же точки; это послѣднее обстоятельство въ высшей степени важное и повело бы къ принятой теперь у насъ въ арміи системѣ мѣшковъ. Но опытъ показалъ такія неудобства этой системы при движеніи, что г. П. Б. вполнѣ резонно возвратился къ ранцу, который давитъ на самыя устойчивыя точки организма, то есть на плечи, и оставляетъ грудь, поясницу и тазъ совершенно свободными.

XI.

Если военные люди озабочены облегченіемъ ноши нашего солдата, то штатскіе утяжеленіемъ ея, конечно, съ самыми благими намѣреніями. Нужно сказать, что всякое усовершенствованіе дальности и мѣткости огнестрѣльнаго оружія побуждаетъ инстинктъ самосохраненія говорить такъ громко, что голосъ здраваго смысла для большинства совершенно заглушается. Мы уже разъ скагали, что еще на зарѣ появленія огнестрѣльнаго оружія, голосъ самосохраненія привелъ къ нелѣпой попыткѣ утолстить, то есть утяжелить пѣхотныя кирасы. Здраваго смысла, конечно, не слушали, но опытъ показалъ, что вышло не лучше, а хуже: солдата обременили, а отъ огнестрѣльныхъ пораженій не спасли; тогда и кончили тѣмъ, съ чего слѣдовало начать, то есть совсѣмъ бросили кирасы. Въ настоящее время повторяется то же явленіе. Сердобольные люди трудятся надъ изобрѣтеніемъ панцыря; а другіе не менѣе сердобольные распространяются въ печати о томъ, какимъ было бы благодѣяніемъ принять панцыри въ арміи, но тутъ вышла заминка. Нѣкто г. Мельниковъ, вѣроятно въ разговорѣ съ г. Меньшиковымъ, высказалъ мнѣніе, что непробиваемый панцырь будетъ вѣсить не менѣе 25—30 фунтовъ. Г. Меньшиковъ, вѣроятно не зная какимъ грузомъ уже обремененъ солдатъ и какой работы требуетъ носка 30-ти фунтовъ въ теченіе часа, не говоря уже о цѣломъ переходѣ, распространяется о томъ, какъ бы хорошо было придавить солдата такимъ панцыремъ. Опредѣляя вѣсъ панцыря, г. Мельниковъ, какъ вѣроятно серьезный техникъ, ко-

нечно предполагалъ, что онъ будетъ построенъ изъ единственнаго, при извѣстной толщинѣ не пробиваемаго пулей вещества, то есть стали. Но заграничные изобрѣтатели народъ хитрый и опытный и знаютъ, что если бы они заговорили о стальныхъ панцыряхъ, то ихъ никто и слушать бы не сталъ. Пришлось поманить легкостью и нѣжностью матерьяла (какъ шелкъ, шерсть, пенька...), прибавляя къ этому, конечно, „секретъ“, якобы ими открытый, комбинировать эти слабо сопротивляющіяся вещества такъ, что изъ нихъ получается масса и легкая и чуть ли не тверже стали. И это, понимаете, противъ пули, которая пробиваетъ 12 слишкомъ дюймовъ сухого дуба на 700-хъ шагахъ и 22 слишкомъ на 100 шагахъ! Очевидно, что мы изъ области положительныхъ фактовъ вступаемъ тутъ въ область плутовской потаенности рыбьихъ словъ, заговоровъ отъ пуль, разрывъ-травы, нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ, лысины и т. п. Но мы уже сказали, что когда шкура заговоритъ, голосъ здраваго смысла не слышенъ. Довѣряющіе подобнымъ господамъ вѣроятно разсуждаютъ въ такомъ, примѣрно, смыслѣ: „если онъ это утверждаетъ и такъ рѣшительно, то, чертъ его знаетъ, можетъ быть онъ и въ самомъ дѣлѣ напалъ на такой клей, что мягкое дѣлаетъ твердымъ и волокна, которыя можно разорвать руками, не пробьешь и пулей. Чего на свѣтѣ не бываетъ!“

Я, признаться, не помню были ли между изобрѣтателями военные, но портные, кондиторы, монахи и, кажется, сапожники были.

Тѣмъ не менѣе успѣха на этомъ пути ожидать

было нельзя, но взбудораженное чувство самосохраненія заинтересовать было можно и притомъ весьма сильно. И вотъ пошли изобрѣтать портные, монахи, сапожники... Но вѣдь народъ теперь сталъ недовѣрчивый, подавай ему сейчасъ и испытаніе, безъ котораго никто и не подумаетъ принять, хотя бы повидимому и великое изобрѣтеніе. Какъ же обойти эту непріятность? Да очень просто — показывать свое изобрѣтеніе изъ-подъ полы съ такими разговорами, что уже многіе пристаютъ къ изобрѣтателю съ убѣдительными просьбами уступить имъ секретъ, но онъ такъ вамъ симпатизируетъ, что никому своего секрета кромѣ васъ продать не хочетъ и проситъ только объ одномъ, чтобы ему была заказана болѣе или менѣе значительная партія панцырей, разумѣется съ выдачей всей стоимости ихъ впередъ, такъ какъ естественно своихъ средствъ не имѣетъ. Заинтересовавъ такимъ образомъ военное вѣдомство даннаго государства, изобрѣтатель трубитъ рекламу; появляется телеграмма, что ему заказано нѣсколько десятковъ тыс. панцырей по скромной цѣнѣ, франковъ хоть по 40 за штуку. Но спасительное недовѣріе повредило дѣлу, вышелъ разговоръ, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго: „А вы намъ дайте хоть нѣсколько штукъ на испытаніе, если они окажутся удовлетворительными, то мы формально обяжемся заказать нѣсколько десятковъ тысячъ панцырей“. Это совершенно невозможно, возражаетъ изобрѣтатель (Бенедети), идея такъ проста и ясна, что, разсмотрѣвъ панцырь, всякій въ состояніи будетъ его сдѣлать и я за свое открытіе не получу никакого вознагражденія. Тогда является

новая депеша, по всей вѣроятности, возбудившая глубокое недовольство сердобольныхъ къ солдату, наивныхъ людей, гласившая, что благодаря интригамъ японцевъ эта сдѣлка разстроилась и панцырями по всей вѣроятности будетъ облагодѣтельствована японская армія. Нѣсколько дней спустя новое сообщеніе. Сдѣлка съ японцами не удалась и великій изобрѣтатель спасается зайцемъ отъ преслѣдованія по суду за мошенничество. Прослыть великимъ изобрѣтателемъ и обратиться въ простого мазурика—обидно! Достойно примѣчанія то обстоятельство, что попробуйте предложить улучшеніе въ одеждѣ или обуви, которая потребовала бы, скажемъ, полтинникъ на человѣка и отказъ не подлежитъ сомнѣнію, въ виду громадной затраты; а заплатить за панцырный нагрудничекъ 40 франковъ—можно. Великое счастье, что Бенедети оказался не вполнѣ ловкимъ плутомъ...

Только что прочелъ телеграмму изъ Вѣны, что „въ присутствіи русскихъ техниковъ и военныхъ агентовъ Россіи, Франціи и Америки вчера производились опыты съ непробиваемымъ панцыремъ Лобеля, давшіе прекрасные (?) результаты. „Zeit“ говоритъ, что Россія сдѣлала крупные заказы панцырей“. Поживемъ—увидимъ; но анекдотъ съ Бенедети довольно поучителенъ, чтобы ко всѣмъ этимъ заманчивымъ уткамъ относиться съ опаской. Да и то напомнимъ, что при нагрудникѣ голова, руки, животъ, ноги, остаются не прикрытыми; во-вторыхъ, что если-бы онъ и былъ желателенъ, то развѣ только на очень близкихъ разстояніяхъ, такъ какъ на

сколько-нибудь дальнихъ—ничтожность цѣли представляемой отдѣльнымъ человѣкомъ, а еще болѣе мѣстность отлично замѣняютъ панцырь.

XII.

Еще по поводу обвиненій ген. Гриппенберга въ нарушеніи дисциплины.

Если бы онъ уѣхалъ самовольно изъ арміи, то его слѣдовало бы судить не за нарушеніе дисциплины, а просто за побѣгъ, т. е. за позорнѣйшее дѣйствіе, какое только можетъ совершить военный человѣкъ. Я спрашиваю всю эту кампанію, начиная съ г. кн. Голицына и кончая г. Меньшиковымъ, мыслимое ли это дѣло со стороны человѣка, прослужившаго на дѣйствительной военной службѣ болѣе пятидесяти лѣтъ и удостоеннаго за оную высшихъ наградъ до званія генералъ-адъютанта включительно? И не приличнѣе ли было бы этимъ господамъ предположить, что если онъ уѣхалъ, то не иначе, какъ, получивъ на то соотвѣтствующія разрѣшенія, не только отсюда, но и отъ бывшаго главнокомандующаго? Такія разрѣшенія были. Если о нихъ неизвѣстно помянутой компаніи, то мнѣ кажется, что по здравому смыслу она могла о нихъ догадываться. Что Гриппенбергъ лучше бы сдѣлалъ, не вдаваясь въ разговоры съ корреспондентами, то это безспорно, но такой промахъ есть дѣло совершенно постороннее относительно главнаго и совершенно лживаго обвиненія въ нарушеніи дисциплины. Не говоря уже о томъ, что съ совсѣмъ незнакомыми корреспондентами вступать въ разговоры очень опасно, такъ какъ они обыкновенно перевираютъ, иногда даже безъ всякаго злого намѣренія.

Десятая дюжина.

Штыкъ и пуля (письмо Г. В. Хабалову).—Продолженіе.—Тоже—Современная печать. — Продолженіе. — Тоже. — „Ты“ или „Вы“. — Благороднѣйшая и плодотворнѣйшая идея.—Отвѣтъ на статью графа Пфейля.—Продолженіе.—Тоже.—Тоже.

I.

Отвѣтъ г-на В. Хабалова г. М. Драгомирову.

Несомнѣнно, Михаилъ Ивановичъ, что сотни пуль летятъ на воздухъ и что штыкомъ ловкій боецъ можетъ заколоть двухъ или трехъ, но столь же несомнѣнно и то, что пулей можно поразить врага на разстояніи до 2800 шаговъ, а штыкомъ всего лишь на три шага. Къ уменьшенію же потраченныхъ пуль и стремимся мы „огнепоклонники“. И мы не говоримъ, что пуля и штыкъ исключаютъ другъ друга, но пулю мы считаемъ нормальнымъ средствомъ борьбы, а штыкъ исключительнымъ, какъ мускусъ въ медицинѣ считается весьма сильнымъ, но крайнимъ, а потому далеко не вѣрнымъ средствомъ.

Постараюсь теперь отвѣтить на ваши обвиненія меня въ однобокой аргументаціи.

1) Вы увѣряете, будто бы я подъ Ляояномъ, наблюдая только одну дивизію, не вижу, что дѣлается въ остальныхъ корпусахъ.

Упрекъ незаслуженный. Подъ Ляояномъ мы переходили въ наступленіе въ двухъ случаяхъ: у дер. Сынквантунь, гдѣ наши атаки удались къ вечеру 20-го августа, не будучи остановлены ни огнемъ, ни штыками японцевъ, и дивизіей ген.-м. Орлова, наступленіе котораго было разстроено „однимъ“ огнемъ японцевъ. Прочіе корпуса занимали оборонительное положеніе и отражали атаки японцевъ въ значительной мѣрѣ „однимъ огнемъ“. Въ доказательство же моихъ словъ ссылаюсь на постановленіе кавалерійской думы о награжденіи орденомъ св. Георгія полковниковъ: Шверина, Леша, Ласкаго, Лечицкаго, подполковниковъ: Мусхелова, Криштофовича, капитана Сурина, шт.-кап. Боброва, поруч. Жукова и

подпоруч. Косырева и Соболевскаго (см. „Вѣстн. Манчж. арміи“ № 55).

Такимъ образомъ, вѣрнѣе, что вы не хотѣли видѣть того, что дѣлалось подъ Ляояномъ, гдѣ наступающій „неоднократно“ былъ остановленъ „однимъ огнемъ“.

2) Обижаться мнѣ за пулю нечего, въ родствѣ съ ней я не состою, но установить сравнительную ея цѣнность необходимо.

Афоризмъ Суворова, развѣшенный въ казармахъ, понижаетъ въ глазахъ нижнихъ чиновъ значеніе обученія стрѣльбѣ и заставляетъ ихъ въ душѣ относиться весьма скептически къ требованіямъ офицеровъ по этой части.

Дѣло извѣстное, что нашъ грамотный крестьянинъ очень уважаетъ печатное слово, но понимаетъ его смыслъ буквально, естественно тотъ же взглядъ на печать имѣетъ и нижній чинъ.

Получается нелѣпость: съ одной стороны ротный командиръ говоритъ солдату, что Суворовъ былъ великій полководецъ и афоризмъ его вывѣшиваетъ въ казармѣ для постояннаго назиданія, съ другой требуетъ отличной стрѣльбы. Гдѣ же правда? Ужъ не угождаетъ ли просто ротный командиръ капризному начальству, занимая людей пустяками?

Да и для офицерства полѣнивѣй афоризмъ Суворова немалая защита. „Что, молъ, стрѣльба—пустяки; вспомните, что Суворовъ сказалъ, да и теперь Драгомировъ неустанно это повторяетъ. Придется, такъ штыкомъ поработаемъ“.

Полагаю, результатъ для васъ особенно неожиданный, а между тѣмъ „мнѣ самому“ приходилось слышать такія рѣчи.

Независимо этого, если глазъ и руки дураки, то вѣдь и нужно хлопотать объ уменьшеніи этой дурости развитіемъ упражненій въ глазомѣрѣ, гимнастикѣ и стрѣльбѣ съ измѣренныхъ и неизмѣренныхъ разстояній, въ разное время года и въ разную погоду, хотя бы эти упражненія и шли въ ущербъ нѣкоторымъ другимъ менѣе важнымъ отдѣламъ военнаго обученія, а не успокаиваться въ сознаніи этой дурости.

Наконецъ, быть можетъ, полезно ввести хоть бы часть этихъ упражненій въ народныхъ школахъ по образцу

гимнастическихъ обществъ Швейцаріи. Вопросъ не въ томъ, гдѣ учиться; а въ томъ—надо учиться лучшей стрѣльбѣ, или нѣтъ?

По вашему выходитъ нѣтъ (Развѣдчикъ № 736), и въ доказательство справедливости вашего мнѣнія вы приводите справку о томъ, что въ Германіи нѣкоторые начальники-огнелюбы освобождали отъ карцеровъ завѣдомыхъ негодяевъ, если они хорошіе стрѣлки. Но развѣ милуютъ только хорошихъ стрѣлковъ? А хорошіе строевики, хорошіе мастеровые, кучера, писаря и проч., развѣ имъ не бываетъ поблажки? Этого быть не должно, но, къ сожалѣнію, это существуетъ, такъ что ссылка ваша на германскіе примѣры врядъ ли выдерживаетъ критику. Результаты же вашего похода противъ стрѣлковой инспекціи и усиленной практики стрѣльбы несомнѣнно скажутся въ пониженіи качества ея. Конечно, пока, за малымъ временемъ практики стрѣльбы по вашимъ указаніямъ, это только мое предложеніе, но, не дай Боже, если оно оправдается въ будущемъ.

3) Японскій фокусъ съ отбѣганіемъ при встрѣчѣ контръатаки меня нисколько не увлекаетъ въ смыслѣ пріема, но я его привелъ какъ примѣръ полнаго самоотверженія и высокой нравственной энергіи, выработанныхъ у нихъ, несмотря на ихъ „огнепоклонничество“ и вопреки пунк. 5 вашей теоріи, изложенной въ № 735 „Развѣдчика“.

4) Понятіе о стойкости, конечно, понятіе относительное; вѣдь и о сбитыхъ штыками войскахъ можно сказать, что это войска „не стойкія“, ибо они отступили, а не умерли, какъ наполеонская гвардія. Если вы признаете стойкость a priori за нашими и японскими войсками, то признайте же, что даже при современномъ развитіи огня стойкій противникъ можетъ быть сбитъ имъ съ позиціи. Въ будущемъ огонь будетъ прогрессировать и сила его будетъ еще болѣе интенсивна.

5) Полезность пулеметовъ вамъ лучше меня докажутъ Георгіевскій крестъ кап. Сурина, корреспонденціи Краснова, а въ будущемъ, надѣюсь, воспоминанія участниковъ войны. Я сужу со словъ очевидцевъ, неоднократно свидѣтельствовавшихъ мнѣ, что это весьма могущественное средство обороны. Что же касается усложненія организаціи, то оно неизбѣжное слѣдствіе развитія военнаго дѣла.

Въ заключеніе не могу не сказать, что вы вольны были отвѣчать мнѣ, или нѣтъ, но разъ вы оказали мнѣ эту честь, то могли бы не копаться въ моихъ душевныхъ побужденіяхъ („вы мнѣ дѣлаете впечатлѣніе человѣка, ищущаго не правды, а оправданія вашихъ фантазій"), а равно не обзывать моихъ соображеній „вздоромъ". Генералу отъ литературы можно было бы избѣжать подобныхъ полемическихъ пріемовъ, очень сердитыхъ и хлесткихъ, но весьма мало доказательныхъ.

В. *Хабаловъ.*

1-го февраля 1905 г.
ст. Кетрицево, Усс. ж. д.

Я уже окончилъ мой отвѣтъ вамъ, когда прочелъ телеграмму ген.-адъют. Куропаткина отъ 18-го января: „Я посѣтилъ мукденскіе госпиталя и нашелъ, что большинство ранено пулями, есть и штыковыя раны" и телеграмму изъ Токіо о потеряхъ арміи Оку; раненыхъ пулями 85%, раненыхъ штыками 7%. Мнѣ кажется, что для всякаго непредубежденнаго человѣка ясно: какое средство борьбы болѣе продуктивно, а слѣдовательно, объ улучшеніи чего заботиться.

Г. В. Хабалову. Милостивый государь В. N. (извините, имени и отчества я вашего не знаю). Всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе; вы написали мнѣ развязное письмо, и я вамъ отвѣтилъ таковымъ же; значитъ мы квиты. Въ новомъ вашемъ письмѣ вы обижаетесь тѣмъ, что нѣкоторыя изъ вашихъ мнѣній я обозвалъ вздоромъ и даже поучаете, что „генералу отъ литературы" такія выраженія употреблять не пристало. Покорно благодарю за нравоученіе; но что же мнѣ дѣлать, когда я иначе писать не умѣю и нисколько не обижусь,

если кто-нибудь поймавъ меня на вздорѣ, такъ его и назоветъ. Что касается до моего литературнаго генеральства, то эта ваша колкость очень меня огорчила: какой же я, въ самомъ дѣлѣ, генералъ въ литературѣ? Пишу я совсѣмъ просто, иногда рѣзко, во-первыхъ, для того, чтобы мысль была совершенно ясна, а во-вторыхъ, и для того, чтобы получить такой же рѣзкій отвѣтъ, въ третьихъ, какъ я уже разъ объяснилъ, для того, чтобы мнѣ отступленія не было, наконецъ, въ четвертыхъ, исповѣдуюсь въ моей слабости, которую сердобольные люди, если не извинятъ, то, по крайней мѣрѣ, благосклонно себѣ объяснятъ: я полемизирую уже 46-й годъ и все на одну и ту же тему,—именно отстаиваю самоотверженіе противъ подвоховъ самосохраненія, и къ горю моему никто мнѣ на смѣну пока не приходитъ; всякій тутъ пойметъ, что иной разъ и осатанѣешь.

Обращаясь къ существенной части вашего письма, долженъ замѣтить, во-первыхъ, что намъ и спорить то не о чемъ, если вы признаете правильность формулы, что „огонь и штыкъ не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга“, а судя, по началу вашего письма, вы это признаете. И вотъ я васъ опять долженъ огорчить, признавъ, что, думая возражать мнѣ, вы, попросту говоря, перебалтываете то самое, противъ чего я возражалъ десятки разъ и опроверженія сколько-нибудь дѣльнаго на мои возраженія не получалъ. Обыкновенно мнѣ доказывали не ошибочность моихъ утвержденій, а то, что косвенно относилось къ дѣлу и противъ чего я и возражать не думалъ. Также точно поступаете и вы.

Если я, напр., говорю словами Суворова, что штыкомъ человѣкъ можетъ заколоть двоихъ или троихъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ, вы воображаете, что возражаете мнѣ тѣмъ, что штыкъ бьетъ только на три шага, а пуля на три тысячи шаговъ. Неужели же вы не видите, что эти два положенія между собою рѣшительно никакой связи не имѣютъ? Если я вамъ скажу, что штыкъ всегда заряженъ, а ружье требуетъ снабженія патронами, за разстрѣломъ коихъ оно обращается въ простую палку, какимъ бы совершеннымъ ни было, вы вѣроятно возразили бы мнѣ, какъ нѣкій А. Н. Р., что тыловыя учрежденія обязаны озаботиться обильнымъ и безостановочнымъ снабженіемъ патронами. Не-правда ли какъ все это логично, когда дѣло доходитъ до расшвыриванія патроновъ сотнями милліоновъ? Ко всему этому прибавлю, что и самые термины ставите вы въ связь нелогично: такъ, уподобляя штыковую работу употребленію мускуса, вы говорите, что это средство крайнее и потому „далеко не вѣрное“. Ошибаетесь, г. Хабаловъ; средство это хотя и крайнее, но совершенно вѣрное и дѣйствительное, ибо возбуждаетъ организмъ безъ осѣчки, если только въ немъ остался запасъ силъ, который можно возбудить. Невѣрно также ваше представленіе о нормальности и ненормальности; всякое средство, достигающее цѣли, нормально, и рѣдкость штыковыхъ свалокъ, какъ толковалось вамъ и вамъ подобнымъ, доказываетъ не ничтожество штыка, а только то, что рѣдко встрѣчаются противники, равно способные сойтись на штыкъ. Да и то не мѣшаетъ замѣтить, что къ этому рѣдкому, какъ вамъ кажется,

средству, прибѣгали и въ Артурѣ и въ Ляоянѣ и на Шахе, подъ Мукденомъ, и прибѣгали въ какой-нибудь изъ предшествовавшихъ кампаній.

Въ этомъ случаѣ разница между нами одна: вы имѣете въ виду статистику боевыхъ столкновеній, а я ихъ психику; вы дѣлаете расцѣнку относительной важности оружія, по числу часовъ, употребляемыхъ на дѣйствіе имъ, а я имѣю въ виду рѣшительность результатовъ; вы находите „нормальнымъ“ то, что даже и трусы могутъ перестрѣливаться десятки часовъ и ни взадъ, ни впередъ; я же нахожу нормальнымъ и то, когда результатъ получается въ нѣсколько секундъ. Для васъ стойкость есть понятіе относительное, такъ что съ вашей точки зрѣнія выходитъ, что и выдержавшій 5—6 выстрѣловъ съ самаго дальняго разстоянія явилъ нѣкоторую стойкость, для меня же это понятіе безусловное, т. е. что стойкимъ можно назвать только того, кто, выдержавъ огонь, способенъ сойтись на штыкъ.

II.

Что касается того, что русско-суворовская [1]) формула якобы развращаетъ солдата, то что-нибудь одно: или вы нашего солдата знаете и тогда вы ошибаетесь сознательно, или же вы ошибаетесь безсознательно, и тогда вы его не знаете. И вотъ почему: кому же изъ офицеровъ неизвѣстно, что нашъ солдатъ исполняетъ покорно и съ усердіемъ даже нелѣпыя требованія, и вдругъ вы позволяете

---

[1]) Русско-суворовская формула—„пуля дура штыкъ молодецъ“; австрійско-суворовская—„штыкомъ одинъ человѣкъ можетъ заколоть двухъ или трехъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ“.

себѣ плести на него напраслину, будто онъ будетъ „въ душѣ относиться скептически къ требованіямъ офицеровъ по этой части“. Вѣдь онъ не дуракъ и понимаетъ очень хорошо, что стрѣльба для него въ бою пригодится; позволять же себѣ болтать подобный вздоръ вамъ грѣхъ и стыдно. Вы пожалуй и это признаете съ моей стороны „копаніемъ“ въ вашей душѣ; и опять долженъ сказать, что и это выраженіе вы употребили совершенно некстати, ибо если я ваши мнѣнія признаю ошибочными фантазіями, не позволяя себѣ вдаваться въ мотивы васъ къ онымъ побудившіе, то я вашей души совсѣмъ не трогаю, а исполняю только обязанность добросовѣстнаго оппонента, котораго роль всегда одна— выводить на чистую воду эту ошибочность. Тутъ нѣтъ и признака копанія въ вашей душѣ, да по правдѣ сказать оно и мало интересно.

Я не знаю, командуете ли вы и чѣмъ; но если ваши солдаты такъ воспріимчивы къ зловреднымъ по вашему мнѣнію таблицамъ, то во-первыхъ, вы имъ могли бы указать, что пунктъ вамъ ненравящійся начинается словами „стрѣляй рѣдко, да мѣтко“, а во-вторыхъ, никто вамъ не мѣшаетъ вычеркнуть въ этомъ пунктѣ ненавистныя вамъ слова „пуля дура, а штыкъ молодецъ“, и замѣнить ихъ австро-суворовской формулой.

Что касается до розсказней гг. офицеровъ, то есть между ними конечно такіе, которые не прочь и повольнодумничать насчетъ огня; какъ есть и такіе, которые съ нѣмецкаго голоса перебалтываютъ нелѣпость, будто огнемъ можно отбить всякую атаку. Бѣды большой въ этомъ нѣтъ; пускай позабавятся,

а если судьба пошлетъ ихъ въ бой, тамъ пуля съ одной стороны, штыкъ съ другой—приведутъ всѣхъ къ одному знаменателю. Вообще, мы больше боимся словъ, чѣмъ они того стоятъ.

III.

Не могу не сказать, что ваша ссылка на офицеровъ, получившихъ орденъ св. Георгія, рѣшительно ничего не доказываетъ: развѣ я гдѣ-нибудь утверждалъ, будто ни въ какомъ случаѣ нельзя отразить атаку однимъ огнемъ? Я только утверждалъ и утверждаю, что **не всякую** атаку можно отразить однимъ огнемъ.

Наконецъ два слова о процентахъ генерала Оку. Вы говорили только о потеряхъ отъ ружейнаго огня и отъ холоднаго оружія, пропустивъ, что потери пушечнаго огня, (т. е. 8%) превосходятъ потери отъ холоднаго оружія только на 1%. Опасаясь упрека за копаніе въ вашей душѣ, я воздерживаюсь отъ объясненій причины, по коей вы въ этомъ случаѣ прибѣгли къ фигурѣ умолчанія. На прощаніе позволяю себѣ дать Вамъ по праву военнаго, да еще и старика, товарищескій совѣтъ: не подчиняйтесь въ вашихъ изслѣдованіяхъ чувству одного самосохраненія, но заставляйте себя помнить и о значеніи въ бою самоотверженія. Самосохраненіе у всякаго человѣка говоритъ такъ сильно, что совершенно заглушаетъ голосъ самоотверженія, и нужно дѣлать надъ собою большое усиліе воли, чтобы не забывать въ выводахъ и сего послѣдняго. Только при этомъ условіи вы перестанете лавировать между „обыкновенное“ и „крайнее“, „вѣрное“ и

„невѣрное“, „нормальное“ и „ненормальное“, и почти всегда получите выводы прямо противоположные тѣмъ, которые подсказываются однимъ самосохраненіемъ.

IV.

„Calomniez, calomniez, toujours il reste quelque chose“, т. е, клевещите, клевещите, всегда что-нибудь да пристанетъ.

Бомарше.

Плат. Мих.: „Кто первый разгласилъ“?

Нат. Дм.: „Ахъ, другъ мой, всѣ“.

Плат. Мих.: „Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ, а мнѣ сомнительно“.

Хлестова: „Глухъ, мой отецъ? Достань ты свой рожокъ, ахъ глухота большой порокъ“.

Грибоѣдовъ.

Атрофія здраваго смысла, гипертрофія наклонностей къ сплетнѣ, особенно злостной, раболѣпство передъ признанной бездарностью—это наша современная свобода печати [1]). Рыцари международно-газетной тли разгуливаютъ себѣ на свободѣ, безцеремонно распространяя всяческую ложь. Положимъ, это ихъ ремесло; не надуешь, не продашь, и не сочинишь какой-нибудь сенсаціонной лжи, много за строчку не получишь.

---

[1]) Это явленіе извинительное и объяснимое, но весьма непріятное. Кто сидѣлъ сиднемъ со связанными ногами цѣлые десятки лѣтъ, тотъ, конечно, хорошо сразу не пойдетъ, а будетъ или спотыкаться, или даже падать, разбивая себѣ лобъ, а то и попадая носомъ въ грязь.

Исторія въ высшей степени простая: назначено совѣщаніе въ такомъ мѣстѣ, куда рептилій, извѣстныхъ подъ именемъ репортеровъ, и близко не пускаютъ; привлечены къ совѣщанію лица, которыя съ рептиліями компаніи обыкновенно не водятъ. Но какъ же репортеру „Neue Freie Presse“ было воздержаться отъ сообщенія того, о чемъ говорилось въ совѣщаніи, когда онъ зналъ, что таковое, дѣйствительно, состоялось? И вотъ онъ, нисколько не стѣсняясь, сочиняетъ якобы сказанную мною, даже длинную, рѣчь. Хотя между честными людьми принято, что если кого обвиняютъ, въ какой-либо мерзости, то долженъ доказывать не обвиняемый свою невинность, а обвиняющій правоту своего обвиненія, но у рептилій своя логика и своя этика. Да вдобавокъ къ этому нужно еще сказать, что до сихъ поръ, не взирая на повседневную лживость печатныхъ извѣстій, остается еще много наивнаго народа, думающаго, что коли напечатано, то непремѣнно правда.

И становится тогда обвиняемый лживо въ престранное положеніе; ему говорятъ: „Ты укралъ памятникъ Петра Великаго, или Александровскую колонну“. Вмѣсто того, чтобы сказать лжецу: „Не я долженъ доказать, что ты лжешь, а ты долженъ доказать, что говоришь правду“, такъ вмѣсто этого приходится клясться и божиться, что ей-же Богу, я ни статуи Петра Великаго въ карманъ не пряталъ, ни Александровской колонны не уносилъ. Почему и заявляю, что корреспонденція „N. Fr. Presse“ отъ начала до конца есть чистѣйшая ложь, что ничего подобнаго я никогда и нигдѣ не гово-

рилъ, что упомянутая корреспонденція не отличается даже оригинальностью вымысла, такъ какъ всякому извѣстно, что какъ только какой-нибудь международной рептиліи захочется бросить грязью во что-нибудь русское, то непремѣнно является на сцену или кнутъ, или нагайка.

V.

Останься эта пошлость въ австро-жидовской газетѣ я, вѣроятно, не подозрѣвалъ бы даже о ея существованіи. А если бы и подозрѣвалъ, то, конечно, не обратилъ бы на нее вниманіе; къ сожалѣнію, она пришлась по сердцу нѣкоторымъ компатріотамъ печатнаго ремесла и, благодаря имъ, попала въ русскія газеты, да еще такъ называемыя серьезныя. Попала притомъ съ умилительной поспѣшностью: совѣщаніе было 28-го февраля, а измышленіе невѣдомой рептиліи успѣло сбѣгать въ Вѣну по телеграфу и вернуться въ Россію, вѣроятно по почтѣ и попасть въ нашу печать уже 9-го марта. А, впрочемъ, не знаю, въ иныя газеты, можетъ быть, попало и раньше.

Должно быть, пустить въ ходъ какую-нибудь гнусность по адресу своего соотечественника доставляетъ наслажденіе настолько острое, что нѣкоторые господа не въ состояніи себѣ въ ономъ отказать, даже вопреки очевидному внушенію здраваго смысла. Кажется вѣдь разсужденіе слишкомъ просто: такой-то (имя рекъ) цѣлыхъ 45 лѣтъ возставалъ, сначала теоретически, а потомъ и на дѣлѣ, противъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній къ единицамъ и къ массамъ; ему принадлежитъ даже фор-

мула: „Кто былъ битъ въ мирное, долженъ быть битъ и въ военное время, ибо можно бояться палки капрала больше, чѣмъ непріятельской пули, но нельзя ее бояться болѣе, чѣмъ непріятельскаго штыка“;—и вдругъ этотъ самый человѣкъ на старости лѣтъ вздумалъ бы совѣтовать нагайки. Тутъ что-то не такъ. Но наши господа газетчики не удостоили принять этого въ соображеніе, но даже и того, что совѣщаніе было вовсе не изъ тѣхъ, о которыхъ публикуютъ на площадяхъ, и занесли лживый извѣтъ вѣнской газеты даже безъ малѣйшихъ коментарій. Благодарю, не ожидалъ.

Прошу газеты, которымъ сколько-нибудь дорога правда, оповѣстить ихъ читателей, что часто упоминаемая корреспонденція „Neue Freie Presse“ отъ слова до слова есть чистѣйшая ложь.

VII.

Еще въ половинѣ февраля получилъ я печатаемое ниже замѣчательное письмо и къ сожалѣнію заложилъ его такъ, что нашелъ только сегодня. Спѣшу подѣлиться имъ съ читателями „Развѣдчика“, искренно сожалѣя, что не уполномоченъ сообщить фамилію почтеннаго автора.

Бьернеборгъ. 12-го (25) февраля 1905 г. М. Г. М. И.! Меня удивляетъ, что вопросъ „Ты“ и „Вы“ сильно занимаетъ штатскихъ; изъ военныхъ вопросъ о „Вы“ былъ поднятъ только однимъ г. Скугаревскимъ; не знаю причинъ, побудившихъ его поднять этотъ вопросъ, но думаю, что сердечность тутъ не играла викакой роли. Любимъ мы очень указывать на иностранцевъ,—у нихъ то, другое... теперь даже японцами тычемъ всѣмъ.

Вотъ факты, которыхъ не только нѣтъ ни въ одной иностранной арміи, но они тамъ и невозможны.

Только что произведеннымъ офицеромъ я старому фельдфебелю съ тремя георгіевскими крестами сталъ говорить „Вы“, на что онъ самъ мнѣ замѣтилъ, что ему слѣдуетъ говорить „Ты“, что ему всѣ такъ говорятъ.

Его коробило, обижало „Вы“. Въ вагонѣ 1-го класса я слышалъ, какъ унтеръ-офицеръ вспомогательныхъ войскъ разсказывалъ кондуктору о своемъ начальникѣ: на „вы“ говоритъ, да ну его къ чорту его „Вы“. Значитъ не въ „вы“ дѣло.

Также, навѣрно, ни въ одной иностранной арміи не-возможенъ случай, чтобы послѣ 20-ти верстнаго перехода офицеры пошли бы за льдомъ, въ горы, для больныхъ солдатъ и на собственныхъ плечахъ, въ жару, принесли бы глыбу въ 20 или 40 фунтовъ, не помню это было 10 лѣтъ тому назадъ, да не въ вѣсѣ дѣло. Между тѣмъ проще было бы послать двухъ, заморенныхъ жарой и 2-хъ пудовой ношей солдатъ, что навѣрное при „вы“ и было бы.

Я видѣлъ, какъ во время походовъ офицеры сближаются съ солдатомъ, бесѣдуютъ съ нимъ, ѣдятъ вмѣстѣ, а иногда даже спятъ. Я знаю случаи, когда офицеръ бралъ у уставшаго солдата ружье и несъ, и за подвигъ, навѣрное, этого не считалъ. Очень часты случаи, когда офицеры выводятъ сами солдата, почувствовавшаго себя дурно, и приводятъ его въ чувство.

Я знаю случай, да такихъ, вѣроятно, найдется много, когда жена штабъ-офицера, въ мирное время, ухаживала за мало ей знакомымъ больнымъ солдатомъ до отправленія его въ госпиталь. А сестры милосердія?

Мой денщикъ 4 года мнѣ говорилъ „ты“ и мнѣ въ голову не приходило отучивать его,—сердечное его отношеніе ко мнѣ трудно найти (онъ великоросъ былъ). Да развѣ все это есть въ иностранной арміи?! Но зато тамъ „вы“;—нѣтъ ужъ лучше пускай „ты“,—отъ него солдату тоже лучше. *Примите и проч. N. H.*

VIII.

Благороднѣйшая и плодотворная идея. Въ томъ же нумерѣ „H. Вр.“ (22-го марта) помѣщена чудная замѣтка г. А. Ст—на о великой по-моему

идеѣ, которую онъ скромно называетъ простою. Вѣдь вотъ вольному пришла же она въ голову, а изъ военныхъ никому не пришла. Дѣло идетъ о „государственномъ страхованіи солдатъ“. Чистосердечно сознаюсь, я давно имѣю слабость къ гг. Глинкѣ и А. Ст—ну. Послѣдній особенно закупаетъ правдивымъ и честнымъ словомъ и съ непоколебимымъ достоинствомъ высказываетъ даже самымъ откровеннымъ сикофантамъ очень горькія истины. Его идея о страхованіи солдата совсѣмъ меня закупила. Позволяю себѣ высказать по поводу ея нѣкоторыя мысли, вѣроятно ошибочныя, ибо и я въ финансовыхъ дѣлахъ тоже мало понимаю; но можетъ быть онѣ вызовутъ мнѣнія объ этомъ предметѣ людей болѣе компетентныхъ. Мнѣ кажется, что за всякаго новобранца не грѣхъ бы было откладывать государству хоть триста рублей и хранить это капиталомъ, неприкосновеннымъ для всякаго назначенія, кромѣ нижеуказаннаго, присоединивъ, напримѣръ, этотъ капиталъ хотя бы къ суммамъ комитета раненыхъ. Составленный такимъ образомъ капиталъ, конечно, долженъ прирощаться сложными процентами, хотя бы въ видѣ государственной ренты. Въ случаѣ войны изъ этого капитала выдаются пособія для поддержанія семействъ лицъ, ушедшихъ на войну. А въ случаѣ смерти на войнѣ—отъ болѣзни ли или отъ оружія, все равно, изъ того же капитала выдаются пенсіи семействамъ убитыхъ по такому расчету: вдовамъ до смерти; сыновьямъ до поступленія на военную службу или, если не способенъ, то до 21 года,—дочерямъ тоже; а если онѣ выйдутъ замужъ ранѣе, то до замужества.

Выйдетъ, слѣдовательно, что при наборѣ въ 100 тысячъ человѣкъ, ежегодно придется откладывать 30 милліоновъ, что безъ процентовъ въ теченіе 20-ти лѣтъ дастъ 600 милліоновъ, а со сложными процентами, считая только по 3% получится 824 милліона.

Само собою разумѣется, что пенсіи изъ этого капитала выдаются также и искалѣченнымъ на войнѣ, сообразно ихъ работоспособности.

Мнѣ кажется, что эта высокопочтенная идея А. С—на заслуживаетъ величайшаго вниманія и немедленной не только разработки, но и осуществленія.

Если не ошибаюсь, Вовенаргъ (Vauvenargues) первый сказалъ, а за нимъ нашъ Достоевскій повторилъ, что великія мысли исходятъ только изъ великаго сердца. Думаю, что и распространеніе на сосѣднія области очень хорошихъ мыслей изъ тѣхъ областей, гдѣ онѣ возникли впервые, можетъ тоже исходить только изъ очень хорошаго сердца. Да проститъ меня г. А. С—нъ, что я позволилъ себѣ это невольное размышленіе.

IX.

Въ нумерѣ «Новаго Времени» 22-го марта помѣщены выдержки изъ статьи нѣкоего гр. Пфейля съ комментаріями редакціи, конечно правильными потолику, поколику правильна статья г. Пфейля. Я не обратилъ бы вниманія на усилія этихъ господъ выставить бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, если бы не невѣжество гр. Пфейля, разсуждающаго о военныхъ вопросахъ и до сихъ поръ не понима-

ющаго громадной разницы, существующей между полководцемъ и его начальникомъ штаба. Только необходимость выяснить эту разницу вынуждаетъ меня на этотъ разъ взяться за перо. Во-первыхъ, г. Пфейль сочинилъ, будто бы я «устнымъ и литературнымъ словомъ порицалъ и прусскую армію и самого Мольтке, основываясь на томъ, что прусская армія стоитъ гораздо ниже, чѣмъ русская». Нигдѣ и ничего подобнаго я не писалъ, и нелѣпыхъ сравненій прусской арміи съ русской никогда не дѣлалъ, по той простой причинѣ, что превосходство одной арміи надъ другою можетъ быть доказано только однимъ боемъ и ничѣмъ болѣе. Если бы это г. Пфейль понималъ, то онъ бы и не плелъ на меня такого лживаго вздора.

Что же касается до моихъ яко бы устныхъ порицаній графа Мольтке и прусской арміи, то и это сплетня, почерпнутая г. Пфейлемъ у какого-нибудь разносчика лживыхъ вѣстей: самъ онъ этого слышать отъ меня не могъ, такъ какъ ни въ обществѣ, ни на лекціяхъ я съ нимъ не встрѣчался. Не отрицаю того, что когда-нибудь я, можетъ быть, и отнесся невыгодно о какомъ-нибудь пруссакѣ, ибо между ними, какъ и вездѣ, есть и вполнѣ почтенные и полупочтенные, и совсѣмъ не почтенные люди. Навѣрное не помню, но если бы мнѣ пришлось, напримѣръ, охарактеризовать господина, который, спасаясь зайцемъ отъ долговъ изъ отечества, поступилъ бы на службу въ иностранную армію, то конечно, я отозвался бы о немъ какъ о кондотьери въ лучшемъ случаѣ, и какъ о соглядатаѣ въ худшемъ. Печаталъ я еще, правда, и то,

что въ нѣкоторыхъ частяхъ германскихъ войскъ до сихъ поръ существуютъ еще мордобойцы и заставляющіе солдатъ сосать грязные носки. Писалъ также и о томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ той же арміи начинаетъ замѣчаться манія увлеченія ружейною стрѣльбою. Но все это я бралъ изъ газетныхъ перепечатокъ, почерпнутыхъ въ германскихъ же источникахъ, и писалъ, какъ назиданіе своимъ, а вовсе не какъ упрекъ порядкамъ германской арміи; писалъ, при томъ, какъ о явленіяхъ спорадическихъ, а не общераспространенныхъ. Къ несчастью, и у насъ, да и за границей, начинаетъ водворяться прескверная мода: какой-нибудь господинъ изъ безцеремонныхъ пускаетъ въ ходъ нелѣпое мнѣніе хотя принадлежащее лично одному ему, но, такъ сказать, распространительно, т. е. не отъ себя, а иногда даже отъ лица всей Россіи, или напр. всей арміи.

Конечно оно выходитъ солиднѣе, а для легкомысленныхъ господъ, въ родѣ кореспондента «Новаго Времени», и авторитетнѣе: «Если графъ Пфейль говоритъ, будто Драгомировъ порицалъ и фельдмаршала Мольтке и прусскую армію, такъ не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ лгать, и не перечитывать же все то, что г. Д. писалъ, для того, чтобы повѣрить самое его сіятельство».

Во-вторыхъ, къ гр. Мольтке я всегда относился съ глубокимъ уваженіемъ, но только какъ къ начальнику штаба большой арміи, а не какъ къ фельдмаршалу; г. Пфейлю должно быть извѣстно, что Бертье былъ не только маршаломъ, но и принцемъ,

а по роли былъ только начальникомъ штаба и ничѣмъ болѣе.

Вѣдь въ 1866 г. побѣждали императоръ Вильгельмъ, кронъ-принцъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ, а въ первоначальныхъ дѣлахъ даже нѣкоторые корпусные командиры, какъ, напримѣръ, Штейнмецъ подъ Находомъ, Шкалицемъ и Швейншедельмъ; но лично Мольтке никого не побѣждалъ. Что случилось бы съ наилучшимъ планомъ, если бы пруссаки потерпѣли неудачи подъ Гичинымъ и Находомъ, какъ потерпѣлъ ее прусскій ген. Бонинъ въ промежуткѣ между этими двумя пунктами? Наилучшій планъ Мольтке обратился бы въ ничто, но онъ за это отвѣтственности бы не несъ, которая обрушилась бы всею тяжестью на исполнителей. Въ этомъ коренная разница между психикой начальника штаба и главнокомандующаго. Начальникъ штаба, если онъ талантливъ, почти всегда предлагаетъ нѣсколько плановъ, главнокомандующій выбираетъ изъ нихъ одинъ и рѣшаетъ его исполнить съ отвѣтственностью за послѣдствія исполненія.

Роль тяжкая, ибо впередъ никто не можетъ рѣшить, онъ ли побьетъ или же его побьютъ. Однимъ словомъ, работа перваго чисто умовая, работа второго воле-умовая. У перваго воля въ критическихъ положеніяхъ почти никакой практики не имѣетъ, у второго же, послѣ выбора плана, почти все приводится именно къ этой практикѣ. Характеризуя качества, необходимыя главнокомандующему, Наполеонъ сдѣлалъ всѣмъ извѣстное уподобленіе квадрату, въ коемъ основаніе должна представлять воля, а

высоту умъ, но такъ какъ, добавляетъ онъ, такое равновѣсіе въ природѣ встрѣчается чрезвычайно рѣдко, то преобладаніе воли надъ умомъ предпочтительнѣе обратному. Если бы ему пришло въ голову охарактеризировать психику начальника штаба, то для сего послѣдняго онъ вѣроятно предпочелъ бы преобладаніе ума надъ волею.

Оттого и замѣчено то общеизвѣстное (конечно не гг. Пфейлямъ) явленіе, что за всю военную исторію я не помню ни одного начальника штаба, даже высокоталантливаго, изъ котораго бы вышелъ хотя бы сносный главнокомандующій. Достаточно вспомнить хоть Бертье. Я слышалъ изъ довольно вѣрнаго источника, что и Мольтке обыкновенно докладывалъ не меньше двухъ плановъ, прибавляя впрочемъ, что такой-то планъ рискованнѣе, но сулитъ большіе результаты, а такой-то осторожнѣе, но результаты дастъ менѣе рѣшительные. На вопросъ императора, какой изъ плановъ предпочитаетъ самъ гр. Мольтке, послѣдній обыкновенно ограничивается молчаніемъ, принявъ почтительную позу. Императоръ рѣшалъ этотъ вопросъ самъ; и почти всегда останавливался на болѣе отважномъ планѣ.

Можетъ быть, это такъ, можетъ быть нѣтъ; за что купилъ, за то и продаю. Но принимая въ соображеніе психологію столь разнородныхъ двухъ дѣятелей, расположенъ думать что это такъ. Еще разница: марш. Саксонскій, задаваясь вопросомъ, что долженъ дѣлать генералъ передъ сраженіемъ, рѣшаетъ его просто и ясно: что онъ не долженъ ничего дѣлать, ибо только при этомъ условіи сохранитъ ясность взгляда, безъ коей невозможно вѣрное

воспріятіе боевыхъ впечатлѣній. Наоборотъ, начальникъ штаба долженъ страшно работать въ это время, ибо на немъ лежитъ развитіе тѣхъ деталей плана, принятаго главнокомандующимъ, упущеніе коихъ изъ виду даетъ полный просторъ возникающимъ неожиданно случайностямъ и приводитъ къ катастрофѣ иногда самый наилучше соображенный планъ.

X.

Справедливость требуетъ сказать, что и обратное вѣрно, т. е. что талантливый командующій и даже главнокомандующій бываетъ плохимъ начальникомъ штаба: онъ привыкъ быть слишкомъ большимъ бариномъ и теряетъ способность помнить тѣ детали штабной службы, которыя нужно соблюдать рефлекторно [1]) и благодаря забвенію коихъ эта служба идетъ черезъ пень въ колоду. Такъ случилось, напримѣръ, съ Сультомъ, котораго Наполеонъ въ 1815 г. выбралъ себѣ начальникомъ штаба по необходимости, такъ какъ Бертье, жившаго въ то время внѣ Франціи, къ нему не допустили. Путаница началась съ самаго открытія кампаніи. Корпусъ Мутона, долженствовавшій слѣдовать за корпусомъ Вандама, подходитъ къ биваку послѣдняго въ то

[1]) Подъ исполненіемъ „рефлекторно“ или „по рутинѣ“ разумѣется такое дѣйствіе, которое по привычкѣ дѣлается помимо указаній головного мозга; такъ при ходьбѣ я соблюдаю равновѣсіе тѣла, вовсе о томъ не думая; при писаніи ставлю буквы и знаки на должномъ мѣстѣ совершенно не думая о томъ какую букву послѣ какой поставить, и т. п. Стоитъ вспомнить, съ какими страшными затрудненіями дается дѣтямъ грамота, для того, чтобы понять великое значеніе рутины въ человѣческой жизни, какъ въ наиполезнѣйшемъ, такъ и въ наивреднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

время, когда тотъ еще и не думалъ сниматься. И вотъ столкновеніе между маршалами, разумѣется перебранка, остановка Мутона, пока Вандамъ не вытянулся, т. е. потеря нѣсколькихъ часовъ времени, а оно было страшно дорого, такъ какъ Наполеонъ предполагалъ неожиданно вторгнутся въ Бельгію, дабы застать англо-прусаковъ врасплохъ. Впослѣдствіи оказалось, что офицеръ, посланный къ Вандаму съ диспозиціей марша, на дорогѣ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу и при немъ даже не было ординарца. Между тѣмъ рутина штабной службы требуетъ, чтобы важныя приказанія были посылаемы дубликатомъ, а въ случаѣ опасности захвата даже трипликатомъ, не говоря уже о томъ, что при одиночномъ посыльномъ долженъ быть хоть маленькій конвой.

Перебрались наконецъ черезъ р. Самбру и двинулись двумя колоннами. Влѣво, на Ватерло Ней, за нимъ Эрлонъ; вправо, на Линьи, пошелъ Наполеонъ съ остальными силами. Ней наталкивается у Катръ-Бра (четыре руки) на контингентъ мелкихъ государствъ, состоявшій при англійской арміи, и встрѣчаетъ весьма упорное сопротивленіе. Наполеонъ встрѣчаетъ таковое же со стороны пруссаковъ у Линьи и рѣшается присоединить къ себѣ корпусъ Эрлона, оттянувъ его у нея. Чтобы свернуть корпусъ Эрлона къ себѣ, онъ посылаетъ приказаніе съ полк. Лабедойеръ. Сей штабной офицеръ, не найдя Эрлона въ головѣ его корпуса, передалъ приказаніе начальнику головной части колонны, который, не дождавшись Эрлона, свернулъ на сѣверо-востокъ и потянулся къ Линьи. Пріѣхалъ Эрлонъ и, заставъ это,

кажется думалъ подчиниться совершившемуся факту но получилъ настоятельное приказаніе отъ Нея къ нему присоединиться, повернулъ на Катръ-Бра; по дорогѣ получаетъ новое приказаніе Наполеона повернуть на Линьи, т. е. сдѣлать еще одинъ зигзагъ. Когда онъ приближался къ Линьи, уже вечерѣло. Наполеонъ, собиравшійся нанести окончательный ударъ пруссакамъ, вдругъ получаетъ донесеніе, что въ тылу у него появились какія-то войска и придерживаетъ ударъ до разъясненія какія это именно войска. Конечно минута для удара упущена; пруссаки начали отсупленіе относительно спокойно, а Эрлонъ въ теченіе дня совался то вправо, то влѣво, не оказалъ помощи въ одномъ мѣстѣ и помѣшалъ удачѣ въ другомъ. Отъ начала до конца—полная утрата рутины штабной службы. На другой день главная масса силъ французскихъ двинулась по большой дорогѣ на Ватерло, а для преслѣдованія пруссаковъ отряженъ Груши вправо на Вавръ. При учрежденіи этого марша была забыта цѣлая пѣхотная бригада и осталась безъ дѣла на бивакѣ, присоединившись уже потомъ къ паническому отступленію французовъ. Опять потеря рутины штабной службы: забыть не то что цѣлую бригаду въ диспозиціи, а даже и часть, гораздо меньшую, есть преступленіе, конечно при условіи вмѣняемости.

На слѣдующій день, во время марша, Наполеонъ перемѣнилъ первоначальное рѣшеніе, положивъ притянуть большую часть силъ Груши къ себѣ и отдалъ объ этомъ приказаніе Сульту. Спустя нѣкоторое время, на его вопросъ, послано ли приказаніе Груши, Сультъ отвѣчалъ, что онъ послалъ одного

офицера; Наполеонъ на него взглянулъ и только промолвилъ: „Berthier en aurait envoyé dix“, т. е. Бертье послалъ бы ихъ десять. Кажется, ясно какъ то, что лучшій начальникъ штаба едва ли способенъ быть хотя бы сноснымъ главнокомандующимъ, такъ и то, что даже способный командующій, а тѣмъ болѣе главнокомандующій, можетъ быть только плохимъ начальникомъ штаба. А Сультъ, какъ одинъ изъ лучшихъ маршаловъ Наполеона, въ войну на Пиренейскомъ полуостровѣ, былъ не только главнокомандующимъ въ Португаліи, но и совсѣмъ мечталъ пробраться тамъ въ дамки, т. е. стать португальскимъ королемъ. Эта мечта, къ концу дѣятельности Наполеона, обратилась въ манію у большинства его маршаловъ.

XI.

Что касается до моей якобы претензіи „объять необъятное“, „защитить тѣхъ, кого защищать невозможно безъ ущерба престижу человѣческой логики“ стоять на „чисто формальной точкѣ зрѣнія“, что мнѣ приписываетъ г. гр. Пфейль, то это все его мнѣнія, скромныя и ни для кого не обязательныя, ибо во всемъ этомъ принимаетъ за доказанное то, что еще надо доказать. Всѣ подробности эпизода, случившагося съ Гриппенбергомъ, конечно, мнѣ лучше извѣстны, нежели г. Пфейлю и многимъ ослѣпленнымъ русскимъ. Знаю даже и то, что устраненіе отъ дѣятельной роли Гриппенберга, единственнаго изъ оставшихся генераловъ турецкой войны, стяжавшихъ себѣ во время оно подлинную, а не дутую репутацію, конечно должно быть пріі-

ятно многимъ, особенно между иностранцами, которые очень хорошо понимаютъ, что чѣмъ намъ хуже, тѣмъ имъ лучше.

Давно уже они практикуютъ ловкую сноровку выхвалять то, что намъ вредно, а мы радуемся: въ старшемъ—молъ классѣ насъ похвалили.

Обращаясь къ Гриппенбергу, долженъ напомнить, что каменистая, безплодная, суровая Финляндія вырабатываетъ характеры серьезные, самостоятельные, узковатые, но страшно опредѣленные и не способные идти на сдѣлки. Характерамъ покладливымъ, расплывчатымъ они не ко двору и часто приходятъ съ ними въ столкновеніе. Понявъ общее дѣло своимъ дѣломъ, финъ, убѣдившись, что исполнить его не можетъ, просто уходитъ отъ него въ сторону, даже не подумавъ цѣпляться за жирный окладъ и высокое положеніе.

Повторяю то, что уже сказалъ: Гриппенберга можно упрекнуть только въ неосторожности съ корреспондентами, но, во-первыхъ, отъ нихъ теперь трудно уберечься, а во-вторыхъ, эта ошибка ничтожна въ сравненіи съ массой и характеромъ ошибокъ, сдѣланныхъ другими, и по поводу ея невольно вспоминается заключеніе одной изъ басенъ Крылова:

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться.

Г. Пфейль находитъ, будто «русская армія нуждается въ полной переорганизаціи». По своему обычаю онъ и тутъ путаетъ понятія такъ какъ въ переорганизаціи нуждается не вся армія, а только

высшее управленіе ея. Напрасно онъ беретъ на себя заботу о томъ, чтобы предостеречь кого слѣдуетъ отъ моего вліянія на эту переорганизацію. Вѣдь самъ же онъ, по случаю моего назначенія въ Государственный Совѣтъ, печатно заявилъ, что я получилъ синекуру: вотъ я на ней и живу и непрошеннаго вмѣшательства въ дѣла, подобно многимъ ловкачамъ, не добиваюсь.

XII.

Упадокъ моего авторитета между такими германскими офицерами, какъ гр. Пфейль, и такими компатріотами, какъ Н. К. Сибирякъ, меня конечно огорчаетъ, но заботитъ весьма мало, такъ какъ не они способствовали его утвержденію и распространенію и не имъ конечно его поколебать. Дѣло въ томъ, что онъ не дутый, а дѣйствительный; я его не искалъ, корреспондентовъ не прикармливалъ, своей популярности не подогрѣвалъ разными шарлатанскими способами въ родѣ заигрыванья съ нужными людьми. Авторитетъ самъ ко мнѣ пришелъ, не взирая на то, что я громадному большинству былъ непріятенъ и имѣлъ всегда на своей сторонѣ только очень ограниченное меньшинство. О моемъ командованіи дивизіей г. Пфейль и тутъ присочинилъ, будто я командовалъ не всей, а только частью ея. Нѣтъ, г. Пфейль. Отъ половины 73 года и по день прихода въ Тырново въ войну 77 года я командовалъ всею 14-й дивизіей. Ее начали раздергивать только послѣ второй Плевны, т. е. послѣ 18-го іюля 77 г., да и то ненадолго. Вы намекаете на то, будто я выѣхалъ на хвостѣ Суворова, проповѣдуя его принципы «какъ,

напримѣръ, штыкъ вмѣсто пули» и опять сочиняете: во-первыхъ, ни Суворовъ, ни по его стопамъ я, никогда огня не отрицали, а только ставили на должное мѣсто въ противность мнѣнію шкуролюбовъ, мечтающихъ будто бы огнемъ можно отбить всякую атаку. Послѣдняя кампанія могла бы вамъ, кажется, показать, что это вздоръ. Во-вторыхъ, ловкачи выѣзжаютъ только на хвостахъ живыхъ людей, на хвостахъ покойниковъ далеко не уѣдете, если ничего своего нѣтъ. Своего, правда, у меня очень мало, но оно есть и заключается въ томъ, что я у большихъ людей вычитываю то, чего другіе вычитать не умѣютъ, ибо по невниманію ли, или почему-либо другому не въ состояніи такихъ мѣстъ замѣчать. Въ особенности это и оказалось на Суворовѣ; его великая наука побѣждать оставалась непонятою и непонятною цѣлыхъ 60 лѣтъ; и была, что грѣха таить, просто забыта. Я ее разъяснилъ, да еще, благодаря Суворову, открылъ то, что и до сихъ поръ остается къ несчастью непостижимымъ для большинства военныхъ. Именно то, что воспитаніе и образованіе войскъ должно быть въ несравненно большей степени волевое, нежели умовое; что имъ нужно напоминать гораздо настойчивѣе о самоотверженіи, нежели о самосохраненіи. Затѣмъ долженъ сказать, что я не ограничился однимъ Суворовымъ, а вычиталъ кое-что и у Цезаря, и у маршала Саксонскаго, и у вашихъ Фридриха Великаго и Клаузевица; у Наполеона само собой разумѣется, и наконецъ у Бюжо; и вычитавъ все такое, я старался пустить въ ходъ то, чего другіе не замѣчали. Это дало мнѣ авторитетъ, до погони за коимъ я никогда не унижался.

Одиннадцатая дюжина.

Не по коню, такъ по оглоблямъ. — О научномъ цензѣ.— О генеральномъ штабѣ.—О подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба.— Военная игра. — Жиды, или такъ называемые русскіе Моисеева закона.—Равноправность жидовъ.—Разные взгляды на воспитаніе и образованіе войскъ.—Вызываетъ ли статья 182 уст. о сл. въ гар. недоразумѣнія и надо ли ее измѣнить.—О стрѣльбѣ.—Продолженіе.—Пренебреженіе къ такъ называемой военной наукѣ.

I.

Не по коню, такъ по оглоблямъ. Не знаю кто изъ насъ кремень, а кто огниво, но мы съ г. Строевымъ находимся другъ къ другу именно въ такомъ отношеніи; ни одной его статьи не помню такой, которая не подмывала бы меня высказать мнѣніе по ея поводу. Признаюсь откровенно, большую слабость питаю къ нему, и до его писаній большой охотникъ. Въ его статьяхъ все симпатично: и примирительный тонъ, и соотвѣтственное употребленіе терминовъ, и полнѣйшее отсутствіе завѣдомаго лганья и подтасовокъ.

Положимъ, эта заслуга отрицательная, но въ нашъ просвѣщенный вѣкъ подтасовки до того расплодились въ литературѣ, что отсутствіе ихъ является весьма пріятной и закупающей неожиданностью. О лганьѣ завѣдомомъ и незавѣдомомъ уже и не говорю, его хоть отбавляй.

Конечно, ошибается иногда, какъ всѣ мы грѣшные, и г. Строевой, но ошибается искренно, а если иногда и ущипнетъ, то мягко и благожелательно, такъ, что готовъ чуть не поблагодарить его за щипокъ. Все это невольно пришло мнѣ въ голову по

поводу его статьи „Генеральный штабъ и строевые“, помѣщенной въ № 71 „Р. Инв.“.

Спокойно и съ достоинствомъ сдѣлалъ г. Строевой свои разъясненія г. Н. М—ву, сдѣлалъ какъ свободный человѣкъ, а не какъ освобождающійся рабъ, который всегда заносчиво дерзитъ, все стараясь увѣрить себя, что „это можно“. Говорю это не въ судъ или во осужденіе кому-либо, но какъ иллюстрацію того, къ чему приводитъ долголѣтнее рабство печати. Первый признакъ ея освобожденія, это тщательный обходъ бездарныхъ или виновныхъ личностей и нападки на массы или учрежденія, такъ какъ въ послѣднихъ личности стушевываются. Происходитъ это отъ того, что при рабствѣ печати гораздо опаснѣе нападать на личности, чѣмъ на учрежденія; это правило рабьей гигіены практикуется, конечно, и на первыхъ порахъ освобожденія печати, не только по привычкѣ, но еще и потому, что можетъ быть освобожденіе замерзнетъ на полдорогѣ и до свободы, пожалуй, не дойдетъ.

Нѣсколько времени тому назадъ въ одной изъ газетъ предпринятъ былъ походъ на генеральный штабъ: походъ по пословицѣ — „не по коню, такъ по оглоблямъ“; и на основаніи общеизвѣстной логической нелѣпости—дѣлать общіе выводы по немногимъ частнымъ случаямъ. Оплошало, скажемъ, два или три офицера генеральнаго штаба, слѣдовательно весь онъ никуда не годится. А иногда не оплошалъ ни одинъ, но настоящаго виновника бѣды мы или не смѣемъ, или по какимъ-либо соображеніямъ не желаемъ назвать, и оказывается виноватымъ „стрѣлочникъ“. Вполнѣ правъ г. Строевой, указы-

вая, что по адресу генеральнаго штаба слышатся не одни комплименты, даже между строевыми офицерами, не говоря о газетахъ. Видитъ онъ ясно и причину этого явленія во враждебности къ штабнымъ, возбуждаемой съ одной стороны завистью къ привилегированному ихъ положенію, съ другой, что грѣха таить, и безтактнымъ поведеніемъ иныхъ штабныхъ. Вѣдь иной такъ гордо и торжественно плыветъ, такъ закидываетъ голову, что и кочергой носа не достать, хоть кого озлитъ.

Поэтому въ старое время говорилось, что если скромность для человѣка вообще есть добродѣтель, то для офицера генеральнаго штаба—это служебный долгъ; что если офицеръ генеральнаго штаба знаетъ то, чего строевой не знаетъ, то вѣдь и строевой знаетъ многое такое, чего офицеръ генеральнаго штаба не знаетъ: слѣдовательно, первому задирать носъ передъ послѣднимъ и глупо, и пошло. И межеумки генеральнаго штаба, потѣшающіе себя подобными глупостями, дѣлаютъ это только потому, что стоятъ ближе къ начальству, чѣмъ строевые, забывая крыловскій стихъ:

„Хоть высоко, да ты на привязи летаешь“!

Своей замѣткой, вызванной травлею генеральнаго штаба, г. Строевой показалъ, что все это онъ отлично самъ понимаетъ, но оставилъ недосказанными нѣкоторыя серьезныя стороны вопроса; попытаюсь это сдѣлать за него.

Правъ г. Строевой и въ томъ, что между штабными и строевыми офицерами существуетъ отчужденіе; къ несчастью, оно существуетъ въ равной мѣрѣ и между офицерами разныхъ родовъ оружія:

едва ли г. Строевой насчитаетъ, напримѣръ, много кавалерійскихъ офицеровъ, которые водили бы компанію съ пѣхотными, артиллерійскими и саперными,—и наоборотъ [1]). Помочь этому горю можно только при точной и настойчивой практикѣ пріемовъ извѣстныхъ подъ названіемъ „подготовки трехъ родовъ оружія ко взаимной выручкѣ“. Къ сожалѣнію, далеко еще не всѣ признаютъ значеніе этихъ пріемовъ и потому старшіе начальники не всегда на нихъ присутствуютъ, а это необходимое условіе для укорененія въ войскахъ чего-либо новаго [2]).

II.

Слова нѣтъ, что научный цензъ долженъ давать нѣкоторыя преимущества и въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Строевымъ, когда онъ ставитъ на видъ это забывающимъ; но если подобный цензъ остается принадлежностью чуть ли не до гробовой доски, то правильнымъ это конечно признать нельзя. Онъ-де прошелъ академію, говорится обыкновенно,

---

[1]) Впрочемъ, это замѣчается не у насъ однихъ, а существуетъ почти во всѣхъ арміяхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ.

[2]) Нѣсколько времени тому назадъ я былъ свирѣпо обруганъ однимъ батарейнымъ командиромъ (конечно не подписавшимся) за то, что, сѣтуя на отсутствіе при этихъ пріемахъ артиллерійскихъ офицеровъ и старшихъ начальниковъ, я прибавилъ пословицу: „рыба съ головы воняетъ“. Жалѣю, что тотъ батарейный командиръ читаетъ, да не дочитываетъ: ибо тогда бы понялъ, что если бы на упражненіи присутствовалъ хоть начальникъ дивизіи, не говоря уже о корпусномъ, то артиллерійскимъ офицерамъ и въ голову бы конечно не пришло блистать своимъ отсутствіемъ. Изъ сего тотъ восточный батарейный командиръ уразумѣетъ, что пословица, его обидѣвшая, если и относится къ артиллеристамъ, то въ весьма отдаленной степени.

да кромѣ того, уцѣпившись за чужой хвостъ, перевалилъ Валдайскія горы, слѣдовательно есть научный цензъ и боевой опытъ: чѣмъ не герой. И герой готовъ. А что онъ иногда забылъ даже заглавіе книжекъ, по которымъ учился, то кто это знаетъ, тотъ не говоритъ, а кто не знаетъ, тотъ конечно и говорить не можетъ. Найдутся, пожалуй, наивные, которые скажутъ, что въ подобномъ случаѣ молчать не добросовѣстно: когда есть убѣжденіе, что слово ни къ чему не поведетъ, молчать не грѣхъ. Вѣдь все равно не повѣрятъ, да еще прослывешь завистливымъ сплетникомъ, пытающимся поколебать вѣру въ отечественныхъ геніевъ.

Кто мало-мальски приглядывался къ такъ называемымъ избраннымъ корпораціямъ, тотъ знаетъ очень хорошо, что никакія самыя строгія мѣры не спасаютъ ихъ отъ ошибокъ первоначальнаго выбора. Экзамены? Да вѣдь всякій школьникъ знаетъ, что это лотерея; долбяжка проходитъ, подлиза пролѣзаетъ, нахалъ проскакиваетъ. Человѣкъ знающій, способный и самостоятельный, но какъ-нибудь задѣвшій своею самостоятельностью экзаменатора, или невнимательный къ его конькамъ, проваливается, да еще иногда съ трескомъ. Думаю, что г. Строевому и самому извѣстно, какъ иногда лучшіе отпадаютъ, а дюжина—хорошо еще, если не слякоть—принимается. И это еще только умовой подборъ, а волевой и важнѣйшая часть его нравственный подборъ? Вѣдь имъ никакого экзамена не сдѣлаешь и ни подъ какіе баллы не подведешь. Ужъ на что корпораціи, состоящія много, много изъ десяти — пятнадцати человѣкъ, въ родѣ корпораціи мини-

стровъ? А и между ними попадаются шарлатаны, бездарности и проч. Такъ что же говорить о корпораціяхъ, съ составъ коихъ входятъ многія сотни человѣкъ. Генеральный штабъ, конечно, долженъ быть цвѣтомъ арміи, но не всегда таковымъ бываетъ, ибо и въ лучшемъ цвѣтникѣ, при малѣйшемъ невниманіи, заводятся сорныя травы. Оттого въ Пруссіи и заведено было гр. Мольтке постоянное пропалываніе этого цвѣтника. Во-первыхъ, при немъ никто изъ оканчивающихъ высшую военную школу этимъ однимъ не пріобрѣталъ еще права попадать прямо въ генеральный штабъ, во-вторыхъ, даже и служащіе въ оном периодически переводятся въ строевыя части: не гастролерами, какъ у насъ, а въ настоящую, т. е. съ перемѣной формы одежды и безъ права претендовать на обратный переводъ въ генеральный штабъ.

III.

Но, да проститъ мнѣ г. Строевой, съ его положеніемъ, будто генеральный штабъ составляетъ мозгъ арміи, я совершенно не согласенъ: это только нервы арміи, ибо физіологическій составъ того и другихъ хотя и одинъ, но функціи ихъ совершенно различны. Мозгъ арміи—это главнокомандующій съ его начальникомъ штаба; подчиненные этому мозгу нервные узлы—корпусные командиры; подчиненные имъ слѣдующіе нервные узлы—начальники дивизіи, и т. д. все по командной линіи, даже до начальниковъ отдѣленій включительно. Генеральный штабъ—это нервныя ниточки, связывающія перечисленные узлы; продолженіе этихъ ниточекъ—полковой адъю-

тантъ, фельдфебель, взводный унтеръ-офицеръ, у отдѣленнаго толковый рядовой; и у всѣхъ вообще ординарцы и вѣстовые, которыхъ сказанные командиры посылаютъ съ приказаніями или донесеніями. Собственно говоря, за офицера генеральнаго штаба, конечно, при порядочномъ генералѣ, можетъ служить даже и статскій секретарь, если онъ нравственно порядоченъ, образованъ, толковъ и здоровъ. Рекогносцировки, выбора позиціи ему, конечно, поручить нельзя; но рутину военной корреспонденціи онъ конечно усвоитъ легко и скоро, ибо хитраго въ ней ничего нѣтъ. Нужно помнить, что корпораціи генеральнаго штаба до XIX вѣка не было, а его функціи исполняли довѣренные адъютанты, а иногда и гражданскіе чины.

И потому генеральный штабъ есть органъ не самостоятельный, а только служебный; ни одинъ офицеръ генеральнаго штаба, какъ таковой, не имѣетъ права отдать отъ своего имени даже и малѣйшаго приказанія какому-либо начальнику даже мелкой части, но только отъ имени подлежащаго начальника; оттого же самаго у хорошаго начальника не бываетъ плохого генеральнаго штаба, и наоборотъ: у плохого начальника не можетъ быть хорошаго генеральнаго штаба. Прекрасное этому подтвержденіе представляетъ Вейротеръ, который работалъ въ 1799 г. у Суворова и которымъ сей послѣдній былъ вполнѣ доволенъ; а за Аустерлицкую диспозицію на томъ же Вейротерѣ вотъ уже скоро цѣлый вѣкъ, какъ собакъ вѣшаютъ.

Большой не правитъ, малый сбивается съ пути, говорятъ арабы, и лучше армія барановъ

предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ предводимая бараномъ, говорили еще римляне и къ огорченію редакторовъ, уже не зная который разъ, повторяю я. И какъ большинство нервовъ весьма тонки, также точно и составъ штабовъ долженъ быть не только отборенъ, но и малочисленъ; а кто, по маніи величія, или по недомыслію, или по невоздержанной любви къ безплодной корреспонденціи, позволяетъ штабамъ распухать, тотъ дѣла не понимаетъ: интригъ много, работы мало, а отъ большинства, кромѣ охоты за наградами и подсиживанья товарища, никакой другой работы нѣтъ. Продолжая уподобленіе единичному организму, это можно назвать нервнымъ раздраженіемъ. Тутъ разумѣются, конечно, всѣ офицеры, входящіе въ составъ штаба, а не одного генеральнаго штаба.

И то надо сказать, что въ побѣдившей арміи все и всѣ хороши и всякій считаетъ, что удачей обязаны именно ему. Зато въ побѣжденной начинается игра въ воланы: самые главные виновники пораженія валятъ вину не только на людей, но даже и на стихіи, изо всѣхъ силъ отпихивая ее отъ себя. Какъ уже сказано, виноватъ „стрѣлочникъ“. Явленіе это общее и знаменитое, практикуемое даже такими людьми, какъ Наполеонъ и Фридрихъ Великій, не говоря уже о чумичкахъ и мазилкахъ. И ихъ неудачамъ виновато все что угодно, только не они сами: и вѣтеръ и затишье и дождь и засуха и морозъ и оттепель, и то, что имъ не дали достаточно средствъ, и т. д., всего не перечтешь. За всю извѣстную мнѣ часть военной исторіи, я знаю только одинъ примѣръ полководца, говорившаго

послѣ побѣды, „**мы** побѣдили“, а въ случаѣ пораженія „**я** былъ разбитъ“. Это былъ Тюреннъ. По моему, такое отношеніе къ факту побѣды или пораженія, есть признакъ высочайшей нравственной силы, основное свойство коей есть, какъ мнѣ кажется, самоотреченіе [1]).

IV.

Въ подготовкѣ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба есть большой пробѣлъ: большинство ихъ не имѣетъ правильнаго понятія о доступности и недоступности горъ. Отнюдь не желая дѣлать плохого каламбура, мы, за сравнительно малыми исключеніями, такъ сказать плоскіе офицеры, ибо когда работаешь на равнинѣ въ девяносто тысячъ квадратныхъ миль, не трудно и высокую кочку иногда чуть не за гору принять, такъ, подъемъ на шоссе въ Пулковѣ мимо обсерваторіи кажется весьма крутымъ, а въ немъ, помнится, всего 7°. Только въ 74 году, то есть на двадцать пятомъ году службы,

---

[1]) Вообще это былъ человѣкъ необычайной духовной власти надъ собой. Нужно сказать, что въ XVII столѣтіи во Франціи феодальный режимъ былъ въ полной силѣ и всякій феодалъ въ своихъ помѣстьяхъ, собственно говоря, царилъ. Тюреннъ былъ тоже феодаломъ, хотя и не изъ крупныхъ. Однажды гуляя у себя по парку, онъ почувствовалъ сильный ударъ колѣномъ сзади и, быстро повернувшись, кого же увидалъ? Поваренка, который стоялъ передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ и едва выговорилъ: „Pardon, sire, j'ai cru que c'était Jean“. Тюреннъ только замѣтилъ: „Et même si c'était Jean, il ne fallait pas frapper si fort“, то есть: „виноватъ, государь, я думалъ, что это Иванъ“.—„Если бы и Иванъ, зачѣмъ же бить такъ больно?“ Воображаю, какъ бы распорядился у насъ въ доброе старое время помѣщикъ, даже изъ смирныхъ, если бъ съ нимъ такой анекдотъ случился!

попавъ въ Крымъ и переваливъ черезъ Яйлу изъ Ялты въ Бахчисарай и обратно, я впервые понялъ, до какой степени превратно понималъ эту данную, столь важную на войнѣ. Подъѣзжая къ горѣ, я недоумѣвалъ, гдѣ и какъ по ней можно вскарабкаться; но кони, правда привычные, сразу пошли прямо вверхъ, иногда только забирая вкось, при большой крутизнѣ ската. Тогда я вспомнилъ, какъ въ 1854 году сыпались упреки на офицера генеральнаго штаба, рекогносцировавшаго лѣвый флангъ Альминской позиціи и признавшаго тамъ дорогу недоступною, а по ней затѣмъ взобрался Боске даже съ артиллеріей. Не знаю навѣрное, но думаю, что тотъ офицеръ до кампаніи едва ли работалъ въ горахъ. Пораженный этимъ своимъ опытомъ, я предложилъ на слѣдующій годъ полевую поѣздку офицеровъ генеральнаго штаба не то на Кавказъ, не то въ Крымъ, и, помнится, даже настаивалъ на необходимости періодически практиковать въ горахъ всѣхъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба; но на верху признали, что эта затѣя лишняя и дорого стоющая, и записка похоронена была въ картонахъ, подлежащаго отдѣленія Главнаго Штаба, а теперь за давностью лѣтъ, вѣроятно и совсѣмъ уничтожена. Это судьба большинства записокъ, представляемыхъ по командѣ; и при возможности я всегда предпочиталъ путь печати бюрократическому: слѣдъ не исчезаетъ и если не обратятъ вниманія сегодня, авось обратятъ завтра.

V.

Долго я уклонялся отъ бесѣды съ г. Строевымъ о военной игрѣ, но далѣе отдѣлываться молчаніемъ

какъ будто и совѣстно. Противъ военной игры я писалъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, и своего мнѣнія о ней не измѣнилъ, не взирая на то, что съ тѣхъ поръ она процвѣла, т. е. получила распространеніе въ строевыхъ частяхъ, сколько мнѣ кажется, совершенно нежелательное. Г. Строевой говоритъ, что въ большинствѣ частей тактическія занятія „ведутся въ высшей степени неумѣло, неправильно, сухо, не интересно и потому... безъ всякой пользы“. Это фактъ безспорный, но причина его заключается не столько въ отчужденіи офицеровъ генеральнаго штаба, сколько въ совершенно ошибочной постановкѣ этихъ занятій въ строевыхъ частяхъ. Почтенный авторъ, конечно, разумѣетъ подъ этими занятіями обязательныя упражненія въ военной игрѣ: неужели онъ не замѣчалъ, что между нею и дѣйствительнымъ боевымъ дѣломъ не только нѣтъ никакого соотвѣтствія, но даже есть рѣзкія противорѣчія, порождающія мирно-игорную тактику въ противоположность боевой. Вѣдь въ ней все примѣрно; даже планы большею частью сочиненные, а не взятые съ существующей мѣстности. По-моему, военную игру можно было бы допустить въ частяхъ, какъ говорится, на охотника; но обращать занятія ею въ служебную обязанность, признаю большой ошибкой. И въ этой ошибкѣ виноваты тѣ же офицеры генеральнаго штаба: не умѣя дѣлать, что нужно, они сдѣлали, что умѣли. Въ академіи ихъ ознакомили съ военной игрой, учили писать директивы, диспозиціи, приказы, приказанія, разумѣется, руководствуясь планами и прибѣгая иногда къ военной игрѣ. И въ академіи это понятно, ибо, во-пер-

выхъ, въ ней плановъ, бумаги, циркулей, чернилъ, перьевъ, карандашей много, а войскъ нѣтъ; во-вторыхъ, офицеръ генеральнаго штаба долженъ взять навыкъ быстро и толково редактировать самую сложную диспозицію для большихъ силъ, а это иначе какъ по плану и сообразить нельзя. Въ войскахъ прямо наоборотъ: плановъ и прочей канцеляріи мало, а войскъ много, ибо это они сами. Да и то нужно имѣть въ виду, что строевому офицеру сложныхъ диспозицій писать не приходится, пока онъ не въ большихъ чинахъ; а когда попадетъ въ чины побольше, то при немъ будетъ же офицеръ, приспособленный положить на бумагу полученное отъ него изустное приказаніе. Я веду къ тому, что если исключить ознакомленіе съ условными знаками на планахъ, то военная игра безполезна, такъ какъ знакомство съ условными знаками пріобрѣтается помимо военной игры сличеніемъ плана съ мѣстностью, и даже гораздо лучше. Что же касается до разыгрыванія такъ называемыхъ боевъ, то оно положительно вредно, и вотъ почему:

Сидятъ два совершеннолѣтніе, а иногда и пожилые господина офицера другъ противъ друга за столикомъ съ планами, на коихъ разставлены шашки, въ которыя они тыкаютъ пальцами. Но для состязателей это не шашки, а войска, то есть они притворяются, что принимаютъ ихъ за войска, а сами такъ не думаютъ, да и не могутъ думать. Это то же самое, какъ нѣкоторые пустодѣлы требуютъ отъ солдатъ, чтобы они на маневрахъ ставили прицѣлъ по разстоянію и тщательно прицѣливались, когда стрѣльба холостая. Спрашивается, на кой, съ поз-

воленія сказать, чортъ я буду прицѣливаться, когда знаю, что не могу попасть? И такимъ-то образомъ, ставимъ требованіе, противное здравому смыслу, воображая будто чему-нибудь учимъ, и обижаемся, что наши нелѣпыя требованія не исполняются.

Но это не все: въ извѣстные сроки посредникъ спрашиваетъ или ему говорятъ: „я начинаю наступленіе, я останавливаюсь“ и такъ далѣе до разстоянія, съ котораго нужно начинать атаку. Тогда новый вопросъ: „принимаете ли атаку?“ И на него отвѣтъ: принимаю или не принимаю. И вотъ опять начинается тыканье пальцами въ шашки, именуемое атакою, и противодѣйствіе ей. Затѣмъ не знаю, какъ это дѣлается теперь, но въ прежнее время сверхъ всего этого ребяческаго вздора существовали даже кости, на коихъ съ одной стороны стояло **0**, то есть отбитъ, на другой,—кажется **У**, то есть удача; стояло что то и на другихъ сторонахъ, теперь не помню. Вводятся ли теперь велѣнія судьбы въ это пустопорожнее убійство времени, не знаю, но полагаю, что вдумавшись въ сказанное, всякій пойметъ, что тутъ все идетъ навыворотъ, ибо дѣлаютъ то, что въ дѣйствительности нужно приказывать, и говорятъ то, что на самомъ дѣлѣ исполняется обыкновенно въ страшномъ молчаніи. Вѣдь тамъ я не разсуждаю вслухъ, принимаю или нѣтъ атаку, а рѣшаю это въ сердцѣ и умѣ молча, иногда въ смертельныхъ мукахъ колебанія... Возьмемъ хоть то, что собираясь на самомъ дѣлѣ атаковать деревню или гору, всякій понимающій дѣло начнетъ вотъ съ чего: „намъ приказано (или мы должны) взять эту деревню (или эту гору)“; и скажетъ это

онъ не только внятно, громки, но и внушительно, то есть такимъ тономъ, изъ котораго ясно было бы, что тутъ возврата нѣтъ, а нужно или взять, или погибнуть, ибо еще де-Бракъ сказалъ, что въ бою люди не столько слушаютъ команду, сколько ея тонъ и присматриваются къ выраженію лица командира. Замѣчаніе глубоко вѣрно, такъ какъ приказаніе или команда указываютъ то, что нужно сдѣлать; а какъ сдѣлать—указываетъ только тонъ голоса и выраженіе глазъ и лица. Спрашивается, можно ли все это продѣлать обращаясь къ шашкамъ? При такомъ сближеніи, вѣроятно всякій расхохочется; даже меня, давно привыкшаго къ такому складу понятій, разбираетъ смѣхъ, диктуя это. Расхохочутся вѣроятно и тѣ изъ читателей, которые дадутъ себѣ трудъ вникнуть въ эту длинную рацею.

Да что говорить о приказаніяхъ? Представьте себѣ преданнаго дѣлу офицера, который желая исполнить все какъ на самомъ дѣлѣ, гаркнулъ бы, обращаясь къ шашкѣ, направленіе туда-то, шагомъ маршъ и опять выйдетъ смѣшно. И заставлять убивать время на подобные пустяки не ребятъ, а людей взрослыхъ, иногда пятидесятилѣтнихъ, а то и болѣе...

Для войскъ я не признаю другихъ тактическихъ упражненій кромѣ какъ въ полѣ, съ войсками же и въ возможно болѣе полномъ числѣ рядовъ; и только при недостаткѣ людей, допускаю занятія съ кадрами или съ обозначеннымъ противникомъ.

Можетъ быть я ошибаюсь, но начавъ службу еще тогда, когда вмѣсто заряжанія ружья, только махали около него установленныхъ образомъ ру-

ками, когда скусывали патронъ ничего не скусывая, когда даже шомполъ вынимали „примѣрно“, то есть приставляя къ нему большой и указательный палецъ правой руки и затѣмъ поднимая ее вверхъ, не трогая шомпола, такъ, начавъ, говорю я, службу во время всей этой примѣрщины, и извѣдавъ ея тлетворное вліяніе на мозгъ и сердце не только солдатъ, но даже и многихъ офицеровъ, я не могу равнодушно относиться ни къ какимъ сурогатамъ (примѣрщинѣ тожъ) въ воинскихъ занятіяхъ. Не могу потому, что они даютъ цѣлые своды правилъ, вызываемыхъ этими сурогатами и не имѣющихъ ничего общаго съ подлиннымъ боевымъ дѣломъ и слѣдовательно извращающихъ понятія, симъ послѣднимъ вызываемыя и узаконяемыя. Если мирно-маневренная тактика при малѣйшемъ невниманіи увлекаетъ войска и начальника совершенно въ сторону отъ боевыхъ понятій и боевыхъ требованій (какъ было у насъ до крымской войны), то чего можно ожидать отъ мирно-игорной тактики? Тамъ, по крайней мѣрѣ, имѣютъ дѣло хоть съ двумя реальными данными, т. е. съ мѣстностью и войсками, въ военной игрѣ все фиктивно и къ ней вполнѣ примѣняются извѣстные стихи Скаррона.

Et près de l'ombre d'un rocher
J'aperçus l'ombre d'un cocher
Qui tenant l'ombre d'une brosse
Nettoyait l'ombre d'un carose.

Т. е.: „Возлѣ тѣни скалы, замѣтилъ я тѣнь кучера, которая тѣнью щетки чистила тѣнь кареты“.

Впрочемъ, какъ въ академіи, такъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ, при занятіяхъ военною игрою, отъ

розыгрыша боевъ теперь, говорятъ, воздерживаются. Дай-то Господи!

Г. Строевой считаетъ, что въ дивизіи есть не меньше двухъ, а иногда и три офицера генеральнаго штаба, это далеко не вездѣ! Въ армейскихъ дивизіяхъ старшій адъютантъ генеральнаго штаба почти вездѣ отсутствуетъ: онъ отбываетъ цензъ, или какую-нибудь командировку и довольно часто переводится съ одного мѣста служенія на другое. Что до начальника дивизіи и до начальника штаба, то у нихъ своего дѣла довольно; и едва ли остается время на то, чтобы посвящать его въ частяхъ комнатнымъ занятіямъ, сколько нибудь систематическимъ. Это въ мирное время; а теперь я знаю дивизіи даже безъ начальниковъ штабовъ, которые ушли на Востокъ, а отъ должностей не отчислены.

Итакъ: 1) нападки на генеральный штабъ по пословицѣ: „не по коню, такъ по оглоблямъ“, и дѣлая изъ частныхъ случаевъ общіе выводы, вниманія не заслуживаютъ.

2) Эти нападки отчасти объясняются привилегированнымъ положеніемъ офицеровъ генеральнаго штаба, которое всегда и вездѣ возбуждаетъ зависть, но отчасти оправдываются и безтактнымъ поведеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые не прочь повеличаться своимъ положеніемъ и передъ строевыми офицерами задираютъ носъ.

3) Корпорація генеральнаго штаба есть отнюдь не мозгъ, а только нервы арміи; на этомъ основаніи она есть сила служебная, а не самостоятельная. На этомъ же основаніи у хорошаго генерала не бываетъ плохого генеральнаго штаба, а у плохого—хорошаго.

4) Такъ какъ воспитаніе глàза есть первѣйшее условіе во всякомъ практическомъ дѣлѣ, то при плоской равнинѣ въ 90 тыс. кв. миль, необходимо принять за правило, хоть два три раза въ жизни, непремѣнно давать практику офицерамъ генеральнаго штаба въ горахъ.

5) Принимая за правило періодическій переводъ въ строй офицеровъ генеральнаго штаба, слѣдуетъ на соотвѣтственное число увеличить штатный его составъ, дабы штабы были постоянно въ комплектѣ, а не выходило бы съ ними, по выраженію покойнаго императора Вильгельма I, какъ съ голубятнями, изъ которыхъ голуби безпрерывно выходятъ и входятъ.

Нужно ли говорить, что недавно выдуманное командированіе старшихъ начальниковъ на полигоны въ лѣтнее время, т. е. когда начинается самая бойкая пора для занятій въ строевыхъ частяхъ, тоже нельзя назвать особенно симпатичной затѣей.

6) При мирныхъ занятіяхъ безъ примѣрщины, къ сожалѣнію, обойтись нельзя, но во-первыхъ, нужно ее по возможности ограничивать, во-вторыхъ, уразумѣвъ опасное ея вліяніе на складъ понятій, сознательно опредѣлить границу, далѣе которой ея не допускать.

VI.

Жиды, или такъ называемые русскіе Моисѣева закона, весьма не любятъ, когда ихъ называютъ жидами, хотя бы кажется отчего? Вѣдь это ихъ національное имя. Кто же тому виноватъ, если оно обратилось чуть не въ ругательное слово [1])?

[1]) И развѣ можно ручаться, что черезъ пятьдесятъ—сто лѣтъ слово „еврей“ не пріобрѣтетъ такого же специфическаго запаха?

Заставилъ меня вспомнить о нихъ г. Борей, сравнивъ нашего г. Касперова съ легендарнымъ Іосифомъ, знаменитымъ министромъ финансовъ и великимъ политико-экономомъ египетскаго фараона. По-моему, сравненіе для Іосифа обидное, между ними дистанція огромнаго размѣра: г. Касперовъ устранилъ изъ продовольственной кассы какія-нибудь 130 тысячъ — чистѣйшая бездѣлица! Господинъ же Іосифъ за свои заслуги былъ пожалованъ цѣлой провинціей, да еще изъ лучшихъ. И пожалованъ подѣломъ, ибо заслуга заключалась ни болѣе ни менѣе какъ въ фараонизаціи, или, по современному, въ націонализаціи земли, то есть была дѣйствительно велика. Большинство изъ насъ этого не подозрѣваетъ, благодаря тому, что жидовская исторія преподается намъ мертвенно, блѣдно, безцвѣтно. Авторы учебниковъ этой исторіи пишутъ, а потомъ преподаютъ ихъ такъ, какъ будто они сами раввины, а не православные люди, то есть замазываютъ въ ней неказистыя стороны, давая вмѣсто фактовъ только полуфакты и тѣмъ сообщая имъ превратное освѣщеніе. Кто изъ насъ не знаетъ, что вслѣдъ за исходомъ жидовъ изъ Египта Господь ожесточилъ сердце фараона до того, что онъ погнался за этими бѣдными угнетенными людьми, за что и былъ наказанъ потопленіемъ его со своей арміей? Вотъ какъ порокъ наказывается, а добродѣтель награждается! Но что мало кому извѣстно, такъ это то, что передъ исходомъ жиды, подъ предлогомъ праздника, выпросили у сосѣдей-египтянъ золотые и серебряные сосуды, которые потомъ забыли возвратить, захвативъ ихъ съ собой. Кому

это извѣстно, тотъ вѣроятно признаетъ погоню за жидами совершенно естественною и конечно согласится, что хотя Господь ожесточилъ сердце фараоново въ этомъ случаѣ, но, кажется, и фараонъ не совсѣмъ былъ неправъ, ожесточившись.

Такимъ образомъ, большинство фактовъ жидовской исторіи нашими преподавателями читается, да не дочитывается, отчего она теряетъ на столько свой интересъ, что, пройдя сквозь Каудинскія фуркулы экзаменовъ, никто въ нее потомъ и не заглядываетъ.

А заглянуть очень стоитъ, хотя бы для того, чтсбы понять все величіе мудрости Іосифовой; проектъ имъ осуществленный, и какъ я полагаю, имъ же задуманный и предложенный, доказываетъ, до какой степени жидовская раса съ древнѣйшихъ временъ остается вѣрною себѣ: никто какъ жидъ не способенъ ограбить человѣка или даже народъ съ такимъ высокимъ искусствомъ, что ограбленные ему же за это кланяются въ ноги.

Проектъ представляетъ грандіозный соціальный переворотъ обезземеленія цѣлаго народа, а по тому, что говорится школярамъ, можно подумать, будто заботились только о томъ, чтобы прокормить голодающихъ египтянъ въ теченіе семи неурожайныхъ годовъ.

Дѣло было такъ: одинъ изъ приближенныхъ фараона, Пентефрій, садитъ въ тюрьму своего слугу жидка Іосифа, якобы по навѣтамъ своей жены. Нѣсколько времени спустя, вѣроятно не долго, фараону снится извѣстный сонъ о семи жирныхъ и семи тощихъ коровахъ (думаю, а конечно, можетъ

и ошибаюсь, что авторъ этого сна былъ тотъ же Іосифъ). Вдругъ преступникъ, брошенный въ тюрьму, по обвиненію въ преступленіи, за которое въ Египтѣ по головкѣ вѣроятно тоже не гладили, оказывается настолько вѣщимъ истолкователемъ сновъ, что его признали достойнымъ предстать предъ очи фараоновы. По истолкованіи сна,—новая и совершенно феерическая перемѣна декораціи. Каторжникъ попадаетъ въ первые министры. Чтобы этого не случалось и въ другихъ мѣстахъ, сказать нельзя; конечно бываетъ, но при подобныхъ превращеніяхъ все же соблюдается нѣкоторая постепенность въ чинопроизводствѣ.

Настаютъ урожайные годы. Іосифъ собираетъ хлѣбъ вѣроятно даромъ, такъ какъ о платѣ за него въ книгѣ Бытія ничего не говорится. Опять же народъ первобытно простъ, ахъ какъ простъ! Да и урожаи безобразно обильные.

„И насталъ первый годъ голода по всей египетской землѣ,—говоритъ книга Бытія, и такой былъ голодъ, что Іосифъ выбралъ за хлѣбъ всѣ деньги, какія только были у египтянъ“.

„И насталъ второй годъ голода по всей египетской землѣ и такой былъ голодъ, что Іосифъ выбралъ за хлѣбъ всю скотину, какая только была въ странѣ“.

„И насталъ третій годъ голода по всей египетской землѣ; и такой былъ голодъ, что пришли къ Іосифу египтяне и говорили: вотъ ты у насъ всѣ деньги забралъ, всю скотину забралъ; бери теперь насъ и давай намъ хлѣба. Мнѣ васъ не нужно, сказалъ Іосифъ, а считайте, что отъ сихъ поръ

земля не ваша, а фараонова; онъ отдаетъ ее вамъ въ обработку, а вы ему за это должны отдавать пятую часть урожая".

Итого 20% съ валового дохода! Замѣчательно, что объ остальныхъ четырехъ голодныхъ годахъ не сказано ни слова: наглядное доказательство того, съ какою цѣлью приснился сонъ и сдѣлано его истолкованіе. Тогдашніе публицисты еще не понаторѣли въ заметаніи слѣдовъ, какъ современные: разъ цѣль достигнута, чего болтать по пустому? Но современные навѣрное разсказали бы трогательныя исторіи объ остальныхъ годахъ и, конечно, изобразили бы Іосифа такимъ благодѣтелемъ человѣчества, какого никогда до него не бывало, да и не будетъ.

И потому сравненіе Іосифа съ г-мъ Касперовымъ для перваго даже обидно; это то же, какъ если бы кто сравнилъ громаднаго крокодила съ ящеренкомъ полдюйма росту.

Недавно появился новый подставной Іосифъ, требующій уже націонализаціи не какого-нибудь маленькаго Египта, а всей земли русской, съ непремѣннымъ при томъ условіемъ предоставленія права аренды жидамъ повсемѣстно.

Они будутъ арендовать, а прочее населеніе Имперіи на арендованныхъ земляхъ будутъ у нихъ батраками: придумано не дурно. Идти далѣе въ нагло-наивной откровенности вожделѣній трудно.

VII.

Равноправность жидовъ. Эта равноправность у нихъ на очереди и домогательство ведется съ великимъ гвалтомъ: по обычаю, и въ этомъ вопросѣ

у нихъ на каждомъ шагу подтасовки. Во-первыхъ, они и теперь пользуются большими правами, чѣмъ прирожденные русскіе. Напримѣръ, они пользуются самоуправленіемъ въ такой мѣрѣ, до какой намъ далеко; въ желѣзно-дорожныхъ, подрядныхъ и финансовыхъ операціяхъ они играютъ, конечно, преобладающую роль передъ всѣми русскими; офиціальныхъ мѣстъ по финансовому вѣдомству они, слава Богу, еще не получаютъ, но громадное большинство крупныхъ банковъ, доступъ съ задняго крыльца, самые стратегическіе пункты этого вѣдомства и вообще вся подпольная финансовая работа— въ ихъ рукахъ.

Они жалуются на то, что доступъ въ школы имъ ограниченъ: я полагаю, что по отношенію жидовскаго населенія ко всему населенію Имперіи, онъ непозволительно превзойденъ. И здѣсь открывается новая подтасовка: если ихъ шесть мильоновъ, то есть одна двадцатая всего населенія, то они могутъ претендовать по всей справедливости на допускъ въ школы одного жида на 20 прочихъ учениковъ, то есть, на 5%; если даже считать ихъ 8 мильоновъ, то они могутъ претендовать на 6, 7%, а ихъ допускаютъ теперь несравненно больше.

А такъ называемыя либеральныя профессіи! Сѣтующимъ на неравноправность жидовъ не мѣшало бы подсчитать, какой процентъ ими наполненъ въ профессіяхъ аптекарской, докторской, адвокатской; а всѣмъ извѣстная въ юго-западномъ краѣ продажа кагаломъ деревень и помѣщиковъ жидамъ? Вѣдь въ этомъ краѣ едва ли найдется помѣщикъ, который могъ бы нанять рабочаго, что либо продать

или купить безъ жида, которому онъ проданъ? Жиды настолько сознаютъ тамъ свою силу, что еще въ семидесятыхъ годахъ мнѣ передавали въ одной изъ губерній такую ихъ обычную позоворку: „И что намъ становой? По 3 коп. съ души. И что намъ исправникъ? По 5 коп. съ души. И что намъ губернаторъ? По 15 коп. съ души“.

Но допущу даже, что они неравноправны съ русскими: спрашивается, есть ли хоть малѣйшее основаніе съ ихъ стороны на это претендовать? Вѣдь всѣ они большіе законники и лучше чѣмъ кто-нибудь знаютъ, что всякое право неминуемо предполагаетъ обязанность, и тѣмъ болѣе стѣснительную и тяжелую, чѣмъ право выше. А что можетъ быть тяжелѣе отбыванія воинской повинности? И понимается само собой, что инородецъ можетъ разсчитывать на полноту гражданскихъ правъ, принадлежащихъ аборигенамъ, только за вполнѣ честное ея отбываніе. Какъ же господа жиды относятся къ этой священной обязанности? Послѣднія мобилизаціи показали это ясно. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ изъ подлежавшихъ призыву жидовъ, предпочло явкѣ на сборный пунктъ путешествіе заграницу до 60%, да изъ оставшихся оказалось негодными къ службѣ до 50%. Слѣдовательно на службу поступило изо всего подлежащаго призыву числа всего 20%, но и они далеко не всѣ достигали по назначенію, такъ какъ многіе разбѣгались по дорогѣ.

Изъ сказаннаго видно, чѣмъ подбита ваша жажда равноправности, господа жиды: по правамъ вы весьма не прочь быть русскими, но по обязанностямъ быть таковыми вы ни малѣйшаго

желанія не имѣете. У васъ два вѣса и двѣ мѣры, господа; такъ нельзя. За подобныя отношенія къ народу и государству можно претендовать, если не на лишеніе, то по крайней мѣрѣ на ограниченіе гражданскихъ правъ, но ужъ никакъ не на полноту ихъ. По своему обычаю вы, пожалуй, подымете вой, будто я противъ васъ агитирую, возбуждаю ненависть,—ничего подобнаго: печатное слово, не создаетъ настроеній, а только отмѣчаетъ тѣ, которые уже носятся въ воздухѣ. Вѣдь всѣ ваши избіенія, потопленія и всяческія истребленія въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ представляютъ явленіе чисто стихійное и никѣмъ, кромѣ васъ самихъ, не вызываемое. Избиваютъ васъ не тѣ, которые пишутъ, читаютъ, думаютъ: но именно тѣ, которые думаютъ мало, читаютъ еще меньше и вовсе не пишутъ. Что было бы уже, въ настоящую минуту, если бы васъ не защищало бы то самое правительство, подъ которое вы теперь такъ нагло подкапываетесь? Подумайте и сами отвѣтьте.

Что печать настроенія не создаетъ, лучше всего доказываютъ жидовскія же газеты: ужъ онѣ ли не стараются располагать общественное мнѣніе къ жидамъ, а результатъ получается прямо противоположный.

Нѣтъ, господа, и тутъ вы извращаете отношеніе духовныхъ факторовъ, такъ какъ не печать руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, а, напротивъ, оно руководитъ печатью.

Вамъ удается закупить интеллигенцію, закупить правительство, кого льстивыми рѣчами, кого нытьемъ о вашемъ якобы страшномъ угнетеніи, кого проек-

тами, въ родѣ фараонолизаціи, монополизаціи, денатурализаціи, кого чѣмъ, и въ концѣ концовъ, разумѣется, надуть; но инстинкта массъ вы никогда не надуете. Долго онѣ терпятъ отъ вашей эксплуатаціи, но терпѣніе наконецъ лопается, и затѣмъ.... затѣмъ вы знаете, что происходитъ.

Я первый высоко ставлю волю вашу и умъ; но этики вашей поставить не могу даже и невысоко: она, скажу прямо, человѣконенавистническая. И не за преслѣдованіе васъ вы ненавидите другіе народы, какъ въ томъ стараетесь лживо всѣхъ убѣдить, а, наоборотъ, васъ преслѣдуютъ за ненавистничество къ другимъ, которое есть по вашему закону не только не грѣхъ, а заслуга передъ Іеговой. Однимъ словомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, вы подтасовываете, выставляя причину за слѣдствіе, и наоборотъ. И разъяснять это необходимо не для того, чтобы возбуждать къ вамъ ненависть, которой, по вашей же милости, накипѣло и такъ довольно, но просто изъ принципа самозащиты. Ужъ если судьба свела насъ съ вами, то безъ взаимныхъ сношеній обойтись нельзя, но быть настороже всегда необходимо.

Вы кричите, что угнетены и неравноправны? А кто возбудилъ не дальше, какъ года три тому назадъ, вопросъ о замѣнѣ для васъ воинской повинности денежной? И не признана ли была бы возмутительно наглымъ домогательствомъ подобная претензія, если бы она была заявлена какими-либо другими инородцами, живущими въ Россіи, кромѣ васъ? Но съ вашей стороны это домогательство не только никого не возмутило, а даже повело къ со-

бранію мнѣній въ томъ духѣ, не будетъ ли соотвѣтственнымъ его удовлетворить. И вы не поцеремонились поднять это наглое ходатайство черезъ какія-нибудь тридцать лѣтъ по введеніи всеобщей воинской повинности! Вѣдь если бы, не дай Богъ, оно вамъ удалось, то вы бы растились и множились на русскихъ хлѣбахъ и богатѣли бы на русскія деньги, а прочее населеніе платило бы за васъ воинскую повинность, обращенную въ денежную, примѣръ чему уже былъ; въ случаѣ же войны жертвовали бы жизнью только наши дѣти, а ваши занимались бы гешефтами по продовольственной и по инымъ прибыльнымъ статьямъ.

Я сказалъ, что если бы жидамъ удалось добиться замѣны налога кровью налогомъ денежнымъ, то послѣдній все равно пришлось бы заплатить не имъ, а остальному населенію, и было бы сдѣлано это такъ: въ ожиданіи Высочайшаго утвержденія устава о всеобщей воинской повинности, цѣна на зачетныя рекрутскія квитанціи сильно поднялась. Въ 1872 году въ одной изъ губерній юго-западнаго края ихъ представлено жидами, сколько помнится на 375,000 р. Но не успѣлъ окончиться наборъ, и въ жидовскихъ лавкахъ на чай, сахаръ, свѣчи и проч. жизненныя потребности, какъ по камертону, сдѣлана была надбавка цѣны, по двѣ, по три копейки на фунтъ, и стоимость квитанцій въ какіе-нибудь два—три мѣсяца вернулась въ жидовскіе карманы съ барышемъ изъ кармановъ христіанскаго населенія края.

Нѣтъ, господа жиды, не вамъ у насъ, а намъ у васъ надо доискиваться равноправности.

Заключаю эту статью переводомъ нѣсколькихъ

поучительныхъ строкъ изъ теолого-политическаго трактата великаго и насквозь честнаго соотчича жидовъ, Спинозы:

„Жиды, которые вѣровали, что ихъ царство было царствомъ Божьимъ, что они были единственными сынами Бога и что всѣ остальныя націи были его врагами, и что вслѣдствіе этого ненависть жидовъ къ послѣднимъ была дѣломъ набожности,— могли ли бы они относиться иначе, какъ съ ужасомъ, къ присягѣ на вѣрность чужеземцу и повиновенію ему?.. Изъ этого презрѣнія и порицанія, съ которыми они относились ежедневно ко всѣмъ другимъ націямъ, должна была родиться вѣчная ненависть, укоренившаяся во всѣхъ умахъ такъ твердо, какъ можетъ укорениться ненависть, порождаемая богопочтеніемъ и набожностью, и которая какъ дѣло благочестивое, не можетъ ни съ чѣмъ сравниться по ожесточенности и упорству. Прибавьте къ этому общую причину, болѣе и болѣе воспламеняющую ненависть, а именно ея взаимность, такъ какъ другія націи должны были проникнуться къ жидамъ такою же ненавистью“ [1]).

VIII.

Разные взгляды на воспитаніе и образованіе войскъ. (Весенній сонъ). «Повѣрьте, что гдѣ есть внутренній порядокъ, тамъ внѣшній будетъ.

— Да вѣдь безъ внѣшняго тоже обойтись нельзя?

---

[1]) См. Oeuvres de Spinosa, t. II, traduction par Emile Saisset „Traité théologico-poltique“ стр. 286, изд. Charpentier 1861 г.

„Кто жъ васъ приглашаетъ оставить его совсѣмъ безъ вниманія? Удивительное дѣло, право, какъ процвѣтаетъ эта однобокая логика: непремѣнно или то, или другое; нужно и то, и другое. Что отъ чего и что послѣ чего: вотъ въ чемъ дѣло. Кажется ясно. Вѣдь если налегать на то, что виднѣе, обыкновенно упускается изъ виду, что важнѣе: цѣлыя эпохи доказывали это съ грустной очевидностью.

— Ну, сѣли на своего конька; какъ вамъ не надоѣстъ повторяться! Вѣдь все это жовано и пережовано...

«Въ томъ то и бѣда, что жовано, да не пережовано: отъ того и несвареніе или, если хотите, духовный катарръ.

Вѣдь въ той батареѣ, въ которой послѣ ученія забываютъ пробанить орудія, а гг. офицеры блещутъ своимъ отсутствіемъ, во время заряженія, хотя бы и холостымъ зарядомъ, церемоніальный маршъ, пригонка одежды и аммунціи были вѣроятно всегда въ отличномъ порядкѣ. Въ человѣкѣ первыми побѣждаются глаза; тутъ и не хочешь, да видишь; въ томъ и горе, что серьезныхъ обязанностей ни въ строй поставить, ни церемоніальнымъ маршемъ пропустить нельзя; да и очковъ ими никому не вотрешь.

— Обрадовались, что можете придраться къ незначительному упущенію. Это случайность, а сами вы говорите, что по частному случаю общихъ выводовъ не дѣлаютъ.

„Скорблю, а не радуюсь“; а случайность, обнаруживающая забвеніе элементарныхъ указаній и

внутренней и строевой службы, не есть случайность. Вѣдь не случается же напримѣръ хоть то, чтобы вывели на смотръ въ мундирахъ, криво и косо одѣтыхъ? Недавно одинъ начальникъ, (теперь уже отошедшій въ вѣчность), настаивалъ, чтобы въ ротныхъ кухняхъ всѣ ушаты были выкрашены зеленой краской непремѣнно одного оттѣнка и чтобы на каждомъ ушатѣ была надпись, какого тотъ ушатъ полка, и какой роты, эскадрона. Какъ вы полагаете: можно ли было этому начальнику залѣзть въ душу подобнымъ ушатомъ, или нѣтъ? Залѣзть до того, что онъ изъ-за ушата не увидитъ и серьезнаго служебнаго упущенія?

Хорошо незначительное упущеніе! Вѣроятно если спросить городового, котораго подстрѣлили, онъ бы его такимъ незначительнымъ не призналъ.

— Васъ не переговоришь, да и поздно. Уже спать пора. До свиданья.

Мы разошлись. Но въ головѣ работа не прекращалась, и не скажу, чтобы особенно была веселою.

Просто непостижимо, до какой степени, самыя кажется наглядныя и здравыя мысли легко языкомъ перебалтываются, а въ жизнь не переходятъ.

Въ такихъ невеселыхъ размышленіяхъ я заснулъ и во снѣ опять получилъ визитъ моего домового.

— Имѣю честь кланяться, ваше-ство. Я опять къ вамъ; соскучился; давно не видѣлись.

„И опять вѣрно съ какою-нибудь пакостью“.

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ? на этотъ разъ я думаю, вы останетесь мною довольны: принесъ вамъ симпа-

тическій анекдотъ на тему маршала Саксонскаго: „не зная дѣлать что нужно, дѣлаемъ что умѣемъ“. Не угодно ли вамъ прочесть этотъ приказъ? Навѣрное онъ васъ тронетъ!

Онъ сунулъ мнѣ какой-то листокъ, на коемъ было изображено:

Городъ N, 00 числа, 00 года.

„Завести металлическія гребенки и вычесывать ту шерсть, которая линяетъ; клочья этой шерсти придаютъ животнымъ неряшливый видъ и способствуютъ размноженію микробовъ.

„Для присмотра и ухода за скотомъ поставить нижнихъ чиновъ изъ числа бывшихъ землепашцами и знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, а не изъ городскихъ жителей, которые конечно не могутъ быть опытными надсмотрщиками за порціоннымъ скотомъ“.

— Не правда ли, какая предусмотрительность, какое глубокое и всестороннее пониманіе того, что горожанинъ не можетъ быть надсмотрщикомъ за скотомъ, да еще порціоннымъ, который не сегодня—завтра убьютъ на мясо!

„Что ты зубоскалишь? Вѣроятно выкралъ приказъ у какого-нибудь управляющаго экономіей, гдѣ есть породистый скотъ, и за нимъ иностранный уходъ, и лжешь, будто подобный нелѣпый приказъ могъ выйти изъ подъ пера воинскаго начальника.

Вѣдь ему конечно извѣстно, что у насъ рогатаго скота крестьянинъ нигдѣ не чиститъ и что начальнику ввѣряютъ людей для обученія военному дѣлу, а не воловьему или коровьему парикмахерскому искусству. Все ты врешь.

— Нѣтъ не вру-съ. Извольте читать сами: При-

казъ по такой-то части, а не по такой-то экономіи. Да при томъ и городъ не то, чтобы близко отъ непріятеля, но все же въ такомъ положеніи, что совсѣмъ забывать о немъ тоже не приходится. У меня есть и еще анекдотъ, да вы не вѣрите, ну охоты разсказывать и нѣтъ.

„Да говори ужъ, коли пожаловалъ. Больше ли, меньше наврешь, не все ли равно.

— Да не вру же я, когда у меня все документально. Но тутъ ужъ вы конечно останетесь довольны, ибо воспользовались показомъ, т. е. однимъ изъ вашихъ коньковъ.

И онъ сунулъ мнѣ новый приказъ, коимъ для достиженія идеальнаго однообразія одежды предписывалось держать въ швальняхъ манекены, соотвѣтственнымъ образомъ обмундированные, начальству на смотръ представленные и онымъ одобренные.

„Ну, если это все тобою не сочинено, можно съ грустью сказать, что подъ иными кличками, но Тарбѣевы не перевелись. То былъ костоправъ, а теперь пошли огнелюбы, закройщики, кашевары, коровьи парикмахеры“...

— И не переведутся, возразилъ чортъ, уходя въ стѣну.

Я проснулся съ тяжелой головой. Неужели это былъ только кошмаръ? Дай-то, Господи! Но какой дрянной, какой нелѣпый кошмаръ...

IX.

Вызываетъ ли статья 182 уст. о сл. въ гарн. недоразумѣнія и нужно ли ее измѣнить? По

мнѣнію г. А. С. Лыкошина [1]) — да; по моему — вовсе нѣтъ. Думаю даже, что измѣненіе ея причинило бы караульной службѣ важный ущербъ. Не сомнѣваюсь въ искренности г. А. С. Л., доказываемой уже и тѣмъ, что онъ не прячетъ своей фамиліи, и тѣмъ охотнѣе дѣлюсь съ нимъ взглядами по вопросу, имъ поднятому. Все дѣло въ томъ, что г. А. С. Л. привыкъ къ своеобразному чтенію уставовъ: исключеніе изъ какого-нибудь общаго правила кажется ему противорѣчіемъ этому правилу.

Если, напримѣръ, одна статья воспрещаетъ караульному начальнику отлучку изъ караульнаго помѣщенія, а другая или другія прямо обязываютъ отлучки для исполненія той же караульной службы, то мнѣ кажется, что здѣсь никакого противорѣчія нѣтъ, какъ его нѣтъ ни въ одномъ узаконяемомъ исключеніи изъ какого-либо общаго закона. Таковы статьи 124 и 150, и ихъ исполненіе ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сочтетъ нарушеніемъ статьи 182.

Совсѣмъ въ иномъ отношеніи къ этой послѣдней находится статья 179, и тутъ г. А. С. Л. ошибается въ самомъ основаніи. Онъ говоритъ: „Наконецъ, статья 179 возлагаетъ на караульнаго начальника отвѣтственность за каждаго изъ чиновъ караула, а потому ему должна быть предоставлена возможность личнаго наблюденія за исполненіемъ своихъ обязанностей всѣми чинами караула, въ томъ числѣ и за часовыми, стоящими на постахъ“.

Вотъ ужъ это вовсе не „а потому“. Если пони-

---

[1]) № 755 „Развѣдчика“.

мать такимъ образомъ отвѣтственность за чиновъ, мнѣ подвѣдомыхъ, временно или постоянно, то ротный командиръ первый ничѣмъ бы другимъ не могъ заниматься, кромѣ какъ обѣганіемъ мѣстъ, куда его люди наряжены на службу.

Въ прежнихъ изданіяхъ уст. о сл. въ гарн. характеръ и предѣлъ этой отвѣтственности опредѣлялись ясно тѣмъ, что караульный начальникъ долженъ былъ требовать къ себѣ свободныхъ чиновъ и повѣрять ихъ [1]) въ знаніи обязанностей,—вотъ вамъ разумное примѣненіе ст. 179; ибо если вы меня повѣрили, а я потомъ не исполнилъ, то виноватъ я, а не вы, и толкованіе 182 статьи главнымъ военнымъ судомъ совершенно правильно уже и потому, что право толкованія закона распространительно не предоставлено никому, а тѣмъ болѣе лицу заинтересованному. Если попадались гг. офицеры, пробовавшіе укрыться за спиною яко бы повѣрявшихся ими часовыхъ, то это, конечно, были лодыри, а никакъ не ревнующіе о службѣ люди.

Да не только лодыри, а сутяги и кляузники, что въ офицерѣ самое, по моему, противное и даже презрительное. Основное свойство офицера — прямолинейность, прямота: „убилъ?“—„убилъ“, „ушелъ изъ караула?“ — „ушелъ“, „почему?“ — „любовница при смерти, хотѣлъ въ послѣдній разъ видѣть“. Это невѣрность служебному долгу, но это честно и потому представляетъ облегчающее обстоятельство; но кавалеръ, который пробуетъ спрятать свое лодыр-

[1]) Вѣрно оно осталось и теперь. Для справки у меня нѣтъ устава подъ рукою.

ство за яко бы желаніемъ исполнить служебный долгъ, коего законъ на него не возлагаетъ, не заслуживаетъ никакой пощады.

Пожалуй, найдутся такіе, которые возразятъ: хорошо облегчающее обстоятельство: бросить караулъ для любовницы, хотя бы и умирающей; но долгъ, но присяга? Я вины не снимаю, а только говорю, что это честнѣе, чѣмъ пытаться прятать свою вину за уставъ. Лучше судить по человѣчеству, а не строить лицемѣрные идеалы. Нужно смотрѣть правдѣ въ глаза и говорить какъ бываетъ, а не какъ должно быть, да не всегда бываетъ.

И потому думаю, что измѣненіе статьи 182 въ желательномъ вами смыслѣ, по-моему, было бы большой ошибкой. Если теперь являются господа, оправдывающіе свой уходъ изъ караула желаніемъ повѣрить часовыхъ, то сколько такихъ повѣрщиковъ развелось бы тогда? Давно уже извѣстно, что ставить человѣка въ противорѣчіе между долгомъ и личнымъ интересомъ опасно, такъ какъ послѣдній когда-нибудь да поборетъ первый; въ предлежащемъ случаѣ этого можно ожидать неминуемо. На законномъ основаніи расплодятся такіе страстные охотники до повѣрки часовыхъ, что ихъ за всѣ 24 часа въ караульномъ помѣщеніи и на минуту не отыщешь.

X.

Въ № 741 „Развѣдчика“ г. капитанъ Немо, возражая на странный взглядъ гг. огнепоклонныхъ Тарбѣевцевъ, будто ротный командиръ долженъ быть непремѣнно отличнымъ стрѣлкомъ, совершенно резонно говоритъ:

1) что можно быть отличнымъ стрѣлкомъ и совершенно неспособнымъ учителемъ, чему онъ, и далеко не единичные, примѣры знаетъ;

2) что манія стрѣльбы, какъ всякая другая, мало-по-малу поведетъ къ забвенію прочихъ отдѣловъ солдатскаго воспитанія и образованія;

3) что нахлестываніе стрѣльбы наградами и взысканіями поведетъ къ фокусничеству и нездоровой конкурренціи; что и теперь уже являются господа, ставящіе нелѣпое требованіе ежедневной повѣрки всѣхъ людей роты въ прицѣливаніи, а при составѣ ея въ 180 человѣкъ одна такая повѣрка вѣроятно потребуетъ не менѣе трехъ часовъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, если не больше.

Гдѣ же, спрашиваю, найти время для прочихъ отдѣловъ образованія? Развѣ начинать съ разсвѣта и кончать въ сумерки, по-торбѣевски;

4) что давать офицеру призы за его личное искусство въ стрѣльбѣ, значитъ не понимать дѣла, ибо подобный призъ достоинъ только рядового; офицеръ же достоинъ приза не тогда, когда онъ самъ отлично стрѣляетъ, а когда выучитъ своихъ людей отлично стрѣлять;

5) что въ бою отъ него потребуется строй мысли, ничего общаго не имѣющій со строемъ мысли одиночнаго стрѣлка, ибо тамъ онъ долженъ подумать и о расположеніи цѣпи, и объ укрытіи роты, и о томъ, какъ ему лучше наступать, т. е. разомъ ли, или группами, и какими именно, на сколько шаговъ и къ какому предмету, прямо или вкось, шагомъ или бѣгомъ. Подумать, наконецъ, объ управленіи огнемъ. О штурмѣ ужъ и не говорю. Будетъ ли

при всемъ этомъ возможность даже офицеру, не говоря о ротномъ командирѣ, заниматься тѣмъ, чтобы ловить на мушку неосторожно высунувшагося одиночнаго противника?

Предлагаю огнелюбимымъ Тарбѣевцамъ о семъ поразмыслить и самимъ рѣшить, въ какой мѣрѣ ротный командиръ можетъ подавать примѣръ ротѣ своей искусной стрѣльбой, не только въ бою, но даже и въ мирное время? Да онъ, какъ и всѣ офицеры, и ружья при томъ не имѣетъ; въ этомъ глубокій смыслъ: или распоряжайся, или лови блошекъ на мушку,—за двумя зайцами гоняться нельзя, въ бою въ особенности.

Ротный командиръ долженъ подавать примѣръ своей стрѣльбой, провозглашаютъ Тарбѣевцы огнепоклоннаго цеха! Скажу имъ на это, что они слышали звонъ, да не знаютъ гдѣ онъ: примѣръ начальника важенъ въ пѣшей или конной атакѣ, т. е. при употребленіи холоднаго оружія; а въ стрѣльбѣ онъ никакого значенія имѣть не можетъ, ибо результатъ стрѣльбы не сразу виденъ въ мирное время, а въ военное и совсѣмъ не виденъ. Это требуетъ поясненія. Когда я не только иду въ атаку, а дежурю, стою въ караулѣ или на аванпостахъ, я дѣйствительно подаю полезный или вредный примѣръ, ибо всѣ прикосновенные къ дѣлу видятъ, какъ я иду, добросовѣстно и толково ли я исполняю свои обязанности, или нѣть; но когда я собираюсь выстрѣлить, всѣ видятъ, какъ я ставлю прицѣлъ, разставляю ноги, упираю прикладъ, нажимаю на спускъ, но попалъ ли я или нѣтъ, никто не видитъ, ибо все это можно прекрасно продѣлать и дать про-

махъ. Если огнелюбы этого не въ состояніи видѣть, то хоть бы вспомнили то, что при атакѣ офицеръ долженъ быть впереди, а при стрѣльбѣ непремѣнно позади, т. е. на мѣстѣ, совершенно неудобномъ для поданія какого бы то ни было примѣра.

Не ясно ли, что тутъ какъ и всегда, господа однобокіе огнелюбы говорятъ слова, какія имъ придутъ въ голову, наизусть, не особенно заботясь о томъ, кстати ли они или не кстати.

Капитанъ Немо заключаетъ свою замѣтку убѣдительнымъ предостереженіемъ, что „процентоманія для здраваго ума далеко отстоитъ отъ идей и принциповъ духовно-нравственнаго воспитанія солдата для его мысли“. Если онъ думаетъ, что это предостереженіе найдетъ доступъ въ сознаніе огнелюбовъ, то конечно ошибается. Какое имъ дѣло до духовно-нравственнаго воспитанія? Вѣдь за него никто не дастъ ни приза, ни чина, ни крестика. Вы имѣете въ виду совокупность воспитанія и образованія, а имъ до него никакого дѣла нѣтъ. Говорить имъ объ этомъ то же, что слѣпому о цвѣтахъ; и возраженія Стрѣлка показываютъ вамъ это неопровержимо.

Вы имѣете въ виду бой и ставите товарищество выше завистливаго соперничества; имъ до боя и до товарищества нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Вы вѣроятно знаете, какъ изъ-за того, что одна часть пересѣкла на походѣ дорогу другой, послѣдняя оставляетъ гибнуть первую въ роковую минуту, — но Торбѣевцы огнепоклоннаго цеха этого не знаютъ и знать не хотятъ. Для нихъ товарищъ существуетъ только для того, чтобы съ нимъ сыграть въ чехарду, т. е. получить мимо него какую-нибудь цацу, на-

таскавши роту на большіе проценты — не всегда правдами, а иногда и неправдами.

XI.

Бойко пишетъ г. Стрѣлокъ; и не только бойко, но и развязно *), возражая капитану Немо. Къ сожалѣнію, въ его статейкѣ логики нѣтъ, и потому сказанныя качества потрачены въ пустую. Начинаетъ съ храбраго заявленія, что такъ какъ понятія „воспитаніе“ и „образованіе“ у насъ часто смѣшиваютъ, то... вы думаете, вѣроятно, что г. Стрѣлокъ возьметъ на себя трудъ ихъ разъяснить, какъ бы по логикѣ слѣдовало; ничуть не бывало: онъ эти два совершенно разнородныя понятія подводитъ подъ одинъ терминъ „образованіе“: такъ съ классификаціями обращаться нельзя. Если онѣ ошибочны, ихъ исправляютъ, если невѣжды смѣшиваютъ въ нихъ понятія, то симъ невѣждамъ ихъ ошибка разъясняется; но самопроизвольно самому смѣшивать рубрики, значитъ уподобляться тому автору, который въ своихъ писаніяхъ, для краткости, пропускалъ смыслъ, или тому воякѣ, которому законы организаціи были не писаны и который поэтому на опасныя даже предпріятія никогда не посылалъ органическихъ единицъ, а сборную братію отъ разныхъ частей.

Впрочемъ, ограничившись однимъ терминомъ, Стрѣлокъ тотчасъ самъ открываетъ, что образованіе предствляетъ двѣ главныя части: образованіе нравственное и техническое. Зачѣмъ же тогда было

*) «Развѣдчикъ» № 751.

огородъ городить? Вѣдь понимающіе дѣло такъ называемое вами нравственное или волевое образованіе называютъ воспитаніемъ, а умовое — образованіемъ. Ваша же классификація на „нравственное“ и „техническое“ нелѣпо потому, что все воинское воспитаніе и образованіе есть „техническое“: слѣдовательно, по вашей классификаціи выходитъ, что воинское образованіе раздѣляется на техническое и еще техническое! Интересующимся дѣломъ я это сейчасъ постараюсь объяснить, задавъ предварительно г. Стрѣлку одинъ вопросъ: онъ считаетъ упомянутые два отдѣла „образованія“ главными; слѣдовательно, есть кромѣ нихъ еще и второстепенные: желательно бы знать, какіе именно? Ихъ нѣтъ и быть не можетъ; чрезвычайно трудно не наговорить пустяковъ, когда не взвѣшиваешь слова на вѣсахъ логики и ставишь ихъ по первичному непродуманному впечатлѣнію, такъ сказать, наизусть.

Разъясненіе того, какъ во всѣхъ отдѣлахъ воспитанія и образованія участвуетъ и физическая сторона солдата, и во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ участвуютъ его воля и умъ, виднѣе всего на примѣрахъ.

Когда я учу солдата теоретически обязанностямъ внутренней, гарнизонной или полевой службы, я обращаюсь къ его уму, т. е. образую; когда перехожу къ искушеніямъ—я практикую его волю, ибо учу сопротивляться попыткамъ заставить его нарушить какое-либо изъ объясненныхъ правилъ: слѣдовательно воспитываю его. Когда, наконецъ, прибѣгаю къ „показу“, т. е. ставлю дневальнымъ или

на часы и т. п., я практикую опять же волю, уже при содѣйствіи физическаго упражненія. Слѣдовательно, достигаю укрѣпленія духовнаго свойства матеріальнымъ путемъ.

Еще примѣръ: когда я объясняю теорію стрѣльбы, я обращаюсь къ уму солдата, т. е. занимаюсь его образованіемъ; когда прохожу съ нимъ приготовительныя упражненія къ стрѣльбѣ, я практикую его физику, заставляю продѣлывать извѣстные пріемы, практикую волю на исполненіи предъявляемыхъ мною требованій, наконецъ, знакомлю съ устройствомъ ружья, т. е. обращаюсь къ его уму и обогащаю его свѣдѣніями.

И во всемъ такъ, не исключая ни строя, ни гимнастики. Во всѣхъ упражненіяхъ участвуютъ воля и умъ, не говоря уже о физикѣ. Отдѣлы, въ коихъ преобладаетъ Воля, представляютъ Воспитаніе, а гдѣ преобладаетъ умъ—Образованіе.

Изъ сего г. Стрѣлокъ убѣдиться можетъ, до какой степени его классификація солдатской работы на нравственную и техническую не состоятельно... Не состоятельна она еще и потому, что Стрѣлокъ очевидно не понимаетъ точнаго смысла терминовъ; вѣдь въ нашемъ языкѣ слово «нравственный» имѣетъ слишкомъ опредѣленный смыслъ, именно этическій. Нравственное образованіе имѣетъ цѣлью честность, правдивость, безкорыстіе и проч., а вовсе не знаніе, напримѣръ, уставовъ гарнизонной, внутренней или полевой службы. Слѣдовательно, и тутъ открывается то же употребленіе слова наобумъ. Слово „духовный“ было бы болѣе умѣстно хотя оно классификаціи г. Стрѣлка и не улучшило

бы. Могутъ возразить: а какъ же говорятъ «нравственная» сила? Собственно и это выраженіе не вѣрно, но оно исправляется словомъ „сила“, благодаря коему всякій понимаетъ, что въ этомъ выраженіи рѣчь идетъ не о какой-либо мирной добродѣтели, а совсѣмъ о другомъ.

Сколько логики у Стрѣлка въ классификаціи, столько же и въ возраженіяхъ его капитану Немо.

Если послѣдній говоритъ, что знаетъ онъ офицеровъ, прекрасно обучающихъ стрѣльбѣ, но не особенно хорошо стрѣляющихъ, то первый скажетъ на это, что офицеръ долженъ показывать примѣръ: онъ даже и не замѣтитъ, что между тѣмъ и другимъ связи никакой нѣтъ, ибо тутъ дѣло вовсе не въ примѣрѣ, а въ томъ, можно ли научить стрѣлять хорошо, когда самъ стрѣляешь не особенно хорошо, или же нельзя.

Если капитанъ Немо желаніе перещеголять товарища по стрѣльбѣ называетъ корыстнымъ и неблагороднымъ побужденіемъ, то г. Стрѣлокъ возражаетъ, что соревнованіе въ любомъ дѣлѣ способствуетъ процвѣтанію его, не замѣчая того, что ему говорятъ о неблагородномъ, а онъ говоритъ о благородномъ соревнованіи, и какъ будто не знаетъ того, что гдѣ соревнованіе нахлестывается наградами, тамъ оно не можетъ быть благороднымъ.

И чтобы окончательно сразить противника, онъ вспоминаетъ даже олимпійскія игры! Онъ бы лучше сдѣлалъ, вспомнивъ, что то было дѣло охотницкое, а не служебное или подневольное; и тогда можетъ быть понялъ бы, что стрѣлять олимпійскими играми въ предлежащемъ случаѣ нелѣпо. А если ему такъ

уже хотѣлось историческихъ примѣровъ соперничества, то не мѣшало бы вспомнить болѣе ранній случай, какъ братъ ухлопалъ брата изъ-за того, что дымъ отъ его жертвы стлался по землѣ, а отъ братниной—поднимался прямо вверхъ.

И чтобы окончательно сразить осмѣлившагося возставать противъ процентоманіи, Стрѣлокъ находитъ, будто „въ наше время всѣ наши спортивныя упражненія признаются несомнѣнно (?) полезными и основаны на соревнованіи“.

Даже „несомнѣнно полезными“. Опомнитесь, что вы говорите, гг. Тарбѣевцы огнепоклоннаго цеха! Служба не спортъ: она требуетъ не одного какого-либо знанія или умѣнія, а совокупности знаній и умѣній. И съ точки зрѣнія службы всякое частное совершенство есть не болѣе какъ уродство, которое не можетъ быть терпимо.

По мнѣнію Стрѣлка стрѣльба должна быть спеціальностью солдата. Отъ Стрѣлка другого мнѣнія и ожидать нельзя. По его недомыслію, солдату, конечно, нужно только умѣть стрѣлять; внутренняя, гарнизонная, полевая служба ему, конечно, не нужны, также какъ строй, ударъ штыкомъ и самоокапываніе. Ахъ, господа Тарбѣевцы! не вѣдаете вы, что словоизвергаете: Богъ вамъ судья.

Больно признать, но отъ очевидности не уйдешь; слишкомъ ужъ много за послѣднее время разводится у насъ спортсменовъ Тарбѣевскаго типа, занимающихъ мѣста воинскихъ начальниковъ, и не маленькія. Дай Богъ, чтобы у насъ было столько генераловъ, сколько есть Тарбѣевцевъ, кашеварнаго, жокейскаго, огнелюбнаго, костоправнаго, закрой-

щицкаго, а въ послѣднее время даже ското-парикмахерскаго цеха. Конечно, Тарбѣевцемъ быть легче, чѣмъ воинскимъ командиромъ, хоть сколько-нибудь сноснымъ; да вотъ бѣда: ужъ очень позорно Тарбѣевцевъ бьютъ, когда непріятель сколько-нибудь серьезный...

XII.

Пренебреженіе къ такъ называемой военной наукѣ. Въ № 73 „Русскаго Инвалида“ г. В. Гр—въ сѣтуетъ на это пренебреженіе, но къ сожалѣнію не совсѣмъ ясно и вразумительно. Сколько могу судить, происходитъ это отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только одну сторону вопроса, именно умовую, о волевой же совсѣмъ забываетъ, а въ этой послѣдней на практикѣ и заключается почти все дѣло. Всѣ положенія теоріи военнаго искусства до крайности просты и упущеніе ихъ происходитъ вовсе не отъ недостатка знанія, или отъ пренебреженія, а отъ недостатка рѣшимости ихъ примѣнить; а иногда, даже уже начавъ примѣненіе,—отъ недостатка настойчивости довести такое примѣненіе до конца.

Въ теоріи военнаго искусства я не знаю положенія, которое не допускало бы по крайней мѣрѣ двухъ противуположныхъ рѣшеній; которое изъ нихъ выбрать—дѣло военнаго діагноза, а какъ на избранномъ рѣшеніи настоять, не подчиняясь вліянію ни личностей, ни обстоятельствъ — дѣло характера. Лечить не трудно, когда діагнозъ вѣренъ; но иногда страшно устоять противъ возмущающихъ вліяній. Да вдобавокъ, на практикѣ данная времени

играетъ громадную роль: пропустили минуту, и лучшая мѣра можетъ привести къ катастрофѣ. Война есть дѣло такта и минуты; зачастую потеря минуты бываетъ равносильна потерѣ партіи. Въ теоріи же на значеніе времени почти не обращается никакого вниманія.

Оттого такъ мало геніальныхъ докторовъ и еще меньше геніальныхъ полководцевъ; да что говорить о геніальныхъ, когда и талантливыхъ чрезвычайно мало.

Однако я отвлекся; возвращаюсь къ тому, какъ легко иногда отказываются отъ разумно принятаго рѣшенія. Въ 1877 году, на пути отъ Систова къ Тырнову я сошелся съ дивизіей ген. Баранова у урочища „Овча могила“, на перекресткѣ дорогъ Тырновской и ведущей съ востока на западъ къ Плевнѣ. Ну, конечно, взаимный разспросъ, куда, какое назначеніе? Барановъ объяснилъ мнѣ, что идетъ въ Плевну, для прикрытія нашего праваго фланга. Какъ извѣстно, онъ туда не дошелъ, — когда и куда его повернули, не знаю, и Османъ-Паша занялъ Плевну безпрепятственно. Вотъ рѣшеніе вполнѣ раціональное, отвѣчающее требованіямъ военнаго искусства, но на немъ не устояли. Послѣдствія извѣстны.

Выше объясненная двойственность рѣшеній ведетъ къ тому, что слишкомъ усерднымъ долбунамъ теоріи, зачастую не подозрѣвающимъ этой двойственности, кажется пренебреженіемъ въ теоріи то, въ чемъ пренебреженія къ ней вовсе нѣтъ. Въ томъ же году, послѣ переправы черезъ Дунай, двое изъ военныхъ иностранцевъ, при ней присутствовав-

шихъ, замѣтили въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, что переправа намъ конечно удалась, но теоретики будутъ затруднены тѣмъ, подъ какую рубрику ее внести, такъ какъ въ ней было все противъ правилъ: 1) полагается, чтобы нашъ берегъ командовалъ непріятельскимъ, а здѣсь непріятельскій командовалъ нашимъ; 2) нужно, чтобы рѣка представляла входящую дугу въ нашу сторону, а противъ Зимницы она выгибаетъ въ турецкую сторону; 3) при переправѣ сначала обстрѣливаютъ непріятельскій берегъ и потомъ переправляются, а мы начали переправляться и потомъ открыли канонаду. Когда покойному Ѳ. Ѳ. Радецкому сообщили это недоумѣніе, онъ со свойственнымъ спокойствіемъ, даже не улыбнувшись, сказалъ: „а пусть внесутъ въ рубрику нечаянныхъ нападеній“. Вотъ если хотите образчикъ кажущагося пренебреженія къ теоріи.

Еще примѣръ: ужъ что кажется болѣе постоянно, какъ крикъ „ура“ при атакѣ? А между тѣмъ въ ночное время или въ густой туманъ, если вамъ удалось тайно подойти къ непріятелю, глупо кричать ура, во-первыхъ потому, что мы себя этимъ открываемъ, а во-вторыхъ, и потому, что непріятель навѣрное будетъ кричать, и тѣмъ поможетъ намъ легче разобраться, если наши будутъ работать молча.

Вы совершенно вѣрно говорите, что безъ здраваго смысла и безъ храбрости на войнѣ много не сдѣлаешь; но вся бѣда въ томъ, что не у всѣхъ теоретиковъ есть здравый смыслъ: тѣ изъ нихъ, которые работаютъ надъ словами, а не надъ предметами, обыкновенно даютъ выводы, съ практикой

военнаго дѣла имѣющіе весьма мало общаго. Въ этой особенности большинства военныхъ теорій и заключается причина того, что побывавшіе въ бою относятся съ пренебреженіемъ къ измышленіямъ военныхъ теоретиковъ; а съ ихъ голоса щеголяютъ этимъ пренебреженіемъ и тѣ, которые ни боя не видѣли, ни теоріи не знаютъ.

Впрочемъ и то надо сказать, что слишкомъ закопавшіеся въ свою теорію теоретики не прочь относиться пренебрежительно къ факту, даже до поползновенія его подмалевывать, какъ недавно указалъ глубокій знатокъ здравой военной теоріи, ген. Карлъ Мавринкіевичъ Войде.

Вѣдь отъ подмалевыванія дѣйствительнаго факта и до сочиненія совсѣмъ не существовавшаго, дорога прямая; не даромъ одинъ французскій философъ провозгласилъ, что „нѣтъ ничего лживѣе факта“, а нѣмецъ пошелъ еще дальше, что вся природа есть развратившаяся идея.

Подготовка къ военному дѣлу, и самая серьезная, конечно необходима; но она должна заключаться гораздо болѣе въ основательномъ изученіи свойствъ войскъ и мѣстности, нежели въ задалбливаніи правилъ и принциповъ, такъ называемой военной науки.

Во всякомъ практическомъ дѣлѣ, практика стоитъ выше теоріи, я какъ то уже сдѣлалъ, и теперь повторяю, сравненіе военнаго дѣла съ ходьбой по высоко натянутому канату: ужъ кажется чего проще теоріи этого искусства? А попробуйте пройти.. Почему я считаю, что военной науки нѣтъ, а есть теорія военнаго искусства, въ коей можно сказать

примѣняются всѣ науки, начиная съ математики, черезъ механику, физику, химію, физіологію, со всѣми развѣтвленіями этихъ наукъ, и кончая психологіей.

Въ началѣ этой статейки я замѣтилъ, что всѣ недочеты на войнѣ зависятъ не столько отъ недостатка знанія, сколько отъ недостатка рѣшимости его примѣнить. Но это не все: одна борьба съ личнымъ утомленіемъ чего стоитъ. Знаешь, напримѣръ, что въ извѣстномъ мѣстѣ необходимо повѣрить расположеніе на позиціи, или же сторожевое, но одолѣла лѣнь, или въ самомъ дѣлѣ усталъ и не поѣхалъ: а тамъ зазѣвались, и катастрофа готова. Зналъ, что нужно повѣрить?—Зналъ. А повѣрилъ? Нѣтъ, не повѣрилъ. Чисто какъ Селифанъ въ „Мертвыхъ Душахъ“. Зналъ, да не сказалъ. Не даромъ Толь считалъ неутомимость однимъ изъ первѣйшихъ достоинствъ офицеровъ генеральнаго штаба. И это въ равной мѣрѣ относится ко всѣмъ отъ главнокомандующаго и до солдата. Кромѣ своихъ духовныхъ дарованій, Наполеонъ былъ страшенъ еще и тѣмъ, что въ лучшую пору своей дѣятельности, онъ не давалъ покоя ни своимъ, ни непріятелю. Еще примѣръ: кто не знаетъ, что послѣ удачнаго боя преслѣдовать необходимо, и кто не знаетъ также, какъ рѣдко это исполняется.

Чтобы окончить, поднимемся еще разъ въ духовную сферу.

Кто не читалъ въ Евангеліи: погубящій свою душу обрящетъ ю? Глубочайшее слово въ примѣненіи къ практической дѣятельности. Все дѣло въ томъ, что по своему психическому строю человѣкъ не способенъ задаваться двумя цѣлями, или

двумя мыслями, или двумя интересами заразъ. Другими словами, если онъ рѣшается на дѣло, особенно дерзкое, онъ долженъ забыть обо всемъ прочемъ, а особенно о себѣ, пока не достигнетъ цѣли; но сохрани Богъ, если рѣшаясь, онъ будетъ озабоченъ еще чѣмъ нибудь другимъ, хотя бы напримѣръ своей репутаціей. Кончится тѣмъ, что похоронитъ дѣло, а съ нимъ и свою репутацію.

Но еще хуже выходитъ, когда подъ вліяніемъ двоемыслія я не предпринимаю ничего: за меня предпринимаетъ непріятель, разумѣется тогда, когда это будетъ выгодно не мнѣ, а ему.

Еще Клаузевицъ сказалъ, что худшая изъ рѣшимостей—это ни на что не рѣшаться. Недурно замѣтилъ ранѣе Клаузевица Вилларъ: гибнутъ, только благодаря оборонѣ (on ne perit que par la défensive).

Какъ только непріятель почувствовалъ, что я предоставляю ему починъ дѣйствій, онъ становится моимъ командиромъ и начинаетъ играть со мною, какъ кошка съ мышкой, даже до распусканія нелѣпыхъ слуховъ, въ родѣ подкоповъ, тянущихся чуть ни на десятки верстъ, и т. под.

Громадная разница между атакой и обороной видна даже при неудачномъ столкновеніи, ибо, если я атаковалъ и мнѣ не посчастливилось, то я только отбитъ; а если я оборонялся и былъ опрокинутъ, то я разбитъ.

Итакъ теорія почтенна и полезна:

1) если представляютъ выводъ изъ фактовъ, точно обслѣдованныхъ, добросовѣстно изображенныхъ, а не подмалеванныхъ;

2) если въ ней приняты въ посильное соображеніе данныя Воли и Времени, которыя въ наукахъ

не играютъ почти никакой роли. Можно быть геніальнымъ ученымъ и совершенно безхарактернымъ человѣкомъ, да и торопиться ученому тоже некуда: не сдѣлалъ сегодня, сдѣлалъ завтра;

3) если въ теоріи понято, что нельзя успокаиваться на какихъ либо правилахъ въ дѣлѣ, всегда представляющемъ, по выраженію Наполеона, одно уравненіе со многими неизвѣстными, то-есть допускающемъ много рѣшеній одинаково состоятельныхъ;

4) если сознано по этому, что военной науки нѣтъ и быть не можетъ: ибо всякая наука есть произведеніе только ума и довлѣетъ сама себѣ;— какъ только вы прибѣгаете къ наукѣ для достиженія какой-нибудь практической цѣли, Воля и Время вступаютъ въ свои права, наука обращается въ средство и возникаетъ Искусство.

Примѣчаніе. Впрочемъ слѣды сего послѣдняго замѣчаются даже и въ высшихъ областяхъ чистой науки. Покойный Г. А. Лееръ разсказывалъ, какъ Остроградскій задалъ имъ однажды проинтегрировать какую-то функцію.

Долго они надъ нею трудились, наконецъ рѣшили: Остроградскій, разсмотрѣвъ рѣшеніе, замѣтилъ: вы все сдѣлали по правиламъ, но правила существуютъ только для посредственности; нужно было бы умножить на dx и раздѣлить на dx, результатъ получили бы сразу.

Наконецъ теорія будетъ полезна и почтенна, если займется глубокимъ изслѣдованіемъ свойствъ военныхъ данныхъ, а обучающіе достигнутъ въ своихъ слушателяхъ такого ими проникновенія, что на практикѣ ихъ будетъ примѣнять рефлекторно, то есть не думая.

Двѣнадцатая дюжина.

Поправка въ статьѣ В. Верещагина: „Вооруженіе нашей арміи“. — Продолженіе. — Тоже. — Окончаніе. — Фельдфебельскія и вахмистерскія барыни. — „Ты и Вы“. — Вольныя работы. — Воровство. — Солдатъ видятъ оборванцами. — Юридическая казуистика. — О пустопорожнихъ усовершенствованіяхъ, грозящихъ водвориться въ образованіи войскъ, благодаря послѣдней войнѣ. — Военная игра. — Продолженіе. — Окончаніе. — О штатскомъ и военномъ платьѣ.

I.

Поправка къ статьѣ Добровольца Василія Верещагина „Вооруженіе нашей арміи“, помѣщенной въ № 16-го мая „Новаго Времени“. Въ моментъ появленія этой статьи въ печати я ея не читалъ: всякому извѣстно, что теперь переживаются нами такіе дни, когда оставляются безъ вниманія и вещи во много разъ серьезнѣе, если онѣ не тѣсно связаны со злобами дня. Весьма недолго спустя, получаю отъ невѣдомаго сердобольнаго самаритянина вырѣзку этой самой статьи, съ отчеркнутыми строками по моему адресу, въ коихъ г. Верещагинъ разсуждаетъ такъ: „эта война, противъ обыкновенія, еще не создала по крайней мѣрѣ крупныхъ героевъ, не создала крупныхъ авторитетовъ, но она дала уже массу опыта. Этотъ горькій опытъ даетъ право судить наши былые громкіе авторитеты. Благодаря этому опыту, является возможность видѣть, какъ наивенъ въ своихъ разсужденіяхъ наиболѣе извѣстный намъ военный авторитетъ генералъ Драгомировъ. Маститый генералъ, продолжающій восхвалять штыкъ и ставящій на первое мѣсто пули и

снаряды, называющій саперныя команды „гробокопателями“, далекъ отъ вѣрнаго пониманія современнаго военнаго искусства“.

Прочелъ я это мѣсто, какъ очевидно для меня и отчеркнутое, но всей статьи опять-таки не читалъ: что-жъ, думаю, появился новый авторитетъ, открывшій наивность моихъ разсужденій и непониманіе мною современнаго военнаго искусства, въ добрый часъ! Онъ исправитъ мои промахи и опять поставитъ дѣло на вѣрную дорогу.

Судя по заносчивой рѣчи, по наклонности къ патетическому пустозвонству и по многочисленнымъ привираніямъ, онъ вѣроятно еще молодъ, но вѣдь это недостатокъ, отъ котораго человѣкъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе излѣчивается, пятокъ, другой лѣтъ и изъ него выйдетъ спокойный и здоровый изслѣдователь, однобокихъ выводовъ не дѣлающій, фактовъ не извращающій и человѣка, который въ нашемъ дѣлѣ первый и важнѣйшій элементъ, не забывающій. Возражать я ему не стану и статьи его дальше читать не буду.

Но не тутъ-то было; не даромъ сказано: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Вдругъ получаю письмо отъ В. А. Березовскаго, что на эту статью необходимо отвѣтить; я ему отвѣчаю, что мой отвѣтъ заключается во всѣхъ моихъ предыдущихъ статьяхъ, разумѣется для такихъ читателей, которые въ чужихъ трудахъ привыкли читать все, а не одно только то, что имъ нужно для надобностей ихъ полемики, что подобныхъ господъ убѣдить нельзя, ибо они полемизируютъ не съ дѣйствительнымъ, а съ сочиненнымъ ими самими Драго-

мировымъ. Стоитъ ли, напримѣръ, препираться съ господиномъ, который самъ признаетъ, что я не отрицаю значеніе пули, а затѣмъ начинаетъ пѣть акафистъ пулеметамъ, какъ будто изъ нихъ не стрѣляютъ тѣми же пулями и какъ будто я ихъ гдѣ-нибудь безусловно отрицалъ. Стоитъ ли, наконецъ, спорить съ человѣкомъ, который, не разобравъ, гдѣ и кого я называлъ гробокопателями, валяетъ съ плеча, будто я этотъ эпитетъ придалъ всѣмъ саперамъ, между тѣмъ, какъ я относилъ его только къ тѣмъ изъ нихъ, которые рады окапываться и гдѣ нужно, и гдѣ не нужно, и строятъ иногда свои укрѣпленія такъ, что изъ нихъ и отступить бываетъ почти невозможно. Вѣдь изо всей статьи видно, что г. В. съ фактомъ не стѣсняется, а большею частью пишетъ по сплетнямъ, да развѣ еще по извѣстному резону, что молъ „отъ вѣрнаго человѣка въ коридорѣ слышалъ“. Но Владиміръ Антоновичъ этимъ не удовлетворился; новое письмо съ убѣжденіемъ, что необходимо отвѣтить, тѣмъ болѣе, прибавлялъ онъ, что и нѣмцы начинаютъ поговаривать объ ошибочности моихъ теорій.

До нѣмцевъ мнѣ дѣла мало; къ сожалѣнію, я не могу ихъ читать; да и нѣмцы бываютъ разные; тѣ изъ нихъ, которые воображаютъ, будто огнемъ можно отбить всякую атаку, ни вниманія, ни возраженія не заслуживаютъ; тѣ же, которые, признавая все значеніе подготовки огнемъ, убѣждены, что безъ штыка тоже обойтись нельзя, моей теоріи никогда не сочтутъ ошибочною. Но если до нѣмцевъ мнѣ дѣла мало, зато до почтеннаго редактора „Развѣдчика“ мнѣ дѣла очень много и чтобы сдѣлать

ему удовольствіе, я далъ себѣ трудъ прочесть всю статью и написать по поводу ея предлежащую замѣтку.

II.

Какъ ни противно, а поневолѣ приходится начать съ личнаго вопроса. Г. Верещагинъ, приплетая въ своей статьѣ, ни къ селу ни къ городу, оборону Шипкинскаго перевала, рядитъ по этому поводу меня, скромную ворону, въ павлиньи перья, будто я въ оборонѣ Шипки игралъ большую роль. За что такая иронія, мой столь же жестокій, сколь и безцеремонный насмѣшникъ! Отъ какого вѣрнаго человѣка и въ какомъ коридорѣ вы такую нелѣпость слышали? На Шипкѣ я остался не болѣе четверти часа, былъ подстрѣленъ, отправленъ тотчасъ же въ Габрово, потомъ въ Кишиневъ и болѣе на театръ войны не возвращался. А вы разсказываете, будто я обязанъ своей боевой славой защитѣ Шипкинскаго перевала! Весь свѣтъ знаетъ, что этотъ великій подвигъ былъ совершенъ скромнымъ, нерекламнымъ, но дѣйствительнымъ героемъ, Ѳ. Ѳ. Радецкимъ. Вы этого не знаете? И подвигъ этотъ тянулся съ 11-го августа по 28-е декабря 1877 г., итого четыре мѣсяца и семнадцать дней. Сообщаю къ свѣдѣнію г. Верещагина, на тотъ случай, если бы ему пришлось когда-нибудь еще ссылаться на этотъ фактъ, что ближайшими сподвижниками Ѳ. Ѳ. Радецкаго были: начальникъ его штаба В. И. Дмитровскій, начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи М. Ѳ. Петрушевскій и полковые командиры этой дивизіи, полковники Родіоновъ, Вольскій, Духонинъ, Тяжельниковъ. О прочихъ

частяхъ, временно принимавшихъ участіе въ оборонѣ Шипкинскаго перевала и затѣмъ получавшихъ другое назначеніе, не упоминаю.

Сами вы, г. Верещагинъ, изъ сказаннаго усмотрѣть можете, во что обращается моя, якобы заработанная на Шипкѣ боевая слава... Я не смѣю претендовать на нее даже за переправу черезъ Дунай; ибо, хотя я тамъ и распоряжался, но въ присутствіи и подъ вліяніемъ того же самаго незабвеннаго Ѳ. Ѳ. Радецкаго. Притомъ же думаю, что одно дѣло, хотя бы и стоющее, боевой славы не даетъ, а самое большое, только извѣстность. Покончивъ съ моею „громкою боевою славою“, г. Верещагинъ возвращается къ патетическому пустозвонству о томъ, что было бы, если бы у насъ на Шипкѣ были пулеметы и приходитъ къ заключенію, что мы „съ незначительными потерями съ нашей стороны и страшнымъ пораженіемъ врага удержали бы обладаніе переваломъ за нами“. Вотъ такъ сюрпризъ! Развѣ онъ не остался за нами? Или вы и это отъ вѣрнаго человѣка въ коридорѣ слышали? Судя по тому, насколько вамъ извѣстна моя роль на Шипкѣ, можно подумать, что пожалуй и такъ. Нѣтъ, мы Шипку отстояли, а 28 декабря и турецкую армію взяли въ плѣнъ, да вдобавокъ скажу, что пулеметы и нашихъ потерь не уменьшили бы, ни турецкихъ не увеличили бы, такъ какъ, за исключеніемъ попытки Сулеймана 5-го сентября на гору св. Николая, со стороны турокъ ни одного штурма не было, а съ нашей и подавно; мы отсиживались, а они насъ блокировали. Да и то не мѣшало имѣть въ виду г. В., что если бы у насъ

на Шипкѣ были пулеметы, то навѣрное они были бы и у турокъ, благодаря ихъ друзьямъ англичанамъ. Вѣдь вы не романъ пишете, а думаете извлечь практическіе выводы изъ реальныхъ данныхъ, такъ ихъ и держитесь, а разводить пустяки на ту тему, „что было бы, если бы было то, чего не было“ пустопорожняя болтовня. Тогда бы и увидѣли что было бы и разумѣется сдѣлали бы выводъ.

Не знаю, такъ ли же серьезно относится г. Верещагинъ къ фактамъ настоящей войны, какъ онъ отнесся къ Шипкинскому эпизоду, если такъ, то едва ли можно поздравить довѣрчивыхъ изъ его читателей съ пріобрѣтеніемъ полезныхъ свѣдѣній.

III.

Сущность статьи г. В. заключается въ горячемъ отстаиваніи мысли о необходимости наводнить нашу армію пулеметами, говорю наводнить, такъ какъ г. Верещагинъ, ни что же сумняшеся, восклицаетъ: „отчего же немедленно не изготовятъ и не пошлютъ въ армію 1,000—1,500—2,000 пулеметовъ, могущихъ въ настоящій оборонительный періодъ войны сослужить службу равную 200,000-мъ полчищамъ (?) пѣхоты, да при томъ вѣдь ихъ не нужно кормить, лечить, они не потребуютъ пенсіи, они не оставятъ послѣ себя (по крайней мѣрѣ въ нашей странѣ) сиротъ, калѣкъ“.

О, гдѣ вы, классическія двадцать тысячъ курьеровъ И. А. Хлестакова!—И чего вы стоите передъ 200 тысячъ полчищъ г. Верещагина.

— Оттого, г. Верещагинъ, что скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается и что вамъ не

мѣшало бы помнить, что бумага все терпитъ и что языкъ безъ костей. Оттого, что у насъ кажется еще и завода такого нѣтъ, который могъ бы дать въ короткій срокъ одну, двѣ тысячи пулеметовъ; оттого, г. Верещагинъ, что по одной ниточкѣ въ 10,000 верстъ невозможно быстро перебросить такую массу пулеметовъ, все къ нимъ необходимое, особенно страшную массу патроновъ. Вамъ бы не мѣшало помнить, что по этой ниточкѣ приходится доставлять арміи не одни артиллерійскіе грузы, а и многое другое, столь же, а иногда и болѣе имъ необходимое. Вѣдь и японцы еще только подумываютъ придать пулеметы полкамъ; а когда это будетъ и въ какихъ размѣрахъ еще Богъ вѣсть, а имъ до дому рукой подать *).

---

*) Эта данная разстояній, къ несчастью принимается весьма немногими въ такое соображеніе, какого заслуживаетъ. Роковое ея значеніе рельефно выясняется весьма простымъ подсчетомъ, именно раздѣленіемъ цифры населенія даннаго народа на цифру разстоянія до пункта столкновенія. Очевидно, что цифра разстоянія должна попадать въ знаменатель, такъ какъ именно оно представляетъ одно изъ главныхъ препятствій въ достиженіи цѣли. Примѣръ: въ Японіи считаютъ 40 милліоновъ населенія, у насъ 130 м.: слѣдовательно мы, какъ будто повидимому, сильнѣе японцевъ въ 3,25 разъ; но принявъ въ расчетъ, что японцамъ отъ Сасебо хоть до Ляояна, напримѣръ, тысяча съ небольшимъ верстъ а намъ до него 10,000, получимъ вотъ что:

а) Для японцевъ $\frac{40,000000}{1000} = 40,000$

б) Для насъ: $\frac{130.000000}{10,000} = 13,000$

Такой подсчетъ конечно далекъ отъ математической точности, какъ и всѣ вообще подсчеты соціальной статистики, да она и не нужна. Этотъ подсчетъ весьма полезно примѣнять ко всякому массовому дѣлу; идетъ ли рѣчь о верфи, о литейномъ, о ружейномъ, пороховомъ заводѣ или объ арсеналѣ и т. под. Очень годится для

Могу сказать одно, что и у насъ этотъ вопросъ не упущенъ изъ виду и рѣшеніе его въ предѣлахъ практической возможности идетъ быстро.

Далѣе г. Верещагинъ, увлекаясь своимъ даромъ легкаго борзописанія, принимается изрекать уже совершенно невѣроятныя вещи, въ родѣ того, что 2000 пулеметовъ сослужатъ службу равную—200 тысячамъ полчищъ пѣхоты (?!) Не вѣря своимъ глазамъ, я прочелъ это мѣсто въ статьѣ г. В. нѣсколько разъ, думая, что рѣчь идетъ только о людяхъ, но нѣтъ, напечатано „полчищъ“! Неужели г-ну Верещагину не пришло въ голову, что, если каждое полчище принимать хотя въ сто человѣкъ (а какое же это полчище?), то получимъ въ двухъ стахъ тысячахъ полчищахъ двадцать милліоновъ людей; или г. В. не понимаетъ значенія слова полчища? Далѣе онъ поучаетъ, что „пулеметовъ не нужно кормить, лечить, они не потребуютъ пенсіи, они не оставятъ послѣ себя сиротъ, калѣкъ“. Что пулеметовъ не надо кормить, то это открытіе весьма цѣнное, но не полное, такъ какъ патронами ихъ нужно же кормить и самый скромный вѣсъ этой пищи на первую потребность измѣряется десятками пудовъ на каждый пулеметъ, а лошадокъ и прислугу кормить нужно; думаю также, что пока г. Верещагинъ не изобрѣтетъ механической прислуги для пулеметовъ, теперешняя неизбѣжно будетъ давать и сиротъ, и калѣкъ, и потребуетъ также

выясненія здраваго взгляда на дѣло. Все сказанное наводитъ на весьма серьезное размышленіе относительно всякаго и административнаго, и техническаго оборудованія нашего Дальняго Востока...

пенсію. Да, борзописаніе конечно пріятный талантъ; но и имъ злоупотреблять не слѣдуетъ, отводя хотя маленькое мѣсто и дѣятельности такъ называемыхъ задерживающихъ центровъ, которые расхолаживали бы слишкомъ пламенное воображеніе и умѣряли невоздержную бойкость пера. А то и самъ не спохватишься, какъ родишь двадцать тысячъ хлестаковскихъ курьеровъ, сорокъ тысячъ ноздревскихъ піявокъ, или двѣсти тысячъ ползищъ!

И чтобы сдѣлать вамъ угодное, Владиміръ Антоновичъ, я поставленъ въ необходимость разбирать столь великія истины вновь нарождающагося военнаго искусства, будучи по авторитетному приговору г-на Верещагина „далекъ отъ вѣрнаго пониманія этого искуства“. Ахъ, В. А., В. А., въ какое положеніе вы меня поставили! Богъ вамъ судья!

IV.

Покончивъ съ патетическимъ пустозвонствомъ В. Верещагина, выскажу въ заключеніе мой взглядъ на современное значеніе пулеметовъ въ полевой войнѣ, такъ какъ въ крѣпостной и въ морской я ихъ никогда не отрицалъ. Не отрицалъ, пожалуй, и въ полевой, ибо никогда не считалъ ихъ вредными, а только безполезными. Основывалъ я свое мнѣніе на томъ, что пулеметъ есть автоматическій стрѣлокъ, а не самостоятельное орудіе, и что тамъ, гдѣ мѣстомъ дорожить надобности нѣтъ, живой стрѣлокъ предпочтительнѣе автоматическаго.

Г-нъ Верещагинъ навелъ меня на мысль о весьма важномъ преимуществѣ пулеметовъ передъ живыми

стрѣлками, именно о томъ, что первые стрѣляютъ съ лафета, а вторые съ рукъ. Каюсь въ этомъ своемъ грѣхѣ, и признателенъ г-ну Верещагину за его напоминаніе, прощаю ему за это даже мою „громкую Шипкинскую славу“.

Дѣло въ томъ, что благодаря лафету, пулеметъ пріобрѣлъ главное свойство современной артиллеріи, именно устойчивость прицѣльной линіи, чего живой стрѣлокъ конечно не имѣетъ, да едва ли когда и будетъ имѣть, такъ какъ въ пулеметѣ отдачи нѣтъ. И поэтому, если живого стрѣлка можно сопоставить съ орудіемъ, у котораго былъ откатъ, то пулеметъ напротивъ уподобляется тому, у котораго отката нѣтъ.

Разумѣю, конечно, пулеметы на лафетахъ, а не такъ называемыя ружья-пулеметы.

Все сказанное, конечно, приводитъ къ заключенію, что и въ полевыхъ войскахъ пулеметы найдутъ свое мѣсто. Не въ такомъ размѣрѣ, конечно, какъ то кажется, благодаря непродуманной впечатлительности г. Верещагина, но все же довольно серьезное. Въ какой соразмѣрности ихъ вводить относительно другихъ родовъ оружія и присоединять ли ихъ къ пѣхотѣ, къ конницѣ или артиллеріи—дѣло будущаго.

Я полагаю, что, по свойствомъ матеріальной части, пулеметныя роты соотвѣтственнѣе всего держать въ мирное время въ составѣ артиллерійскихъ крупныхъ единицъ, откомандировывая для лѣтнихъ занятій въ пѣхотные и кавалерійскіе полки.

Введеніе пулеметовъ въ полевыя войска образа дѣйствій существенно ни въ чемъ не измѣнитъ; тѣ,

которые думаютъ иначе, сами того не замѣчая, ставятъ вопросъ такъ, что у васъ, напримѣръ, есть пулеметъ, а у меня его нѣтъ, то есть опять же разсуждать однобоко. И такъ какъ эта однобокость чрезвычайно пугаетъ инстинктъ самосохраненія, то и являются на сцену легенды въ родѣ уничтоженія баталіоновъ и даже полковъ однимъ (!) пулеметомъ, въ родѣ того, будто цѣлый стрѣлковый баталіонъ меньше сдѣлаетъ въ бою, нежели одинъ пулеметъ и т. п. Всѣ подобныя легенды—пустыя росказни, а не факты, если повѣствователь не даетъ себѣ труда сказать въ какомъ дѣлѣ, какого числа, и съ какой именно частью это случилось, т. е., если фактъ не изслѣдованъ до малѣйшихъ, по возможности, деталей. Вотъ хоть бы напримѣръ уничтоженіе, не говорю полка, а только баталіона—тутъ все важно знать: не только гдѣ и когда это случилось, но и въ какомъ строѣ баталіонъ былъ, и была ли передъ нимъ цѣпь, и на какомъ разстояніи по немъ открыли огонь? Если этотъ баталіонъ вступилъ въ сферу выстрѣловъ, не перейдя изъ густого въ разжиженный строй и былъ разстрѣлянъ, то хотя пулеметъ и сдѣлалъ свое дѣло, но главная суть не въ немъ, а въ густомъ строѣ баталіона и подобный фактъ подтверждаетъ только давно извѣстную истину, что дураковъ и въ церкви бьютъ.

Итакъ, примѣняя въ разбираемомъ случаѣ двубокое разсужденіе, прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Такъ какъ пулеметы въ концѣ концовъ бу-

дутъ въ обѣихъ противныхъ арміяхъ, и такъ какъ равныя за равныя исключается, то они существенныхъ перемѣнъ ни въ расположеніи, ни въ дѣйствіяхъ не дадутъ и дать не могутъ.

2) Такъ какъ мѣткость и дальность огнестрѣльнаго оружія возросли, то подготовительный періодъ боя будетъ продолжительнѣе, хотя и въ прежнее время онъ былъ далеко не коротокъ, даже и у великихъ мастеровъ дѣла.

Такъ у Наполеона подготовительный періодъ въ большихъ сраженіяхъ тянулся не меньше 10 — 12 часовъ; а вѣдь тогда бой начинался всего съ 600 сажень и только одной канонадой.

3) Съ изобрѣтеніемъ скорозарядной артиллеріи возникло странное явленіе: такъ называемая стрѣльба по закрытымъ цѣлямъ стала правиломъ и кончилось тѣмъ, что скорозарядная и мѣткая артиллерія даетъ всего 8 процентовъ пораженія, только на одинъ процентъ больше пораженій холоднымъ оружіемъ. И никакія ухищренія устройства наблюденія въ сторонѣ отъ батареи и угломѣрныхъ приспособленій, особаго результата пока не даютъ.

Фактъ поучительный. Чтобы поражать цѣль съ извѣстнаго мѣста, нужно ее и видѣть съ этого мѣста, а не прятаться отъ нея; кажется такое условіе едва ли можетъ быть устранено.

4) Окапываться дѣло конечно выгодное, но оно требуетъ много времени.

Если непріятель настолько любезенъ, что вамъ даетъ его, то окопаться при оборонѣ не только можно, но и должно; но окапываться въ бою при наступленіи, значитъ добровольно осуждать себя и

на пассивность, и на потерю времени. Можно еще заготовлять укрѣпленную позицію въ тылу расположеній на случай, если бы пришлось отступить. Это еще совѣтовалъ маршалъ Саксонскій. То же самое было у насъ при Петрѣ Великомъ подъ Полтавой. Хотя, какъ мнѣ кажется, это вышло случайно, такъ какъ Петръ занималъ укрѣпленный лагерь и вѣроятно разсчитывалъ, что его атакуетъ Карлъ XII; а потомъ рѣшился самъ его атаковать. Гробокопательствомъ же я называю безсмысленное увлеченіе саперными работами, такъ называемое искусство для искусства. Точно также я возстаю и противъ всякаго иного увлеченія какою-нибудь одною частью нашего сложнаго дѣла. Такъ увлекающихся однимъ строемъ, я называю Тарбѣевцами костоправнаго цеха, увлекающихся стрѣльбой—Тарбѣевцами огнестрѣльнаго цеха и пр.

5) Дальность и дѣйствительность оружія придаютъ въ наше время ночнымъ дѣйствіямъ весьма важное значеніе.

Настойчивая и послѣдовательная практика въ нихъ сослужитъ арміи большую службу. У Суворова она входила постоянной частью въ программу занятій. Лучшее доказательство того, что этотъ великій человѣкъ строилъ свою систему не на какихъ-нибудь временныхъ и переходящихъ данныхъ, а на вѣчныхъ законахъ человѣческаго духа: всякому должно быть извѣстно, что свойства тогдашняго оружія не вызывали необходимости въ ночныхъ операціяхъ.

6) Опытъ японцевъ для всякаго не огнелюба и не шкуролюба показалъ ясно, что закваска воспи-

танія и образованія войскъ должна быть штыковая или клинковая—что одно и то же. Разумѣю это не въ томъ, конечно, смыслѣ, будто огонь ничего не значитъ, какъ нѣкоторые огнелюбы утверждаютъ, сочиняя себѣ фиктивнаго Драгомирова, но въ томъ, что стараясь довести огонь до совершенства, возможнаго для регулярныхъ войскъ, и примѣняя его наилучшимъ образомъ въ бою, не должно терять способности сходиться грудь съ грудью, „ибо, если противникъ дѣйствительно стоекъ, то его можно опрокинуть только штыкомъ“.

Г. Верещагину огонь очень любъ, но онъ оставилъ себѣ лазейку, оговоривши, что онъ и противъ штыка ничего не имѣетъ и за эту оговорку прощаются ему всѣ пустяки, которые онъ счелъ за нужное послѣ оной помѣстить.

7) Итакъ, въ концѣ концовъ, бой своего характера качественно не измѣнитъ; значеніе человѣка въ бою не только не уменьшится, но и возрастетъ, такъ какъ болѣе совершенное оружіе требуетъ и болѣе совершеннаго человѣка; вѣдь оружіе само не стрѣляетъ и не ходитъ, въ противность открытію г. Верещагина и ему подобныхъ, что напримѣръ, 2.000 пулеметовъ, могутъ сдѣлать тоже, что и 200000 полчищъ пѣхоты. Подумаешь, будто пулеметы сами стрѣляютъ и въ людяхъ не нуждаются. Количественно же разница пожалуй будетъ и выразится продолжительностью огнестрѣльнаго періода, цѣль коего остается совершенно та же какъ была и прежде, т. е. сбитіе артиллеріи и пулеметовъ противника, равно какъ и подрывъ моральныхъ и физическихъ силъ его людей; останутся

тѣ же частныя атаки съ цѣлью какъ ощупыванія противника, такъ и демонстраціи для введенія его въ заблужденіе относительно намѣченнаго нами пункта для атаки дѣйствительной; то же, по возможности скрытое, сосредоточеніе силъ противника къ этому послѣднему пункту. Въ чемъ же новость, и чѣмъ же отличается подобный бой отъ наполеоновскаго? Какъ я уже сказалъ, количественно ничѣмъ, а качественно весьма немногимъ. Могутъ еще указать на большее развитіе мелкихъ формъ строя; но, во-первыхъ, формы строя никогда не представляли ничего существеннаго для людей понимающихъ дѣло; они были священны только во время оно для плацъ-парадниковъ. Во-вторыхъ, это разжиженіе началось чуть ли еще не съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія; однимъ словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ баталіоны начали расчленять по-ротно. Если же въ наше время найдется наивный человѣкъ, который вздумаетъ утверждать, будто сплошной ротный строй одно, а такъ называемый строй змѣйками совсѣмъ, совсѣмъ другое, то его можно бы было уподобить человѣку, который въ прописномъ б не узналъ бы печатнаго Б.

8) Такъ какъ въ военномъ дѣлѣ первѣйшій и важнѣйшій факторъ есть **человѣкъ**; такъ какъ законы его умовой и въ особенности волевой дѣятельности вѣчны и неизмѣнны, то понимается само собою, что усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, какъ бы они далеко не пошли, ничего существеннаго въ тактикѣ не измѣнятъ и измѣнить не могутъ. Этого не поймутъ только тѣ, которые не видятъ, что выводы изъ исключительныхъ случаевъ никакой логической

цѣны не имѣютъ, ибо однобоки. Поставитъ человѣкъ, напримѣръ, пулеметы съ одной стороны и забудетъ, что они есть и у другой; а затѣмъ и начинаетъ пустозвонить о ихъ страшной неодолимой силѣ. Слова нѣтъ, первѣйшая забота во всякомъ войскѣ должна быть о томъ, чтобы его оружіе не только не уступало по качествамъ оружію противника, но если возможно превосходило бы его, и это положеніе можно найти въ любомъ курсѣ тактики сколько-нибудь толковомъ. Но дѣло не въ одномъ этомъ, а гораздо болѣе въ томъ, чтобы люди были обучены его употреблять. Слѣдовательно, и опять выходитъ, что дѣло гораздо больше въ человѣкѣ, нежели въ орудіи.

Ахъ, Владиміръ Антоновичъ, какую вы тяжелую эпитимію на меня наложили! Богъ вамъ судья!

V.

Фельдфебельскія и вахмистерскія барыни. Признаюсь откровенно, никогда я не былъ охотникомъ до сверхсрочныхъ нижнихъ чиновъ, преклоняясь въ этомъ случаѣ предъ глубоко вѣрнымъ инстинктомъ нашего умнаго народа, у котораго такіе сверхсрочные именуются „продажною шкурою“, и не даромъ. Конечно, бываютъ исключенія, но едва ли они часты. Положеніе, по коему они привлекаются на сверхсрочную службу, нельзя назвать нормальнымъ: сегодня онъ исполняетъ безпрекословно всѣ мои законныя, а иногда даже и незаконныя приказанія; я его начальникъ, онъ мой подчиненный;—завтра, съ увольнительнымъ видомъ, роли радикально измѣняются: бывшій начальникъ

обращается чуть не въ просителя: „Сидоръ Антипычъ, не пожелаете ли на вторительную службу поступить? За это васъ ожидаютъ и денежныя прибавки, и награды шевронами и медалями, и наконецъ, можете выписать свою супругу и заживете своимъ домкомъ“.—„Что-жъ, ваше в-скобродіе, я не прочь послужить подъ вашимъ начальствомъ, я вами всегда былъ оченно доволенъ и окромя хорошаго ничего худого отъ васъ не видѣлъ“, снисходительно докладываетъ приглашаемый. — „Ну спасибо вамъ Сидоръ Антипычъ, перевозите вашу хозяйку и обзаведитесь на семейную ногу“.

И такимъ образомъ точныя дисциплинарныя отношенія, самымъ актомъ этой сдѣлки, уже нарушены. Соглашаясь на вторичную службу, нижній чинъ исполняетъ не должное, а напротивъ оказываетъ одолженіе, и въ этомъ самомъ, конечно, подразумѣваемо, но уже заключается надежда на то, что и ему будутъ оказывать таковыя же.

И вотъ въ казармы жалуетъ супруга фельдфебеля или вахмистра; на дворѣ, въ какомъ-нибудь потаенномъ углу, заводятся пристроечки для свинки, коровки; питаются сіи послѣднія помоями и корками съ ротной, эскадронной или батарейной кухни; но, странное дѣло! эти помои почему-то бываютъ обыкновенно жирнѣе тамъ, гдѣ у сверхсрочныхъ федьдфебелей или вахмистровъ такое хозяйство заводится. Мало-по-малу его хозяйственное настроеніе крѣпнетъ и развивается, вѣдь и поставщикъ мяса есть который и прежде былъ знакомъ; артельщикъ тоже за покупками отправляется... покупку фуража, положимъ, сверхсрочнему рѣдко поручаютъ, но

при нѣкоторой ловкости и опытности устранить изъ большого количества нѣсколько четвертей овса ничего не стоитъ. А уменьшивъ дачу на лошадь на десятокъ—другой золотниковъ, и самъ не замѣтишь, какъ убыль пополнишь. Да и на хлѣбѣ тоже можно загнать благоразумную экономію, только не нужно жадничать и торопиться, а придерживаться мудрой поговорки: „украсть нельзя, а потихоньку можно“.

Дѣлается это такъ; одинъ знакомый мнѣ начальникъ разсказывалъ, какъ онъ въ одной части наткнулся на пудовую гирю съ высверленнымъ углубленіемъ, залѣпленнымъ чернымъ хлѣбомъ... Вольныя работы тоже кое что приносятъ.

Но это пока матеріальная сторона прелестей сверхсрочности, а вотъ и моральная, которая уже теперь настолько даетъ себя знать, что о нихъ начинаютъ поговаривать и въ гражданскихъ газетахъ. Всѣ мы знаемъ, что у насъ отрыжки крѣпостного права далеко еще не заглохли; и вотъ, съ пріѣздомъ супруги фельдфебеля (вахмистра) любящій супругъ объявляетъ, разумѣется словесно, приказаніе своимъ подчиненнымъ, что новопріѣзжую они должны величать „барыней“ и исполнять ея приказанія.

Деревенская баба посвящается тоже въ новый свой титулъ, конечно, наряжается въ городское платье и счастлива величаться своимъ благороднымъ титуломъ такъ, какъ настоящей барынѣ никогда и въ голову не придетъ. Начинаются столкновенія, иногда враждебныя, а иногда, что грѣха таить и слишкомъ нѣжныя. Вѣдь въ ротѣ или батареѣ выборъ великъ: долго ли ошибиться?—Случаи тѣхъ

и другихъ столкновеній уже доходили до суда; но я думаю не ошибусь, сказавъ, что на каждый подобный случай вѣроятно десятки остаются невѣдомыми не только судамъ, но даже и ближайшему начальству, что, однако нисколько не умаляетъ ихъ растлѣвающаго духовнаго вліянія, и скорѣе напротивъ подобно всякой заразѣ, вгоняемой внутрь.

И не нужно думать, чтобы это водилось только у насъ; человѣкъ вездѣ человѣкъ—и одинаковость условій, въ какія онъ поставленъ, неминуемо дастъ и одинаковыя послѣдствія, будь то нѣмецъ, французъ и проч. Въ романѣ „Іена или Седанъ“, описывающемъ жизнь одного нѣмецкаго артиллерійскаго полка, находимъ, напримѣръ, какъ одинъ фельдфебель убилъ другого за то, что послѣдній похвалялся въ подпитіи своей близостью къ женѣ перваго.

Прочитавъ эти строки, вѣроятно всякій согласится, что въ существованіи сверхсрочнослужащихъ далеко не все здорово, ни въ дисциплинарномъ, ни, наконецъ, въ матеріальномъ смыслѣ.

Что же дѣлать?—Очень просто что! Отказаться отъ сверхсрочнослужашихъ. Не помню гдѣ и по какому поводу я уже однажды высказался, что при молодомъ солдатѣ нужно помириться не только съ молодымъ унтеръ-офицеромъ, но и съ молодымъ фельдфебелемъ; принять. однимъ словомъ, казацкое положеніе цѣликомъ, какъ его создалъ народъ.

Тамъ, гдѣ офицеры работаютъ добросовѣстно и не сваливаютъ работы на нижнихъ чиновъ, отъ такого порядка ущерба службѣ не будетъ, а устранится весьма серьезная причина ея растлѣнія.

Могутъ возразить, что столь огульное обвиненіе есть клевета на сверхсрочнымъ; во-первыхъ, не огульное, такъ какъ уже сказано, что исключенія бываютъ, а во-вторыхъ, всѣ стоящіе близко къ дѣлу вѣроятно признаютъ, что сдѣланный очеркъ подходитъ къ большинству сверхсрочныхъ.

Дѣло въ томъ, что всякій новобранецъ, поступающій на службу, совершенно ошалѣваетъ отъ всего: и отъ непривычнаго образа жизни, и отъ непривычныхъ занятій, и отъ непривычныхъ холодныхъ и болѣе или менѣе рѣзкихъ отношеній, не только со старшими, но даже и съ равными. Всѣмъ намъ извѣстно, напримѣръ, что довольно значительный % новобранцевъ переболѣваетъ вередами, иные подвергаются такому духовному перелому, что потомъ уже и не выправляются, иные уходятъ въ неспособные. Все это на разныхъ новобранцахъ и отражается различно: горожанинъ, фабричный, мастеровой не такъ подчиняется духовному гнету, зато физически онъ слабъ; сельчанинъ—наоборотъ. И вотъ этого затурканнаго зайца принимаются усиленно начинать разными воинскими хитростями, а эти хитрости очень сложны и по разнородности, да и по объему, и усвоить ихъ требуется въ какія-нибудь четыре мѣсяца: не диво очумѣть даже хорошо грамотному.

Ко второму году солдатъ приходитъ въ себя, втянулся въ порядки, приглядѣлся къ службѣ, а который поспособнѣе и похарактернѣе къ концу второго года попадаетъ въ вицъ-унтеръ-офицеры и даже въ унтеръ-офицеры.

Третій и четвертый года онъ служитъ уже по

настоящему, видитъ, какъ и что кругомъ и около дѣлается, который полукавѣе, тотъ интересуется и тѣмъ, какъ орудуютъ артельщикъ, каптернармусъ, фельдфебель, однимъ словомъ, учится тому, гдѣ можно, на чемъ и какъ. Понимается само собою, что люди прямолинейные, кряжисто-честные брезгаютъ этой наукой; они думаютъ не о томъ, чѣмъ отъ службы можно попользоваться, а о томъ, какъ при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей можно попасть въ преступники, благодаря какой-нибудь несчастной случайности, и потому у нихъ мечта одна—непостыдно, не щадя силъ, отбыть служебную тягу и уйти къ своему домашнему дѣлу. Изъ сего всякій усмотрѣть можетъ, что на сверхсрочную службу всего рѣже попадаютъ именно тѣ люди, которые на ней самые желательные.

Вотъ почему думаю, что отказаться отъ сверхсрочнослужащихъ въ войскѣ, право, не такая уже потеря, какъ это инымъ можетъ показаться. Мнѣ кажется это слѣдовало бы сдѣлать, хотя бы изъ жалости къ тѣмъ изъ честно служащихъ, которые за выскочившую у нихъ сгоряча „продажную шкуру“ попадаютъ подъ судъ за оскорбленіе начальника на словахъ, да еще при исполненіи служебныхъ обязанностей. Служба отъ этого не проиграетъ, а выиграетъ, не во гнѣвъ будь сказано тѣмъ изъ гг. офицеровъ, которые до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ крѣпостной повадки сваливать свою работу на другихъ.

VI.

Опять „Ты“ и „Вы“. Оцѣживаніе этого комара продолжается. Давнишній отстаиватель употребленія мѣстоимѣнія „вы“, въ обращеніи къ однимъ вольноопредѣляющимся, не давно сѣтовалъ на то, что какая-нибудь чуйка, панева или приказчикъ говорятъ солдату „ты“, а онъ имъ якобы говоритъ „вы“. Я такого случая не наблюдалъ; не думаю также, чтобы и г-ну Скугаревскому случилось его наблюдать часто. Такъ или иначе, но сколько мнѣ извѣстно уставъ не требуетъ отъ солдата, чтобы онъ всякому вольному говорилъ „вы“, а можетъ онъ этимъ вольнымъ говорить „ты“, если и они его тыкаютъ; и потому неудобство, выисканное г-номъ Скугаревскимъ устраняется само собою.

Я бы и не коснулся болѣе этого пустяковаго вопроса, если бы не полученное недавно письмо, затрагивающее его весьма симпатично, но едва ли не поздно. Мысль автора такова: въ настоящее время въ армію приливаетъ много лицъ интеллигентныхъ, полуинтелигентныхъ, ремесленниковъ и другихъ средняго сословія людей, преимущественно горожанъ, которые въ разговорной рѣчи привыкли говорить другъ другу „вы“. Попадая въ войско, гдѣ имъ старшіе говорятъ „ты“, между тѣмъ какъ они должны старшимъ говорить „вы“, новобранцы перечисленныхъ категорій будто считаютъ это какъ бы за униженіе. Чтобы это исправить, мой корреспондентъ, подписи коего не разобралъ, предлагаетъ возвратиться къ общему употребленію „ты“ въ сношеніяхъ всѣхъ степеней воинской іерархіи между собою.

Для меня лично такое предложеніе въ высшей степени симпатично, но, какъ я уже сказалъ, едва ли оно не опоздало, да и осуществленіе его могло исходить только оттуда, гдѣ такъ много такой неизмѣримо важной работы, что отвлекаться отъ нея подобными вопросами было бы не кстати;

во-вторыхъ „ты“, принятымъ въ войскѣ, не обидится, не только интеллигентъ, достойный этого названія, но и люди поскромнѣе, если они толковы, ибо знаютъ и понимаютъ, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. А обидятся только тѣ, у которыхъ, какъ говорится, на грошъ амуниціи, а на рубль амбиціи; да еще тѣ, которые выискиваютъ всевозможные поводы обидѣться.

Я уже сказалъ и еще разъ повторяю, что въ сущности это вопросъ пустяковый, и псевдогуманисты увязались въ него съ такимъ азартомъ по царящей теперь модѣ возмущаться на гражданскіе мотивы не только дѣйствительные, но и мнимые. Пока уставъ приказываетъ говорить ты, будемъ говорить ты, а когда прикажутъ говорить вы, будемъ говорить вы. Все дѣло въ томъ, чтобы розни не было, т. е. чтобы не говорили однимъ нижнимъ чинамъ вы, а другимъ ты.

И забавнѣе всего то, что въ этой охотѣ за мѣстоименіями тоже нашли предлогъ накидываться на бюрократію. Далась имъ эта бюрократія! Въ этомъ случаѣ она, противъ обыкновенія, именно поступила не по своимъ повадкамъ, т. е., не мудрствуя лукаво и не считая себя умнѣе народа, узаконила народную привычку, закрѣпивъ ее на бумагѣ.

Есть у насъ въ войскахъ болячки нестерпимыя и вывода на свѣтъ Божій настоятельно требующія. На нихъ бы стоило обратить вниманіе охотникамъ до гражданскихъ мотивовъ; по поводу ихъ возмущаться и кричать хоть съ крышъ, но не знаю почему, сказанныя болячки не привлекаютъ къ сожалѣнію ничьего, или почти ничьего вниманія. Мы ихъ не скроемъ; ужъ каяться, такъ каяться: это такъ называемыя вольныя работы, пусканіе солдатъ по улицамъ грязными оборвышами, мордобойство и воровство; и всѣ эти грязныя болячки представляютъ также отрыжки крѣпостного права.

При крѣпостномъ строѣ дворянинъ поступалъ въ войска офицеромъ, а крестьянинъ солдатомъ, и ихъ отношенія переходили цѣликомъ въ военную службу, т. е. и въ оной первый разумѣлъ себя бариномъ со всѣми общеизвѣстными послѣдствіями, а второй разумѣлъ себя его крестьяниномъ, правильнѣе сказать рабомъ, съ которымъ господинъ офицеръ можетъ сдѣлать, что хочетъ. Съ эмансипаціей эти отношенія измѣнились de jure, но de facto далеко еще нѣтъ, на что есть даже внѣшнія указанія хотя бы въ родѣ того, что до сихъ поръ солдаты всегда говорятъ о компаніи офицеровъ „господа“, т. е. баре. Съ своей стороны и многіе господа офицеры не словомъ, а дѣломъ зачастую показываютъ, что новые законы, опредѣляющіе ихъ отношеніе къ солдату, для нихъ пока не писаны. А между тѣмъ пора бы кажется хоть то имѣть въ виду, что уже и теперь есть офицеры изъ крестьянъ, и солдаты изъ привилегированныхъ сословій. Такое положеніе даетъ и соотвѣтственные плоды. Начнемъ

хоть съ вольныхъ работъ, кои правильнѣе называть подневольными, такъ какъ на нихъ солдатъ посылается по наряду.

1) Вольныя работы. Начальство, посылающее солдатъ на работы, не имѣющія ничего общаго съ военнымъ дѣломъ, собственно говоря, совершаетъ преступленіе, но это не только никому не приходитъ въ голову, а даже являются люди, которые не краснѣя возражаютъ, что безъ вольныхъ работъ обойтись якобы нельзя, такъ какъ отпуски отъ казны на нѣкоторыя статьи недостаточны. И этимъ господамъ въ голову не приходитъ, что ихъ возраженіе нелѣпо, ибо къ дѣлу совершенно не относится. Имъ говорятъ, что начальникъ, уважающій законъ, не имѣетъ права посылать на работы солдата, какъ своего крѣпостного; они вамъ на это отвѣчаютъ, что отпуски отъ казны недостаточны.

Такъ пожалуй дойдемъ и до оправданія тѣхъ эскадронныхъ командировъ, которые посылали людей воровать фуражъ, чему примѣры бывали.

Во-вторыхъ, если отпуски отъ казны недостаточны, то, по логикѣ, кажется нужно добиваться ихъ измѣненія, а не пополнять ихъ крѣпостнымъ заработкомъ солдатъ.

Въ-третьихъ, еще не далеко то время, когда хорошимъ служакамъ для поправки обстоятельствъ давали полки; начальство самое высшее это знало, признавало явленіе нормальнымъ и преслѣдовало только тѣхъ, которые, какъ говорится, брали „не по чину“: если можно было пользоваться отъ части и все же держать ее въ относительномъ порядкѣ, то недостатокъ казенныхъ отпусковъ не такъ ужъ

долженъ быть великъ, какъ это угодно изображать охотникамъ до отстаиванія крѣпостного солдатскаго труда во что бы то ни стало.

Въ четвертыхъ, вольныя работы ведутъ къ увѣчьямъ, а иногда даже и къ смерти солдатъ. Какое мы имѣемъ право подвергать опасности жизнь солдата въ работѣ, на которую онъ не присягалъ и на которую его въ войско не берутъ?

Въ пятыхъ, солдатъ обыкновенно нанимаютъ на работу дешевле цѣнъ, стоящихъ въ данной мѣстности, т. е. они, попросту говоря, сбиваютъ цѣну крестьянину, который долженъ кормить не только себя, но и того же солдата.

Наконецъ, въ шестыхъ, духовное растлѣніе, являющееся результатомъ вольныхъ работъ, такъ велико, что при большей нравственной чистоплотности ни у кого языкъ не повернулся бы ихъ отстаивать. Не поворачивается онъ и у насъ на то, чтобы слишкомъ такую тему развивать.

Во-первыхъ, сдѣлки фельдфебеля, (а иногда и не фельдфебеля), съ помѣщикомъ или управляющимъ о цѣнѣ; во-вторыхъ, дѣлежъ заработка въ третьихъ, суточныя господамъ-офицерамъ отъ помѣщиковъ, сопровождающимъ болѣе или менѣе значительныя команды, посылаемыя на вольныя работы; и есть офицеры, не гнушающіеся подобными подачками, за что отъ помѣщиковъ-инородцевъ и стяжали себѣ почетное прозвище „наймитовъ“, т. е. наемщиковъ.

Не мѣшало бы наконецъ и то принять въ соображеніе что за четыре года службы на вольныя работы уходитъ около года, такъ не лучше ли вмѣсто четырехлѣтняго установить трехлѣтній срокъ службы,

но три года сплошь заниматься военной спеціальностью. Это утверждало бы людей въ солдатской спеціальности несравненно лучше, чѣмъ теперь, такъ какъ послѣ всякихъ вольныхъ работъ солдатъ возвращается въ часть мало что не мужикомъ.

И кромѣ того способствовало бы духовному оздоровленію командnаго кадра, стоящаго въ непосредственной близости къ солдату.

2) Воровство. Кормиться, попользоваться, похитить, украсть, поправиться, устранить, прикарманить, разстараться, стибрить, спереть, слимонить, сбондить, свистнуть, сцапать, благоразумно съэкономничать — какое богатство терминовъ для выраженія понятія объ одной и той же спеціальности привлекать даромъ чужой рубль въ свой карманъ! Такое богатство терминовъ всегда знаменуетъ одно— именно то, что извѣстная спеціальность пользуется большой симпатіей и распространеніемъ. Справедливость требуетъ сказать, что вначалѣ такъ называемое кормленіе не представляло ничего преступнаго, ни даже зазорнаго. Это было просто жалованіе, которое предоставлялось самому чиновнику непосредственно собирать съ населенія.

Казна жалованья давать не могла: денегъ вообще было мало, такъ что и подати даже приходилось собирать натурой, да и податные насосы ограничивались самыми патріархальными формами, а о совершенствѣ, отличающемъ ихъ теперь, конечно, никому и не снилось. Однимъ словомъ кормленіе являлось тогда совершенно законнымъ и дѣло было не въ томъ, чтобы не брать, а только въ томъ, чтобы „по чину“ брать: послѣднее выраженіе впер-

вые выуженное Гоголемъ у какого-нибудь чиновника, великолѣпно характеризуетъ взглядъ на кормленіе.

Но на бѣду всякій естественно расположенъ считать свой чинъ выше, чѣмъ онъ стоитъ, и соотвѣтственно тому себя вознаграждать: въ этомъ неудобство кормленія.

Съ теченіемъ времени казна разбогатѣла и стала платить жалованіе; но кормленіе осталось — кто же себѣ врагъ, особенно при томъ порядкѣ, который внушилъ Крылову басню: „Крестьяне и рѣка“.

Мало-по-малу такъ называемые безгрѣшные доходы стали явленіемъ общимъ и знаменитымъ во всѣхъ сферахъ, въ томъ числѣ и въ войсковой, къ которой и обратимся, не касаясь высшей — военно-административной.

Изъ сказаннаго о подневольныхъ работахъ читатель догадался, конечно, какая львиная доля изъ полученнаго заработка пристаетъ къ разнымъ рукамъ по дорогѣ къ солдатскому карману и, что ему наконецъ достается изъ его собственнаго заработка Но это не все: дошлые люди въ прежнее время пользовались и на хлѣбѣ, и на варкѣ, и на фуражѣ, однимъ словомъ на всемъ съ чего только можно было пользоваться. Впрочемъ и теперь есть господа, не стѣсняющіеся давать людямъ мясныя порціи въ 8 золотниковъ, когда изъ мяса, даже не особенно жирнаго, порціи выходятъ не меньше 20 золотниковъ, если мясо не прилипаетъ къ фельдфебельскимъ или къ инымъ рукамъ.

Есть и еще источникъ пользованія спеціально фельдфебельскій и отчасти унтеръ-офицерскій. Это

обираніе тѣхъ изъ новобранцевъ, съ которыхъ есть что взять.

„Разстараться“ значитъ, пользуясь оплошностью обывателя, усвоить себѣ часть его фуража для обращенія его на кормъ казенныхъ лошадей. Терминъ чисто кавалерійскій. Къ этому способу продовольствія прибѣгали тѣ изъ эскадронныхъ командировъ, лично которые находятъ, что отпускъ получаемаго ими содержанія недостаточенъ и исправляютъ эту ошибку казны тѣмъ, что прибавляютъ къ нему фуражныя деньги... Такіе отдающіе себѣ справедливость люди съ теченіемъ времени становятся все рѣже и рѣже. Но одинъ подобный экземпляръ былъ мнѣ извѣстенъ еще въ 1901 г.

Преобладающую характеристическую особенность большинства нашихъ видовъ пользованія представляетъ то, что оно почти всегда есть казнокрадство или такъ сказать патріотическое воровство, по выраженію одного иностранца. Нагрѣваютъ грандіозно и въ другихъ мѣстахъ: кому неизвѣстны Панама и Эмберы; но нагрѣваютъ собственно публику. У насъ же за все про все отдувается казна, такъ какъ и большинство лопнувшихъ за послѣднее время частныхъ предпріятій возникли, говорятъ, тоже при пособіи казны. И какія чудныя у насъ создались поговорки благонамѣреннаго лицемѣрія и какъ художественно умѣемъ мы пользоваться фигурой умолчанія. Кто не знаетъ псевдо-афоризма „казенное ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ“! Да не горитъ и не тонетъ, но растворяется въ карманахъ и прилипаетъ къ рукамъ такъ, что потомъ и не найдешь: совершенно вродѣ того, какъ случи-

лось съ порошкомъ, въ который Моисей и Ааронъ разложили золотого тельца и развѣяли его потомъ по вѣтру. Ахъ, эти недомолвки и фигура умолчанія — какое онѣ могущественное средство представляютъ въ рукахъ умѣлыхъ людей для втиранья очковъ кому слѣдуетъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы знаменитый каламбуристый афоризмъ „самоуправленіе не совмѣстимо съ самодержавіемъ“: вѣдь всего пропущено съ чьимъ самодержавіемъ, а какой эфектъ! Если любому чиновнику поставить этотъ вопросъ, то онъ пожалуй съ негодованіемъ воскликнетъ, что, понятное дѣло, съ чьимъ, и что онъ, чиновникъ, находитъ подобный вопросъ не только неумѣстнымъ, но даже неприличнымъ: развѣ вопрошающему неизвѣстно, кому самодержавіе принадлежитъ? На бѣду расхищеніе этой священной силы чиновниками признано еще такимъ потентатомъ, какъ въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I, когда онъ съ грустью замѣтилъ, что Россіей управляютъ столоначальники. Смѣю думать, что рядомъ со столоначальниками, не дѣлая особенно грубой ошибки, можно было поставить и становыхъ приставовъ. Принявъ все сказанное въ соображеніе, окажется, что самоуправленіе дѣйствительно не совмѣстимо, но только не со священнымъ самодержавіемъ, а съ расхищеннымъ чиновниками и которое правильнѣе назвать самоупра́вствомъ. Вотъ какъ иногда волчьи повадки укрываются, благодаря фигурѣ умолчанія, въ овечью шкуру.

Язва казнокрадства прививается легко и распространяется быстро. Къ крайнему моему удивленію я получилъ подтвержденіе этому тамъ, гдѣ никакъ

его не ожидалъ, именно во Франціи; правда, подтвержденіе не фактическое, а только анедоктическое. Въ 83 году генералъ Д., потомокъ одного изъ Наполеоновскихъ маршаловъ, разсказывалъ мнѣ, какъ молодой Базенъ, прибывъ изъ Россіи во Францію для поступленія въ военную службу, на первыхъ же порахъ по производствѣ въ офицеры началъ справляться о томъ, какіе у нихъ ротный командиръ имѣетъ доходы и съ какихъ статей? Но на него товарищи посмотрѣли такъ дико и вообще всѣмъ своимъ видомъ показали такое полное непониманіе дѣла, что онъ конечно не продолжалъ своихъ разспросовъ. Тѣмъ не менѣе наклонность Базена къ собиранію подобныхъ свѣдѣній настолько ихъ поразила, что генералъ Д. вспомнилъ о ней вѣроятно спустя не менѣе, а можетъ быть и болѣе, 40 лѣтъ [1]).

VI.

3) Солдатъ водятъ оборванцами не только въ захолустьяхъ, а даже въ многолюдныхъ центрахъ Болѣе рѣзкой и обидной отрыжки крѣпостного права я не знаю. Этотъ возмутительный обычай, ставящій солдата передъ обывателемъ въ

---

[1]) Маршалъ Базенъ былъ сыномъ инженера Базена, присланнаго въ числѣ другихъ инженеровъ Александру I Наполеономъ. Они основали у насъ, между прочимъ, институтъ Путей Сообщенія. Если принять въ соображеніе, что Базенъ-отецъ, не будучи военнымъ, компаніи съ военными вѣроятно не водилъ, то остается допустить, что Базенъ-сынъ былъ или особенно воспріимчивъ къ свѣдѣніямъ этого рода, или же, что они были слишкомъ распространены и попадали въ уши даже тѣмъ, кто и желанія не имѣлъ ихъ собирать.

приниженное положеніе, вызывается стремленіемъ начальства къ самой безсмысленной экономіи, загоняемой на мундирной одеждѣ. Цейхгаузы ломятся отъ этой экономической одежды. Есть части накопившія ее по три, четыре комплекта, а солдатъ водятъ въ рубищѣ. И этимъ по недомыслію хвастаются; они конечно устыдились бы, если бы могли уразумѣть, сколько въ подобномъ отношеніи къ солдату униженія его человѣческаго достоинства. Но они этого уразумѣть не могутъ, дѣйствуя и чувствуя по крѣпостному. Не сомнѣваюсь въ томъ, что если эти строки попадутъ случаемъ на глаза одному изъ мундирныхъ коллекціонеровъ, онъ расхохочется. „Человѣческое достоинство у солдата, да это умора! Стану я на нихъ тратить мундиры, когда мнѣ не далѣе какъ въ прошломъ году отдали благодарность въ приказѣ за четвертый комплектъ Погуляетъ и въ рубищѣ,—таковскій!“

Холопское высокомѣріе внизъ, холопское раболѣпство вверхъ. Грустно...

4) Мордобойство. Право бить по мордѣ, не получая конечно, за крайне рѣдкими исключеніями, сдачи, составляло при крѣпостномъ режимѣ одну изъ высшихъ привилегій такъ называемаго благороднаго человѣка. Какой же онъ былъ бы и благородный, не имѣя объекта, которому могъ бы безнаказанно заѣзжать въ образъ и подобіе Божіе при надобности, а то и такъ, за здорово живешь безъ всякой надобности, по взволнованному состоянію чувствъ.

Это завидное право съ офицеромъ-баріномъ перешло въ войска и практиковалось на солдатѣ въ

обширныхъ размѣрахъ вплоть до членовредительства. Кто не дрался, считался слабымъ и безхарактернымъ. Поступающая вновь молодежь училась этому искусству у старшихъ товарищей, между коими по этой части водились великіе артисты, такъ, напр., одинъ, бившій озлобленно-хладнокровно, къ длани никогда не прибѣгалъ, а орудовалъ кулакомъ, и чтобы не свернуть скулы, онъ, накладывая правымъ кулакомъ, лѣвый приставлялъ къ противоположной скулѣ. Такой, право, анатомъ!

Уже давно извѣстно, что рабство гораздо болѣе развращаетъ рабовладѣльца, нежели раба. Оно совершенно извращаетъ всѣ его нравственныя понятія. Позорное становится чуть не почетнымъ, сѣкачи и мордобои величаются своимъ искусствомъ, а не стыдятся его; соратники его по этимъ спеціальностямъ награждаютъ уваженіемъ тѣхъ, которые въ нихъ являются виртуозами. И рѣшительны-то они, и энергичны, и характерны, и на нихъ можно положиться въ важныхъ случаяхъ; все это совершенная ложь, такъ какъ всѣ подобныя качества познаются только изъ борьбы, а какая же тутъ борьба, когда одинъ хлещетъ въ усъ и въ рыло, а другой передъ нимъ стоитъ неподвижно руки по швамъ? На подобной практикѣ можетъ выработаться только жалкое безволіе, опѣшивающее отъ малѣйшаго противодѣйствія, но ужъ никакъ не характеръ. И это извращеніе понятій заражаетъ весь духовный строй человѣка. Невольно припоминается случай изъ крѣпостной сферы, прекрасно рисующій сказанное извращеніе понятій, хотя онъ произошелъ и не въ военной средѣ. Дѣло было зимой. Въ одной изъ

сосѣднихъ съ Черниговской губерній, священникъ поссорился съ помѣщикомъ, который недолго думавши, приказалъ выкупать его въ проруби.

Рабы ли слишкомъ поусердствовали или же священникъ былъ неблагонамѣренъ, но онъ захлебнулся. Скрыть этого было нельзя; дошло дѣло до Императора Николая I, который приказалъ помѣщика сослать въ Сибирь. Пошло шушуканье по всей помѣщичьей компаніи той губерніи. Возмущаться конечно и думать не смѣли, но были грустно изумлены такою по ихъ мнѣнію несправедливостью, и на ближайшемъ собраніи въ полслуха вольнодумничали такъ: „До чего мы дожили! Столбового россійскаго дворянина за какого-нибудь попишку въ Сибирь ссылаютъ!“

Вотъ оно извращенное понятіе о дворянскомъ достоинствѣ. По здравому смыслу выходитъ, что человѣкъ топящій людей въ проруби изъ мелочной мстительности, кромѣ презрѣнія и суровой кары ничего не заслуживаетъ, а его соратникамъ по всякому произволу эта кара казалась нарушеніемъ дворянскихъ правъ. Но вернемся къ воинскому сословію.

Новый дисциплинарный уставъ, объявленный вмѣстѣ со введеніемъ общеобязательной повинности, воспретилъ всяческія тѣлесныя наказанія для всѣхъ поступающихъ въ военную службу; только впослѣдствіи нижніе чины, оказавшіеся порочными, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ ему подвергались вплоть до великой реформы послѣдняго царствованія, совершенной отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Къ несчастью, ни прежній законъ, ни послѣдній до заправаскихъ убѣжденныхъ мордобоевъ

еще не дошелъ. Еще недавно читалъ въ корреспонденціи изъ Манчжуріи, какъ г-нъ офицеръ билъ нижняго чина, да еще къ тому молодой, да еще въ публичномъ мѣстѣ, т. е. чуть ли не на вокзалѣ! И выходитъ, что Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ. И какъ не приходитъ въ голову этимъ господамъ, что ихъ морда слѣплена изъ той же самой глины, что и солдатская, и что если солдатъ объ этомъ догадается, то не хорошо будетъ.

Вотъ наши войсковыя болячки и настоитъ неотложная надобность подумать начальству о томъ, чтобы ихъ искоренить. Родственная связь ихъ съ крѣпостнымъ режимомъ кажется ясна.

VII.

Юридическая казуистика. Мы получили анонимъ настолько порядочный и серьезный, настолько проникнутый болезнымъ чувствомъ къ нашему страстотерпцу солдату, что считаемъ своею обязанностью на него отвѣтить.

Вотъ этотъ анонимъ: приводимъ его въ точной копіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ собственныхъ именъ и словъ, но безъ малѣйшаго посягательства на его смыслъ:

12 іюня 1905 г.

Ваше В—ство!

„Съ отчаянія вѣшаются, стрѣляются, а я рѣшаюсь писать, что дѣлаю впервые за 25-ти лѣтнюю службу въ строю.

„Писать не умѣю (неправда, пишете хорошо и главное отъ сердца искренно наболѣвшаго); отвѣта, вѣроятно не получу отъ васъ на свои вопросы („Не скажи гопъ не перескочивши“); разъясненія ждать не отъ кого (я обязанъ дать его вамъ уже и потому, что вы ссылаетесь на программу не совсѣмъ мнѣ чуждую).

„Службу началъ въ N-омъ округѣ, гдѣ распоряженіемъ командующаго войсками ген. N, при обученіи молодыхъ солдатъ была принята ваша „подробная программа“ во всѣхъ частяхъ войскъ; въ NN-скомъ военномъ округѣ обученіе молодыхъ солдатъ до сего времени ведется по той же программѣ и всѣ высшіе строевые начальники на смотрахъ, при объѣздахъ, повѣряя знаніе солдатъ, всегда удовлетворялись опредѣленіемъ сущности воинской дисциплины въ ней сдѣланномъ.

„Покойный генералъ-адъютантъ X не разъ въ своихъ приказахъ подтверждалъ ту мысль, что войскамъ округа давно пора освоиться со взглядомъ, что дѣло подчиненнаго исполнять въ точности полученное приказаніе и что за послѣдствія отданнаго приказанія отвѣчаетъ начальникъ. Его преемникъ генералъ Y, приказалъ добавить къ словамъ „противъ Государя“ еще и „противъ присяги“ [1]).

„Такъ учу я и въ этомъ духѣ воспитываю своихъ подчиненныхъ, да и большинство начальниковъ, насколько мнѣ извѣстно, поступаютъ такъ же; а на практикѣ военнаго суда многіе подчиненные изъ нижнихъ чиновъ, за точное исполненіе приказаній начальниковъ-офицеровъ, понесли тяжелое наказаніе, такъ какъ приказаніе было явно преступное (командиръ роты приказалъ наказать

---

[1]) По моему прибавка лишняя, ибо присяга приносится Государю и въ ней нѣтъ ни іоты, относящейся къ кому-либо иному. Имѣя дѣло съ солдатомъ, необходимо постоянно думать о томъ, чтобы говорить ему не только ясно и вразумительно, но и по возможности кратко, не допуская никакихъ плеоназмовъ. Въ особенности этого строго нужно держаться относительно того, что солдатъ долженъ заучить. Нужно помнить, что по складу жизни нашего простолюдина, теоретическія занятія не играютъ въ ней до сихъ поръ почти никакой роли и потому такъ тяжело даются на нашей службѣ. Это и даетъ поводъ поверхностнымъ межеумкамъ пустозвонить, будто онъ не развитъ. Совершенный вздоръ! по-своему-то онъ весьма, иногда даже глубоко, развитъ, что и показываетъ на всякой практической работѣ, ну, а вертѣть такъ проворно языкомъ во рту, какъ межеумокъ, онъ конечно, не умѣетъ и всякое теоретическое заучиваніе дается поэтому ему трудно и преподаваемое ему должно быть по возможности кратко. *М. Д.*

розгами неоштрафованнаго нижняго чина). Этотъ ротный командиръ употреблялъ всѣ усилія [2]) избавить отъ взысканія по суду нижнихъ чиновъ, исполнившихъ его незаконное приказаніе, принимая вину исключительно на себя, но судъ оставилъ это безъ вниманія, руководствуясь опредѣленіемъ дисциплины по Своду Военныхъ Постановленій. Въ приведенномъ случаѣ двое изъ членовъ суда были артиллеристы, что, вѣроятно, повліяло на обвиненіе за исполненіе приказанія въ точности.

„Лично я всегда тревожусь за судьбу своихъ подчиненныхъ, уча ихъ по Кіевской программѣ; въ особенности тяжело это сознаніе непреднамѣренной виновности относительно неразвитыхъ субъектовъ, которымъ недоступны всѣ тонкости судебной казуистики [3]) и которые Бога смѣшиваютъ съ генералъ-губернаторомъ [4]). Неужели никому изъ тѣхъ, кому надлежитъ это вѣдать, не приходило въ голову разобраться относительно столь важнаго вопроса? Это ведетъ къ подрыву дисциплины и многихъ можетъ сдѣлать безъ вины виноватыми. Стоитъ только въ дѣло замѣшаться вольному адвокату и виновный въ исполненіи незаконнаго приказанія легко можетъ подвергнуться наказанію . . . . . .

. . . . . .

„Простите за безпокойство. Ошибка простительна, но полагаю вашъ голосъ можетъ быть заставитъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ. Примите и проч. отъ NN, почти ненадѣящагося получить отвѣта на страницахъ „Развѣдчика“. Покорнѣйше прошу прощенія за анонимъ“.

---

[2]) Лучше бы онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, не отдавать приказанія, котораго не могъ не признавать явно-преступнымъ и котораго таковымъ подчиненные ему нижніе чины признавать не смѣли. *М. Д.*

[3]) Да и слава Богу, что недоступны: солдату каверзничать и кляузничать не пристало. Да развитія тутъ особеннаго не нужно, а нужно только нѣкоторый навыкъ разбираться въ казуистическихъ фокусахъ. *М. Д.*

[4]) А если и нашелся у Васъ новобранецъ изъ глуши, не отличавшій Бога отъ генералъ-губернатора, то можно было бы на него и не ссылаться, такъ какъ это навѣрно случай исключительный и даже единичный и рѣшительно ничего не доказываетъ. *М. Д.*

Вы спрашиваете, неужели никому изъ тѣхъ, кому надлежитъ это вѣдать, не приходило въ голову разобраться въ вопросѣ, который такъ васъ волнуетъ, и волнуетъ совершенно справедливо? Навѣрное приходило; но что вы будете дѣлать съ тою черточкою человѣческихъ сборищъ, въ силу коей люди сходятся, спорятъ, иногда даже горячо, а поспоривши расходятся не только не остановившись ни на чемъ опредѣленномъ, а зачастую даже забывъ и самый предметъ спора. Такъ и здѣсь; съ одной стороны солдатъ безпрекословно повинуйся, т. е. не смѣй разсуждать о получаемомъ приказаніи, съ другой незаконныхъ приказаній начальника не смѣй исполнять, слѣдовательно обязанъ разсуждать о существѣ получаемаго приказанія. Нужды нѣтъ, что въ тѣхъ же законахъ сказано, что за послѣдствія приказанія отвѣчаетъ начальникъ его отдавшій, а не подчиненный его исполнившій, но придетъ минута какого нибудь случайнаго настроенія и мы безъ зазрѣнія совѣсти устроимъ нижняго чина въ дисциплинарный баталіонъ, или въ иное злачное мѣсто, именно за то, послѣдствія чего должны обрушиваться тяжкою отвѣтственностью на его начальника. Много шишекъ валится на нашего страстотерпца; какъ же не свалиться на него и шишкѣ юридической казуистики, вѣдь это былъ бы пробѣлъ въ системѣ! Положимъ, что юрисприденція еще у римлянъ пришла къ двумъ противоположеніямъ: „fiat justicia pereat mundus“ [1]) и Summum jus summa injuria“ [2]), но вѣдь подобныя противорѣчія должны

[1]) Пусть погибнетъ міръ лишь бы торжествовало правосудіе.

[2]) Сумма правосудія—сумма неправосудія, т. е. правосудіе въ крайнемъ выраженіи есть неправосудіе.

быть рѣшаемы въ жизни, конечно скорѣе въ пользу человѣческаго существа, нежели для торжества отвлеченнаго принципа. Особенно это вѣрно въ примѣненіи къ дѣлу военной юриспруденціи, въ которой гуманное рѣшеніе, въ случаѣ противорѣчія принциповъ, какъ здѣсь, никому и никакого не приноситъ ущерба. Вся бѣда въ томъ, что судъ откололся отъ строя и не взирая на то, что онъ комплектуется лицами начавшими службу въ строю, довольно скоро это забываетъ и тѣмъ меньше понимаетъ строевую жизнь и ея болести, чѣмъ болѣе погружается въ свои формы и въ свой судебный уставъ. Отсюда и противорѣчіе между взглядами на виновность строевыхъ начальниковъ и представателей суда.

Сердце играетъ тутъ конечно не малую роль. И между судьями есть люди, которые не забываютъ, что судятъ людей, а не манекеновъ, но тѣ, которые засушили себя какъ гербаріи между страницъ военно-судебныхъ уставовъ, знаютъ только одно—соотвѣтственное примѣненіе статьи къ данному случаю. Но можетъ быть погибнетъ человѣкъ отъ такого примѣненія, да еще въ добавокъ не за свою вину, а за чужую? А ему, судьѣ, какое до этого дѣло? Онъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, машетъ своею законною долбнею—кто подъ нее попадетъ, попадетъ не даромъ; и подѣломъ, не подвертывайся [1])!

[1]) Можно, правда, спросить, что для чего существуетъ: судъ ли для войска, или же войско для того, чтобы доставлять судьямъ удовольствіе упражняться въ примѣненіи къ войсковому люду судебной казуистики? Все это вѣрно; но вѣрно и то, что всякое учрежденіе, создаваемое какъ средство для достиженія извѣстной цѣли, имѣетъ тенденцію мало-по-малу это забывать и обращается въ самодовлѣющую цѣль, если его не обуздываютъ лица, обязанныя это дѣлать.

Законодатель предвидѣлъ возможность подобной узкой спеціализаціи присяжныхъ судей, когда мертвая строка становится выше живого человѣка, и установилъ, какъ необходимое добавленіе во всѣхъ судахъ, такъ называемыхъ временныхъ членовъ суда, которые берутся изъ строя; на бѣду наша запуганность, наша робость, зачастую мѣшаетъ тому, чтобы эти члены разумѣли себя такими же хозяевами въ судѣ, какъ и постоянные члены, и за крайне рѣдкими исключеніями подчиняются давленію сихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи вы напрасно, мнѣ кажется, заподозрѣли артиллеристовъ, какъ бы въ исключительной податливости; тутъ дѣло въ воспитаніи характера, а не въ родѣ оружія. И то, что случилось съ ними, могло случиться точно такъ же и съ пѣхотинцами и съ кавалеристами.

Молчалинство вѣдь у насъ въ крови; оно привилось и распространилось у насъ тѣмъ легче, чѣмъ наши характеры мягче и податливѣе. Кто у насъ не знаетъ окриковъ столько лѣтъ раздававшихся по всему лицу земли русской: „Молчать! Не разсуждай! Не думай! такъ лучше будетъ!“ И кто не знаетъ возникшихъ въ отвѣтъ на эти окрики правилъ житейской гигіены: ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ, лучше смолчать, чѣмъ возражать, моя хата съ краю, я ничего не знаю... И цукали насъ такъ настойчиво и непрерывно въ теченіе столькихъ десятковъ лѣтъ, что доцукались. Ибо кто привыкъ примѣнять сказанныя правила житейской гигіены гдѣ нужно, конечно будетъ примѣнять и тамъ гдѣ не нужно. И не мало времени пройдетъ, пока мы освободимся отъ этого опыта кастраціи, продѣлан-

наго надъ русскими людьми сверху до низу. Вотъ въ чемъ заключается по-моему причина нерѣшительности мнѣній временныхъ членовъ суда, а не тамъ, гдѣ вы ее видите. Не мѣшаетъ замѣтить и то, что, если сказанный обухъ юридической казуистики падаетъ на голову нижнихъ чиновъ, то офицеровъ любезно обходитъ, въ чемъ опять вижу отрыжку крѣпостного права: велика важность, что иной солдатъ и пострадаетъ во славу юстиціи! Таковскій, перетерпитъ; fiat justicia, pereat mundus! И потому совершенно съ вами согласенъ въ томъ, что норма, даваемая Сводомъ Военныхъ Постановленій, въ силу коей солдатъ отвѣчаетъ за исполненіе приказанія, отданнаго ему начальникомъ, жестока и безчеловѣчна и противна духу воинскихъ отношеній. Не доставало бы еще одного, именно, чтобы солдатъ въ военное время пускался въ разсужденіе о томъ, законное ли я ему или незаконное приказаніе отдаю.

Но начальникъ, осмѣливающійся забывать, для чего ему дается почти неограниченная власть надъ солдатомъ, не то что сугубо, но четверогубо виноватъ и долженъ подлежать самымъ тяжкимъ карамъ, безъ малѣйшаго вниманія къ какимъ бы то ни было облегчающимъ обстоятельствамъ.

VIII.

Д-ру Францу въ Швальбахѣ. Вамъ, борцу съ недугами человѣка, посвящаю эти замѣтки, касающіяся борьбы людей между собой, постигаемыхъ травматической эпидеміей, какъ Пироговъ называлъ войну.

О пустопорожнихъ усовершенствованіяхъ, грозящихъ водвориться въ образованіи войскъ благодаря послѣдней войнѣ. Разсказывали мнѣ, какъ покойный императоръ германскій Вильгельмъ I расхолаживалъ проходимцевъ изобрѣтателей, являвшихся якобы съ новыми предложеніями, которыя зачастую оказывались только хорошо забытыми старыми. Вѣдь нечего грѣха таить, для толпы что ново—то и полезно и интересно, а если разобрать, не поддаваясь на удочку новизны, это новое, то почти всегда окажется, что оно вовсе не полезно, и иногда можетъ быть и вредно. Какъ извѣстно, императоръ Вильгельмъ I жилъ долго, войсками занимался серьезно и помнилъ всѣ предложенія по обмундированію и обученію, дѣлавшіяся за его время. И потому, какъ только являлся кто-нибудь съ предложеніями по строевому дѣлу, онъ обыкновенно давалъ стереотипный отвѣтъ: „Это mein lieber, уже предлагали въ такомъ-то году и даже испытывали, и ничего дѣльнаго изъ этого не вышло. Оставьте“.—И нужно правду сказать, что за его время армію не дергали, ни перемѣною въ формѣ одежды, ни какими-либо пустопорожними усовершенствованіями въ образованіи войскъ. Австро-Прусская, а потомъ Франко-Германская войны показали, что отъ такого порядка армія ничего не потеряла въ своей способности дѣлать то дѣло, для коего она существуетъ.

Въ то время въ иныхъ арміяхъ мѣняли форму одежды по три раза, а перемѣнамъ уставовъ, пожалуй, и счетъ потеряли. Бывало иногда такъ, что не успѣвали разучить только что изданный

уставъ, какъ на смѣну ему уже является новый. Нужно ли говорить, что благодаря такому обилію уставовъ многіе не знали ни одного, въ ожиданіи того времени, когда появится наконецъ изданіе его хоть сколько-нибудь устойчивое. Начальство, вмѣсто того чтобы служить, сидѣло по комиссіямъ и писало уставы, а подчиненные по крайнему разумѣнію служили, не всегда увѣренные въ томъ дѣйствующимъ ли уставомъ они руководствуются, или же упраздненнымъ. Всѣ подобныя явленія обыкновенно сопровождаютъ продолжительный миръ, но въ настоящую минуту замѣчается совсѣмъ иное. Война на всемъ ходу, еще неизвѣстно, когда она и кончится [1]), а уже являются поползновенія принять на дѣлѣ скороспѣлые выводы по ея даннымъ, далеко еще не обслѣдованнымъ всесторонне. Такъ уже являются адепты поголовныхъ ползаній на брюхѣ, распростираній, колѣнопреклоненій, присѣданій: все это при наступленіи; самоокапываніе тоже при наступленіи. И мало ли еще чего. Всего не перечтешь. Долго придется наступать части, если она поползетъ на брюхѣ съ разстоянія 3-хъ, 4-хъ верстъ, да еще по дорогѣ будетъ окапываться! Очень ужъ сильно шкура горитъ у господъ, проводящихъ подобныя нелѣпости. Хоть бы брали примѣръ съ японцевъ: едва ли они занимались подобными ползаніями и распростираньями, когда ходили въ атаку дней по десяти къ ряду.

Я былъ всегда убѣжденъ, что при наступленіи цѣпь должна быть рѣдка; во-вторыхъ не должна

[1]) Статья написана 8-го августа 1905 г.

никогда ложиться. Это мое убѣжденіе высказываю здѣсь еще разъ, хотя и знаю. что это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ это противно инстинкту самосохраненія.

Вѣдь всякій знаетъ, что въ большей части случаевъ залегшую цѣпь можно поднять только вливши въ нее новую часть изъ резерва, а сдѣлали вы это два, три раза—и первая линія ротъ исчезла. Между тѣмъ первѣйшая забота всякаго начальника въ огневой періодъ боя—это сбереженіе резервовъ къ періоду свалки: и чтобы этой заботѣ удовлетворить, вредство одно—это воспретить цѣпи ложиться при наступленіи, ибо стоящему человѣку рѣшительно все равно идти ли впередъ или оставаться на мѣстѣ, чего объ залегшемъ далеко сказать нельзя. Я при наступленіи стою за рѣдкія, а не за густыя цѣпи еще и потому, что при современномъ скорозарядномъ ружьѣ и рѣдкая цѣпь даетъ огонь достаточно обильный, чтобы безпокоить и случайно поражать обороняющагося, а между тѣмъ представляетъ совершенно ничтожную цѣль [1]).

Вообще густыя цѣпи при наступленіи по моему мнѣнію предразсудокъ. Выигрышъ, даваемый усиленіемъ трескотни огня, едва ли вознаграждаетъ за потери людьми, происходящія отъ густоты цѣпи.

Но возставая противъ огульнаго обученія ползаніямъ и распростираніямъ, прошу помнить охот-

[1]) Отдѣльный человѣкъ, занимая по фронту всего аршинъ, представляетъ даже на тысячу шаговъ такую же цѣль, какую на сто шаговъ предстанляетъ цѣль въ 1,6 вершка, т. е. такую, что даже лучшій стрѣлокъ едва-ли можетъ поручиться, что попадетъ навѣрное даже въ спокойномъ состояніи духа, а въ бою и подавно.

никовъ до этихъ пріемовъ, что я вовсе не противъ ихъ примѣненія въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Думаю только, во-первыхъ, что примѣненіе ихъ должно быть предоставлено здравому смыслу людей и ихъ непосредственныхъ начальниковъ, начиная съ отдѣленнаго; во-вторыхъ, что тутъ учить нечему и что подобная наука дастъ только одинъ результатъ: безсмысленный изводъ и утомленіе людей и трепку одежи. Скажу притомъ, что всѣ эти ползанія, распростиранія, простиранія, присѣданія передъ непріятелемъ начали практиковаться еще послѣ Крымской войны и потомъ были оставлены.

Съ резервами совсѣмъ другое дѣло: тутъ примѣненіе къ мѣстности строевъ и аллюровъ должно играть обширнѣйшую роль. Начиная отъ перебѣганія отдѣльными людьми и до перехода съ позиціи на позицію цѣлымъ сомкнутымъ строемъ, все должно быть примѣняемо, смотря по времени, мѣсту и противнику, по собственному усмотрѣнію командирами ротъ, не ожидая ни отъ кого указки. Въ резервѣ иногда не грѣхъ и окопаться, если остановка продолжительна.

На-дняхъ слышалъ, будто народилось еще предложеніе. подготовки войскъ въ мирное время и употребленіе ихъ въ бою. И все это читалось; и никто мнѣ не возражалъ, и въ одно ухо впускали, а въ другое выпускали. Не разъ тоже я усиливался выяснить и другую рѣзкую особенность войны и боя, именно ту, что эти явленія въ неизмѣримо большей мѣрѣ волевыя, нежели умовыя; что въ нихъ самоотверженіе играетъ неизмѣримо бо̀льшую роль, нежели самосохраненіе и что поэтому, не

только самое воспитаніе, но даже и образованіе войскъ, должны быть построены въ значительно большей мѣрѣ на развитіи воли, характера, безстрашія солдата, нежели на пріученіи его къ разнымъ мелочнымъ хитростямъ въ родѣ отбѣганія японцевъ передъ нашей атакой, съ которымъ въ началѣ войны такъ возились наши корреспонденты, и т. под.

Исходя изъ этого положенія (т. е., что война и бой явленія гораздо болѣе волевыя, нежели умовыя), я заключалъ, что тутъ окажется надобность въ такихъ пріемахъ мирной подготовки, что съ точки зрѣнія воли они будутъ глубоко разумны, а съ точки зрѣнія ума пожалуй и нелѣпы. Однимъ словомъ, что и въ нашей области примѣнимо великое Тертуліановское „Credo quia absurdum“, т. е. потому и вѣрю, что это нелѣпо (разумѣется нелѣпо съ точки зрѣнія ума). Для примѣра возьму хоть Суворовскій пріемъ сквозныхъ атакъ. Съ точки зрѣнія картины боя это совершеннѣйшая нелѣпость: гдѣ же видано въ бою, чтобы части разнаго рода оружія проходили другъ друга насквозь, предварительно при томъ разомкнувшись? А съ точки зрѣнія практики въ преодолѣніи опасности нѣтъ пріема разумнѣе, что въ особенности наглядно на практикѣ конницы съ пѣхотой и наоборотъ. Вѣдь если мои пѣхотинцы пріучены спокойно встрѣчать кавалерійскій ураганъ въ одиночку, то будутъ ли они его встрѣчать еще спокойнѣе сплотившись въ массу? Безо всякаго сомнѣнія будутъ. То же самое вѣрно и относительно конницы. И это тоже писалось и доказывалось, и разъяснялось—и опять то же самое, т. е. ни отвѣта,

ни привѣта, и ни до чего этого никому дѣла нѣтъ.

Итакъ вотъ вамъ пріемъ, съ боевыми картинами ничего общаго не имѣющій и глубоко цѣлесообразный, а высидѣть или вылежать на позиціи какой-нибудь десятокъ часовъ—пріемъ безсмысленный, ибо нецѣлесообразный, хотя и повторяетъ то, что бываетъ въ бою.

IX.

Военная игра. Въ № 171 „Русскаго Инвалида“ г. Строевой сѣтуетъ на меня за то, что я въ занятіяхъ военной игрой въ строевыхъ частяхъ больше вижу вреда, чѣмъ пользы, и затѣмъ приглашаетъ меня указать „иные пути къ самоусовершенствованію въ тактикѣ помимо полевой работы, у насъ недостаточно продолжительной“. Т. е. онъ желаетъ отъ меня пріема обученія полевой работѣ! Да проститъ меня г. Строевой, но этого же самое, какъ если бы онъ потребовалъ, чтобы я научилъ человѣка ѣсть хлѣбъ, заставляя того человѣка жевать мочалу. Я занимаюсь вопросами подготовки войскъ къ бою съ 59-го года, т. е. уже 46 лѣтъ: неужели же онъ думаетъ, что я хранилъ бы въ секретѣ какой бы то ни было пріемъ тактической подготовки, если бы открылъ его? Если бы такой пріемъ былъ возможенъ, то я давно бы, конечно, его опубликовалъ, не ожидая къ этому особаго приглашенія. Кромѣ полевой работы, какъ я уже сказалъ, и еще разъ повторяю, другого пріема для этой подготовки нѣтъ и быть не можетъ.

Напрасно вы усиливаетесь защищать военную игру тѣмъ, что при работѣ въ полѣ возникаетъ тоже масса условностей *). Тутъ, очевидно, недоразумѣніе, объясняемое невниманіемъ вашимъ къ точному смыслу словъ. Въ военной игрѣ условностей нѣтъ, а есть такъ называемая примѣрщина: всѣ слова, обозначающія предметы и дѣйствія, налицо, но ни тѣхъ, ни другихъ, ни одного нѣтъ. Между тѣмъ, какъ на маневрахъ, какъ бы они ни были условны, вы имѣете дѣло съ тремя реальными данными, т. е. съ войсками, мѣстностью и отчасти съ временемъ. Военная игра даетъ такое же понятіе человѣку о войнѣ и боѣ, какъ слово „солнце“ даетъ понятіе слѣпому о солнцѣ дѣйствительномъ, то-есть никакого. Нужно помнить, что слова, за исключеніемъ звукоподражательныхъ, представляютъ совершенно произвольные знаки, не имѣющіе ни малѣйшаго соотношенія съ свойствами предметовъ ими обозначаемыхъ. Да и звукоподражательныя представляютъ тотъ же недостатокъ, только въ области другого чувства, именно—слуха. Въ военной игрѣ взята вся военная номенклатура, но безъ малѣйшаго признака хоть одного какого-нибудь военнаго элемента. И получается, благодаря этому,

*) Условность возникаетъ тогда, когда вы занимаетесь дѣйствительнымъ дѣломъ и поневолѣ допускаются несообразности по невозможности выполнить нѣкоторыя части этого дѣла. Примѣрщина же есть воспроизведеніе пріемовъ, не имѣющихъ съ дѣйствительнымъ дѣломъ ничего общаго, но которымъ вы присвоиваете произвольно термины, взятые изъ дѣйствительнаго дѣла. Это все равно, если бы, напримѣръ, въ карточной игрѣ вы короля назвали главнокомандующимъ, даму начальникомъ штаба, ломберный столъ позиціей и т. д.

работа надъ словами, а не надъ предметами съ дѣйствіями. Атаки безъ атакъ, войска безъ войскъ и т. д. Если даже при занятіяхъ въ полѣ и съ войсками съ теченіемъ времени нарождается мирно-военная тактика при малѣйшемъ невниманіи къ тому, чего слѣдуетъ достигать мирной работой, то военная игра даетъ нѣчто худшее: именно мирно-игорную тактику.

Не грѣхъ дѣтямъ или отрокамъ, ѣздя на палочкѣ, принимать ее за дѣйствительную лошадь и, играя оловянными солдатиками, видѣть въ нихъ солдатъ настоящихъ: это объясняется съ одной стороны живостью фантазіи, свойственной ихъ возрасту, съ другой—и тѣмъ, что они это дѣлаютъ по своей волѣ. Но отроческое отношеніе къ предмету, навязываемое человѣку зрѣлому, а иногда и приближающемуся къ старости, едва ли можетъ способствовать въ немъ развитію и укрѣпленію серьезнаго строя мысли. Уже давно сказано, что кто вмѣсто цѣлаго дѣла занимается его обрывкомъ, въ концѣ концовъ и самъ обращается въ обрывокъ. А военная игра не можетъ быть названа даже и обрывкомъ военнаго дѣла, а это такъ себѣ, сбоку припеку, въ которой приняты военные термины.

Строго говоря, по части тактической подготовки войскъ, все сдѣлано еще Суворовымъ. Я сдѣлалъ къ его системѣ самое ничтожное добавленіе, предложивъ ученіе съ боевыми патронами. Въ суворовской системѣ есть все, такъ какъ при ней человѣкъ становился въ опасныя положенія и получалъ практику въ ихъ преодолѣніи; затѣмъ маневрировалъ не только днемъ, но и ночью, при томъ не

иначе, какъ наступательно и только противъ видимой цѣли. Изъ сказаннаго вы усмотрѣть можете, что никакихъ суррогатовъ Суворовъ въ обученіи войскъ не допускалъ.

Вы правы, что наша полевая работа непродолжительна, но вовсе не потому, чтобы ее нельзя было продолжить, а потому, что много времени уходитъ на другія занятія, въ числѣ коихъ далеко не всѣ вызываются дѣльными потребностями мирной жизни войскъ, а есть между ними не мало и пустяковыхъ, отъ коихъ не грѣхъ бы было давно уже отказаться.

X.

Во всякой человѣческой выдумкѣ неизбѣжно сопрягаются какъ полезныя, такъ и вредныя стороны. Все дѣло въ томъ, какія изъ нихъ перевѣшиваютъ количественно и особенно качественно. Я нахожу въ военной игрѣ первыхъ для строевого человѣка совсѣмъ мало, а вторыхъ очень много; г. Строевой думаетъ прямо наоборотъ и дѣлаетъ ей ярую апологію съ нѣкоторыми даже вылазками противъ меня, смиреннаго. Къ этой апологіи теперь и обращусь. Не во гнѣвъ будь сказано г. Строевому, она едвали отвѣчаетъ дѣйствительности. Во-первыхъ, военной игрой занималась вся армія, работавшая на Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ не было даже и намека на то, что она кому-нибудь принесла пользу. Во-вторыхъ, изъ того, что я допустилъ бы въ строевыхъ частяхъ игру „на охотника“, читатель вовсе не имѣетъ права заключить того, что изъ него заключаетъ г. Строевой, ибо я разумѣлъ, что ее можно

допустить, какъ допускаются карты, шашки, шахматы, т. е. какъ времяпровожденіе необязательное, а не какъ приносящее пользу. Въ-третьихъ, по его мнѣнію, военная игра практикуетъ въ „общей оцѣнкѣ мѣстности въ смыслѣ удобствъ походнаго движенія, развѣдки, сторожевой службѣ, веденіи боя и проч.“. По моему, если даже дѣйствительная равнинная мѣстность не даетъ общей оцѣнки горной напримѣръ мѣстности, какъ было объяснено въ первой статьѣ, то чего же ждать отъ плана, хотя бы даже и несочиненнаго. То же самое долженъ сказать и о его надеждахъ на оцѣнку развѣдокъ, сторожевой службы, веденія боя, чтенія плановъ и картъ. По моему, все это только слова, слова и слова, и въ этомъ г. Строевой можетъ убѣдиться, хоть бы изъ того, что военная игра учитъ не чтенію плановъ, какъ ему кажется, а только знакомитъ съ условными знаками, употребляемыми на планахъ для обозначенія различныхъ мѣстныхъ предметовъ. Чтенію же плана можно научиться только путемъ сличенія плана съ дѣйствительной мѣстностью. Въ-четвертыхъ, офицерамъ нужно, даже необходимо учиться, но ученье ученью рознь. Имъ надо учиться уставамъ и тактикѣ, а ни тому, ни другому на бирюлькахъ не выучите. А то выдумали пріемъ, не дающій уже столько лѣтъ никакого результата и воображаютъ, что не пріемъ виноватъ, а тѣ, которыхъ заставляютъ имъ безцѣльно заниматься. Вѣдь я уже разъ выяснилъ, что въ военной игрѣ все то говорится, что въ дѣйствительности дѣлается, а не говорится; неужели этой одной несообразности недостаточно для того, чтобы показать, насколько

занятіе военной игрой въ строевыхъ частяхъ пустое занятіе, и насколько оно можетъ извратить правильное понятіе о военномъ дѣлѣ. Взяли бы вы хоть то, что на военной игрѣ обыкновенно даются отряды, даже младшимъ офицерамъ, не меньше полка, т. е. такіе, какіе онъ получитъ подъ команду не ранѣе 20—25 лѣтъ службы, если не позже. А маневръ можно сдѣлать даже отдѣленію на отдѣленіе.

Что же касается до сообщеній въ частяхъ, то этого уже совершенно никакъ установить нельзя, какъ занятія постояннаго и въ особенности поучительнаго. Если талантливые лекторы на счету, и очень необильномъ, даже въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, то что же говорить о тѣхъ случайныхъ, которые въ кои вѣки могутъ читать иногда офицерамъ. Да и сами офицеры предпочитаютъ анекдотическія чтенія дѣловымъ. Помнится, лѣтъ 20 тому назадъ, меня попросили въ одномъ полку прочесть сообщеніе. Зная до какой степени гарнизонная служба у насъ хромаетъ, я и выбралъ сообщеніе на эту тему и ясно видѣлъ полное разочарованіе товарищей. Потомъ я узналъ, что они ожидали отъ меня какого-нибудь боя, гдѣ конница бы рубила, пѣхота бы штурмовала, артиллерія стрѣляла... И обманулъ я такимъ образомъ ихъ надежды, самъ того не подозрѣвая.

Г. Строевой спрашиваетъ: „съ театра войны раздаются голоса, обнаруживающіе недостаточное умѣнье старшихъ начальниковъ распоряжаться войсками въ бою. Если это правда, то не въ недостаткѣ ли тактической подготовки ихъ (между прочимъ и путемъ военной игры) искать причину подобнаго

явленія?“ Конечно, причина въ недостаткѣ тактической подготовки, если между начальниками находились такіе, которые не могли отказать себѣ въ удовольствіи посылки сборной братіи вмѣсто цѣльныхъ частей даже на весьма серьезныя предпріятія. Но ваша ловкая вставочка насчетъ военной игры тутъ не къ мѣсту, ибо вы не имѣете права, даже предположительно, принимать за доказанное то, что прежде всего нужно доказать. Вы могли бы это сказать, напримѣръ, хоть бы въ такомъ случаѣ: что вотъ молъ у насъ генералъ А занимался военной игрой и отлично распоряжался, а генералъ Б не занимался и распоряжался плохо; японскіе генералы занимались военной игрой и распоряжались хорошо, наши не занимались и распоряжались плохо. Слѣдовательно, военная игра упражненіе полезное. Но вы это сказать не можете, а вмѣсто того подъ флагомъ тактической подготовки инсинуируете предположеніе о пользѣ военной игры, почерпая его не изъ фактовъ, а изъ глубины собственнаго вашего духа. Пріемъ удобный, но шаткій. Да еще и то не мѣшало бы помнить, что распорядительность и находчивость зависятъ въ неизмѣримо большей мѣрѣ не отъ знанія того, что нужно приказать, а отъ рѣшимости приказать. Послѣдняя война показала, кажется, достаточно ясно, какъ, благодаря дряблости характера, иногда отказывались отъ предпріятій, даже начатыхъ, сулившихъ несомнѣнный успѣхъ. Нужно ли говорить, что этому недочету не поможетъ никакая распорядительность, пріобрѣтенная даже мирно-маневренной практикой, не говоря уже о военной игрѣ.

Послѣ своей тирады г. Строевой обращается ко мнѣ съ приглашеніемъ, на которое я сослался въ началѣ статьи и которое формулируетъ такъ: „Будемъ надѣяться, что г. М. Драгомировъ, блестяще выяснивъ слабыя стороны въ занятіяхъ военной игрой, укажетъ намъ иные пути къ самоусовершенствованію въ тактикѣ помимо полевой работы, у насъ недостаточно продолжительной". Комплиментъ меня трогаетъ и умиляетъ. Но пусть г. Строевой не надѣется на меня, а самъ попробуетъ придумать такіе пріемы, такъ какъ за 46 лѣтъ я ничего придумать не могъ. Позволяю себѣ думать только, что если онъ будетъ искать этихъ пріемовъ въ области примѣрщины, то не найдетъ ничего путнаго. Позволяю себѣ думать и другое, что если въ этой области такой великій психологъ и педагогъ, какъ Суворовъ, ничего не придумалъ, кромѣ сквозныхъ атакъ и того, что выше перечислено, то ничего и придумать нельзя.

Спохватился, да поздно: проклятое простодушіе большой оно порокъ, хуже глухоты. Только растрогавшись и умилившись комплиментомъ г. Строевого, я увидѣлъ, что это не комплиментъ, а тонкая иронія, и почувствовалъ великое огорченіе, въ коемъ и пребываю.

XI.

Г. Строевой, до сихъ поръ писавшій только о дѣлѣ, прибавилъ въ редакціи своей послѣдней статьи новую ноту: къ разсужденіямъ о дѣлѣ онъ припуталъ и личныя ущипленія; и яро—то я возстаю противъ военной игры, и блестяще выясняю

ея слабыя стороны. Меня это удивило тѣмъ болѣе, что тему военной игры затронулъ не онъ, а я. Слѣдовательно, уже и по этому самому раздражаться ему на меня за военную игру причины какъ будто не было. Но онъ этимъ не ограничился, а пошелъ дальше. Онъ пишетъ:

„Его (т. е. мой) авторитетный голосъ имѣетъ столь большое значеніе (?) въ нашей арміи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ его мнѣнія принимаются почти безапелляціонно (желалъ бы знать какія)? Конечно, не мнѣ, маленькому человѣку, вступать въ споръ съ нимъ, но разъ г. Драгомировъ самъ ведетъ бесѣду со мной, мой долгъ отвѣчать ему по мѣрѣ силъ и разумѣнія (т. е. не вамъ вступать въ споръ и вслѣдъ затѣмъ вступаете). Тактическія занятія и безъ того сильно хромаютъ въ войскахъ (а вы полагаете, что со введеніемъ военной игры въ строевыя части онѣ стали хромать меньше? Я служу съ 49-го года и никакой разницы въ состояніи этого отдѣла образованія войскъ не вижу. Военная игра не подвинула его ни на волосъ). Теперь же, послѣ статьи г. М. Драгомирова, въ № 760 „Развѣдчика“, сколько лицъ найдутъ оправданіе въ полномъ пренебреженіи къ военной игрѣ! „Помилуйте, самъ Драгомировъ 40 лѣтъ пишетъ противъ военной игры!“ будутъ говорить тѣ, кому пріятно отдѣлаться отъ зимнихъ офицерскихъ занятій, взамѣнъ которыхъ не предвидится пока ничего“.

Я всегда думалъ, что если людей въ извѣстной области нельзя занять дѣломъ, то лучше ихъ оставить въ покоѣ, а не занимать ихъ такими пустяками, въ безполезности коихъ убѣждаетъ опытъ десятковъ лѣтъ; во-вторыхъ, вы очень хорошо знаете, что на вечернія занятія офицеры ходятъ со скукой, если не съ отвращеніемъ и для этого они не ожидали моей статьи. Въ-третьихъ, вы сочиняете мнѣ авторитетъ, котораго нѣтъ, по крайней мѣрѣ отно-

сительно военной игры. Если бы онъ былъ, то военной игры не приняли бы, такъ какъ я противъ нея писалъ при самомъ ея появленіи, и, дѣлая мнѣ упрекъ въ оправданіи офицерскаго равнодушія къ вечернимъ занятіямъ, вы мнѣ напомнили нѣкоего г. Хабалова, который мнѣ поставилъ на счетъ суворовскій афоризмъ: „пуля дура, а штыкъ молодецъ“, сочинивъ будто этотъ афоризмъ подрываетъ значеніе стрѣльбы въ глазахъ солдатъ и отбиваетъ у нихъ охоту усердно ею заниматься. Я прежде всего думалъ и теперь, конечно, убѣжденъ, что все установленное не только можно, но должно критиковать, такъ какъ это единственный залогъ его усовершенствованія. Но пока оно не отмѣнено или не исправлено, это установленное должно исполнять кто бы и что бы вамъ ни говорилъ. Руководимый этимъ убѣжденіемъ, я всегда писалъ открыто противъ того, что считалъ безполезнымъ или вреднымъ и не одинъ разъ возбуждалъ противъ себя змѣиный шипъ, вплоть до обвиненія въ неблагонамѣренности и въ стремленіи подорвать установившіеся порядки.

Къ этому маневру въ предлежащемъ случаѣ прибѣгаетъ и г. Строевой. Маневръ, прямо сказать, не совсѣмъ красивый, какъ мнѣ ни больно это признать, ибо пахнетъ сикофантствомъ. Да онъ и не логиченъ, ибо къ нему прибѣгали для обвиненія тѣхъ, которые возставали противъ косъ, пудръ, бѣлой амуниціи, т. е. „подрывали ихъ значеніе въ глазахъ военнослужащихъ“. Недоумѣваю, откуда г. Строевой почерпнулъ, будто нѣкоторыя мои мнѣнія принимаются въ нашей арміи безапеляціонно:

онъ ошибается: правильнѣе было бы сказать прямо обратное, т. е. что ихъ никто не слушаетъ, такъ какъ, собственно говоря, мнѣ ничего не удалось провести прочно. Суворовская система маневровъ до сихъ поръ не принята. Есть даже мѣста, въ которыхъ до сихъ поръ, при двухсторонніхъ маневрахъ, войска останавливаются другъ противъ друга за 100 шаговъ до столкновенія, т. е. именно тогда, когда они не должны и смѣть думать останавливаться. Ученіе съ боевыми патронами разъ-другой попробовали еще въ 60-хъ годахъ, да потомъ и бросили. Впрочемъ, они получили право гражданства уже въ 70-хъ годахъ, вернувшись къ намъ изъ Пруссіи подъ названіемъ боевой стрѣльбы. То же самое постигало и прочія предложенія; и ко мнѣ вполнѣ примѣнима евангельская истина: „нѣсть пророка въ отечествѣ“, пожалованная во французскую поговорку: „nul n'est prophète dans son pays“, нашимъ доморощеннымъ Иродомъ, похвалявшимся истребить нигилистовъ при помощи изуродованнаго классицизма, а вмѣсто того расплодившимъ озлобленныхъ анархистовъ. И потому не опасайтесь, г. Строевой, моими мнѣніями я никакой установившейся нелѣпости не подорву.

XII.

Получилъ я недавно письмо отъ одного изъ моихъ почтенныхъ корреспондентовъ, глубоко огорчительное для всякаго, кто военный не по мундиру только. Говорю глубоко огорчительное, такъ какъ подобные доморощенные либеральщики и прогресеры прокинулись уже и въ другихъ мѣстахъ, судя

по статьѣ недавно появившейся въ „Варшавскомъ Дневникѣ“. Вотъ сущность этого письма:

„Случайно мнѣ пришлось познакомиться со взглядами нѣкоторыхъ, правда молодыхъ, офицеровъ на ношеніе внѣ строя штатской формы, и ужаснулся: мундиръ съ его фактическими и аллегорическими достоинствами низводится на степень рабочаго костюма, отъ котораго многіе офицеры (новаго типа), жаждующіе „покоя“, будутъ отбояриваться, при первомъ даже неудобномъ случаѣ, являясь какъ бы неумышленно (напр. по тревогѣ) въ „лапсердакахъ“ передъ строй. Нижніе чины на улицѣ останутся даже безъ „проблематичнаго“ надзора.

Разложеніе арміи не замедлитъ обнаружиться... Разъясните заблужденіе“.

Послѣ этого письма мнѣ долго говорить не придется, такъ какъ подписываюсь подъ нимъ обѣими руками. Дѣйствительно, нельзя себѣ представить большей безсмыслицы какъ та, что солдаты ходятъ въ формѣ имъ присвоенной, а ихъ начальники щеголяютъ въ пиджакахъ; а затѣмъ, кто же мѣшаетъ нарядиться въ поддевки, безрукавки, косоворотки и т. п. На вкусъ вѣдь товарища нѣтъ.

Вѣдь всякій знаетъ, что порядочный штатскій костюмъ гораздо дороже военнаго и что между офицерами едва ли можетъ быть найдется и сотая часть такихъ, которые въ состояніи одѣваться въ приличную вольную одежду. Одно бѣлье, сколько-нибудь сносное, чего стоитъ. А между тѣмъ, если бы такое разрѣшеніе состоялось, то чего добраго, по табунному чувству, оно можетъ породить и моду: за имущими щеголями потянутся, кто потщеславнѣе, такіе у которыхъ въ карманѣ мыши щенятся, а кто почумазѣе будутъ щеголять съ толкучаго рынка: въ чемъ Богъ послалъ. Вѣдь въ штатскомъ

нѣтъ офицера, а всѣ разночинцы. Смѣшнѣе всего то, что когда такія корпораціи какъ судебная, путейская, горная любятъ свою профессіональную форму, довольно близко подходящую къ военной, и охотно ее носятъ, вдругъ между офицерами являются такіе, коимъ военная форма претитъ. И все изъ-за чего же? Изъ-за пошлаго обезьяничанья: въ Европѣ офицеры носятъ штатское — какъ же намъ не носить, мы тоже не лыкомъ шиты и либеральщики послѣдняго цвѣта и запаха. А что при скромномъ содержаніи придется нести двойной расходъ такъ это ничего; авось какъ-нибудь да извернемся". Ахъ, этотъ авось, сначала сдѣлаемъ, а потомъ каемся: не даромъ говорится, русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Во-первыхъ, не во всей Европѣ это такъ, а во-вторыхъ, тамъ на это есть резоны, которыхъ у насъ нѣтъ; да и въ Европѣ эти резоны приняты были въ соображеніе опрометчиво; желали, видите ли, чтобы въ крупныхъ центрахъ, какъ Парижъ, не бросалось въ глаза слишкомъ большое число офицеровъ, указывающее на силу гарнизона. Но вѣдь солдатъ спрятать нельзя и нарядить ихъ всѣхъ штатскими тоже было бы накладно; и вышло, что думали, да не додумали, или, пожалуй, не тѣмъ мѣстомъ подумали. Офицеровъ-то спрятали, а солдатъ—какъ и и куда ихъ спрячешь?

Господа желающіе штатскаго платья сами не знаютъ, чего хотятъ.

Военная форма одежды предохраняетъ ихъ не только отъ другихъ, но нѣкоторыхъ даже отъ самихъ себя; не нужно забывать хоть бы того, что

въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ поддевка или безрукавка позволитъ себѣ многое такое, чего въ военной формѣ офицеръ, мало-мальски сохранившій самоуваженіе, никогда себѣ не позволитъ, да вдобавокъ и не подумаетъ зайти въ такія мѣста, въ какіе спинжакъ или чуйка заходитъ не стѣсняясь.

Могутъ возразить, а нападки хулигуновъ, вѣдь они привлекаются именно офицерской формой.

Во-первыхъ, послѣ порвыхъ же нравоученій, полученныхъ хулиганами, эти нападки какъ рукой сняло, а во-вторыхъ, штатская одежда никого не обезпечиваетъ, не только отъ оскорбленій, но и отъ заправскихъ побоевъ.

Господамъ, которые щеголяютъ своею прогрессивностью, кажется, что мундиръ есть не болѣе какъ рабочій костюмъ: да, рабочій; да работа-то наша особенная.

Вѣдь, чтобы ее сдѣлать, нужно жертвовать жизнью, а если это такъ, то и рабочая наша одежда пріобрѣтаетъ такое высокое значеніе, съ какимъ ничья профессіональная одежда не можетъ сравниться.

Для своего самосохраненія народъ выдѣляетъ насъ въ особое воинское братство, отъ коего требуетъ самоотверженія даже до смерти, т. е. безграничнаго. Мы, обреченные такимъ образомъ на смерть для блага народа, уже по этому самому должны быть отличены внѣшнимъ образомъ отъ рабочихъ другихъ профессій и дорожить такими внѣшними отличіями. Губить и гибнуть, не по своей охотѣ, а въ исполненіи долга передъ народомъ есть работа нѣсколько иная, чѣмъ сидѣть, напри-

мѣръ, за прилавкомъ и работать аршиномъ или разновѣсомъ и т. п. И, Боже! на сколько измѣнился-бы нашъ строй мысли и отношенія къ дѣлу, если-бы мы постоянно памятовали наше роковое назначеніе. Всякій честный трудъ конечно почтенъ, но есть разница и немалая между человѣкомъ работающимъ на себя и тѣмъ, который работаетъ на народъ, забывая себя.

Надѣюсь, что рабочій костюмъ этого братства настолько почтенъ, что имѣющимъ честь носить его едва ли даже прилично желать какого-либо иного, пока они остаются на военной службѣ.

А кому онъ внѣ строя мерзитъ по прегресёрству или по трусости, никто не мѣшаетъ уходить: вѣдь гг. офицеры срочною службою не обязаны; ну, такимъ и скатертью дорожка!

Въ одномъ я не согласенъ съ моимъ почтеннымъ корреспондентомъ, именно въ томъ, что разрѣшеніе офицерамъ вольной одежды поведетъ къ разложенію арміи. Нашъ солдатъ настолько честенъ и вѣренъ присягѣ, что останется такимъ же, каковъ онъ и теперь есть; вѣдь вы сами говорите, что надзоръ и теперь „проблематиченъ“, т. е., собственно говоря, его нѣтъ. Не согласенъ и съ тѣмъ, чтобы нашелся соврасъ, осмѣлившійся предстать передъ строй, какъ вы выражетесь, въ лапсердакѣ: управа на такого всегда найдется.

Тринадцатая дюжина.

Миимый признакъ приниженія православной церкви въ Кіевѣ.—Еще о сверхсрочнослужащихъ.—Еще о воровствѣ и мордобойствѣ.—О муштрѣ.—Продолженіе.—Тоже.—Окончаніе.—Еще о пустопорожнихъ новшествахъ, вызываемыхъ послѣднею войною.—Продолженіе.—Окончаніе.—Чѣмъ поддерживается и отчего падаетъ дисциплина.—Продолженіе.

I.

Мнимый признакъ приниженія православной церкви въ Кіевѣ.

Не многимъ извѣстно, что на крестѣ главнаго купола Михайловскаго собора въ Кіевѣ утвержденъ нашъ государственный гербъ; онъ и подалъ поводъ въ одной газетѣ указать на это, какъ на приниженіе религіи во имя чиновничьихъ капризовъ, фантазій и усмотрѣній. Это было не совсѣмъ такъ; двуглавый орелъ былъ наклепанъ на этотъ крестъ еще тогда, когда вѣровали горячо и нелицемѣрно, да и чиновника съ современнымъ портретомъ, цвѣтомъ и запахомъ въ Малороссіи не водилось. По преданію былъ онъ наклепанъ распоряженіемъ Богдана Хмѣльницкаго, какъ торжественное внѣшнее выраженіе того, что Кіевъ есть городъ русскій. Нужно сказать, что Богданъ, прося подданства русскаго, мечталъ о присоединеніи всей правобережной Украины; въ Москвѣ тогда на это не рѣшались и ограничились однимъ Кіевомъ.

Это шагъ былъ не весьма смѣлъ, но мудръ

такъ какъ утверждалъ наше владычество на обоихъ берегахъ Днѣпра, однимъ словомъ былъ тѣмъ, что можно назвать тетъ-де-пономъ (головою моста), обезпечивающимъ активную свободу дѣйствій въ будущемъ и политическую, и стратегическую. Въ этомъ отношеніи съ Кіевомъ не могъ сравняться ни одинъ правобережный пунктъ и понятно почему: именно здѣсь Богданъ порѣшилъ утвердить, совокупивъ ихъ вмѣстѣ, символы національнаго и религіознаго единенія, а который изъ нихъ ставить ниже, который выше, ему конечно и въ голову не приходило. Вѣра глубокая и наивная такими мелочами не занимается. Въ прежнее время встрѣчались, напримѣръ, въ малороссійскихъ деревенскихъ церквахъ образа на текстъ „взыграся младенецъ во чревѣ“ и писались такъ: Богородица сидящая, а въ раскрытомъ ея чревѣ младенецъ играющій на скрипкѣ, и это никого не коробило.

Могутъ еще спросить почему Богданомъ Хмѣльницкимъ былъ для этого избранъ Михайловскій монастырь, а не Софійскій каѳедральный соборъ. Это объясняется очень большой службой, которую Михайловскій монастырь сослужилъ православію. Незадолго передъ тѣмъ православію въ Кіевѣ было тяжко. Католическое духовенство, сочинивъ унію, сумѣло повести дѣло такъ, что прибрало къ своимъ рукамъ всѣ церкви и монастыри, за исключеніемъ Михайловскаго и Лавры. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно препятствовало посвященію новыхъ православныхъ епископовъ и уже достигло того, что оставался только одинъ престарѣлый, со смертью коего некому было бы рукополагать православныхъ священни-

ковъ. Въ 1620 году возвращался черезъ Кіевъ къ себѣ Θеοфанъ патріархъ іерусалимскій, который по просьбѣ казацкой старшины и посвятилъ въ Михайловскомъ монастырѣ въ одну ночь шесть епископовъ. Православіе встало такимъ образомъ на ноги, а Михайловскій монастырь получилъ преобладающее значеніе и обаяніе. Правда есть свѣдѣніе, что епископы были посвящены не въ Михайловской, а въ Братской церкви. Если это даже и такъ, то остается вѣрнымъ другой фактъ, именно тотъ, что Михайловскій монастырь пользовался особымъ почтеніемъ и авторитетомъ у казацкой старшины, а слѣдовательно и у Хмѣльницкаго.

Такъ гласитъ преданіе. Есть другая версія, будто двуглавый орелъ наклепанъ на крестъ въ 1730 годахъ, при капитальномъ ремонтѣ купола по распоряженію русскихъ властей. Я этому предположенію не вѣрю, такъ какъ русскому генералъ-губернатору не могло бы придти въ голову сдѣлать въ Кіевѣ то, примѣра чему нельзя найти во всей Россіи.

II.

Еще о сверхсрочнослужащихъ *).

По мнѣнію г. Е. Г., я возстаю противъ сверхсрочныхъ потому, что ихъ не знаю; онъ оши-

*) *Примѣчаніе В. А. Березовскаго.* Это послѣдняя статья подписанная Михаиломъ Ивановичемъ собственноручно. По подписи видно какъ была не тверда рука покойнаго, но онъ еще цѣлый мѣсяцъ продолжалъ работать, закончилъ 13-ю дюжину „Нашхъ дѣлишекъ“, а послѣдняя его статья была просмотрѣна за нѣсколько часовъ до смерти.

бается, я ихъ знаю хорошо, хотя, по своему положенію, непосредственно съ ними и не работалъ. Только наши точки зрѣнія различны: я считаю нравственныя послѣдствія сверхсрочной службы главнѣйшими и ради нихъ готовъ бы былъ идти на то, что ротнымъ и эскадроннымъ командирамъ молодымъ составомъ вахмистровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ работать будетъ, конечно, труднѣе нежели со старымъ, вы же придаете главное значеніе второй сторонѣ дѣла и упускаете изъ виду первую. Что я сверхсрочныхъ знаю, можетъ вамъ служить, показаніемъ и то, что мнѣ пришлось ихъ приказать разсчитать до срока не менѣе, если не болѣе, десятка, и пришлось сдѣлать это именно за неумѣренное заглядываніе въ солдатскій котелъ. Одинъ откармливалъ свинокъ изъ котла, у другого при повѣркѣ варки оказался спрятаннымъ въ кашѣ кусокъ мяса, этакъ фунтовъ въ 6, разумѣется безъ костей, и т. п. О барыняхъ этихъ сановниковъ уже не говорю. Что не я одинъ такъ смотрю на сверхсрочныхъ, у меня есть доказательства на лицо между людьми непосредственно съ ними имѣющими дѣло: именно нѣсколькихъ эскадронныхъ и ротныхъ командировъ, которые приняли себѣ за правило работать съ вахмистрами и фельдфебелями только обязательнаго срока.

Ошибочно или правильно, но только сказанные эскадронные и ротные командиры нашли въ этомъ единственное средство прервать воровскую традицію во ввѣренныхъ имъ частяхъ.

Напрасно вы ссылаетесь на то, будто при мобилизаціи рота безъ сверхсрочныхъ разсыпается; вѣдь

вы знаете очень хорошо, что при мобилизаціи отпуски прекращаются и если вы наладили вашъ унтеръ-офицерскій составъ какъ слѣдуетъ, то онъ вамъ и работать будетъ какъ слѣдуетъ, къ какимъ бы срокамъ службы онъ ни принадлежалъ.

Вы приглашаете меня далѣе писать о темѣ, не имѣющей никакого отношенія къ сверхсрочнослужащимъ, т. е. о грубомъ отношеніи нѣкоторыхъ начальниковъ къ офицерамъ. Знаю и я такихъ, но объ этомъ писать не буду, потому что никто меня не послушаетъ. Почему бы вамъ самимъ не написать на эту тему, такъ какъ она вамъ пришла въ голову?

III.

Еще о воровствѣ и мордобойствѣ.

Получилъ письмо, накоторое считаю долгомъ отвѣтить и которое прошу редакцію напечатать безъ всякихъ пропусковъ, согласно настоянію автора, но безъ его фамиліи, такъ какъ на объявленіе ея я не уполномоченъ. Вотъ оно:

М. Г. М. И. Въ послѣднихъ своихъ статьяхъ („Развѣд.“ №№ 775 и 776) вы нашли благовременнымъ говорить о болячкахъ, существующихъ, къ сожалѣнію, въ нашемъ военномъ мірѣ. Эти болячки вы, со свойственнымъ вамъ талантомъ, раздѣлили на нѣсколько группъ и изъ нихъ выдѣлили главныя.

Вы, конечно, можете допустить, что не одинъ вы знаете эти болячки, старались въ свое время ихъ излечить и нынѣ болѣете душой, видя, что до полнаго заживленія еще мы не дошли. Поэтому вы позволите и мнѣ побесѣдовать съ вами на эту тему.

Разбирая болячку „казнокрадства“, вы не обмолвились ни однимъ словомъ о способѣ доить казну, практикуемомъ, главнымъ образомъ, нашимъ начальствомъ, на-

чиная съ командующаго войсками и спускаясь ниже. Этотъ способъ—полученіе прогонныхъ денегъ на объѣзды и смотры частей. Теперь это обратилось почти въ спортъ: какъ бы побольше изобрѣсти поѣздокъ, чтобы, конечно, получить побольше прогоновъ. Суть, конечно, не въ поѣздкахъ, а въ прогонахъ!

Можно смѣло саазать, что теперь начальство ѣздитъ не смотрѣть и провѣрять части, а только для оправданія прогоновъ передъ контролемъ. Ужъ конечно число смотровъ, сопряженное съ выдачею прогоновъ, назначенное закономъ, выполняется неукоснительно, хотя бы въ смотрахъ и надобности не было; но еще изобрѣтаются и такія, якобы служебныя, поѣздки (всегда очень кратковременныя, но включающія въ себѣ возможоо большее число верстъ), которыя совсѣмъ не вызываются потребностью. Неужели это смотръ. а не оправданіе прогоновъ, когда начальство ѣдетъ за сотни верстъ и осматриваетъ часть всего какихъ нибудъ $^1/_2$ часа. Эти $^1/_2$ часа вознаграждаются кругленькой суммой прогоновъ по расчету 10—6 лошадей.

А чѣмъ вы объясните фактъ, что части, расположенныя въ одномъ городѣ съ начальствомъ, не такъ часто осматриваются начальствомъ, какъ части, стоящія внѣ этого города?

Не мнѣ указывать примѣры, вы ихъ сами отлично знаете.

Вотъ почему удивительно, что вы умолчали о нихъ, трактуя вопросъ о казнокрадствѣ. А между тѣмъ ваше авторитетное слово было бы весьма кстати.

Теперь о „мордобойствѣ“. Противъ вашего взгляда ничего сказать нельзя, но намъ кажется, что вы преувеличиваете бѣду и даете всему этому трагическую окраску. Факты мордобойства въ войскахъ, что ни говорите, исключительны и единичны. А между тѣмъ ваши слова, попавшія въ общую печать, могутъ поселить въ публикѣ убѣжденіе, что въ войскахъ истязуютъ солдатъ немилосердно. Довольно уже „вѣшать собакъ“ на офицеровъ, неужели вы хотите поселить въ публикѣ еще больше пренебреженія къ нимъ? Старателей въ этомъ направленіи и безъ васъ довольно!

Конечно, никто не смѣетъ требовать молчанія о во-

пiющихъ фактахъ, но надо имъ давать и подобающее освѣщеніе. Нельзя же по единичному факту, когда, напримѣръ, пьяный офицеръ выкидываетъ какое-нибудь поганое колѣнце, говорить, что между офицерами поголовное пьянство и вытекающее отсюда безобразіе! Повторяю, мордобойства въ арміи нѣтъ, а если бываютъ случаи, то не чаще, чѣмъ грабежъ, мошенничество, убійство и др. общежитейскія преступленія. И, конечно, нельзя хвалить мордобоевъ, какъ нельзя хвалить и другихъ преступниковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя единичные факты возводить въ правило. Къ тому же, теперь не такое время, когда удобно уничтожить офицерство, да еще не вполнѣ заслуженно.

Большой грѣхъ вы принимаете на себя.

Что же касается указанія вами прочихъ болячекъ и въ особенности—обтрепанность солдатской одежды, то за это остается только благодарить васъ.

Преданный вамъ N. N.

Едва ли вы правы, упрекая меня въ томъ, что, говоря о казнокрадствѣ, я не упомянулъ объ охотникахъ устраивать себѣ доходную статью изъ прогоновъ.

Произошло это потому, что какъ вы изъ содержанія моей статьи могли видѣть, я ограничился темой разныхъ видовъ эксплуатацій солдатъ, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ.

При чемъ же тутъ наколачиваніе прогоновъ, не совсѣмъ, если хотите, этическое, но дѣлаемое на законномъ основаніи и совершенно открыто, т. е. не воровскимъ обычаемъ? Хотя, вы и говорите, будто этой слабости подвержены даже и нѣкоторые командующіе войсками, но, извините меня, я вамъ не вѣрю, ибо если вы такихъ знаете, то кто же вамъ мѣшаетъ ихъ назвать? Вѣдь, вы пишете неизвѣстно откуда и почти навѣрно подписываетесь не вашей

собственной фамиліей; такъ чего-жъ было секретничать.

Знавалъ я, правда, одного начальника 70—80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, который артиллерійскую бригаду, расположенную въ одномъ городѣ, дѣйствительно пріѣзжалъ смотрѣть два раза въ годъ по-батарейно; но это былъ, во-первыхъ, не командующій войсками и, во-2-хъ, на него, помнится, за это былъ сдѣланъ начетъ.

Итакъ еще разъ: поднятая вами прогонная тема къ содержанію моей статьи не относится, да и не допускаю мысли, чтобы какой-нибудь командующій войсками изъ за погони за 150 рублями унизился до того, чтобы бѣгать по желѣзнымъ дорогамъ по 500 верстъ туда и 500 обратно, подъ предлогомъ фиктивнаго получасового смотра.

Обращаюсь къ той части вашего письма, которая относится къ моей статьѣ. Вы полагаете, будто за тридцать лѣтъ мордобойство настолько съ насъ соскочило, что теперь прокидывается только какъ исключеніе. Не торопитесь умиляться: вѣковыя привычки, особенно бывшія какъ бы привилегіей, десятками лѣтъ не искореняются: вы могли бы въ этомъ убѣдиться хотя на примѣрѣ германцевъ, которые занялись искорененіемъ ихъ гораздо раньше насъ, а между тѣмъ у нихъ и до сихъ поръ существуетъ и выбиваніи зубовъ, и лопанье барабанныхъ перепонокъ, не говоря уже о сосаніи грязныхъ носковъ и слизываніи языкомъ пыли съ сапогъ [1]). Ужъ если самъ императоръ въ своемъ новогоднемъ при-

[1]) См. книгу „Іена или Седанъ“.

вѣтствіи, обращенномъ къ прусскимъ офицерамъ, счелъ за нужное напомнить имъ о необходимости измѣнить обращеніе съ нижними чинами, то какіе же себѣ можно строить иллюзіи насчетъ того, что въ такомъ обращеніи перемѣны могутъ совершаться слишкомъ быстро.

Вы находите, что пора перестать вѣшать собакъ на офицеровъ и что по частнымъ случаямъ нельзя дѣлать общихъ выводовъ. Во-первыхъ, на порядочныхъ офицеровъ никто собакъ и не вѣшалъ, ибо когда я говорю о мордобояхъ, то ихъ и разумѣю, а отнюдь не всѣхъ офицеровъ; а на непорядочныхъ не только можно, но и должно вѣшать собакъ, такъ какъ другого пути ихъ обуздать нѣтъ; во-вторыхъ, я знаю части, въ которыхъ мордобойство процвѣтаетъ и донынѣ, не хуже прежняго, и отличаются этимъ въ особенности офицеры изъ инородцевъ.

Ваше сравненіе мордобойства съ грабежами, разбоями и т. под. совершенно не идетъ къ дѣлу, такъ какъ послѣднихъ никто и никогда своимъ правомъ не считалъ, между тѣмъ какъ мордобойство было такимъ правомъ и при томъ привилегированнаго сословія.

Всякую поправку сужденій моихъ, если кто въ нихъ открываетъ ошибку, принимаю съ благодарностью, но нелогичные упреки мнѣ противны. Къ числу таковыхъ отношу: 1) вашу придирку по прогонной части, не имѣющую ни малѣйшаго отношенія къ моей статейкѣ; 2) вашу защиту мордобоевъ при помощи логическаго скачка, что пора перестать вѣшать собакъ на офицерахъ. Удивился я и не мало, что вы такъ огорчаетесь за мордобоевъ и

невольно вспомнилъ финляндскую поговорку, что если бросить палку въ стаю собакъ, то завизжитъ та, въ которую попадешь; 3) не меньше удивился и вашему сближенію мордобойства съ „грабежами, убійствами и др. общежитейскими преступленіями“.

Я знаю не хуже васъ, что по частнымъ случаямъ дѣлать общіе выводы нелогично, но знаю и то, что не менѣе нелогично голословно это утверждать. Не говорю уже о томъ, что мордобойство представляетъ слишкомъ наглое нарушеніе закона и уже поэтому самому не должно быть замалчиваемо.

Я вамъ объяснилъ почему не обмолвился ни однимъ словомъ о наколачиваніи прогоновъ будто-бы практикуемымъ даже высшими начальниками, но по какому праву вы мнѣ указываете на темы для писанія, недоумѣваю. Я пишу обыкновенно о томъ, о чемъ самъ хочу, а не о чемъ другіе хотятъ чтобы я писалъ. Прогонная тема пришла въ голову вамъ, вы на нее и пишете.

IV.

Въ № 190 „Русск. Инв.“, въ статьѣ „По поводу проповѣди распущенности“, г. Елчаниновъ взялся развить прекрасную тему, возставъ противъ современныхъ нелѣпыхъ нападокъ на однообразіе, требуемое отъ войскъ при мирномъ обученіи военному дѣлу. Подобныя нападки—знаменіе времени; понимаетъ ли человѣкъ дѣло или не понимаетъ но какъ только онъ балуетъ перомъ и какъ только гдѣ замѣтитъ стѣсненіе, дѣйствительное или мнимое, то не преминетъ выкинуть либеральное колѣнце и охаять такое стѣсненіе. Всѣ подобные

господа не понимаютъ того, что войска иначе какъ по уставамъ работать не могутъ и что при редактированіи уставовъ всегда избираются не труднѣйшіе, а легчайшіе способы исполненія пріемовъ, слѣдовательно, отступать отъ нихъ можно только именно по распущенности, а вовсе не потому, чтобы это было удобнѣе. Всякій здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что любое дѣло лучше исполнять какъ приказано, а не зря, отступая безъ толку отъ указаній.

Къ сожалѣнію, г. Елчаниновъ или торопился, или слишкомъ принялъ къ сердцу свою тему, вызванную сообщеніемъ германскаго подполковника Фрейтагъ-Лорингхофена *), и потому его статья представляетъ сборъ прекраснаго матеріала, безъ особеннаго порядка сваленнаго въ кучу. Постараюсь разобраться въ этомъ матеріалѣ при полномъ и искреннемъ сочувствіи къ автору статьи.

Никто изъ понимающихъ дѣло и не подумаетъ возставать противъ необходимости муштры, но, во-1-хъ, муштра муштрѣ рознь, а во-2-хъ, необходимо помнить обстоятельство, въ высшей степени важное, но часто упускаемое изъ виду изслѣдователями вполнѣ серьезными, а именно, что муштра должна сообразоваться съ народнымъ характеромъ. Слѣдовательно, въ каждой національной арміи она будетъ представлять свои особенности, иногда даже рѣзко отличающія ее отъ муштры другихъ армій. Послѣ неудачъ Семилѣтней войны,

*) „Цѣна и значеніе муштры для обученія нашей пѣхоты раньше и теперь". (Wert und Bedeutung des Drilles für die Ausbildung unserer Infanterie einst und jetzt).

французы изъ подраженія прусакамъ вздумали ввести у себя даже тѣлесныя наказанія, но изъ этого вышло не лучше, а хуже, и вызвало замѣчаніе генерала Люкнера: „сколько бы они ни старались, а изъ француза не сдѣлаютъ нѣмца“. Но это не одно; муштра не только должна сообразоваться съ народнымъ характеромъ въ разныхъ арміяхъ, но и съ личнымъ составомъ въ одной и той же арміи. Фридриховская муштра была придумана для вербованной арміи, т. е. для такого сброда, который необходимо было постоянно такъ притомлять, чтобы, добравшись до ночи, онъ не думалъ ни о чемъ больше, какъ свалиться и спать, а не о томъ чтобы бѣжать или отправляться на какую-нибудь пакость. Отсюда косы, букли, пудра, бѣлая амуниція, продолжительныя ученія съ тихими шагами, наконецъ, палки. Фридрихъ былъ правъ, говоря, что солдатъ долженъ бояться палки капрала болѣе непріятельской пули, да не вполнѣ, ибо палки можно бояться болѣе чѣмъ пули, но боятся ее больше штыка — нельзя, ибо это оружіе однородное, и палка только бьетъ, а штыкъ убиваетъ. Пока дѣло шло удачно, при такой системѣ все шло хорошо, но неудача сразу обнаружила ея хрупкость; такъ, послѣ пораженія, понесеннаго Фридрихомъ подъ Колиномъ, у него въ одну ночь разбѣжалось 7,000 человѣкъ, т. е. вѣроятно никакъ не меньше $^1/_5$ части арміи (точной цифры не помню). Сверхъ всего сказаннаго, муштра должна быть сообразована съ объемомъ воспитанія и образованія войскъ и со сроками службы. Когда былъ изобрѣтенъ прусскій „Drill“, у солдата, кромѣ маршировки и ружей-

ныхъ пріемовъ, занятій не было, а сроки службы были длинные; но когда срокъ службы уменьшился до четырехъ, трехъ и даже двухъ лѣтъ, а объемъ занятій возросъ до небывалой сложности, то понимается само собою, что пресловутый „Drill“, муштра тожъ, долженъ претерпѣть соотвѣтствующія измѣненія и превратиться въ воспитаніе войскъ. Эти измѣненія должны касаться отнюдь не однообразія исполненія, каковое однообразіе, какъ уже сказано, вызывается работой всякой массы людей, предназначенныхъ для достиженія единой цѣли. Единая же цѣль требуетъ единодушія, а слѣдовательно и внѣшняго его выраженія, т. е. однообразія. Но дѣло здѣсь вовсе не въ томъ, нужно ли послѣднее или нѣтъ, а въ томъ, какъ его требовать и какъ при этомъ относиться къ солдату. Было время, когда, напримѣръ, ружейный пріемъ отставляли по 20, по 30 разъ; когда то же самое дѣлали при маршировкѣ въ три, два и одинъ пріемъ. Всякій вѣроятно согласится, что это никого и ничему не учило, а людей удручало до невыразимой степени, удручало тѣмъ болѣе, что малѣйшая ошибка, иногда даже только кажущаяся, вела къ тому, что людей ставили подъ палки. Стоитъ вспомнить Тарбѣева.

V.

Г. Фрейтагъ-Лорингхофенъ совершенно правъ, отстаивая и важность однообразія, и достоинство нѣмецкихъ уставовъ, но онъ сдѣлалъ бы недурно, если бы оговорилъ, что однообразіе достигается и безъ выбиванія зубовъ, прорыва барабанныхъ перепонокъ, сосанія грязныхъ носковъ и комплиментовъ

въ родѣ:ословъ, скотовъ, бараньихъ головъ и т. под. Думаю, что можно провести самый суровый „Drill“ безъ подобнаго акомпанимента, и если г. Лорингхофенъ дѣйствительно вѣритъ, что основная мысль устава „научить войска всему, что требуетъ война, и такъ, чтобы на полѣ сраженія не пришлось бы отказываться ни отъ чего привитаго на учебномъ полѣ“, то, сознаюсь откровенно, не могу себѣ представить такого эпизода войны или боя, въ коихъ подобный акомпаниментъ могъ бы пригодиться. Не знаю, какъ теперь, но въ прежнее время прусскій солдатъ даже честь отдавалъ по пріемамъ, и когда одинъ изъ нашихъ офицеровъ, шедшій съ прусскимъ офицеромъ, умилился передъ автоматичной точностью, послѣдній на это замѣтилъ: „Да, онъ также точно отдалъ бы мнѣ честь и тогда, если бы я лежалъ безъ чувствъ, но и не подумалъ бы подать мнѣ помощь“...

VI.

Обращаюсь къ нашей муштрѣ. Она у насъ была и была подлинная, своя, а не заимствованная — то была муштра Румянцева и въ особенности Суворова, но была она съ самаго начала не муштрой, а воспитаніемъ, строго соображеннымъ съ нашимъ національнымъ характеромъ. Нужно сказать, что флегматичному нѣмцу можетъ быть и полезно излишество педантизма, чтобы его, такъ сказать, расшевелить и разбудить, но при характерѣ живомъ и мягкомъ, какъ нашъ, переусердствовать въ сторону педантизма опасно. Суворовъ, какъ великій психологъ и знатокъ русскаго характера, заставлялъ

работать усиленно, требовалъ однообразія, какъ никто, но въ семъ послѣднемъ до педантическихъ мелочей никогда не доходилъ и нарочитымъ изобрѣтеніемъ таковыхъ не услаждался. Однимъ словомъ, онъ задался задачею: какъ новобранца спеціализировать въ солдата, не ломая въ немъ человѣка и не обращая въ автомата? И эту задачу онъ разрѣшилъ блистательно, не только потому, что не требовалъ отъ солдата пустячковъ, но еще и по манерѣ обращенія съ нимъ: всякому сколько-нибудь знакомому съ его системой извѣстно, насколько онъ былъ простъ въ обиходѣ съ солдатомъ и насколько любилъ огорошивать его неожиданными вопросами, требуя непремѣнно на нихъ совершенно опредѣленныхъ и отнюдь не уклончивыхъ отвѣтовъ. Пресловутое „не могу знать“, получившее потомъ такое обширное распространеніе, выводило его изъ себя. Скажу прямо, онъ былъ съ солдатомъ за панибрата. Конечно, не всякій это себѣ можетъ позволить, „могій вмѣстити, да вмѣститъ“; но всякій долженъ у насъ знать, что уничижительные тонъ, слова и даже взгляды совершенно противны русскому характеру, что, однако, не исключаетъ ругани, если въ ней не отсутствуетъ оттѣнокъ добродушія. И это было такъ даже во времена крѣпостной оргіи, что такъ прекрасно подмѣчено другимъ великимъ знатокомъ русскаго сердца, гр. Л. Н. Толстымъ. Достаточно вспомнить изъ «Войны и мира“ старосту Дрона, Каратаева и крѣпостного доѣзжачаго, который своему барину, старику Ростову, отпустилъ извѣстный комплиментъ.

Къ несчастію, нашей муштрѣ не суждено было

укрѣпиться и стать долговѣчной; въ ней было слишкомъ мало показного и слишкомъ много идейнаго; сначала Императоръ Петръ III, а по смерти Екатерины Павелъ I, скоро положили ей конецъ, замѣнивъ ее прусской муштрой. Что тамъ былъ вербованный сбродъ, а у насъ національная армія, что характеры нѣмецкаго и русскаго человѣка были совершенно разные, до этого дѣла никому не было, и вотъ пошли въ ходъ косы, букли, пудра, учебные шаги, ружейные пріемы и конечно палки; правда, палки были и прежде, да только примѣненіе ихъ было другое; Суворовъ, въ своей наукѣ побѣждать сулитъ ихъ только одинъ разъ за то, если солдатъ себя не бережетъ. При новыхъ порядкахъ ее начали примѣнять даже и безъ мысли о сбереженіи солдата. Суворовъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе, указывалъ на то, что прусскаго короля били, а его не били, и почтенному автору разбираемой статьи, можетъ быть не мѣшало бы вспомнить это отношеніе великаго старика къ прусской муштрѣ. Вѣдь онъ показалъ, что умѣлъ и учить русскаго человѣка, и побѣждать съ нимъ; слѣдовательно, понималъ, какъ его надо вести; мы же умиляемся передъ иностранными пріемами, а своихъ знать не хотимъ.

VII.

Распространяясь далѣе объ этихъ пріемахъ, г. Елчаниновъ, между прочимъ, говоритъ: „... въ обученіи должны быть достигнуты строго опредѣленныя однообразіе и равенство и при томъ въ томъ смыслѣ, какъ его опредѣлилъ Вильгельмъ I: чтобы никому не позволялось дѣлать и дѣйствовать хуже

другого (драгомировское „равненіе по переднимъ“). Не знаю, кто тутъ ошибается: г. Елчаниновъ или г. Лорингхофенъ, но ошибается грубо; во-1-хъ, равненіе по переднимъ есть не драгомировское, а суворовское; во-2-хъ, оно предписывается Суворовымъ не для первоначальнаго обученія и не для церемоніальнаго марша, а именно для атаки и для остановки послѣ атаки, и въ этомъ положеніи всякій, сколько-нибудь понимающій дѣло, признаетъ, конечно, что ничего разумнѣе и рекомендовать нельзя, не во гнѣвъ будь сказано тому изъ помянутыхъ господъ, который сдѣлалъ эту странную ссылку, очевидно воображая, будто равненіе по переднимъ посягаетъ на однообразіе исполненія. Если это ссылка пруссака, то и Богъ съ нимъ; можетъ себѣ путать на здоровье объ насъ что ему угодно и сколько угодно, но если она принадлежитъ г. Елчанинову, то объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо передъ чужими порядками мы умиляемся и награждаемъ ихъ нѣжнымъ вниманіемъ, а своихъ не знаемъ... Что касается до г. Лорингхофена, то вѣдь цѣль его сообщенія совершенно ясна: это полемика, очевидно направленная противъ нападокъ соціалъ-демократовъ на прусскую муштру, причемъ онъ, конечно, ничего другого и сдѣлать не могъ, какъ замаскировать неприглядныя стороны своихъ порядковъ и даже обвиняя насъ въ томъ, будто мы заразили пруссаковъ плацпарадными фокусами въ 1813 году. Дѣло въ томъ, что мы эти фокусы взяли у нихъ еще при Павлѣ I и по обычаю всѣхъ подражателей, разумѣется, перестарались, но гдѣ же намъ было ихъ перегнать: нѣсть ученика больше учителя.

„Несчастія прусской арміи въ 1806 г.“ по вашему мнѣнію (или г. Лоринхофена) „зависѣли вовсе не отъ парадной муштры самой арміи, а отъ печальнаго руководительства ею“. А печальные руководители на чемъ же сформировались, какъ не на той же парадной муштрѣ? Объ этомъ, можетъ быть, стоило бы подумать, ссылаясь на печальное руководительство. Вѣдь единственный человѣкъ изо всей этой компаніи руководителей, явившій энергію, былъ Блюхеръ, служившій въ конницѣ, въ которой пѣхотная муштра не процвѣтала. Въ 1813 году парадная муштра не помѣшала, изволите видѣть, сразить Наполеона; подумаешь, право, что въ 1813 году не было ни русскихъ, ни австрійцевъ, ни, наконецъ, шведовъ, а только одни пруссаки. Г. Лорингхофену, въ его спеціальныхъ видахъ, не грѣхъ это забывать, но намъ то подобные пустяки разсказывать какъ будто и не пристало. Не мѣшало бы помнить, что за 7 лѣтъ (съ 1806 по 1813) много воды утекло, что армія изъ вербованной преобразовалась въ національную, что все внутреннее устройство Пруссіи рѣзко измѣнилось къ лучшему и что необходимость спѣшно отрабатывать все вновь набиравшіеся контингенты едва ли допускала возможность увлекаться муштрой, и что, съ другой стороны, Франція была истощена до того, что въ ряды арміи набирались чуть не 15—16-ти лѣтніе юноши, зачастую даже незнавшіе, къ какой части они принадлежатъ.

VIII.

Еще о пустопорожнихъ новшествахъ, вызываемыхъ послѣднею войною *).

По мнѣнію г. Адамовича, теперь все перемѣнилось. Онъ пишетъ: „Новаго въ этой области (въ ротной тактикѣ) такъ много, что не знаю даже, что и останется отъ стараго“; утвержденіе отважное и даже, можно сказать, неустрашимое, но едва ли логичное. Достоинство г. Адамовича—это легкость слога и обиліе словъ, но оно въ то же время представляетъ и его недостатокъ, такъ какъ, благодаря ему, слова прикладываются иногда къ такимъ понятіямъ, которыхъ они не выражаютъ. Примѣръ: „разумное ученіе не можетъ быть начато на разстояніи между воюющими ротами менѣе трехъ верстъ“ (курсивъ нашъ). Воюющіе между собою дерутся, а не учатся, а если г. А подъ воюющими разумѣетъ только маневрирующихъ, то подобная подстановка терминовъ, столь различныхъ по существу, едва ли позволительна. Не говорю уже о томъ, что свободное пространство для ученій не менѣе трехъ верстъ въ длину и по крайней мѣрѣ версты слишкомъ въ ширину найдется далеко не во всякомъ гарнизонѣ, и волею-неволею придется отказаться отъ разумныхъ ученій автора и примириться съ безумными, т. е. съ начинающимися съ двухъ, съ одной, а иногда и съ полуверсты, если не ближе. Авторъ очевидно не далъ себѣ труда задуматься надъ такъ называемыми маневренными ракурсами

*) См. № 191 „Русск. Инв.“: „Новое въ ротной тактикѣ“, Б. Адамовичъ.

и благодаря этому настаиваетъ на выполненіи такихъ условій, которыя при мирномъ обученіи могутъ встрѣтиться только въ исключительныхъ случаяхъ. Вѣдь, чтобы корпусъ могъ учиться не очень стѣснительно, нужно поле тысячъ въ четыре—пять десятинъ: много ли вы такихъ лагерей найдете. Тоже вѣрно и относительно времени; затянуть ротное ученіе конечно можно не на 4, а если хотите на 10 часовъ. Но къ чему ведетъ такая затяжка? Къ самой безсмысленной тратѣ времени, а у солдата слшкомъ много и зачастую неотложной работы, чтобы этимъ временемъ такъ злоупотреблять.

По вашему мнѣнію, все измѣнилось до того, что вы даже не знаете, что останется отъ стараго: представьте, останется *все* и понятно почему: потому что человѣкъ остался тотъ же; говорю, конечно, объ уставахъ и теоріяхъ, а не о людяхъ, которые ихъ примѣняли вкривь и вкось, гдѣ халатно, гдѣ съ недомысліемъ, а гдѣ и съ усердіемъ не по разуму. Понятно и то, почему вамъ показались новыми эти очень старыя вещи, между коими есть даже и такія, которыя стары какъ свѣтъ; возьмемъ, напримѣръ, хотя бы всякія ползанья и прятанья: вѣдь, это же не только всѣ дикари, но даже и нѣкоторые изъ хищныхъ звѣрей продѣлываютъ въ совершенствѣ. А вамъ кажется чуть ли не вновь открытой Америкой. Давъ себѣ трудъ проштудировать хотя бы наши уставы и инструкціи, написанныя послѣ крымской войны, вы нашли бы тамъ всѣ пріемы, кажущіеся вамъ столь новыми, и ваше открытіе ихъ новости объясняется тѣмъ, что, по-

бывавъ въ бою, перемѣнились вы, а не они, и вы стали смотрѣть на нихъ иными глазами. Говоря иначе, въ силу духовной встряски, происшедшей въ васъ подъ вліяніемъ боевыхъ впечатлѣній, вы наклеили на нихъ новые ярлыки и, сами того не замѣтивъ, признали новыми и самые пріемы. Вѣдь вы не станете спорить съ тѣмъ, что если главный факторъ въ произведеніи не измѣнился, то произведеніе существенно измѣниться не можетъ отъ измѣненія факторовъ второстепенныхъ. А въ нашемъ дѣлѣ главными факторами были и всегда останутся: войска, мѣстность, случайности. Да вы бы и сами могли въ этомъ убѣдиться, отнесясь внимательнѣе къ тому, что и какъ дѣлали японцы, которыхъ вы конечно принимаете за образецъ. Вы признали бы вѣроятно, что въ ихъ пріемахъ новаго ничего собственно не было, что они, какъ извѣстно, ученики пруссаковъ, у коихъ мы еще до войны знали, что дѣлается и какъ дѣлается. Мы думаемъ только, что они будутъ нѣсколько сортомъ пониже, за неимѣніемъ у нихъ императора Вильгельма I и Мольтке. Что же касается до науки Меккеля, то она особенно много не могла имъ дать; прусскіе пріемы японцы конечно усвоили, но по Наполеону „à la guerre les hommes ne sont rien, c'est un homme qui est tout“ *); и съ этой точки зрѣнія человѣками у японцевъ были: Ояма, Куроки и другіе руководители, которые, вѣроятно, ничѣмъ не обя-

*) Т. е. „на войнѣ люди—ничто, а Человѣкъ—все“. Какъ читатель видитъ, это не болѣе какъ перифраза извѣстнаго афоризма древнихъ: „лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ предводимая бараномъ“.

заны наукѣ Меккеля и новыхъ пріемовъ веденія войны и боя не дали. И не только не дали, но и старые не всегда безукоризненно примѣняли, ибо атака одновременно и въ лобъ и во фланги равнаго по силамъ противника, какъ было подъ Мукденомъ, являетъ много отваги, но особаго искусства не являетъ. Но это не все; кто же не знаетъ, что главное свойство, отличающее талантливаго полководца, есть легкость разгадки характера своего противника; этого свойства у японцевъ я не вижу. Если сначала Куроки наступалъ осторожно, хотя и рѣшительно, то это понятно: тогда еще ничего не было видно; но когда онъ дошелъ до Фынхуанчена, можно сказать, одностороннимъ маневромъ, когда простоялъ тамъ безнаказанно столько времени, тогда, кажется, японцамъ должно было стать ясно, съ какимъ противникомъ они имѣютъ дѣло. Какъ же они воспользовались этой данной? Они, попросту говоря, стали потѣшаться, пуская въ ходъ разныя глупыя утки, въ родѣ того, будто они сдѣлали подкопъ подъ Лаоянъ, тянущійся чуть не на десятки верстъ, и т. под. Между тѣмъ, какъ открывъ безграничную нерѣшительность, они напрасно атаковали даже и подъ Лаояномъ—достаточно было обозначить обходъ; а эта атака стоила имъ, говорятъ, не меньше 20,000 чѣловѣкъ.

IX.

Обратимся теперь къ маневрированію отдѣльной роты.

Если считать разстояніе между патрулями, наблюдающими за флангами, то рота, конечно, иногда

займетъ и больше версты, но спрашивается: правильно ли такъ считать длину фронта? Если же г. А. думаетъ, что по этой верстовой полосѣ можно разбросать роту повзводно, то онъ, конечно, ошибается, и грубо, такъ какъ разбросать недолго, но успѣете ли во-время ихъ собрать когда понадобится—это еще вопросъ. Конечно, можно фантазировать о демонстраціяхъ, обходахъ и охватахъ даже для одной роты, но по моему убѣжденію, подобныя фантазіи для такой мелкой единицы просто нелѣпы, ибо въ исполненіи могутъ повести только къ одному, т. е. къ разбитію ея по частямъ. Легко сказать, что къ непріятелю нужно наступать такъ, чтобы онъ насъ не видѣлъ; вѣдь это, попросту говоря, значитъ считать его глупѣе себя, такъ какъ не вы ему, а онъ самъ себѣ выбираетъ позицію и, конечно, выбираетъ такую, съ которой онъ васъ будетъ видѣть и на которой вы его не увидите, ни въ бинокль, ни просто. Взявъ все это въ соображеніе, вы поймете, конечно, что въ большинствѣ случаевъ вы не спасетесь ни отъ разстрѣливанія, ни отъ того, чтобы онъ не увидѣлъ клочковъ вашей роты, разбросанныхъ на демонстраціи, обходы, охваты, да еще съ отдѣленіемъ резерва. И опять же во всемъ этомъ новости нѣтъ никакой: прятаться при наступленіи всегда рекомендовалось и у насъ; если японцы дѣлали это лучше насъ, кто же виноватъ?

И всѣ новшества г. Адамовича точно таковы, какъ и только что объясненыя. Правда, они высказаны съ очевиднымъ намѣреніемъ такъ, чтобы самое простое выходило посложнѣе и похитрѣе.

Прежде, напримѣръ, говорилось: „по заранѣе собраннымъ свѣдѣніямъ, приблизительно опредѣляется расположеніе противника, куда и направляется отрядъ, предшествуемый авангардомъ или же одними дозорами, если онъ слабъ; когда противникъ открытъ моими дозорами или же самъ себя открылъ начавъ стрѣльбу, тогда я долженъ прежде всего рѣшить вопросъ за него и рѣшить наилучшимъ образомъ, т. е. не считая его глупѣе себя: „какъ бы я оборонялъ эту (его) позицію?“ По этому рѣшенію я соображаю уже свое и привожу въ исполненіе. А пробивать теперь, какъ совѣтуетъ г. А., три линіи для роты которая въ военномъ смыслѣ представляетъ точку, право пустопорожнее и ни къ чему не ведущее упражненіе. Мнѣ кажется, что г. А., увлекаясь здѣсь маневреннымъ задоромъ, и самъ забылъ, что говоритъ не объ корпусѣ или хоть о дивизіи, а всего только объ ротѣ.

Затѣмъ, г. Адамовичъ вѣщаетъ: „Ротный командиръ, прежде чѣмъ выпустить дозоры, самъ себѣ даетъ ясный отчетъ, что онъ долженъ ими увидѣть (курсивъ автора), и ставитъ имъ твердыя, совершенно опредѣленныя задачи“. Мнѣ кажется, что и тутъ передъ духовнымъ окомъ г. А. опять рисовался по меньшей мѣрѣ корпусъ, а не рота, такъ какъ въ ротѣ, отдѣльно дѣйствующей, что же онъ увидитъ больше, кромѣ цѣпи стрѣлковъ, можетъ быть залегшей въ траншеѣ, а за нею резервъ? И кромѣ этого онъ не можетъ приказать ничего другого и своимъ отборнымъ и спеціально подготовленнымъ дозорамъ.

Опять тоже насчетъ командъ, о коихъ, по мнѣ-

нію г. А., при управленіи войсками „надо забыть“. Не совсѣмъ такъ, г. А. Надо ихъ не забыть, а только поставить на должное мѣсто; что указать цѣль, которую предполагается достигнуть, можно только приказаніемъ, это всегда знали и дѣлали въ бою; но знали также и то, что единовременность исполненія, столь важная и необходимая въ извѣстныхъ случаяхъ, достигается только командой, громко, внятно и рѣшительно произнесенной. Послѣднее условіе—громадной важности, ибо смыслъ команды опредѣляетъ только то, что нужно сдѣлать, но какъ сдѣлать, опредѣляетъ только ея тонъ. Уже изъ этого видно, что команда дѣло тоже не шуточное и что, какъ извѣстно, люди прежде всего совѣтуются, какъ говоритъ де-Бракъ, съ лицомъ, глазомъ и тономъ начальника.

Правда, бывали эпохи, когда команды пріобрѣтали неподобающее имъ значеніе, почти совершенно вытѣсняя приказанія, когда цѣпи равнялись и интервалили по шнуру и по циркулю, когда приходило въ забвеніе даже и то, что въ бою, а слѣдовательно и на маневрахъ важнѣйшее условіе правильности движенія и соблюденія связи представляетъ строгое наблюденіе **направленія**, а не равненія. Но отъ этого и до того, чтобы команды совсѣмъ забыть,—скакать нельзя.

X.

Расписавъ такимъ образомъ стратегію и тактику единичной роты, г. А. дѣлаетъ быстрый и столь же высокопарный и нелогичный очеркъ того, какова должна быть система воспитанія и образованія войскъ.

По его мнѣнію, должна остаться все и даже немножко больше, а съ другой стороны отброшено кое-что, признанное такими маленькими людьми, какъ, напр. Суворовъ. Г. А. заявляетъ, что должны быть воспитаніе, образованіе и мурштра, не замѣчая того, что въ настоящее время воспитаніе и есть эта самая муштра, но только болѣе осмысленная и обогащенная болѣе разумными требованіями. Если она прежде начиналась съ того, что новобранецъ не умѣетъ ни стоять, ни ходить, ни говорить, и стремилась обратить живого человѣка, такъ сказать, въ пружиннаго, то въ настоящее время воспитаніе (мурштра тожъ) признаетъ, что все это онъ умѣетъ дѣлать и ему нужно только показать, что лучше стоять стройно, чѣмъ увальнемъ, и что въ сомкнутой массѣ нужно ходить въ ногу, а не какъ-нибудь, иначе тебѣ же ступни обобьютъ. И такъ во всемъ и со всѣмъ.

Отстаиваетъ авторъ и то, чего никто не отрицалъ, именно значеніе дисциплины; не во гнѣвъ ему будь сказано, открытая имъ тутъ идейность, или отсутствіе таковой въ солдатѣ—совершенный вздоръ, ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дисциплина должна быть религіей войскъ. Не постигаю даже, какъ ему могло придти въ голову доказывать, что настоящая война указала на необходимость дисциплины. Да развѣ была когда-нибудь такая война, которая доказывала бы ея ненужность. Подобныя вещи можно разсказывать только при невоздержномъ желаніи сказать такое, чего до него еще никто не говорилъ. Гдѣ масса, тамъ и дисциплина—неизбѣжно, неминуемо; возь-

митѳ вы монашество, мастерскую, фабрику, возьмите, наконецъ, конскій табунъ, пчелиный улей, муравьиное гнѣздо—вы на нее наткнетесь, какъ на первѣйшую силу, образующую изъ массы единицъ коллективное существо.

Что касается до сочиненной г. А. идейности, то не мѣшало бы ему опредѣлить, какія такія хитрости онъ подъ нею разумѣетъ; вѣдь, на первомъ планѣ вѣроятно тутъ стоитъ патріотизмъ и чувство національнаго достоинства, такъ гдѣ же этого нѣтъ? И если-бъ вы не бродили въ туманѣ, а сказали это прямо, то и сами увидѣли бы, что объ этомъ говорить можно только для разговора, а не для того, чтобы сказать что-нибудь толковое. Вы бы крайне обязали всѣхъ вашихъ читателей, разъяснивъ точно и ясно хоть бы нашу безъидейность, въ противоположеніи съ идейностью японской, но именно точно и ясно, не прибѣгая къ торжественнымъ фразамъ. Вы ожидаете многаго отъ школьнаго развитія и отъ грамотности, не понимая даже того, что на войнѣ и въ войскѣ требуется развитіе сердца неизмѣримо больше, чѣмъ развитіе ума; не понимаете и того, откуда вышелъ такъ вами называемый развратъ запасныхъ. Когда и сегодня бьютъ, и завтра, и послѣ завтра, и все это разносится въ народѣ, да еще и съ преувеличеніями, немногіе пойдутъ съ охотой, а кто поподлѣе, такъ и отъ одного этого станетъ безобразничать, а тутъ еще прибавилась неравномѣрность призыва, да еще въ иныхъ мѣстахъ и съ взятками. Наше несчастіе заключается именно въ томъ, что, написавъ какое-нибудь положеніе, мы при исполненіи непремѣнно отступимъ отъ него, и

тѣмъ, конечно, подорвемъ его значеніе, подобныя отступленія, даже самыя справедливыя, какъ, напримѣръ льгота, будутъ пріятны единицамъ, а недовольные ею окажутся тысячами. Но наши солдаты, а слѣдовательно запасные, въ дѣйствующихъ войскахъ, по единогласному отзыву людей безпристрастныхъ, а не проводящихъ какія-либо свои фантазіи, оказались на дѣлѣ во много разъ безупречнѣе прочихъ степеней воинской іерархіи.

Отъ воспитанія и образованія войскъ авторъ требуетъ столько, что въ четырехлѣтній срокъ все не только изучить, но даже продѣлать едва ли можно. Конечно, онъ не воздерживается и тутъ отъ проведенія своихъ нелѣпостей. Укажу на двѣ главнѣйшія: 1) удару людей (идейныхъ) учить не нужно; 2) приговоры на мирныхъ маневрахъ, кто побѣдилъ, кто побѣжденъ, дѣлать должно, и со всѣми послѣдствіями. Человѣкъ, идейный ли онъ или нѣтъ, цѣлою половиною своего существа есть животное и, какъ таковое, долженъ быть и воспитываемъ, т. е. показомъ; такъ, для пріученія къ опасности его нужно ставить въ опасное положеніе, допустимое при мирныхъ занятіяхъ, и заставлять продѣлывать его; разговоромъ тутъ ничего не сдѣлаешь. Хорошо бы было воевать однимъ языкомъ, да на бѣду пока такой войны никто не выдумалъ. Вѣдь и человѣческій глазъ долженъ быть пріученъ къ виду массы не только конной, но и пѣшей; во второмъ случаѣ опасность, конечно, менѣе очевидна, но все же возможна; иногда бывало даже, что на ученьи пѣхоты противъ пѣхоты пробивали одиночныхъ людей штыками насквозь: правда, рѣдко, но бывало. И вдругъ

такой многоопытный офицеръ, какъ г. Адамовичъ, отрицаетъ пріемъ такого малоопытнаго человѣка какъ Суворовъ... Тоже долженъ сказать и относительно мирныхъ приговоровъ о томъ, кто побѣдилъ, кто побѣжденъ. Подумалъ ли авторъ о томъ, что подобные приговоры, при занятіяхъ, не сопровождаемыхъ опасностью, совершенно нелѣпы. Неужели онъ не понимаетъ того, что можно быть на маневрахъ великимъ молодцомъ, а въ бою ничтожествомъ; зачѣмъ же, закусивши удила, такъ неустрашимо и рѣшительно разсказывать подобныя несообразности; вѣдь это значитъ—сбивать съ толку: ну, хоть бы взятіе въ плѣнъ—никого и ничему не научитъ, а къ дракамъ и убійству, конечно, случайному, повести можетъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ войска лучше или, по его выраженію, идейнѣе.

XI.

Чѣмъ поддеживается и отчего падаетъ дисциплина.

Прочная дисциплина дѣло взаимное и требуется какъ снизу вверхъ, такъ и сверху внизъ, потому что законъ, налагающій на солдата извѣстныя обязанности, въ то же время обезпечиваетъ его отъ неправыхъ посягательствъ.

Галіани [1]) вѣрно замѣчаетъ, что такое отношеніе естественно и логично, не только отъ человѣка къ человѣку, даже отъ человѣка къ животному.

---

[1]) *Галіани.* „Бесѣды о торговлѣ зерномъ“. Переводъ съ французскаго *М. Драгомирова.* 1891 г.

Лошадь напримѣръ могла бы сказать человѣку, если бы говорила: „я тебя обязываюсь возить, а ты меня за это обязанъ кормить“.

Эта взаимность есть первое условіе насажденія и укорененія дисциплины. Къ сожалѣнію, не всѣ и не вездѣ это понимаютъ; многимъ кажется будто для солдата достаточно однихъ обязанностей, но правъ не нужно: ошибка роковая своей однобокостью. Она-то и породила во время оно въ Римской арміи рѣзкую перемѣну отношеній не только къ службѣ, но даже къ отечеству. Пока съ легіонеромъ поступали по правдѣ, онъ говорилъ: „гдѣ отечество, тамъ и хорошо“, а когда стали поступать не по правдѣ, онъ сталъ говорить: „гдѣ хорошо, тамъ и отечество“, то есть, собственно говоря, отказался не только отъ легіона, но и отъ отечества...

Многіе думаютъ, будто дисциплина поддерживается строгостью взысканій, и это ошибка: незабвенный мой (и многихъ другихъ) учитель Карцевъ поучалъ, что она поддерживается не строгостью взысканій, но неослабнымъ надзоромъ, постоянствомъ и разумностью требованій, которыя никогда не должны имѣть характера каприза. Это послѣднее условіе въ высшей степени важно, ибо только отсутствіе каприза (самодурства тожъ) пріучаетъ подчиненнаго вѣрить разумности требованій. Нѣкоторые, пожалуй, скажутъ, да какъ онъ смѣетъ не вѣрить! Начинаетъ то онъ съ того, что вѣритъ, а потомъ, хоть молчитъ, но извѣривается, видя, какъ его безъ толку дергаютъ. Это, между прочимъ, прекрасно выяснилось на внутреннихъ нашихъ безпорядкахъ въ народѣ; чиновники начали кричать:

„это полная атрофія власти!“ Нѣтъ, это атрофія не власти, а довѣрія къ власти, которая не церемонилась произвольничать.

Обращаюсь собственно къ воинской дисциплинѣ. До Крымской кампаніи, она была у насъ хотя не вполнѣ, но въ значительной мѣрѣ однобокою: солдатъ—крѣпостной, офицеръ—баринъ. Самоуправство и жестокость были въ полномъ ходу; исключенія встрѣчались только благодаря врожденному добродушію начальства; гдѣ его не было, тамъ доходило до тарбѣевщины. Послѣ крымской кампаніи дѣло пошло нѣсколько мягче de facto, пока со введеніемъ общеобязательной повинности двубокая дисциплина не стала утверждаться и de jure. Изданіе новаго дисциплинарнаго устава было въ этомъ смыслѣ рѣшительнымъ шагомъ впередъ, который не забудется. Но, Боже, какой гвалтъ подняли приверженцы однобокой крѣпостной дисциплины при его составленіи и потомъ появленіи! Послушавъ ихъ, можно было подумать, что всѣ солдаты ждутъ не дождутся новаго дисциплинарнаго устава, чтобы какъ одинъ человѣкъ приняться за всякія безобразія. „Дисциплина погибнетъ, разложеніе войскъ неминуемо“, восклицали эти господа и понятно почему: не зная другихъ средствъ добиться повиновенія, какъ шпицрутены, розги и мордобойство, они конечно думали, что такихъ средствъ нѣтъ и быть не можетъ. И очутились они съ недоумѣвающими кулаками. Средства же воздѣйствія, предписанныя новымъ уставомъ, конечно, казались имъ до смѣшного слабыми и недѣйствительными.

Событія не подтвердили ихъ опасеній; ни дис-

циплина не ослабла, ни войско не развалилось, а солдатъ, за то, что въ немъ, наконецъ, признали человѣка, отблагодарилъ своимъ доблестнымъ поведеніемъ въ прошлую Турецкую и въ послѣднюю войну. И оказалось такимъ образомъ, что душа-то у него много чище, нежели думали господа, способные плести на него подобную нелѣпость. Не говорю уже о томъ, что со стороны сихъ послѣднихъ открывается полное непониманіе свойствъ массъ, въ коихъ быстро и сразу ничто не мѣняется и законъ инерціи сохраняетъ въ примѣненіи къ нимъ всю свою силу.

XII.

За послѣднее время опять начинаютъ раздаваться гососа о яко бы ослабленіи дисциплины, и понятенъ ходъ мысли господъ, это утверждающихъ; уничтожено позорное тѣлесное наказаніе, уже не для одного солдата только, а для всего народа, слѣдовательно, народъ долженъ распуститься, такъ какъ онъ къ розгѣ привыкъ. Для подтвержденія этого можетъ быть не лишне было бы подождать фактовъ, но подобнымъ господамъ факты не нужны, у нихъ сердце — вѣщунъ и безошибочно предсказываетъ бѣду; всегда какая-нибудь мѣра имъ не нравится. Удивительные эти господа: вѣдь если они такъ вѣрятъ въ благодѣтельную силу розги, то мнѣ кажется, имъ слѣдовало бы добиваться универсальнаго ея возстановленія, то есть возврата къ режиму тишайшаго царя, когда и бояръ клали подъ батоги.

А то начальникъ пріѣзжаетъ изъ провинціи, является къ старшему начальству, у котораго заботъ и дѣла по горло. „Имѣю честь явиться, Ваше—

Кладбище на погостѣ церкви во имя Сорока Мучениковъ, въ Конотопѣ Черн. губ., гдѣ погребенъ въ склепѣ Мих. Ив. Драгомировъ 18-го Октября 1905 г.

ство“. А здравствуйте! Какъ у васъ дѣло идетъ? „Съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, дисциплина падаетъ, Ваше—ство“. Важность доклада и тревожный его тонъ отвлекаютъ мысль старшаго начальника отъ вопроса: „гдѣ факты, дѣйствительно ли она падаетъ“. Появляется мысль, не возстановить ли въ самомъ дѣлѣ тѣлесное наказаніе? О докладчикѣ же составляется понятіе, будто у него прозорливый взглядъ. А у него, не столько взглядъ прозорливый, сколько языкъ блудливый. Нѣтъ, сохрани насъ, Господи, отъ упраздненія такихъ основныхъ жизненныхъ законовъ; вѣдь если строевой воинскій организмъ у насъ здоровѣе, нежели что-либо, то именно благодаря тому, что основныя положенія, опредѣлившія жизнь войска со времени установленія обще-обязательной повинности, не подвергались никакимъ измѣненіямъ и на нихъ не посягала ничья, ни невѣжественная, ни своекорыстная, ни озлобленная рука.

Въ послѣднее время стали ходить черные слухи о введеніи даже кандаловъ въ число воинскихъ наказаній; неужели охотники до розогъ и кандаловъ никогда не поймутъ, что къ этимъ средствамъ воздѣйствія можетъ побуждать только низменная мстительность, а не польза службы. Причины тѣхъ прискорбныхъ непорядковъ, которые произошли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при сборѣ запасныхъ, объяснены мною въ другомъ мѣстѣ, но не могу не замѣтить вкратцѣ и здѣсь, что они были порождены: отступленіями отъ положенія о призывѣ запасныхъ, чрезвычайной малочисленностью кадровъ, ослабленныхъ раздергиваніемъ, въ которые пришлось

вливать громадную массу запасныхъ и т. д. Бывали случаи, что, напримѣръ, тысячу запасныхъ совершенно неорганизованныхъ поручалось вести одному молодому офицеру. Недостатокъ предусмотрительности въ распорядителяхъ сыгралъ тоже не малую роль: нетопленные вагоны, неготовая пища, несвоевременный отводъ квартиръ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, это ослабленіе дисциплины не въ войскахъ, а между запасными, которые успѣли отъ нея отвыкнуть за 10—12 лѣтъ.

Четырнадцатая дюжина.

Войсковое хозяйство.—Продолженіе.

I.

Великое, великое спасибо г. Θ. М—ву за то, что онъ меня просвѣтилъ на концѣ дней моихъ своею чудною статьей „Войсковое хозяйство“ [1]): принципіально просвѣтилъ. Я всегда былъ убѣжденъ, что соединеніе строевой и хозяйственной администраціи въ однѣхъ рукахъ до добра не доводитъ, но въ разборъ послѣдствій такого порядка не вдавался. Г. Θ. М—въ раскрылъ мнѣ эту сторону дѣла.

Въ теченіе всей своей службы я твердилъ: что́ безполезно на войнѣ, то вредно вводить въ мирное обученіе и не подозрѣвалъ, что этотъ законъ со всею строгостью примѣняется и въ хозяйственной

[1]) №№ 188 и 189 „Русскаго Инвалида“.

жизни войскъ, конечно, съ соотвѣтствующими измѣненіями въ его формулировкѣ, а именно, всѣ хозяйственныя потребности войскъ, которымъ они сами не могутъ удовлетворить въ военное время, отнюдь не должны быть имъ навязываемы и въ мирное.

Можно безъ преувеличенія сказать, что жалобамъ на таяніе строевыхъ частей отъ соединенія ихъ въ одно цѣлое съ нестроевыми и счетъ потеряли.

„А возъ и нынѣ тамъ“,

по словамъ дѣдушки Крылова.

Да оно и понятно: когда управленіе строевого состава въ однѣхъ рукахъ съ хозяйственнымъ управленіемъ, послѣднее имѣетъ естественную тенденцію взять верхъ надъ первымъ,—изъ строя въ нестроевые не стѣсняются брать сколько бы ни понадобилось; но чтобы изъ нестроевыхъ брали въ строй для пополненія рядовъ, то подобнаго чудака во всей русской арміи, конечно, не найдется.

И кончаемъ тѣмъ, поистинѣ безобразнымъ явленіемъ, что и то, слава Богу, когда на зимнихъ занятіяхъ въ ротѣ остается какихъ-нибудь 24 человѣка, т. е. всего 12 рядовъ. Вотъ тутъ и занимайся!

Если все это принять въ расчетъ, то и окажется, что изъ четырехъ лѣтъ службы, нашъ солдатъ пожалуй и двухъ толкомъ не занимается, а между тѣмъ служитъ и хорошо служитъ. Чудны дѣла Твои, Господи!

Но вредъ отъ существованія мастерскихъ въ строевыхъ частяхъ этимъ не ограничивается: такое

соединеніе повело къ особому виду рабства строевыхъ частей передъ интендантствомъ. Дѣло въ томъ, что части получаютъ ежегодно изъ интендантскихъ складовъ для освѣженія извѣстное количество комплектовъ обмундированія и обуви, что понятно. Но что совершенно непонятно, такъ это то, что части обязаны построить такое же количество комплектовъ изъ отпускаемаго матеріала и сдать ихъ обратно въ интендантскій складъ!

Но складъ не свой братъ, онъ уже является предержащею властью и представляемое бракуетъ нещадно. Что же, нужна надкладочка-съ?

Нѣтъ, сохрани Богъ у насъ все тихо, чинно, благородно, а есть въ Москвѣ такая компанія маговъ и волшебниковъ Іерусалимскаго происхожденія, которая беретъ на себя всѣ хлопоты по этой операціи.

Полкъ отсылаетъ въ сказанную компанію полученный матеріалъ, компанія строитъ вещи, сдаетъ ихъ въ складъ, разумѣется безъ брака, квитанціи о сдачѣ присылаетъ въ полкъ, который высылаетъ компаніи деньги по расчету.

Если теперь взять хоть то, что на мелочной прикладъ къ каждой парѣ сапогъ отпускается 45 коп., а онъ стоитъ 1 р. 20 коп., то и окажется, во что обходятся войскамъ крѣпостныя отношенія къ интенданству. Не такъ это происходитъ въ конницѣ: она богата конскимъ брюхомъ, которое за все отвѣчаетъ. Пѣхота бѣдна, да и склады ея находятся при полкахъ: для строевой части тоже обуза самая пустячная, такъ какъ это ни много, ни мало четыре тысячи слишкомъ комплектовъ одежды и

около четырехъ тысячъ пятисотъ паръ сапогъ. Милостивое интенданство въ неусыпномъ попеченіи вѣроятно о томъ, чтобы войскамъ облегчить главное ихъ назначеніе, т. е. подготовку къ войнѣ и бою, не только наградило ихъ этими складами, но и обратило, какъ изволите видѣть, поголовно всѣхъ людей въ портныхъ, сапожниковъ и перебивщиковъ одежи для предохраненія ея отъ моли. То-есть, что полегче оставило у себя, а что потяжелѣе —спихнуло на войска. Они же намъ и освѣжатъ всѣ эти комплекты, а за барашковыя шапки и фуражки кое-что перепадетъ и жидкамъ, такъ какъ эти предметы все равно на казенный отпускъ не построишь.

Однако я отвлекся отъ прямой темы, на которую собирался говорить.

Итакъ все, что мало-мальски носитъ нестроевой характеръ, должно быть безусловно вычищено изъ строевыхъ частей, до хлѣбопековъ включительно.

Исключеніе составляютъ развѣ одни кашевары. Такой очистки требуетъ между прочимъ и давно извѣстный принципъ всякой разумной организаціи, въ силу коего никогда не слѣдуетъ ставить человѣка въ противорѣчіе между его долгомъ и его личнымъ интересомъ, такъ какъ рано или поздно возьметъ верхъ конечно послѣдній. Человѣкъ вѣдь берется въ войска даромъ, а мундиръ, сапоги и проч. нужно покупать. При извѣстномъ режимѣ, человѣкъ поэтому и является безмолвнымъ объектомъ для разныхъ экономическихъ и иныхъ надъ нимъ манипуляцій.

II.

Г-нъ Ѳ. М—въ не ограничивается доказательствомъ необходимости самаго строгаго очищенія строевыхъ частей отъ нестроевого элемента, но, воспользовавшись вопросомъ о хозяйствѣ войскъ, указываетъ на другую въ высшей степени важную сторону дѣла не только въ чисто военномъ, но и въ общегосударственномъ смыслѣ, именно на то, что лучше: строить ли какую-либо систему на довѣріи или же на недовѣріи къ лицамъ, привлекаемымъ къ ея осуществленію. И, по нашему, онъ и этотъ вопросъ рѣшаетъ совершенно разумно. Онъ говоритъ: „Едва ли можно оспаривать, что довѣріе чрезвычайно упрощаетъ отношенія между сотрудниками и уменьшаетъ число рукъ нужныхъ для дѣла. Положимъ, что я, стоя во главѣ какого-нибудь дѣла, своимъ сотрудяикамъ не довѣряю. Тогда за дѣйствіями каждаго изъ нихъ я долженъ учредить мелочной контроль; для этого нужны или лишніе люди, или обиліе формальностей“.

Довѣріе не только уменьшаетъ число рукъ нужныхъ для дѣла, но оно даетъ нѣчто большее: именно дѣлаетъ отношенія нравственнѣе, чище, благожелательнѣе, что, по моему глубокому убѣжденію, необходимо во всякой дѣятельности, даже коммерческой.

Не могу воздержаться, чтобы не вспомнить по этому случаю разсказа одного крупнаго негоціанта. При его отцѣ фирма имѣла по Россіи и въ Персіи около 40 сахарныхъ конторъ.

Дѣла шли хорошо, не взирая на то, что и по-

тери ежегодно простирались тысячъ до сорока рублей.

Сказанный негоціантъ, когда это выяснилось, говоритъ отцу, что по его мнѣнію необходимо въ каждую контору прибавить контролера. Отецъ, что называется, пропустилъ эте предположеніе мимо ушей: онъ посмотрѣлъ на сына, улыбнулся и ничего не сказалъ. Кончается второй годъ, та же исторія: потеря 40 т. или около того.

Негоціантъ опять напоминаетъ отцу, что имъ безъ контролеровъ не обойтись. „Ну, теперь поговоримъ“, сказалъ отецъ. „Что намъ будетъ стоить контролеръ на каждую контору? Меньше какъ за тысячу рублей не найдешь, итого сорокъ тысячъ. Можно ли поручиться за то, что растратъ не будетъ? Конечно нельзя, и выйдетъ, что контроль не уменьшитъ, а увеличитъ потерю“.

Такъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ недовѣріе въ организаціи чего бы то ни было предпочитается довѣрію. Хоть бы взять, напримѣръ, предварительную цензуру; не пройдя извѣстныхъ мытарствъ, серьезной книги получить нельзя, а милліоны возмутительныхъ прокламацій гуляютъ на свободѣ.

Прошу извиненія, что опять отвлекся.

Система недовѣрія есть стремленіе къ контролю, мало осмысленное, ибо не соображено со свойствами человѣка. Оно отправляется отъ той мысли, что честныхъ людей нѣтъ и что поэтому всякаго нужно контролировать не по исполненіи какого-либо порученія, а шагъ за шагомъ, во время самаго исполненія. Въ первомъ случаѣ всякій честный человѣкъ не только не можетъ быть обиженъ кон-

тролемъ, но самъ его потребуетъ, во второмъ же устанавливается безмолвное, но тѣмъ-болѣе вредное соотношеніе: „если ты меня разумѣешь мошенникомъ, то я буду мошенникомъ, посмотримъ кто кого перехитритъ“. Однимъ словомъ, система недовѣрія отправляется, попросту говоря, отъ презрѣнія къ достоинству человѣка, а система довѣрія, наоборотъ—отъ уваженія къ нему. Еще тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ сказано: „Много есть людей, которые, боясь быть обманутыми, тѣмъ самымъ учатъ другихъ ихъ обманывать: недовѣріе оправдываетъ невѣрность“ (т. е. обманъ, лживость, недобросовѣстность).

Наша собственная исторія, кажется, выяснила достаточно, что́ предпочтительнѣе, какъ въ мелкихъ, такъ и крупныхъ явленіяхъ. Въ полковомъ хозяйствѣ цѣлая библіотека книгъ и еще слава Богу, что въ походъ онѣ не всѣ берутся; въ областяхъ другого порядка—десятимилліонныя смѣты, вѣроятно составляемыя съ точностью до четверти копѣйки и служащія иногда для того, чтобы, прикарманивъ всего одинъ милліонъ, десять спустить на какую-нибудь бутафорію.

По преданію, Петръ Великій, въ отчаяніи отъ казнокрадства, имѣлъ намѣреніе установить за оное смертную казнь, но воздержался, внявъ докладу, что при такомъ законѣ онъ рисковалъ бы остаться безъ подданныхъ.

Такъ это или нѣтъ, но думаю, что предвзятое, закоренѣлое недовѣріе къ человѣку, конечно, не располагаетъ его къ честности, а въ недовѣряющемъ развиваетъ и укореняетъ враждебность, а не бла-

гожелательство. Достаточно вспомнить Ивана Грознаго, Бориса Годунова, а также „Слово и Дѣло“, не говоря о явленіяхъ позднѣйшаго времени.

P. S. Только что прочелъ въ „Русск. Словѣ“ заимствованное изъ „Руси“ свѣдѣніе о предложеніи какого-то господина прибавить у насъ къ военно-дисциплинарнымъ взысканіямъ еще кандалы. Да неужели это правда? О! Господи! Ты видѣши! Нѣтъ, я этому не вѣрю, не могу вѣрить.

Конотопъ
8-го октября 1905 года.

Государственная историческая библиотека

Конецъ II-й книги.

Уставъ полевой службы.—Объ усовершенствованіяхъ.—Конные охотники въ пѣхотѣ.—Отвѣтъ „читателю и поклоннику“. — Изъ дневника Берхгольца. — Можно-ли мѣнять редакцію текста военной присяги.

Вторая дюжина 37

О полевомъ уставѣ.—О полевыхъ мортирахъ.—О щитахъ.—Выѣздъ конной артиллеріи на позиціи.—О самосохраненіи.—Полевой уставъ и чертежъ щита.—О формѣ врачамъ.—Нужна ли солдату иниціатива. — О фехтованіи.—Значеніе коммиссій.—Нѣсколько словъ о тео-ретической подготовкѣ капитановъ въ стрѣлковой школѣ.

Третья дюжина 83

Караульная служба.—Уравненіе людей между ротами.—Панцырная артиллерія.—Объ атестаціяхъ.—Теорія и практика въ службѣ генеральнаго штаба.— О нормѣ наградъ.—По поводу книги г-жи Изъединовой; ея мнѣніе о роли артиллеріи въ войнѣ съ бурами.—Современная беллетристика.—Предложеніе завести понтоны въ конницѣ.—О деньщикахъ. — Вооруженіе винтовками телеграфистовъ.—По поводу анонимной просьбы о сочувствіи офицерской стрѣлковой школѣ.

кихъ, такъ и крупныхъ явленіяхъ. Въ полковомъ хозяйствѣ цѣлая библіотека книгъ и еще слава Богу, что въ походъ онѣ не всѣ берутся; въ областяхъ другого порядка—десятимилліонныя смѣты, вѣроятно составляемыя съ точностью до четверти копѣйки и служащія иногда для того, чтобы, прикарманивъ всего одинъ милліонъ, десять спустить на какую-нибудь бутафорію.

По преданію, Петръ Великій, въ отчаяніи отъ казнокрадства, имѣлъ намѣреніе установить за оное смертную казнь, но воздержался, внявъ докладу, что при такомъ законѣ онъ рисковалъ бы остаться безъ подданныхъ.

Такъ это или нѣтъ, но думаю, что предвзятое, закоренѣлое недовѣріе къ человѣку, конечно, не располагаетъ его къ честности, а въ недовѣряющемъ развиваетъ и укореняетъ враждебность, а не бла-

Оглавленіе II-й книги.

„Наши дѣлишки“ 1902—1905 гг.

1902—1903 г.

Стр.

Первая дюжина 1

О формѣ одежды.—Объ отданіи чести.—Должны-ли сопровождать унтеръ-офицеры увольняемыхъ въ запасъ.—О вооруженіи прислуги въ конной и пѣшей артиллеріи шашками или тесаками.—О знамени артиллеріи. — Усовершенствованіе артиллеріи щитами. — Уставъ полевой службы.—Объ усовершенствованіяхъ.—Конные охотники въ пѣхотѣ.—Отвѣтъ „читателю и поклоннику“. — Изъ дневника Берхгольца. — Можно-ли мѣнять редакцію текста военной присяги.

Вторая дюжина 37

О полевомъ уставѣ.—О полевыхъ мортирахъ.—О щитахъ.—Выѣздъ конной артиллеріи на позиціи.—О самосохраненіи.—Полевой уставъ и чертежъ щита.—О формѣ врачамъ.—Нужна ли солдату иниціатива. — О фехтованіи.—Значеніе коммиссій.—Нѣсколько словъ о тео-ретической подготовкѣ капитановъ въ стрѣлковой школѣ.

Третья дюжина 83

Караульная служба.—Уравненіе людей между ротами.—Панцырная артиллерія.—Объ атестаціяхъ.—Теорія и практика въ службѣ генеральнаго штаба.— О нормѣ наградъ.—По поводу книги г-жи Изъединовой; ея мнѣніе о роли артиллеріи въ войнѣ съ бурами.—Современная беллетристика.—Предложеніе завести понтоны въ конницѣ.—О деньщикахъ. — Вооруженіе винтовками телеграфистовъ.—По поводу анонимной просьбы о сочувствіи офицерской стрѣлковой школѣ.

Стр.

Четвертая дюжина 112

Оскорбленіе офицера.—Эпидемія наскоковъ на представителей власти и на призванныхъ охранять ее и общественный порядокъ.—Отвѣтъ Г. Строевому, какъ поступать офицеру въ случаѣ нападенія.—Причины мирнаго настроенія и что слѣдуетъ предпринимать.—Отвѣтъ Г. А. Андреянову на нѣкоторые артиллерійскіе вопросы.—О современной эпидемической распущенности.—О смотрахъ.—Офицеръ въ печати.

1904 г.

Пятая дюжина 154

Военные врачи. — Продолженіе. — Записка, поданная Шарнгорстомъ герцогу Брауншвейгскому и генералъ-адъютанту прусскаго короля Клейсту въ 1806 году.—Продолженіе.—По поводу Русско-Японской войны.—Ложность слуховъ.—Санитарная замѣтка.—Какъ понимать суть вещей.—Юридическая казуистика.—Военные врачи.—Тоже.

Шестая дюжина 196

Учебный шагъ.—Продолженіе.—Памяти Александра Ѳомича Петрушевскаго.—Жокейство —Расчлененіе японской операціи.—Тоже.—О генералѣ Куроки.—Продолженіе.—Война родитъ легенды.—Въ назиданіе костоправамъ грядущимъ и будущимъ.—Продолженіе.

Седьмая дюжина 248

Способъ сдѣлать армію вѣрной добычей врагу.—Отвѣтъ анониму „Штыкъ семипулъ".—Объ японскихъ усовершенствованіяхъ. — Артурцамъ привѣтъ. — Повѣрка приказаній. — Жокейство. — Анониму. — Передвиженіе японскихъ силъ.—Маневренныя условности и ракурсы.—Необходимость ознакомленія разныхъ родовъ оружія со взаимными ихъ свойствами и обязанностями.—Продолженіе.—Отвѣтъ г. Н. Дмитріеву.—Война и маневры.

Восьмая дюжина 288

Япономанія нашихъ отечественныхъ подхалимовъ.—Г. Полтавскому почитателю.—Веденіе журнала по ме-

Стр.

тоду Локке.—Хитрости японцевъ.—Исполнительность и точность японцевъ.—Жокейство.—Огнепоклонникъ обидѣлся.—а) Тоже—б) Тоже—в)—Тоже.—г) Тоже.—„Пуля дура, штыкъ молодецъ„.—Открытое письмо В Хабалова М. Драгомирову.—Отвѣтъ М. Драгомирова.

1905 г.

Девятая дюжина 340

Разъясненіе на замѣтку А. Н. Р.—Случай довѣрія на войнѣ.—Святочный разсказъ —Война и маневры.—Ты и Вы (Отвѣтъ Родному).—Предостереженіе.—Г. Россіянину въ Лубнахъ.—Свобода печати.—Продолженіе.—Вопросъ облегченія снаряженія солдата.—О панцыряхъ.—Еще по поводу обвиненія генерала Грипенберга въ нарушеніи дисциплины.

Десятая дюжина 376

Штыкъ и пуля (письмо Г. В. Хабалову).—Продолженіе.—Тоже.—Современная печать.—Продолженіе.—Тоже.—„Ты“ или „Вы“.—Благороднѣйшая и плодотворнѣйшая идея.—Отвѣтъ на статью графа Пфейля.—Продолженіе.—Тоже.—Тоже.

Одиннадцатая дюжина. 403

1. Не по коню, такъ по оглоблямъ.—2. О научномъ цензѣ.—3. О генеральномъ штабѣ.—4. О подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба.—5. Военная игра.—6. Жиды, или такъ называемые русскіе Моисеева закона.—7. Равноправность жидовъ.—8. Разные взгляды на воспитаніе и образованіе войскъ.—Вызываетъ ли статья 182 уст. о сл. въ гар. недоразумѣнія и надо ли ее измѣнить?—О стрѣльбѣ.—Продолженіе.—Пренебреженіе къ такъ называемой военной наукѣ

Двѣнадцатая дюжина 452

Поправка къ статьѣ г. В. Верещагина: „Вооруженіе нашей арміи“.—Продолженіе.—Тоже.—Окончаніе.—Фельдфебельскія и вахмистерскія барыни.—„Ты и Вы“.—

Стр.

Вольныя работы.—Воровство.—Солдаты ходятъ оборванцами.—Юридическая казуистика.—О пустопорожнихъ усовершенствованіяхъ, грозящихъ водвориться въ образованіи войскъ, благодаря послѣдней войнѣ.—Военная игра.—Продолженіе.—Окончаніе.—О штатскомъ и военномъ платьѣ.

Тринадцатая дюжина 513

Мнимый признакъ приниженія православной церкви въ Кіевѣ.—Еще о сверхсрочнослужащихъ.—Еще о воровствѣ и мордобойствѣ.—О муштрѣ.—Продолженіе.—Тоже.—Окончаніе.—Еще о пустопорожнихъ новшествахъ, вызываемыхъ послѣднею войною.—Продолженіе. Окончаніе.—Чѣмъ поддерживается и отечго падаетъ дисциплина.—Продолженіе.

Четырнадцатая дюжина 546

Войсковое хозяйство.—Тоже.